

Научно-практический журнал

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

№ 1
2025

ISSN 2079-0295

Автономная некоммерческая организация
**«Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»**

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 1 (61) 2025
Выходит ежеквартально

© Власть Закона, 2025

ISSN 2079-0295

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 4 (60) 2024

Выходит ежеквартально

SALUS POPULI SUPREMA LEX

Благо народа – высший закон (*лат.*)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
ПИ № ФС77-38792 от 8 февраля 2010 г.

**Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по научным специальностям 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4
(юридические науки)
(категория К 2)**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Учредитель и издатель:

Автономная некоммерческая организация

«Научно-исследовательский институт

актуальных проблем современного права»

Сайт издателя: www.niapsp.ru; e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru

Сайт журнала: www.vzlaw.ru; e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru

Адрес издателя и редакции: 350000, г. Краснодар, ул. Гимназическая, 60, к. 49

Подписано в печать 25.03.2025 г. Выход в свет 15.04.2025 г. Формат 70×100 1/16.

Объем 29,22 п. л. Тираж 500 экз. Цена свободная.

При использовании материалов данного печатного издания
обязательна ссылка на источник публикации.

Мнения, высказанные в публикациях, размещенных в данном печатном издании,
являются субъективными позициями авторов относительно рассматриваемых ими
вопросов, за которые редакция журнала ответственности не несет.

© Власть Закона, 2025

Главный редактор

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Заместитель главного редактора

Руденко Евгения Юрьевна, к. ю. н., доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Редакционный совет

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Белых Владимир Сергеевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», заслуженный деятель науки РФ.

Букалорова Людмила Александровна, д. ю. н., профессор, проректор НОУ ОВО «Российская академия адвокатуры и нотариата», профессор Государственного университета управления.

Губин Евгений Парфирьевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. Ю. Ломоносова», заслуженный юрист РФ.

Диденко Анатолий Григорьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры частноправовых дисциплин Каспийского общественного университета (Казахстан).

Зайцев Олег Александрович, д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник Центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, вице-президент Союза криминалистов и криминологов

Кузнецова Ольга Анатольевна, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Стус Нина Владимировна, д. ю. н., профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

Филиппов Петр Мартынович, д. ю. н., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»

Малько Александр Васильевич, д. ю. н., профессор, директор Саратовского филиала ФГБУН «Институт государства и права РАН», заслуженный деятель науки РФ.

Муртазакулов Джамшед Саидалиевич, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права Таджикского национального университета (Таджикистан).

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой коммерческого права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», заслуженный деятель науки РФ.

Турдуковский Ярослав Владимирович, доктор права, профессор Института гражданского права, руководитель Центра исследований права Восточной Европы и Центральной Азии факультета Права и управления Варшавского университета (г. Варшава, Польша).

Цыбуленко Зиновий Иванович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Редакционная коллегия

Анисимов Алексей Павлович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет».

Барков Алексей Владимирович, д. ю. н., профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Долинская Владимира Владимировна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина» (МГЮА).

Емелькина Ирина Александровна, д. ю. н., профессор факультета права Департамента дисциплин частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Ильин Игорь Вячеславович, д. ю. н., доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России»

Иншакова Агнесса Олеговна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», Почетный работник сферы образования РФ.

Курманалиева Асель Абылкановна, к. ю. н., директор Центра нормотворчества и верховенства права при Министерстве юстиции Кыргызской Республики

Мазаев Владимир Дмитриевич, д. ю. н., профессор, заместитель заведующего базовой кафедры межатрасевого регулирования факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Меретуков Гайса Мосович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой криминалистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования России, Заслуженный деятель науки Кубани, Заслуженный юрист Республики Адыгея.

Молчанов Александр Александрович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД РФ».

- Морозов Сергей Юрьевич**, д. ю. н., профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», заслуженный юрист Российской Федерации.
- Рузанова Валентина Дмитриевна**, к. ю. н., доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.
- Савченко Марина Станиславовна**, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой государственного и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».
- Серова Ольга Александровна**, д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.
- Тужилова-Орданская Елена Марковна**, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заслуженный юрист Республики Башкортостан.
- Харитонова Юлия Сергеевна**, д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», руководитель НОЦ «Центр правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики».
- Чеговадзе Людмила Алексеевна**, д. ю. н., профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. Кикотя»

Editor-in-Chief

Vladimir Pavlovich Kamyshansky, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Director of the ANO "Research Institute of Current Problems of Modern Law", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honoured Scientist of Kuban.

Deputy editor-in-chief

Rudenko Evgenia Yurievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin".

Editorial board

Rasskazov Leonid Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honored Scientist of the RF, Honored Scientist of Kuban.

Belykh Vladimir Sergeevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at the Ural State University of Law, Honoured Scientist of the Russian Federation.

Bukalerova Ludmila Alexandrovna, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector of non-profit educational institution organization of higher education "Russian Academy of Advocacy and Notaries", Professor at the State University of Management.

Gubin Evgeny Parfiryevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at Moscow State University named after M.Y. Lomonosov. Professor, Head of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University, Honoured Lawyer of the Russian Federation.

Didenko Anatoly Grigorievich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Private Law Department at the Caspian Public University (Kazakhstan).

Zaitsev Oleg Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice of the Federal State Research Institution "Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation", Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice President of the Union of Criminalists and Criminologists

Kuznetsova Olga Anatolievna, Professor of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Process FGBOU IN «Perm State National Research University"

Stus Nina Vladimirovna, Doctor of Law, Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice".

Philippov Pyotr Martynovich, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law Disciplines at the FGKOU HE Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

- Malko Alexander Vasilievich**, Doctor of Law, Professor, Director of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation.
- Murtazakulov Jamshed Saidalievich**, Doctor of Law, Professor of the Civil Law Department of the Tajik National University (Tajikistan).
- Popondopulo Vladimir Fedorovich**, Doctor of Law, Professor, Head of the Commercial Law Department of the Saint Petersburg State University, Honoured Science Worker of the Russian Federation.
- Turlukovsky Yaroslav Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor at the Institute of Civil Law, Head of the Center for Law Studies in Eastern Europe and Central Asia, Faculty of Law and Government, University of Warsaw (Warsaw, Poland).
- Tsybulenko Zinoviy Ivanovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil and Family Law of Saratov State Law Academy, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Editorial board

- Anisimov Alexei Pavlovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of the Civil and International Private Law at the Institute of Law Volgograd State University.
- Barkov Alexey Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
- Dolinskaya Vladimira Vladimirovna**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University.
- Emelkina Irina Aleksandrovna**, Doctor of Law, Professor of the Law Department of the Private Law Disciplines of the National Research University Higher School of Economics.
- Ilyin Igor Vyacheslavovich**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the FGKOU HE Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia"
- Inshakova Agnesa Olegovna**, Doctor of Law, Professor, Head of Department of the Civil and International Private Law at the Institute of Law, Volgograd State University, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.
- Kurmanalieva Asel Abylkanovna**, Candidate of Juridical Sciences, Director of the Center for Rule-Making and Rule of Law under the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic.
- Mazaev Vladimir Dmitrievich**, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Basic Department of Intersectoral Regulation, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics.
- Meretukov Gaisa Mosovich**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminalistics, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Honorary Worker of Higher professional Education of Russia, Honored Scientist of Kuban, Honored Lawyer of the Republic of Adygea.
- Molchanov Alexander Alexandrovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure at the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".
- Morozov Sergey Yurievich**, Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law and Procedure of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education

"Ulyanovsk State University", Honorary Professor of Zhengzhou University (PRC), Honored Lawyer of the Ulyanovsk Region.

Ruzanova Valentina Dmitrievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Business Law at Samara National Research University named after Academic S. P. Korolev, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Savchenko Marina Stanislavovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and International Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.

Serova Olga Alexandrovna, Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector for Academic Affairs, Pskov State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa University of Science and Technology", Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan.

Haritonova Yulia Sergeevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Pre-Business Law Department at the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Head of the REC "Center for Legal Research of Artificial Intelligence and Digital Economy".

Chegovadze Lyudmila Alekseevna, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, FGKOU HE "Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after Kikotya"

Содержание

Колонка главного редактора

<i>Камышанский В.П. О степени востребованности цивилистической методологии профессора Е.В. Васьковского</i>	<i>16</i>

Актуальные проблемы современного права

<i>Камышанский В.П. О плагиате, самоплагиате и защите авторских прав на произведение науки</i>	<i>25</i>
<i>Андреев Ю.Н. О соотношении гражданско-правовых понятий, терминов и категорий.....</i>	<i>42</i>
<i>Булатов Р.Б. Становление и развитие правозащитной функции общественных объединений в России</i>	<i>58</i>
<i>Витушко В.А. О многофункциональности правовых институтов.....</i>	<i>72</i>
<i>Зайцев В.В. Механизм правового регулирования оборота цифровых активов.....</i>	<i>89</i>
<i>Параскезова С.А., Багнюк Д.В. Некоторые проблемы правового регулирования донорства костного мозга и гемопозитических стволовых клеток в Российской Федерации.....</i>	<i>104</i>
<i>Апольский Е.А. Метатеоретический подход к исследованию теоретических основ государственного права России XIX – начала XX века.....</i>	<i>118</i>
<i>Демин А.А. О юридических конструкциях в гражданском законодательстве.....</i>	<i>131</i>
<i>Маликова М.Г., Шубина О.А. Пробелы в законодательстве о побоях как фактор насилия в эпоху цифрового общества</i>	<i>139</i>
<i>Емелина Л.А., Яворский С.А. Суд присяжных и его роль в укреплении семейно-правового равноправия супругов</i>	<i>155</i>
<i>Зарубин А.В. Способы решения проблем отношений совместной собственности на основе концепции правовых общностей.....</i>	<i>172</i>

Илюшников Д.С. Деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства: тенденции развития и способы разрешения споров.....	184
Попова Л.И., Лейбинен Н.А. Некоторые аспекты гражданско-правовой охраны частной жизни в условиях цифровизации общества.....	205
Степанов В. Д. Компенсация морального вреда как способ защиты нарушенных прав.....	216

Наука и практика стран СНГ

Менглиева Н.А. Дискуссионные подходы к определению брачной дееспособности в Таджикистане и за рубежом.....	226

Трибуна молодого ученого

Амирханов А.М. Цифровая валюта как объект гражданского оборота	241
Бекишиев В.А. Искусственный интеллект и авторское право: зарубежный опыт и перспективы развития.....	254
Булатов Т.Р. Правозащитные организации как основной элемент функционирования институтов гражданского общества в России	267
Вилисова И.Б. Ответственность за незаконное использование персональных данных физических лиц.....	276
Дорофеева А.С. Пределы государственно-частного партнерства и защита прав субъектов малого предпринимательства.....	291
Иванюта П.П. Специальные правовые режимы как формы мобилизационной экономики.....	301
Кортяев В.Е. Древняя Тмутаракань в советской историко-правовой историографии (1917–1991).....	308
Леканова Е.Е. Семейно-правовые меры защиты государством детства, материнства, отцовства и семьи.....	319
Мартовская В.А. Обеспечение защиты интересов правообладателей земельных участков при	

установлении публичного сервитута в отношении линейных объектов.....	339
Мосъпан А.И. Проблемы правоприменительной практики привлечения к уголовной ответственности за нарушение требований сохранения или использования памятников истории и культуры .	351
Седов П.Д. Возмещение убытков как способ защиты гражданских прав правообладателей географических указаний	362
Федорова П.А. О принципе недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела: межотраслевой аспект.....	371
Хавзиев А.А. Обеспечение исполнения судебных решений в пользу потребителей	383
Халилов Р.М. Право граждан на проведение публичных мероприятий: понятие и сущность	395

Contents

Column of the chief editor

<i>Kamyshansky V. P On the degree of demand for the civilistic methodology of professor E. V. Vaskovsky.....</i>	<i>16</i>

Actual problems of modern law

<i>Kamyshansky V.P. About plagiarism, self-plagiarism and copyright protection of a work of science</i>	<i>25</i>
<i>Andreev Yu.N. On the correlation of civil law concepts, terms and categories.....</i>	<i>42</i>
<i>Bulatov R.B. The formation and development of the protective function of public associations in Russia.....</i>	<i>58</i>
<i>Vitushko V.A. About the multifunctionality of legal institutions</i>	<i>72</i>
<i>Zaytsev V.V. The mechanism of legal regulation of the transaction of digital assets</i>	<i>89</i>
<i>Paraskevova S.A., Bagnyuk D.V. Some problems of legal regulation of bone marrow and haematopoietic stem cell donation in the Russian Federation.....</i>	<i>104</i>
<i>Apolskiy E.A. The meta-theoretical approach to the study of the theoretical foundations of state law in Russia in the XIX-early XX century.....</i>	<i>118</i>
<i>Demin A.A. About the legal constructions in civil law.....</i>	<i>131</i>
<i>Malikova M.G., Shubina O.A. Gaps in battering laws as a factor of violence in the digital age</i>	<i>139</i>
<i>Emelina L.A., Yavorskiy S.A. The jury trial and its role in strengthening family law equality between spouses ...</i>	<i>155</i>
<i>Zarubin A.V. The ways of solving problems of joint ownership relations on the basis of the concept of legal communities</i>	<i>172</i>
<i>Ilyushnikov D.S. The activities of smes: trends in development and ways of dispute resolution</i>	<i>184</i>
<i>Popova L.I., Leibinen N.A. Some aspects of civil law protection of privacy in the context of digitalisation of society</i>	<i>205</i>
<i>Stepanov D.V. The compensation of moral harm as a way to protect violated rights</i>	<i>216</i>

Science and practice of the CIS countries

<i>Menglieva N.A. Discussion approaches to the definition of marital capacity in Tajikistan and abroad.....</i>	<i>226</i>

Tribune of a young scientist

<i>Amirkhanov A.M. The digital currency as an object of civil turnover.....</i>	<i>241</i>
<i>Bekishiyev V.A. The artificial intelligence and copyright: foreign experience and development prospects</i>	<i>254</i>
<i>Bulatov T.R. The human rights organisations as a key element in the functioning of civil society institutions in Russia.....</i>	<i>267</i>
<i>Vilisova I.B. The liability for unlawful use of personal data of natural persons</i>	<i>276</i>
<i>Dorofeeva A.S. The limits of public-private partnership and protection of the rights of small businesses</i>	<i>291</i>
<i>Ivanyuta P.P. The special legal regimes as a form of mobilisation economy.....</i>	<i>301</i>
<i>Kortyaev V.E. The ancient Tmutarakan in soviet legal historiography (1917-1991).....</i>	<i>308</i>
<i>Lekanova E.E. The family law measures for the protection by the state of childhood, maternity, paternity and the family</i>	<i>319</i>
<i>Martovskaya V.A. Ensuring the protection of interests of land plot owners when establishing public easements in relation to linear facilities</i>	<i>339</i>
<i>Mospan A.I. The problems of law enforcement practice of preventing criminal liability for violation of the requirements of preservation of the use of historical and cultural monuments.....</i>	<i>351</i>
<i>Sedov P.D. The compensation of losses as a way to protect the civil rights of geographical indications right holders</i>	<i>362</i>
<i>Fedorova P.A. The principle of inadmissibility of arbitrary interference in private affairs: an intersectoral aspect.....</i>	<i>371</i>
<i>Khavziev A.A. The enforcement of court judgements in favour of consumers</i>	<i>383</i>

<i>Khalilov R.M. The right of citizens to hold public events: concept and essence</i>	<i>395</i>

Колонка главного редактора

В. П. Камышанский

заведующий кафедрой гражданского
права Кубанского государственного аграрного
университета имени И. Т. Трубилина,
директор Научно-исследовательского
института актуальных проблем современного права,
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Краснодар
vpkam@rambler.ru

**О СТЕПЕНИ ВОСТРЕБОВАННОСТИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ
МЕТОДОЛОГИИ ПРОФЕССОРА Е. В. ВАСЬКОВСКОГО**

**ON THE DEGREE OF DEMAND FOR THE CIVILISTIC
METHODOLOGY OF PROFESSOR E. V. VASKOVSKY**

В 1901 г. Евгений Владимирович Васьковский в Казанском университете защитил докторскую диссертацию «Учение о толковании и применении гражданских законов» (первая часть его «Цивилистической методологии»). С тех пор прошло 124 года. Однако эта научная работа по-прежнему остается, по мнению специалистов, лучшей работой в сфере теории и практики толкования законодательных норм.

Следует признать, что теоретическое наследие профессора Васьковского не предано забвению. В 2001 г., спустя 100 лет, его

работа (Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 507 с.) впервые переиздана. Это вершина творчества ученого. Его научный труд цитируют многие исследователи, юристы, аспиранты и магистранты. 29 февраля 2016 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (РФ) прошла Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы толкования права», посвященная 150-летию со дня рождения профессора Е. В. Васьковского.

Академик Российской академии наук (РАН) Т. Я. Хабриева, выступая на конференции, обратила внимание на значимость научных трудов профессора Е. В. Васьковского. Среди них она выделила одну из его первых книг под названием «Цивилистическая методология» (1901), а также увидевшее свет в 1914 г. «Руководство к толкованию и применению законов (для начинающих юристов)», которое неоднократно переиздано. По ее мнению, данные факты подтверждают заметный вклад Е. В. Васьковского в разработку классического учения о толковании права и значение его постулатов в настоящее время. Сделан акцент и на том обстоятельстве, что имя профессора Е. В. Васьковского связано с развитием учения о толковании права в Казанском университете.

В конференции приняли участие ученые-юристы московских вузов, судьи высших судов РФ, адвокаты, представители ведущих высших учебных заведений, научных центров РФ и ряда зарубежных стран. С главными докладами выступили ученые-теоретики, доктора юридических наук, профессора А. В. Корнев и В. В. Лазарев.

Профессор А. В. Корнев в своем докладе «Толкование права в контексте различных типов правопонимания» сделал вывод о том, что, несмотря на появление новых правовых школ и типов права, таких как коммуникативные, интегративные, интерактивные и другие, подход к толкованию права не изменился с конца XIX – начала XX в. Г. Кузнецов пишет: «Имеются определения того, что такое толкование, но до сих пор до конца не определено, что такое право»¹.

¹ Кузнецов Г. Толкование права: вчера: сегодня, завтра // Новая адвокатская газета. 2016. 1–15 марта. URL:

Профессор В. В. Лазарев в докладе «Толкование права: классика, модерн и постмодерн» предложил толкование рассматривать как научное познание, которое может быть разноуровневым. Наряду с другими вопросами профессор упомянул о проблеме поиска истины, обратив внимание на то, что толкование права является научной деятельностью и нужно признать, что она подвержена всему, что свойственно науке в тот или иной период ее развития. Так, классическая наука заботилась о поиске объективной истины; модерн всякую истину считает относительной, а толкование – искусством; постмодерн отрицает достижение истины¹.

В своем выступлении В. В. Лазарев указал на необходимость развития новых научных дисциплин в толковании права в контексте современной информационной среды. Дополним, что в магистратуре Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина в течение нескольких последних лет читается курс «Проблемы толкования гражданско-правовых актов», который был бы полезным и для бакалавриата.

Наиболее полно заявленной тематике конференции соответствовало выступление судьи Конституционного Суда РФ в отставке доктора юридических наук, профессора Г. А. Гаджиева. Свой доклад на тему «Современная цивилистическая методология в России» он построил так, словно рассказывал профессору Васьковскому о том, как изменилась юриспруденция с момента его смерти. Г. А. Гаджиев сообщил об огромном вкладе профессора Васьковского в российскую юридическую науку, особенно в догматическую методологию толкования права, а также о том, каким образом этот вклад способствует дальнейшему развитию цивилистической методологии. По его мнению, самым важным нововведением стало появление такого научного направления, как правозкономика (law economics)².

<http://old.advgazeta.ru/arch/214/1832?ysclid=m8fnbyfodz498776670> (дата обращения: 20.02.2025).

¹ Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы толкования права» (посвященная 150-летию со дня рождения профессора Евгения Владимировича Васьковского) // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. 2016. 29 февраля. URL: <https://izak.ru/conferences/godovoe-sobranie-teoretikov-prava/mezhdunarodnaya-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-sovremennye-problemy-tolkovaniya-prava-2016/?ysclid=m8fls1iafi410333524> (дата обращения: 20.02.2025).

² Кузнецов Г. Указ. соч.

Инициатором проведения конференции, посвященной 150-летию со дня рождения профессора Е. В. Васьковского, выступили не ученые-цивилисты, а теоретик права В. В. Лазарев. И это неслучайно. К сожалению, теоретический задел профессора Васьковского на протяжении последних 125 лет не получил значительного развития в науке гражданского права. Разработанная юбиляром цивилистическая методология остается невостребованной в полной мере современной юридической наукой и практикой. Единственным исследователем, последовательно развивающим учение о толковании и применении гражданских законов Е. В. Васьковского, посвятившим этому не один десяток лет, является известный на Украине профессор Севастопольского государственного университета, доктор юридических наук, профессор В. Г. Ротань¹.

Более того, следует признать, что при подготовке юристов высшей квалификации мы, к сожалению, не даем в должном объеме знаний и практических навыков будущим юристам по методике и способам толкования норм действующего гражданского законодательства в процессе их применения. Проблемы толкования по-прежнему остаются в большей степени уделом изысканий представителей теоретической науки.

В результате в российском юридическом сообществе, в том числе и в науке гражданского права, сформировался устойчивый запрос на попытку всё урегулировать писаными нормами через принятие новых федеральных законов по случаю и без всякого случая. Любая диссертация в качестве практической значимости

¹Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография. Симферополь, 2019. 782 с.; Ротань В. Г. О перспективах разработки, изучения и внедрения в судебную практику учения о толковании актов законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 3. С. 205–212; Ротань В. Г. Способы закрепления норм гражданского права в актах законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67). № 2. С. 141–148; Ротань В. Г. Учение о толковании правовых актов в системе профессиональной подготовки юристов // Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности: сб. ст. участников IV ежегодной Междунар. науч.-практ. конф. памяти заслуженного юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. Н. М. Коршунова (Москва, 5 июня 2015 г.) / отв. ред. Ю. С. Харитонов. М.: Московская академия экономики и права, 2015. С. 807–814.

ее результатов содержит предложения соискателя об изменении и дополнении норм в действующее законодательство. Объем законодательных актов, принимаемых Государственной думой РФ, зашкаливает. За последние три года Государственной думой РФ принято 1 911 федеральных законов. При этом депутатский корпус ежегодно оценивает свой непомерный труд как плодотворный, очень важный и нужный нашему обществу.

Сегодня толкование закона у правоприменителей сводится в лучшем случае к уяснению буквального значения законодательной нормы. В качестве вершины законотворчества и несбыточной мечты любого современного российского судьи пока выступает мечта о законах, в которых были бы прописаны правила на все случаи жизни. Однако нельзя забывать о том, что при разрешении споров суд должен руководствоваться не только буквой, но и духом закона, принципами добросовестности, разумности и справедливости, учитывать социальный контекст действующего законодательства.

Немецкий ученый Р. ф. Иеринг в 1875 г. в известной работе «Дух римского права» обратил внимание на то, что *правовые положения представляют собой только самые внешние, практические верхушки права, не исчерпывающие ни количественно ни качественно его действительного содержания*. Не следует отождествлять права с правовыми положениями. В правовых положениях содержится не право, а осознание своего права. Поскольку правовые положения – это только часть права, необходимо «выводить на свет Божий скрытые правовые положения»¹. По мнению ученого, *«количественное богатство правовых положений есть признак слабости»*. Оно свидетельствует о бессилии относительно того, чтобы «извлечь из множества правовых положений логическую квинтэссенцию и принять ее в плоть и кровь». Профессор Иеринг оценивал понимание норм права в повелительной форме как *невежество*².

В докторской диссертации Е. В. Васьяковский, русский цивилист дореволюционного периода, писал о том, что толкование норм «должно обнаруживать еще и скрытое их

¹ Иеринг Р. ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 54.

² Там же. С. 59.

содержание»¹. Он утверждал, что «из норм также могут быть добываемы по правилам логики суждения, столь же достоверные и обязательные, как и сами нормы»². Цель логического развития норм состоит в том, чтобы получить новые нормы, которые представляют собой такие же достоверные суждения, как и нормы, которые послужили им основанием³. Выявление и применение логических норм в процессе правоприменения позволит существенно сократить потребность в принятии новых законодательных актов.

Выявлять наличие логических норм в законодательных актах возможно с использованием следующих приемов:

- путем заключения по аналогии;
- при помощи вывода *a contrario* (в переводе с лат. «аргумент от противного»);
- при помощи вывода умозаключения степени *a fortiori* (в переводе с лат. «тем более», «аргумент, вывод степени»);
- путем определения преимущества одной нормы перед другой при их применении, разрешения конкуренции между нормами;
- путем заключения от условий (причин) к следствию и обратно⁴.

Извлечение логически закрепленных норм из правовых положений и их трансформация в определенную систему по своей сути не являются результатом произвольного субъективного усмотрения, не предполагают грамматической переработки действующих норм и правил. Это осуществляется в границах существующего нормативного материала и позволяет регулировать общественные отношения посредством извлечения из них не закрепленных прямо, а выявленных, воспроизведенных и приведенных логическим путем к юридической форме понятия или правила поведения применительно к определенным правовым институтам.

Нуждаются в решении проблемы выявления содержания взаимных связей между логически закрепленными нормами, а также между логически закрепленными нормами и текстуально

¹ Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 88–89.

² Там же. С. 281.

³ Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 283.

⁴ Там же. С. 302–305.

закрепленными нормами в гражданско-правовых нормативных актах. Это позволит придать законность, обоснованность и такой правовой категории, как «судебное усмотрение», при разрешении споров в суде¹.

Е. В. Васьковский создал теоретические основы учения о правотолковании. В нем наибольшую ценность представляют главы, в которых рассмотрены *словесное толкование, реальное толкование и логическое толкование*. Положения учения Е. В. Васьковского не теряют актуальности и в настоящее время.

Особую научную значимость в его работе имеют положения, посвященные логическим приемам, позволяющим обнаружить правовые нормы, текстуально не закрепленные в положениях законодательства, но их можно выявить путем логического развития текстуально выраженных норм. Поиск внутреннего смысла не является присвоением законодательной власти, а наоборот, составляет прямую задачу судебного толкования, поскольку, принимая решение, судьи обязаны руководствоваться *действительной волей законодателя*².

Потребности законотворческой деятельности и правоприменительной практики требуют от ученых и юристов-практиков системного освоения методов толкования гражданско-правовых актов. Это позволит существенно сократить объем принимаемых законодательных актов за счет выявления и заполнения так называемых пробелов в законодательстве логически установленными нормами. Логические нормы незримо присутствуют в текстах гражданского законодательства, но, к сожалению, зачастую остаются незамеченными правоприменителями при разрешении споров в суде. Вместо этого иницируется принятие нового закона.

Профессор С. И. Аскназий, исследуя общие вопросы методологии гражданского права, полагал, что рекомендуемая Е. В. Васьковским и Р. ф. Иерингом «догматическая переработка» правового материала позволяет соответствующие правовые качества получать «из самих себя»³. В связи с этим, как нам представляется, практическая значимость любой научной работы

¹ Камышанский В. П. О праве цивилистической методологии на самоопределение // Власть Закона. 2024. № 2. С. 41.

² Васьковский Е. В. Указ. соч. С. 138–139.

³ Аскназий С. И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М.: Статут, 2008. С. 126–127.

существенно возрастет, если ее авторы будут предлагать не принятие новых нормативных актов, а извлекать из уже имеющегося в действующем законодательстве логические нормы, рекомендовать их применение в деятельности судов и иных правоприменительных органов.

В. П. Камышанский,
*главный редактор журнала «Власть Закона»,
директор НИИ АПСП,
заведующий кафедрой гражданского права
КубГАУ им. И. Т. Трубилина,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ,
заслуженный деятель науки Кубани*

Раздел

Актуальные проблемы современного права

В. П. Камышанский

заведующий кафедрой гражданского
права Кубанского государственного аграрного
университета имени И. Т. Трубилина,
директор Научно-исследовательского
института актуальных проблем современного права,
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Краснодар
vpkam@rambler.ru

О ПЛАГИАТЕ, САМОПЛАГИАТЕ И ЗАЩИТЕ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЕ НАУКИ

ABOUT PLAGIARISM, SELF-PLAGIARISM AND COPYRIGHT PROTECTION OF A WORK OF SCIENCE

В статье рассмотрены понятие и сущность плагиата и самоплагиата, а также особенности защиты авторских прав на произведения науки. Исследованы нормативные акты, регламентирующие порядок лишения ученых степеней на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации. Аргументирован вывод о том, что применение такой меры публично-правовой ответственности, как лишение ученой степени, ввиду особой социальной значимости должно быть

основано исключительно на законе, а не на подзаконных, в том числе ведомственных, нормативных актах. В этом случае ответчик не должен быть лишен конституционного права на судебную защиту. Признание факта плагиата возможно только в судебном порядке. Факт нарушения авторских прав на результаты научной деятельности, воспроизведенные в научных произведениях, в том числе диссертационных исследованиях, может быть установлен только судебным решением.

Ключевые слова: произведение науки как объект авторского права, плагиат, самоплагиат, защита авторских прав, ограничение права, диссертация, ученая степень, лишение ученой степени, исключительное право автора.

The article considers the concept and essence of plagiarism and self-plagiarism, as well as the peculiarities of copyright protection for works of science. The normative acts regulating the procedure of deprivation of academic degrees for their compliance with the Constitution of the Russian Federation are investigated. Argued the conclusion that the application of such a measure of public-law responsibility as deprivation of academic degrees, due to the special social significance should be based solely on the law, and not on subordinate, including departmental, normative acts. In this case, the defendant should not be deprived of the constitutional right to judicial defence. Recognition of the fact of plagiarism is possible only in court. The fact of infringement of copyright on the results of scientific activity reproduced in scientific works, including dissertation research, can be established only by a court decision.

Keywords: work of science as an object of copyright, plagiarism, self-plagiarism, copyright protection, limitation of the right, dissertation, academic degree, deprivation of academic degree, exclusive right of the author.

Следует признать, что в последние, как минимум, десять лет в Российской Федерации (РФ) многое сделано для того, чтобы отечественная наука укрепила свой авторитет, а результаты деятельности ученых несли в себе позитивное содержание, направленное на решение актуальных проблем в современном обществе. Особое внимание стали уделять тому, чтобы при написании докторских и кандидатских диссертаций, выпускных научно-квалификационных и выпускных квалификационных работ, монографий и учебников, учебных

пособий и курсовых работ были исключены факты некорректного заимствования, или плагиат.

Вместе с тем складывается порой впечатление, что борьба с плагиатом и некорректным цитированием в научных произведениях становится у некоторых «борцов» самоцелью, не имеющей ничего общего с целью повышения авторитета российской науки и ее престижа в России и за пределами нашей страны. Устойчивой остается тенденция сокращения количественного и качественного состава научных исследователей¹. Одной из мишеней в этой борьбе стали уже защищенные и утвержденные много лет назад кандидатские и докторские диссертации. Оставим вне нашего внимания диссертации, в которых основные научные результаты, вынесенные на защиту, не отличаются оригинальностью и заимствованы из научных трудов предшественников. Лишение ученых степеней в этих случаях видится справедливым и обоснованным. Такие решения будут только способствовать повышению авторитета настоящих ученых, которые всегда много делали и продолжают делать для процветания нашего Отечества.

Нельзя не учитывать то, что лишение ученой степени кандидата или доктора наук не ограничивается печалью и грустью соискателя ученой степени, избравшего для себя вместо тернистых и каменистых троп к вершинам науки широкую, но скользкую столбовую дорогу. Негативные последствия такого лишения имеют отношение к научной репутации широкого круга докторов наук и профессоров.

Согласно п. 77 Положения «О порядке присуждения ученых степеней», утвержденном постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (далее – Положение № 842), после вынесения решения Министерства науки и высшего образования РФ (далее – Минобрнауки России) о лишении ученой степени в течение десяти дней на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии (ВАК) размещают информацию о научных руководителях (научных консультантах) лица, в отношении которого принято данное решение, членах комиссии диссертационного совета, подписавших заключение о приеме диссертации указанного лица к защите, председателе этого диссертационного совета, оппонентах, которые дали отзыв на эту

¹ Камышанский В. П. Российская наука сегодня: очередные новации Минобрнауки России и взгляд изнутри // Власть Закона. 2021. № 2. С. 14.

диссертацию, лице, утвердившем заключение организации, в которой подготовлена такая диссертация, лице, утвердившем отзыв ведущей организации на диссертацию, а также о ведущей организации, подготовившей этот отзыв. Таким образом, в круг лиц, «уличенных», как минимум, в непрофессионализме и представленных после лишения ученой степени кандидата наук попадают для публичного обозрения девять докторов наук, в том числе два ректора, и ведущая организация, которая по определению должна быть известной своими научными результатами применительно к теме диссертации.

Можно вспомнить и о трех докторов наук из числа членов комиссии, назначенных из членов экспертного совета ВАК Минобрнауки России, которые также имели непосредственное отношение к выдаче ответчику диплома кандидата или доктора наук в связи с тем, что ранее подготовили положительное заключение по диссертации ответчика на заседание экспертного совета ВАК. Этим докторам наук повезло больше, в отличие от ректоров-подписантов и иных «провинившихся», поскольку они не оказались в так называемом черном списке неблагонадежных ученых, перечисленных в п. 77 Положения № 842.

Более того, научный руководитель (научный консультант), согласно приказу Минобрнауки России от 13 января 2014 г. № 7 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», после вынесения решения о лишении ученой степени его ученика фактически поражен в правах. Это выражено в том, что в течение пяти лет он не может быть членом диссертационного совета. Предполагается, что если он состоял в том или ином диссертационном совете, то лишение ученой степени его ученика, помимо прочего, может привести не только к прекращению его членства в диссертационном совете, но и прекращению деятельности последнего, если численность диссертационного совета после прекращения его членства станет менее 11 членов.

По существу, речь идет об ограничениях гражданских прав, установленных не законом, а постановлением Правительства РФ и приказом Минобрнауки России. Тем самым ограничено право ученого в течение пяти лет принимать участие в осуществлении государственной функции подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров. Между тем, согласно п. 3 ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут

быть ограничены только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Признание факта плагиата порождает публичное правоотношение между Минобрнауки России и целым рядом ученых, задействованных на различных этапах подготовки и защиты диссертации. Публично-правовые отношения связаны с лишением ученой степени по основаниям, предусмотренным пунктами 9 и 10 Положения № 842, а частноправовые – с доказанными фактами плагиата (некорректного заимствования) и наличием причиненного автору ущерба.

При нарушении авторских прав на произведение науки возникают основания для публично-правовой и частноправовой ответственности. Установление факта нарушения прав автора затрагивает публичные и частные интересы, может привести к ограничению прав и законных интересов. Как нам представляется, публично-правовая (административная) ответственность предполагает в качестве основания закон, а не подзаконный нормативный акт, и гарантированное законом конституционное право на судебную защиту ответчика. Никто не может нести административную ответственность в отсутствие его вины за совершение конкретного административного правонарушения. Согласно ст. 1.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) лицо подлежит административной ответственности только за правонарушения, в отношении которых установлена его вина.

Полагаем, срок давности административной ответственности не может превышать минимального срока давности привлечения к уголовной ответственности (двух лет). Привлечение к административной ответственности предполагает соблюдение принципа законности, позволяющего исключить административную ответственность, не основанную на законе, а также недопустимость применения аналогии норм закона, устанавливающих административную ответственность, и соблюдение принципа соразмерности (ч. 2 п. 2.4.4.1. Концепции

нового КоАП РФ)¹. В КоАП РФ прямо не предусмотрена такая мера ответственности, как лишение ученой степени за нарушение авторского права в форме плагиата. Возможна только гражданско-правовая ответственность, если факт некорректного заимствования и наличия полного состава гражданско-правового охранительного правоотношения будет доказан в судебном порядке.

В п. 2.1.4 Концепции нового Кодекса РФ об административных правонарушениях авторы предлагают предусмотреть полномочия Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти по изданию нормативных правовых актов в сфере административной ответственности, установив закрытый перечень вопросов, по которым могут быть изданы такие акты, и предъявляемые к этим актам обязательные требования. Указанными нормативными правовыми актами не может быть установлена административная ответственность².

Приказ Минобрнауки России о лишении ученой степени представляет собой административный акт, меру юридической (административной) ответственности, санкцию по отношению к автору диссертации. Административным правонарушением признано противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ установлена административная ответственность (ст. 2.1). Однако в главе 5 «Административные правонарушения, посягающие на права граждан» КоАП РФ нет ни одного состава, предусматривающего ответственность за плагиат или некорректное заимствование, влекущие в качестве санкции лишение ученой степени. Более того, даже Уголовным кодексом (УК) РФ (ст. 146) в случае присвоения авторства (плагиат) при условии, что это деяние причинило крупный ущерб автору или иному правообладателю, в качестве наказания предусмотрены только штраф, исправительные работы либо арест, но не лишение ученой степени.

Лишение ученой степени существенно влияет на правосубъектность автора диссертации, что становится особенно очевидным, если он работает, к примеру, в должности доцента в

¹Концепция нового Кодекса РФ об административных правонарушениях // Правительство России: офиц. сайт. 2019. 10 июня. URL: <http://government.ru/news/36971/> (дата обращения: 15.02.2025).

² Там же.

образовательном учреждении высшего образования, обучает магистрантов и аспирантов. После лишения ученой степени он уже не будет соответствовать квалификационным требованиям, предъявляемым к доцентам. Это означает, что с ним работодатель должен изменить условия трудового договора, перевести на должность преподавателя, снизить размер заработной платы. Кроме того, лишить права читать лекции, руководить подготовкой выпускных научно-квалификационных работ, участвовать в работе Государственной экзаменационной комиссии и др., ограничив его учебную нагрузку проведением семинарских занятий и проверкой контрольных работ. Применение такой меры публично-правовой ответственности при установлении факта плагиата ввиду особой социальной значимости должно быть основано исключительно на законе, а не на подзаконных, в том числе ведомственных, нормативных актах. В этом случае ответчик не должен быть лишен конституционного права на судебную защиту.

Уместно сделать акцент на том, что при нормативном закреплении мер ответственности следует соблюдать общеправовой принцип соразмерности (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), который во взаимосвязи со ст. 8, 17, 34, 35 Конституции РФ применительно к авторскому праву допускает возможность ограничения гражданских прав, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости и являются соразмерными конституционно значимым целям¹. Авторские права должны быть защищены способами, предусмотренными Гражданским кодексом (ГК) РФ, с учетом «существа нарушенного материального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения» (п. 2 ст. 150 ГК РФ).

В связи с этим очень важным является определение объекта охраны в охранительном творческом научном правоотношении при нарушении авторского права на произведение науки, содержащее результаты интеллектуальной деятельности. Таким объектом охраны могут служить только новые научные знания, обладающие новизной, теоретической и практической значимостью, полученные автором в результате творческого труда. Часть текста научного произведения (диссертации,

¹ Подробнее об этом см.: Гаджиев Г. А. Конституционные основы юридической ответственности и конституционно-правовая ответственность // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 12.

научной статьи), не содержащая в себе новых знаний и использованная автором в качестве предпосылки для формирования собственной авторской позиции в учебных или научных целях, не может выступать объектом охраны.

Состав правонарушения под названием «плагиат» включает в себя два компонента: присвоение авторства на чужие новые знания и причинение имущественного вреда этими действиями автору используемого произведения. При отсутствии хотя бы одного из элементов состава правонарушения возникает вопрос относительно обоснованности привлечения такого автора к юридической ответственности, и конфликт интересов переходит в этическую плоскость.

В связи с этим нуждается в уточнении вопрос о том, что представляет собой плагиат в произведении науки и в какой мере нарушает права других авторов, является некорректным заимствованием, поскольку любая юридическая и моральная ответственность предполагает наличие факта нарушения субъективного права либо факта нарушения этических норм морали, независимо от того, кто именно инициировал лишение ученой степени. Плагиат и самоплагиат могут быть результатом как преднамеренных действий исследователей, так и следствием отсутствия опыта в написании и оформлении научных статей, диссертации.

Попытаемся уточнить юридические особенности этого понятия и связанных с ним нарушений авторских прав, оснований наступления ответственности за такие нарушения. Существует точка зрения, согласно которой плагиат представляет собой умышленно совершаемое физическим лицом незаконное использование или распоряжение охраняемыми результатами чужого творческого труда, которое сопровождается доведением до других лиц ложных сведений о себе как о действительном авторе¹. С учетом п. 1 ст. 146 УК РФ плагиат – это присвоение авторства, но при условии, что в результате такого деяния причинен крупный ущерб автору или иному лицу.

Согласно ст. 1301 ГК РФ в случае нарушения исключительного права на произведение только автор (иной правообладатель) вправе применять существующие способы защиты и требовать от нарушителя возмещения понесенных

¹ Бобкова О. В., Давыдов С. А., Ковалева И. А. Плагиат как гражданское правонарушение // Патенты и лицензии. 2016. № 7. С. 38.

убытков. Система «Антиплагиат», на которую сегодня ориентированы практически все учебные и научные учреждения РФ, не может служить доказательством нарушения авторских прав. Как справедливо пишет профессор И. В. Понкин, «поставщик программной модели «Антиплагиат» необоснованно и неосновательно, надуманно и произвольно выдает видимую безцитатность проверяемого текста за его оригинальность»¹. Авторы этой системы обнаружения заимствований утверждают, что «система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности совпадений или цитирования, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается **в компетенции проверяющего**» (курсив мой. – В. К.).

Дополним, что в системе «Антиплагиат» появился и такой дополнительный сегмент выявления неоригинальности текста, как «перефразированные заимствования» по коллекции в интернете, сводной коллекции электронно-библиотечных систем (ЭБС), справочно-правовой системы «Гарант». К этому разработчикам системы «Антиплагиат» осталось дополнить перефразирование мыслей авторов, используемых в текстах диссертаций и иных научных работ со ссылкой на соответствующие источники опубликования, чтобы стало невозможным написание текста с зачастую требуемой его оригинальностью не только 70–80, но даже и 50 %. Между тем именно в этом проявляются массовые нарушения права автора на неприкосновенность произведения и защиту произведения от искажений, предусмотренного ст. 1266 ГК РФ. Именно в этих случаях авторы нуждаются в защите неприкосновенности своих произведений.

К тому же уход от прямой речи в текстах научных работ существенно снижает возможность объективно оценить теоретическую базу исследования и обоснованность полученных научных результатов исследователем. В погоне за оригинальностью текста обучающиеся, аспиранты и докторанты вынуждены существенно ухудшать его качество, что негативно сказывается в целом на состоянии российской науки в последнее десятилетие.

¹ Понкин И. В. Вопрос об оригинальности научного текста и дефектность программных оболочек систем «Антиплагиат» // Право и образование. 2023. № 7. С. 14.

Защита интеллектуальных прав осуществляется с учетом существа нарушенного права и последствий его нарушения по требованию **только правообладателей**. Привлечение к ответственности нарушителя интеллектуальных прав иными третьими лицами допустимо лишь в случаях, установленных законом (ст. 1250 ГК РФ). Споры, связанные с защитой нарушенных или оспоренных интеллектуальных прав, в том числе прав на произведение науки, должны быть рассмотрены и разрешены только в суде (п. 1 ст. 1248 ГК РФ).

В этой связи обратим внимание на п. 6б Положения № 842, согласно которому заявление о лишении ученой степени может быть подано любым физическим или юридическим лицом в Минобрнауки России. Как нам представляется, данная норма не противоречит действующему законодательству при условии, что в содержании такого заявления содержится информация о нарушении процедурных вопросов защиты либо несоответствия текста диссертации требованиям пунктов 9 и 10 Положения № 842.

Следует иметь в виду, что государственная функция по осуществлению государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства РФ об авторском и смежных правах исполняется не Министерством науки и высшего образования РФ, а Министерством культуры РФ. Приказом Министерства культуры РФ от 16 декабря 2016 г. № 2778 утвержден Административный регламент исполнения Министерством культуры РФ государственной функции по осуществлению государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства РФ об авторском праве и смежных правах, который определяет порядок, сроки и последовательность административных процедур Министерства культуры РФ при осуществлении государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства РФ об авторском праве и смежных правах.

Признание факта плагиата возможно только в судебном порядке. Факт нарушения авторских прав на результаты научной деятельности, воспроизведенные в научных произведениях, в том числе диссертационных исследованиях, может быть установлен только судебным решением, поскольку факт его признания умаляет честь, достоинство и затрагивает деловую репутацию

ученого¹. При установлении факта плагиата в той или иной диссертации круг пострадавших возрастает до десятка.

Плагиат может быть нарушением авторского права на произведение науки и повлечь за собой юридическую ответственность. Произведение науки следует отличать от литературного произведения. Литературное произведение – это произведение человеческой мысли, продукт творчества, закрепленный в письменном виде. Литературное произведение представляет собой нерасторжимое единство объективного и субъективного, воспроизведения реальной действительности и авторского понимания ее. Именно на эти две стороны искусства обращал внимание Н. Г. Чернышевский. Авторское право на литературное произведение охраняет содержание произведения как форму выражения любых идей, мыслей, чувств, переживаний автора. В этом случае охраняется совокупность слов в форме, выраженной автором².

Содержанием произведения науки являются новые знания, полученные автором в результате творческого труда. Наиболее известными и значимыми произведениями науки признаны кандидатские и докторские диссертации. Согласно п. 9. Положения № 842 диссертация на соискание ученой степени доктора наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо решена научная проблема, имеющая важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и

¹ См.: Тищенко Т. А. Правовое обеспечение защиты авторских прав при написании диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора наук // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. С. 144.

² См.: Сударинов С. А. Право интеллектуальной собственности: учебник. М.: Проспект, 2009. С. 83.

разработки, имеющие существенное значение для развития страны.

Диссертация должна быть написана автором самостоятельно, обладать внутренним единством, содержать новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствовать о личном вкладе автора диссертации в науку. В диссертации, имеющей прикладной характер, должны быть приведены сведения о практическом использовании полученных автором диссертации научных результатов, а в диссертации, имеющей теоретический характер, – рекомендации по использованию научных выводов. Предложенные автором диссертации решения должны быть аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями (п. 10 Положения № 842).

Таким образом, если диссертация обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, свидетельствующие о личном вкладе автора диссертации в науку, сведения о практическом использовании полученных автором диссертации научных результатов и рекомендации по использованию научных выводов, то она отвечает предъявляемым к ней требованиям. Соответственно, и авторское право охраняет научные результаты и положения, отражающие личный вклад автора в произведение науки (диссертацию, монографию, научную статью) как результат интеллектуальной деятельности.

Вместе с тем, согласно п. 4 Положения № 842, в диссертации соискатель ученой степени обязан ссылаться на автора и (или) источник заимствования материалов или отдельных результатов. В связи с этим нуждается в уточнении вопрос о том, как быть, если диссертация отвечает требованиям пунктов 9 и 10, но в отдельных фрагментах не содержит сносок на источник заимствования. В Положении № 842 указано два вида источников некорректного заимствования: материалы и отдельные результаты. Такая формулировка ввиду ее неопределенности дает богатую пищу для размышления и толкования. Полагаем, материалы (обзоры, статистические данные, информационные сообщения и др.) с высокой степенью вероятности не могут относиться к объектам авторских прав, подлежащих охране и защите.

«Отдельные результаты» условно можно разделить на две группы: имеющие непосредственное отношение к целям, задачам

исследования и оказавшиеся среди заявленных автором якобы новых научных результатов; не имеющие непосредственного отношения к сформированным автором научным выводам в результате решения поставленных задач исследования, либо получение автором в итоге исследования противоположных результатов.

В первом случае можно утверждать, что речь идет о нарушении авторского права на произведение науки в связи с некорректным заимствованием (плагиатом). Во втором случае, поскольку нет факта присвоения результата чужого творческого труда, а значит, нарушения авторского права, ситуация неоднозначна и неочевидна. Подобного рода ситуацию можно квалифицировать, скорее, как небрежность и недобросовестность к соблюдению требований по оформлению текста диссертации. Такие действия заслуживают порицания, но не лишения ученой степени автора диссертации. Нельзя забывать о том, что лишение ученой степени влечет за собой и существенные репутационные потери для практически десяти докторов наук. Речь идет не просто о физических лицах, имеющих ученую степень, а о высококвалифицированных ученых, привлеченных на общественных началах к осуществлению государственной функции аттестации научно-педагогических кадров, к которым ВАК Минобрнауки РФ предъявляет повышенные требования, а также двух руководителей образовательных или научных учреждений, как правило, осуществляющих подготовку аспирантов.

О самоплагиате. Существует точка зрения, согласно которой самоплагиат (от англ. self-plagiarism) – это разновидность плагиата¹. Следует признать, что понятие самоплагиата, как противоправного действия, не упоминается ни в ГК РФ, ни в КоАП РФ, ни в УК РФ. Это означает, что вопросы ответственности при самоплагиате могут возникать, скорее, не в правовой, а в этической сфере. Попытаемся установить, что скрывается за этим понятием и нарушаются ли права при установлении факта самоплагиата.

Как нам представляется, термин «самоплагиат» ставить в одном смысловом ряду с термином «плагиат» некорректно. Самоплагиат не является нарушением законных прав автора,

¹ См.: Куликова Е. Ю. Краденая наука: почему плагиат и самоплагиат неприемлемы // Вестник РГМУ. 2016. № 6. С. 51.

поскольку, используя в своих научных статьях ранее опубликованные выводы, автор не может причинить сам себе имущественного ущерба. Согласно ст. 1270 «Исключительное право на произведение» ГК РФ автору произведения принадлежит исключительное право использовать произведение «в любой форме и любым не противоречащим закону способом», в том числе «воспроизведение произведения или его части в любой материальной форме».

Как верно пишет профессор И. В. Понкин, «в рамках научной и науковедческой тематики не представляется возможным ни понять, ни рационально объяснить значение лексемы “самоцитирование”, произвольно придуманной в бесконечно далекой от науки коммерческой фирме – разработчике-поставщике услуг программной модели “антиплагиат” (в сотрудничестве со столь же далекими от науки чиновниками предыдущих поколений должностных лиц Минобрнауки России) – и навязываемой по сей день научному миру»¹.

Однако существует мнение о том, что автор может причинить ущерб своей репутации и репутации журнала. Журнал, принимая к публикации статью, принимает на себя репутационный риск, поскольку статья может не вызвать интереса у читателя, что приведет к снижению импакт-фактора. Если какие-то результаты исследований будут опубликованы автором повторно в других журналах, то первый журнал может потерять цитирование. Автор наносит вред не только своей репутации, поскольку пренебрегает интересами журнала, который опубликовал его статью ранее, но и снижает собственные показатели цитируемости, так как все случаи цитирования будут распределены на две статьи, а не на одну. Законодательно самоцитирование не запрещено, но журналы часто требуют заключения договора, по которому автор не может использовать опубликованный текст в других статьях. Формально это не мешает автору изложить такую же идею иными словами в следующих публикациях. Так что, если автор использовал в следующей публикации фрагменты текста из предыдущей, это станет самоцитированием, оно должно быть оформлено по стандартам цитирования и не быть избыточным. В списке

¹ Понкин И. В. Об отравляющей ученому миру жизни лженаучной придумке по имени «самоцитирование» // Администратор образования. 2024. № 13. С. 3.

источников должна быть указана исходная статья, из которой заимствован текст¹.

В правилах International Committee of Medical Journal Editors (Рекомендациях по проведению, описанию, редактированию и публикации результатов научной работы в медицинских журналах) четко указано, что дублирующая публикация (duplicate publication) возможна, если содержащиеся в ней сведения крайне важны для общественного здоровья и должны быть донесены до максимального количества людей². Такая публикация должна содержать недвусмысленную отсылку к оригинальной работе, а журнал, публикующий статью повторно, должен получить разрешение на это у журнала, опубликовавшего оригинал.

Свобода распоряжения авторским правом на произведения науки может быть ограничена договорными обязательствами с издательством о передаче им авторских прав на произведение и политикой конкретного издательства, содержащей морально-этические правила поведения авторов при передаче статьи к опубликованию. При наличии договора с издательством автор связан обязательствами в аспекте распоряжения своим авторским правом на произведение в течение срока действия договора. Например, согласно п. 1 редакционной политики Издательской группы «Юрист», автор, имеющий намерение опубликовать произведение в одном либо нескольких изданиях, направляет в издательство оферту о заключении с издательством безвозмездного договора об отчуждении исключительного права на произведение. Это правило получило широкое распространение в договорных правоотношениях между авторами и издательствами, выпускающими журналы. Фактически в данной ситуации исключительное право автора на произведение науки прекращается в момент его возникновения, поскольку оно, по договору, переходит с момента опубликования к издательству, а без заключения этого, по сути, кабального договора присоединения автор не сможет опубликовать свою статью в журнале, выпускаемом издательством.

¹См.: Самоцитирование и самоплагиат // Первое экономическое издательство. URL: <https://1economic.ru/manual/samotsitirovanie-i-samoplgiat?ysclid=m8vszv0lz936837126> (дата обращения: 15.02.2025).

² См.: Куликова Е. Ю. Указ. соч.

Такие же последствия наблюдаются при ограничении свободы автора политикой издательства, в том числе правилами, закрепленными этическими кодексами, положениями после их опубликования и доведения до авторов в доступной форме. Например, Издательская группа «Юрист» 19 февраля 2018 г. утвердила Положение «О порядке проведения проверки статей, поступающих для опубликования в журналах ИГ «Юрист», на наличие неоригинального текста (технического заимствования), заимствования и/или необоснованного самоцитирования». К чести издательства следует указать, что в этом Положении четко определен понятийный аппарат, используемый при оценке качества рукописи статьи, и не упоминается понятие «самоплагиат».

В Декларации «Этические принципы научных публикаций», принятой на Общем собрании Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), состоявшемся в рамках 5-й Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня – 2016: решение проблем издательской этики, рецензирования и подготовки публикаций», только 20 мая 2016 г. закреплен свод этических принципов в сфере научных публикаций, в котором признано в качестве неэтичного поведения в сфере научных публикаций появление в публикациях плагиата, фальсификации и фабрикация, избыточного самоцитирования, но не самоплагиата. Особенность правоотношения авторства заключается в том, что оно возникает и осуществляется между автором научного произведения и издательствами, публикующими это произведение либо его часть. Данное правоотношение носит гражданско-правовой характер. В связи с этим любые попытки третьих лиц вмешаться в это правоотношение не имеют под собой правовой основы и могут быть рассмотрены по меньшей мере как некорректное вмешательство в частные дела.

Библиографический список

1. Бобкова О. В., Давыдов С. А., Ковалева И. А. Плагиат как гражданское правонарушение // Патенты и лицензии. 2016. № 7. С. 31–42.
2. Гаджиев Г. А. Конституционные основы юридической ответственности и конституционно-правовая ответственность // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 7–15.

3. *Камышанский В. П.* Российская наука сегодня: очередные новации Минобрнауки России и взгляд изнутри // *Власть Закона*. 2021. № 2. С. 12–20.

4. *Куликова Е. Ю.* Краденая наука: почему плагиат и самоплагиат неприемлемы // *Вестник РГМУ*. 2016. № 6. С. 50–53.

5. *Понкин И. В.* Вопрос об оригинальности научного текста и дефектность программных оболочек систем «Антиплагиат» // *Право и образование*. 2023. № 7. С. 12–19.

6. *Понкин И. В.* Об отравляющей ученому миру жизнь лженаучной придумке по имени «самоцитирование» // *Администратор образования*. 2024. № 13. С. 3–7.

7. Самоцитирование и самоплагиат // Первое экономическое издательство. URL: <https://1economic.ru/manual/samotsitirovanie-i-samoplagiat?ysclid=m8vszvw0lz936837126> (дата обращения: 15.02.2025).

8. *Судариков С. А.* Право интеллектуальной собственности: учебник. М.: Проспект, 2009. 367 с.

9. *Тищенко Т. А.* Правовое обеспечение защиты авторских прав при написании диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора наук // *Вестник РУДН*. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. С. 142–147.

**УДК 347.1
ББК 67.404.0**

Ю. Н. Андреев

профессор кафедры гражданского права
Юго-Западного государственного университета,
член Научно-консультативного совета при Суде
по интеллектуальным правам (г. Москва),
федеральный судья 1-го квалификационного класса
в почетной отставке,
доктор юридических наук,
Россия, г. Курск
andreevvrn3@yandex.ru

**О СООТНОШЕНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ,
ТЕРМИНОВ И КАТЕГОРИЙ**

**ON THE CORRELATION OF CIVIL LAW CONCEPTS, TERMS AND
CATEGORIES**

В статье раскрыты особенности содержания, природы и соотношения гражданско-правовых понятий, терминов и категорий, исследованных на основе методов научно-юридического познания. Автором выявлены их общие и специфические черты, сформулированы выводы и предложения. Гражданско-правовые понятия, термины и категории формируются на эмпирическом и теоретическом уровнях научно-

юридического познания, занимают важное место в понимании сущности, содержания и смысла гражданско-правовых явлений (объектов), в законотворчестве, правореализации, правоприменении и гражданско-правовой защите, служат надежным средством дальнейшего развития науки и практики гражданского права, гражданского законодательства. Гражданско-правовые понятия выражают существенные черты, взаимосвязи изученных гражданско-правовых явлений, содержат выявленные научно обоснованные знания об их природе, содержании и функциональном назначении. Гражданско-правовые термины закрепляют внутреннее содержание цивилистических понятий в письменной или устной (вербальной) форме (речи), способствуют унификации и универсализации цивилистической терминологии, совершенствованию юридической (законодательной, судебной) техники. Гражданско-правовые категории включают в себя фундаментальные знания о гражданском праве и законодательстве, представляют собой наивысший уровень анализа и обобщения цивилистических явлений и понятий, придают результатам цивилистического познания качественную определенность, закрепляют наиболее значимые, основные качества гражданско-правовых явлений (понятий), способствуют отраслевой (гражданско-правовой) дифференциации, характеристике подотраслей, институтов и подынститутов гражданского права, дальнейшему развитию теории и практики гражданского права.

Ключевые слова: понятие, термин, категория, метод, цивилистика, познание, логическое мышление, обобщение.

The article reveals the peculiarities of the content, nature and correlation of civil law concepts, terms and categories investigated on the basis of methods of scientific and legal cognition. The author reveals their general and specific features, formulates conclusions and proposals. Civil law concepts, terms and categories are formed at the empirical and theoretical levels of scientific and legal cognition, occupy an important place in understanding the essence, content and meaning of civil law phenomena (objects), in lawmaking, law enforcement, law enforcement and civil law protection, serve as a reliable means of further development of science and practice of civil law, civil legislation. Civil law concepts express essential features, interrelations of studied civil law phenomena, contain revealed scientifically substantiated knowledge about their nature, content and functional purpose. Civil law terms fix the internal content of

civilistic concepts in written or oral (verbal) form (speech), contribute to the unification and universalisation of civilistic terminology, improvement of legal (legislative, judicial) technique. Civil law categories include fundamental knowledge of civil law and legislation, represent the highest level of analysis and generalisation of civilistic phenomena and concepts, give the results of civilistic cognition qualitative certainty, fix the most significant, basic qualities of civil legal phenomena (concepts), contribute to branch (civil law) differentiation, characterisation of sub-branches, institutes and sub-institutes of civil law, further development of the theory and practice of citizens.

Keywords: concept, term, category, category, method, civics, cognition, logical thinking, generalisation.

Гражданско-правовые понятия, термины и категории выполняют чрезвычайно важную роль в научном познании цивилистических явлений, фактов, объектов, в правотворческой, правореализационной, правоприменительной и правозащитной деятельности, служат результатом эмпирического и теоретического исследования, объектом и итогом аналитической оценки со стороны законодателя, судебных органов (в рамках судебного правоприменения, усмотрения и толкования), правоохранителей, субъектов гражданско-правовых отношений, логическим инструментом (средством) дальнейшего научно-юридического (цивилистического) познания с использованием объективных и субъективных возможностей (факторов).

Цивилистическое познание – это научно-познавательный процесс, происходящий на базе научно обоснованных методов познания¹, логического мышления, интеллектуальной человеческой деятельности, направленной на выявление сущности, особенностей и закономерностей гражданско-правового законодательства, смысла и содержания нормативно-правовых актов, цивилистических понятий, терминов и категорий. Цивилистическое познание – сложный, длительный, порой противоречивый, полный проб и ошибок путь неутомимых и трудолюбивых цивилистов-исследователей, стремящихся к познанию, добросовестных, талантливых и самоотверженных,

¹ Камышанский В. П. О праве цивилистической методологии на самоопределение // Власть Закона. 2024 № 2. С. 28–41.

отдающих все свои знания, умения, здоровье и время на благо окружающих людей, общества и государства. Результаты исследовательской работы зависят от их профессиональной, методологической подготовки, правовой культуры, интеллектуальных способностей и добросовестности. Цивилисты призваны обладать развитыми чувственными и интеллектуальными способностями к научному познанию, предрасположенностью к абстрактному (логическому) мышлению, отличной памятью, творческим воображением, жадой познания, умением применять современные методы научно-юридического анализа. Качество цивилистического познания зависит и от мировоззренческой позиции исследователя, его жизненных идеалов, убеждений, ценностных ориентиров и установок. Принципами юридического (цивилистического) познания являются системность, объективность, достоверность, научная обоснованность, теоретическая и практическая значимость, стремление к максимально возможному достижению научной истины, умелое применение исследователем способов, приемов и средств научного познания¹.

Ряд современных исследователей права и методов юридических наук признают *эмпирический и теоретический* уровни (стадии) юридического познания². Заслуженный деятель науки Российской Федерации (РФ), доктор юридических наук, профессор В. М. Сырых указывает на три уровня научного юридического познания: 1) эмпирический; 2) теоретический; 3) метатеоретический. По его мнению, на первом уровне происходит наблюдение, описание, обобщение исследуемых эмпирических фактов, проведение социологических опросов, социально-правовых экспериментов, анкетирование, интервьюирование. Наблюдение осуществляется путем непосредственного восприятия исследуемого объекта или получения сведений из документальных источников (текстов законов, уложений, указов, договоров, судебных решений и т. д.). На втором уровне начинают действовать способы и приемы формальной логики, аналитического мышления, анализ, синтез,

¹ Подробнее об этом см.: Андреев Ю. Н. Методология юридической науки: учебник. М.: Проспект, 2024. С. 10; Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 28.

² См., напр.: Теория государства и права: учебник / под ред. О. В. Мартышина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 22–28.

индукция, дедукция¹, абстрагирование, сравнение, аналогия, формализация, мысленное моделирование, интерпретация².

Требования формальной логики направлены на исследование причинно-следственных связей: соблюдение законов логики, логических приемов мышления; учет общего и единичного, случайного и необходимого. Именно на теоретической стадии познания рождаются гипотезы, предположения, научные версии, нуждающиеся в проверке, обосновании и подтверждении, происходит сложная аналитическая (мыслительная) работа исследователя, и в результате появляются научно обоснованные юридические понятия, включая оценочные.

В общей теории права, отраслевых юридических науках, в том числе в цивилистике, нет единства мнений относительно юридических и оценочных понятий, соотношения цивилистических понятий, терминов и категорий. Однако сделаны принципиально важные выводы для цивилистической методологии. Большую исследовательскую работу в этом направлении провели Н. И. Агамиров³, С. С. Алексеев⁴, Д. А. Гараймович⁵, А. А. Ивин⁶, Т. В. Кашанина⁷, В. В. Кожевников⁸,

¹ Как известно, дедукция (от лат. deductio – «выведение») – это особый способ мышления, с помощью которого исследователь делает логические выводы, опираясь на полученную информацию и выбирая наиболее подходящий вариант.

² Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 456–460; Сырых В. М. Материалистическая теория права. Избранное. М.: РАП, 2011. С. 234–343; Сырых В. М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1. Элементный состав. М.: Юстицинформ, 2000. С. 14.

³ Агамиров Н. И. Оценочные понятия в законодательстве (теоретические вопросы) // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. 1989. № 43. С. 16.

⁴ Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 175–184, 388–394.

⁵ Гараймович Д. А. Оценочные понятия в современном гражданском праве // Цивилистические записки: межвузовский сб. науч. тр. М.: Статут, 2001. С. 130.

⁶ Ивин А. А. Логика для юристов: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2023. С. 28.

⁷ Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. С. 5–20.

⁸ Кожевников В. В. Оценочные понятия и термины как технико-юридические средства правотворческой юридической техники // Современное право. 2018. № 4. С. 5.

М. Ф. Лукьяненко¹, А. А. Малиновский², И. А. Покровский³, М. В. Шадрин⁴ и др.

На наш взгляд, юридическое понятие – это средство научного познания, итог научно-эмпирического и теоретического исследования (мышления), характеризующее существенные черты, принципы, содержание, смысл исследованных явлений, объектов. Цивилистические понятия являются общепризнанными дефинициями статического и динамичного характера, вбирающими в себя общие признаки, черты и характеристики, свойственные той или иной группе (подсистеме) исследованных объектов и отличающие их от других элементов в системе понятий гражданского права. Правовые понятия отражают существенные юридические свойства, качества и отношения предметов и явлений, имеющих юридическое значение.

Представляется, что многие гражданско-правовые понятия являются оценочными, поскольку они возникли благодаря оценочной деятельности исследователей права, а в период своего действия могут быть методологическим средством для изучения новых правовых явлений цивилистического характера. В ходе гражданско-правового законотворчества законодатель призван всесторонне и объективно оценить имеющиеся гражданско-правовые понятия с применением научно обоснованных методов научно-юридического познания, включая всеобщие (философские), общенаучные (логические), специальные и заимствованные юридические методы научного познания. К логическим методам научного познания относятся синтез, анализ, индукция, дедукция, восхождение от частного к общему, от общего к частному, системность, аналогия, сравнение, мысленное моделирование, экспериментирование. В состав заимствованных юридических методов научного познания входят системно-

¹Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. С. 32.

²Малиновский А. А. Оценочные понятия в законодательстве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст.: в 2 т. Т. 1 (Нижний Новгород, 1 сентября 2001 г.) / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородское книжное изд-во, 2001. С. 268.

³Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 78.

⁴Шадрин М. В. Категории и понятия теории государства и права как ее основной познавательный инструментарий // Проблемы права. 2005. № 3 (8). С. 25.

структурный, системно-функциональный, социолого-правовой, историко-правовой, сравнительно-правовой, психолого-правовой, экономико-правовой, математико-правовой. Будучи собственным методом научно-юридического (цивилистического) познания, формально-юридический (догматический) метод позволяет уяснить и разъяснить юридические понятия, термины, категории. С помощью системно-структурного и системно-функционального методов можно выявить структуру и функциональные связи элементов гражданско-правовой системы (подсистемы), а с помощью сравнительно-правоведения – общее и специфическое сравниваемых объектов. Применение конкретно-исторического метода исследования позволяет законодателю определить положительные и негативные качества того или иного цивилистического понятия, ставшего достоянием истории, чтобы принять более совершенный нормативно-правовой акт.

При осуществлении субъективных гражданских прав и исполнении обязанностей, возложенных по закону и договору, обладатели этих прав и обязанные субъекты гражданско-правовых отношений также оценивают соответствующие юридические понятия с целью успешного удовлетворения своих законных интересов и потребностей. Особая роль в оценке цивилистических понятий и применяемых норм гражданского права принадлежит судебным органам. В ходе правоприменения суд (судья) исследует, анализирует, оценивает в рамках гражданского или арбитражного судопроизводства понятия, закрепленные в теории гражданского права, принципах и нормах гражданского законодательства, выбирает и применяет необходимую норму (нормы) гражданского права, уясняя и разъясняя их в формате судебного толкования и судебного усмотрения. Причинами судебного толкования являются сложность (иерархичность) правового материала, гражданско-правовых актов по содержанию и структуре, определенная лаконичность изложения, пробельность в законодательстве (объяснимая невозможность законодателя сформировать все необходимые понятия и дефиниции), динамичное развитие урегулированных общественных отношений (понятий), появление новых отношений, нуждающихся в урегулировании и требующих разработки новых понятий, отставание лингвистического изложения юридических понятий от динамичного развития русского языка и правовой действительности, недостатки законодательной техники, отдельные факты неясности,

коллизии и противоречивости в законодательных и подзаконных актах, наличие общих, бланкетных и отсылочных норм, случаи раздельного существования гипотез, диспозиций и санкций гражданско-правовых норм. Законодателю не всегда удается выразить свою волю, «дух» (смысл) и букву закона. Действительно, невозможно закрепить в правовых нормах все «основы правопорядка и нравственности», «обычаи делового оборота», изложить понимание «свободы договора», «равенства участников правоотношений», «недопустимости произвольного вмешательства в частные дела», «законных интересов», «субъективных прав», «разумного срока», сформулировать такие нравственно-этические понятия, как «злоупотребление правом», «добросовестность», «разумность», «справедливость», «моральный вред»¹. Судебные органы устраняют данную проблему в предусмотренном законом порядке².

Судебное толкование входит в систему официального и казуального видов толкования. Представляется необоснованным классифицирование судебного толкования на легальное, логическое, систематическое, грамматическое, поскольку все виды официального и неофициального толкования являются легальными (разрешенными законом) и строятся на основе формальной логики, общенаучных (логических) методов научно-юридического познания. Более приемлемым видится «буквальное», а не «грамматическое» толкование. Термин «систематическое толкование» необходимо переименовать в «системное толкование», как основанное на методе системного исследования. Нормативное толкование осуществляется по поводу уяснения (разъяснения) общих (принципиальных) положений разъясняемого материала для неопределенного круга лиц. Дополним, что данный вид толкования носит условное название, поскольку не связан с установлением новых норм права. Верховный Суд РФ и региональные суды могут давать разъяснения относительно тех или иных дел локального значения (казуальное толкование). Нуждается в дополнительной аргументации и предложение ряда исследователей признать так

¹ Камышанский В. П. Об избыточном законотворчестве, правоприменении и толковании норм гражданского законодательства // По тропинкам памяти. Сб. стат., посв. 80-летию профессора А. Г. Диденко. Алматы. 2024. С. 181–190.

² К примеру, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» дано разъяснение морального вреда.

называемое нормативное толкование как уяснение (разъяснение) общих (принципиальных) положений разъясняемого материала для неопределенного круга лиц.

Судебное толкование осуществляется Конституционным Судом РФ, Верховным Судом РФ, судами общей юрисдикции, арбитражными и административными судами, мировыми судьями на базе принципов, правил и механизма толкования, обобщения судебной практики, юридических знаний, интеллектуального анализа и субъективного восприятия, профессионального опыта участников толкования (судей). Существенную помощь толкователям-судьям оказывают пояснительные записки к законопроектам, экспертные оценки ученых-правоведов, лингвистов, историков, государственных и общественных деятелей.

Согласно ч. 5 ст. 125 Конституции РФ¹ и ч. 4 ст. 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации»² Конституционный Суд РФ вправе толковать нормы Конституции РФ по запросу определенных органов власти в установленном законом порядке. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что в случае неопределенности в контексте вопроса о том, соответствует ли Конституции РФ подлежащий применению по конкретному делу закон, суд обращается в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности этого закона³.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» суды призваны в ходе судебного разбирательства оценивать содержание применяемого закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемое судом общественное отношение, составляющее предмет судебного

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

² О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституц. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 31.07.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

³ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

спора (п. 11). Согласно ст. 9 ГК РФ к отношениям, не урегулированным напрямую нормами гражданского законодательства, соглашением сторон или правовыми обычаями, применяют гражданско-правовые нормы, регулирующие сходные отношения, если это не противоречит их существу (аналогия закона). В случае такой невозможности судьи вправе прибегнуть при урегулировании неурегулированного спорного вопроса к общим началам и смыслу гражданского законодательства (аналогия права), к требованиям добросовестности, разумности и справедливости.

Оценка юридических понятий, их разъяснение происходят на основе цивилистической доктрины, обобщений судебной практики; результаты излагают в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, мотивировочной части судебных решений, Обзорах судебной практики, что способствует формированию единой судебной практики в масштабах страны в целом. Судебное толкование применяемых гражданско-правовых актов происходит в рамках судейского усмотрения¹.

Полагаем, что гражданско-правовые термины – это юридические понятия, изложенные в Конституции РФ, федеральных законах, иных нормативно-правовых актах, подзаконных актах. Если цивилистические понятия отражают внутреннюю сущность и природу гражданского права, то гражданско-правовые термины – его внешнюю сторону (форму). Их тождество с научными (цивилистическими) понятиями зависит от профессионального мастерства авторов и редакторов законопроекта, ставшего в дальнейшем законом в установленном легальном порядке. Иными словами, юридические (цивилистические) понятия, полученные в результате научного (теоретического) исследования (познания), становятся достоянием читателя (правоприменителя, суда, субъекта гражданского

¹ О судебном усмотрении подробнее см.: *Абушенко Д. Б.* Судебное усмотрение в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998. С. 24; *Барак А.* Судейское усмотрение / пер. с англ. М.: Норма, 1999. С. 19; *Берг Л. Н.* Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 61–62; *Малиновский А. А.* Усмотрение в праве // *Государство и право.* 2006. № 4. С. 103; *Папкова О. А.* Усмотрение суда. М.: Статут, 2005. С. 24.

права), слушателя благодаря лингвистическому изложению этого феномена в письменном тексте или устной речи¹.

Существуют общеупотребительные термины, специальные неюридические термины и специальные юридические термины. Для юридических текстов характерны терминологическая строгость, точность, ясность, лаконичность, соблюдение формальной логики и правил русского языка (лингвистики), последовательность изложения материала.

Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор Н. А. Власенко умело и обстоятельно проанализировал языковые проблемы права, уровень развития правового языка, особенности текстов юридических документов, нормативно-правовых актов, значимость общедокументальной и юридической фразеологии для познания права, позитивное влияние права на развитие общелитературного русского языка и обратное воздействие достижений лингвистики на качество юридических текстов. По утверждению ученого, правовой язык – это словарный запас (арсенал, система слов, термины, понятия) юриспруденции, официальный язык текстов нормативно-правовых и индивидуальных актов, доктринальный юридический язык, язык текстов научных произведений о праве, документов юридической практики, юридические жаргоны, а язык права – это лексикон нормативно-правовых актов, актов официального толкования. Правовой текст – важнейшая жизненная форма права. Методологической основой анализа текста права служит текстоведение – одно из лингвистических направлений, система знаний о тексте, его закономерностях и функциональных особенностях. Все тексты имеют лексическую (языковую), логическую, грамматическую и графическую основы с целью передачи информации, как средство (инструмент) общения, формирования поведения человека. Лексическую основу текста составляют слова, фразеологизмы, грамматические предложения, а логическую – правила и законы формальной логики.

¹ См., напр.: Крюкова Е. А. Язык и стиль законодательных актов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 5–12; Оглезнев В. В., Суворцев В. А. Аналитическая философия права: открытая текстура и определение правовых понятий. М.: Канон+, 2023. С. 32; Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М.: Канон+, 2024. С. 17; Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 6, 9, 115; Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М.: Юрид. лит., 1990. С. 9, 18–19.

Графическая основа проявляется в локальности изложения текста, его четкости, структурированности.

Для нормативно-правового текста характерны отсутствие экспрессивности, высокопарности, лозунговости фраз, восклицательных и вопросительных знаков, присутствие беспристрастности. Преамбулы, вводные главы и в целом текст юридических документов имеют нормативно-официальный характер, излагаются в логически и стилистически связанной и последовательной форме, должны быть точными и понятными, обладать простотой изложения, лаконичностью и компактностью. Каждый нормативно-правовой акт отличается унификацией языковых форм, употреблением общедокументальных устойчивых оборотов, словосочетаний. Зачастую выявляют эстетические, логико-языковые нарушения и иные недостатки в тексте. По справедливому мнению Н. А. Власенко, недопустимо российским юристам злоупотреблять иностранными словами (терминами), которые можно легко заменить известными и равнозначными русскими словами и терминами. Неоправданное увеличение иностранных слов в русском языке, их необоснованное (слепое) заимствование ведет к неумолимой утрате национального самосознания¹.

В. В. Кожевников, доктор юридических наук, профессор Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, обратил внимание на то, что юридическая терминология тесно связана с юридическим языком, объясняющим нормы и принципы права, субъективные права и юридические обязанности и т. д.² Специалист в области юридической лингвистики и законодательной стилистики М. В. Батюшкина связывает наименование «термин» с юридическим понятием, получившим законодательное определение и закрепление в текстовом пространстве российских законов в качестве термина³.

Завершающим звеном исследуемой триады (правовые понятия, термины, категории) являются юридические (цивилистические) категории как наиболее общие,

¹ Власенко Н. А. Язык права. Репр. изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. С. 13–33.

² Кожевников В. В. Указ. соч. С. 5–6.

³ Батюшкина М. В. Юридическое понятие и юридический термин: особенности соотношения и определений (на материале российских законов) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 207.

фундаментальные, основные правовые понятия, отражающие наиболее высокий уровень юридического (цивилистического) познания, самые существенные, наиболее обобщенные черты исследуемых юридических (цивилистических) объектов (явлений и процессов).

Большой вклад в исследование правовых категорий внес заслуженный деятель науки РСФСР, заслуженный юрист РСФСР, доктор юридических наук, профессор А. М. Васильев (1923–1987). Ученый утверждал, что правовые понятия и категории представляют собой целостную картину правовой действительности, необходимые связи, диалектику взаимодействия, формы проявления и различные свойства права. Категориальный аппарат общей теории права служит необходимым средством (инструментом) правового познания, результатом научного мышления, несет в себе черты специфического элемента метода юридической науки, содержит основные фундаментальные знания о праве, отражает наиболее существенные свойства и главные связи правовых явлений, представляет собой наиболее глубокие по содержанию и широкие по объему правовые понятия. Без правовых категорий невозможно мыслить на научной основе, сформировать представление об окружающей правовой действительности, выявить ее специфику. Правовые категории придают научно-правовому мышлению своеобразие и качественную определенность. Правовые понятия и категории – это результат обобщения и абстрагирования. Поднимаясь над эмпирическим уровнем научного мышления, теоретическое познание переходит от анализа множества эмпирических фактов, явлений, правовых актов, взаимосвязей к общему, характерному для определенной группы (сферы) научных знаний об объектах правового исследования на основе правовых категорий, закрепленных, как правило, в законе. Существуют общетеоретические и отраслевые правовые категории (гражданско-правовые, уголовно-правовые и т. д.). К разряду всеобщих правовых категорий относятся нормы права; система права; формы права; осуществление права; правовое отношение. Содержание правовых категорий включает в себя соподчиненные понятия, суждения и умозаключения юридического характера. Включение в действующую систему новых категорий предусматривает ряд условий: 1) соответствие новым правовым явлениям; 2) обоснованность и доказанность

необходимости формирования новых правовых категорий; 3) соответствие режиму правовой категории¹.

В заключение следует констатировать, что соответствующие юридические понятия и термины входят в состав юридической техники как совокупности приемов, способов и средств подготовки, принятия, систематизации, толкования и применения норм гражданского права².

Библиографический список

1. *Абушенко Д. Б.* Судебное усмотрение в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998. 164 с.

2. *Агамиров Н. И.* Оценочные понятия в законодательстве (теоретические вопросы) // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. 1989. № 43. С. 15–24.

3. *Алексеев С. С.* Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.

4. *Андреев Ю. Н.* Методология юридической науки: учебник. М.: Проспект, 2024. 656 с.

5. *Барак А.* Судейское усмотрение / пер. с англ. М.: Норма, 1999. 376 с.

6. *Берг А. Н.* Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 202 с.

7. *Батюшкина М. В.* Юридическое понятие и юридический термин: особенности соотношения и определений (на материале российских законов) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 207–215.

8. *Васильев А. М.* Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. Репр. изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 264 с.

¹*Васильев А. М.* Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. Репр. изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 44, 57–61, 73, 81, 85–96, 156.

²Подробнее об этом см.: *Давыдова М. А.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2011. С. 19; *Кашанина Т. В.* Юридическая техника: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. С. 15; *Петрова Т. В., Синюков С. В., Танимов О. В.* Юридическая техника: учеб. пособие. М.: Проспект, 2023. С. 42; Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. М.: Проспект, 2021. С. 12.

9. *Власенко Н. А.* Язык права. Репр. изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 176 с.
10. *Гараймович Д. А.* Оценочные понятия в современном гражданском праве // *Цивилистические записки: межвузовский сб. науч. тр.* М.: Статут, 2001. С. 130–157.
11. *Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского.* 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
12. *Давыдова М. Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2011. 317 с.
13. *Ивин А. А.* Логика для юристов: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2023. 262 с.
14. *Камышанский В. П.* Об избыточном законотворчестве, правоприменении и толковании норм гражданского законодательства // *По тропинкам памяти. Сб. стат., посв. 80-летию профессора А. Г. Диденко.* Алматы. 2024. С. 181–190.
15. *Камышанский В. П.* О праве цивилистической методологии на самоопределение // *Власть Закона.* 2024 № 2. С. 28–41.
16. *Кашанина Т. В.* Оценочные понятия в советском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 185 с.
17. *Кашанина Т. В.* Юридическая техника: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 360 с.
18. *Кожевников В. В.* Оценочные понятия и термины как технико-юридические средства правотворческой юридической техники // *Современное право.* 2018. № 4. С. 5–11.
19. *Крюкова Е. А.* Язык и стиль законодательных актов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 139 с.
20. *Лукьяненко М. Ф.* Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. 423 с.
21. *Малиновский А. А.* Усмотрение в праве // *Государство и право.* 2006. № 4. С. 102–104.
22. *Папкова О. А.* Усмотрение суда. М.: Статут, 2005. 413 с.
23. *Малиновский А. А.* Оценочные понятия в законодательстве // *Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст.: в 2 т. Т. 1 (Нижний Новгород, 1 сентября 2001 г.) / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородское книжное изд-во, 2001. С. 268–272.*

24. *Оглезнев В. В., Суровцев В. А.* Аналитическая философия права: открытая текстура и определение правовых понятий. М.: Канон+, 2023. 352 с.

25. *Петрова Т. В., Синюков С. В., Танимов О. В.* Юридическая техника: учеб. пособие. М.: Проспект, 2023. 368 с.

26. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.

27. *Сырых В. М.* История и методология юридической науки: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 512 с.

28. *Сырых В. М.* Материалистическая теория права. Избранное. М.: РАП, 2011. 1259 с.

29. *Сырых В. М.* Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1. Элементный состав. М.: Юстицинформ, 2000. 527 с.

30. Теория государства и права: учебник / под ред. О. В. Мартышина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 430 с.

31. *Харт Г. Л. А.* Философия и язык права. М.: Канон+, 2024. 384 с.

32. *Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург: Наука, 1993. 189 с.

33. *Шадрин М. В.* Категории и понятия теории государства и права как ее основной познавательный инструментарий // Проблемы права. 2005. № 3 (8). С. 25–30.

34. Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. М.: Проспект, 2021. 648 с.

35. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М.: Юрид. лит., 1990. 189 с.

Р. Б. Булатов

профессор кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
доктор юридических наук, доцент,
почетный работник сферы образования РФ
Россия, г. Санкт-Петербург
bulatovrash@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ФУНКЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИИ

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE PROTECTIVE FUNCTION OF PUBLIC ASSOCIATIONS IN RUSSIA

В статье рассмотрены вопросы становления и развития правозащитной функции общественных объединений в России; взаимодействия институтов гражданского общества и государства в целях защиты прав и свобод человека и гражданина; участия общественных правозащитных организаций в правотворческой деятельности путем выработки предложений по внесению изменений в действующее законодательство. Сделан вывод о необходимости дальнейшего развития тесного взаимодействия институтов гражданского общества и государства в области правовой защиты граждан, что позволит Российской Федерации укреплять демократические, правовые основы, заложенные в Конституции России. С этой целью предлагается расширить участие общественных организаций в правотворческом процессе на региональном уровне, предоставить им право законодательной инициативы, создавать новые правовые формы обеспечения благоприятных условий для развития социального партнерства.

Ключевые слова: права человека, гражданское общество, общественное объединение, правозащитная функция, профсоюз, общественный контроль, публичная власть, судебная власть.

The article considers the issues of formation and development of the human rights function of public associations in Russia; the interaction between institutions of civil society and the state in order

to protect the rights and freedoms of man and citizen; the participation of public human rights organisations in law-making activities by developing proposals to amend the current legislation. It is concluded that it is necessary to further develop close interaction between civil society institutions and the state in the field of legal protection of citizens, which will allow the Russian Federation to strengthen the democratic and legal foundations laid down in the Constitution of Russia. To this end, it is proposed to expand the participation of public organisations in the law-making process at the regional level, to grant them the right of legislative initiative, to create new legal forms of ensuring favourable conditions for the development of social partnership.

Keywords: human rights, civil society, public association, human rights function, trade union, public control, public authority, judiciary.

В развитии правозащитной функции общественных объединений в России можно выделить несколько этапов. С конца XVIII в. общественные структуры только начинали формироваться. Гражданская активность проявлялась, но ее возможности были ограничены доминирующей ролью государства. В более поздний период Российской империи государство создавало некоторые общественные организации, например общества взаимопомощи и благотворительные организации. Оно поддерживало также развитие профессиональных сообществ, в частности объединений врачей, учителей, художников и других специалистов. Эти организации дополняли работу государственных органов и органов местного самоуправления, способствовали развитию гражданской активности и воспитанию чувства ответственности у работников. Однако в исследуемый период не было единого закона, регулирующего деятельность этих объединений¹.

В советское время Конституция СССР уже четко определяла статус и функции общественных организаций. На начальном этапе объединения тесно связаны с классовой принадлежностью их представителей. Законы, регулирующие деятельность этих организаций, носили общий характер, обозначая лишь основные

¹ Галкина Е. В., Косов Г. В., Паслер О. В. Гражданское общество в России: модели, традиции, тенденции развития: монография. Ставрополь: Ставрополит, 2010. С. 44.

принципы их создания и работы, устанавливая общие рамки правового регулирования¹.

Позднее государственный контроль над гражданскими организациями усилен. Нормативные акты предусматривали надзор со стороны НКВД, а затем и структур, которые утверждали уставы организаций. К этому процессу привлекали представителей местных исполкомов и советов. Гражданские организации воспринимали как часть политической системы. Они должны были строго следовать государственным планам в экономике и социально-культурной сфере. Законодательство рассматриваемого времени было направлено на унификацию уставов и деятельности этих объединений, что в большей мере усиливало контроль со стороны государства.

В период перестройки общественные организации начали постепенно освобождаться от жесткого контроля партийных органов. С развитием демократии в стране расширялись границы свободы². Это укрепило статус общественных объединений, позволило им активнее осуществлять правозащитную деятельность. Принятие Конституции Российской Федерации (РФ) в 1993 г. стало значимым этапом, послужив новым импульсом развитию гражданского общества³. Она гарантирует каждому право на объединение, что является одним из важнейших условий политической свободы человека и гражданина в демократическом государстве. Гуманистическая природа конституционного строя отражает ключевые принципы, на которых строится государство. Развитие демократического общества и повышение эффективности правопорядка во многом зависят от активности гражданского общества и его институтов⁴.

В ст. 5 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ⁵ «Об общественных объединениях» понятие «общественное

¹ Туманова А. С. Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг. // Государство и право. 2023. № 6. С. 158.

² См.: Камышанский В. П. Некоторые аспекты российской гражданско-правовой политики // Власть Закона. 2013. № 3 (15). С. 10.

³ Нудненко Л. А. Конституционно-правовой статус общественных объединений в Российской Федерации: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 22.

⁴ Законность: теория и практика: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Н. В. Субанова. 3-е изд. М.: Контракт, 2017. С. 183.

⁵ Об общественных объединениях: федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

объединение» определено как добровольная и самоуправляемая организация, среди целей которой не предусмотрено получение коммерческой выгоды. Люди объединяются в общественные организации на основе общих интересов, стремясь к достижению ряда целей, которые четко прописаны в уставе объединения.

Для получения статуса юридического лица общественное объединение должно пройти государственную регистрацию¹ в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»², с учетом особенностей, указанных в Федеральном законе от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ. Министерство юстиции РФ и его территориальные органы ответственны за регистрацию некоммерческих организаций, а также контроль за соответствием их деятельности уставным целям. В полномочиях Минюста России находятся приостановление деятельности или ликвидация некоммерческих организаций путем обращения в суд. Министерство юстиции РФ также является ответственным за присвоение статуса иностранного агента. Следует учитывать, что некоммерческая организация может быть ликвидирована по решению ее руководящего органа.

В Стратегии национальной безопасности РФ³ акцентировано внимание на необходимости налаживания связей между государством и институтами гражданского общества для их успешной плодотворной совместной работы. Этому отведена важная роль, так как в соответствии с Конституцией РФ скорейшее построение гражданского общества служит первоочередной задачей.

Институты гражданского общества включают в себя широкий круг субъектов, таких как граждане РФ, государственные правозащитные организации, оказывающие поддержку институтам гражданского общества и защищающие

¹ Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 109.

² О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27. Ст. 4210.

права человека, средства массовой информации и другие участники общественной жизни. Законодательные акты, посредством которых осуществляется реализация прав и возможностей граждан на объединение, участие и получение помощи от общественных организаций, формируют отдельный правовой институт. В него можно включить защиту конституционных, административных, гражданских и гражданско-процессуальных прав человека и гражданина. Цель этого института – формирование и налаживание эффективных взаимоотношений между общественными объединениями и судебными органами.

В основе указанного института находятся фундаментальные конституционные принципы, определяющие и форму государства, и механизмы его функционирования. К таким принципам необходимо отнести демократическую форму правления, разделение властей на три независимых ветви: судебную, представленную как судами общей юрисдикции, так и специальными (специализированными судами); исполнительную власть, в состав которой входят правительство, министерства и органы публичной власти; законодательную ветвь власти, состоящую из двухпалатного парламента.

Указом Президента России¹ создан механизм, согласно которому руководитель администрации Президента РФ принимает от общественных организаций предложения и наработки для дальнейшей их оценки, изучения и направления компетентным органам государственной власти, выполняющим законотворческие функции. В соответствии с постановлением Правительства РФ² установлен следующий порядок подачи предложений органов государственной власти и общественных организаций законодателю. Федеральные органы исполнительной власти могут самостоятельно участвовать в правотворческой деятельности. Общественные организации обращаются не

¹ Об утверждении Положения о порядке взаимодействия Президента Российской Федерации с палатами Федерального Собрания Российской Федерации в законотворческом процессе: указ Президента РФ от 13 апреля 1996 г. № 549 (в ред. от 17.09.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 39. Ст. 5630.

² Об утверждении временного Положения о законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 19 июня 1994 г. № 733 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13. Ст. 1509.

напрямую к законодателям (как было ранее), а в федеральные органы исполнительной власти. С одной стороны, данное положение снижает нагрузку на законодательные органы, с другой – общественные организации лишились действенного метода, поскольку далеко не все их инициативы способны пройти через такие препоны.

Это заставляет общественные объединения искать иные пути участия в правотворчестве: например, через направление инициативного письма к конкретным депутатам Государственной Думы РФ с обращением, в котором изложена суть правотворческой идеи или цель законопроекта, чтобы далее депутат смог внести проект уже от своего имени. Хотя это и замедляет процесс развития гражданского общества, но вместе с тем подталкивает общественные объединения к налаживанию новых точек соприкосновения с властью.

А. С. Шерьязова утверждает, что в целях упрощения и централизации деятельности общественных объединений требуется доработать законодательную базу, например дополнить Федеральный закон «Об общественных объединениях» новой статьей, которая закрепила бы и детализировала порядок, способы, сроки и многое другое в ключе взаимодействия общественных объединений с органами государственной власти¹. Действительно, дополненная законодательная база могла бы облегчить взаимодействие институтов гражданского общества и органов публичной власти в этой сфере, что позволило бы ускорить и упростить данный механизм.

В качестве примера успешного взаимодействия общественных организаций и Общественной палаты РФ можно привести закрепление на законодательном уровне обязанности Палаты налаживать диалог и искать компромиссные решения относительно вопросов, затрагивающих интересы граждан, общественных и некоммерческих организаций, а также органов власти всех уровней. В итоге представители крупных общероссийских общественных и некоммерческих организаций получили возможность участвовать в работе Общественной палаты РФ наравне с остальными членами. Состав Палаты

¹ Шерьязова А. С. Взаимоотношения государственных органов и общественных объединений: конституционно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 8.

формируется из 168 человек, 40 из которых назначает Президент РФ, а 85 – представители региональных общественных палат.

С целью повышения прозрачности работы исполнительной власти, создания устойчивого доверительного диалога между государством и обществом предусмотрена возможность участия в заседаниях коллегий федеральных органов исполнительной власти представителей Общественной палаты РФ (постановление Правительства РФ от 2 августа 2005 г. № 479 «О порядке направления членов Общественной палаты Российской Федерации для участия в заседаниях коллегий федеральных органов исполнительной власти»¹). Представители общественных организаций также могут участвовать в общественной экспертизе², тем самым демонстрируя отношение определенных групп граждан к происходящему и мнение общества в целом. Можно констатировать, что сделан важный шаг во взаимодействии институтов гражданского общества и государства. Это отличная площадка для диалога общества и власти, с которой государство слышит общественное мнение, а проведение слушаний в обеих палатах Федерального Собрания РФ и общественных слушаний в Общественной палате РФ показывает заинтересованность государства в диалоге с обществом.

На региональном уровне и на уровне субъектов РФ Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»³ закреплена возможность наделения общественных организаций правом законодательной инициативы⁴. Так, профсоюзные объединения Алтая, Красноярского края и Хакасии получили право вносить

¹ О порядке направления членов Общественной палаты Российской Федерации для участия в заседаниях коллегий федеральных органов исполнительной власти: постановление Правительства РФ от 2 августа 2005 г. № 479 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 32. Ст. 3440.

² Положение о порядке проведения общественной экспертизы: утв. решением совета Общественной палаты РФ от 15 мая 2008 г., протокол № 4-С (с изм. от 22.03.2012) // Общественная палата РФ. URL: <https://www.oprf.ru/about/1391/law/1800/> (дата обращения: 21.11.2024).

³ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федер. закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 52. Ст. 8973.

⁴ Соколов А. В., Исаева Е. А. Гражданское общество в региональном измерении // Власть. 2015. Т. 23. № 1. С. 113.

законопроекты в высшие представительные органы этих субъектов. В Карачаево-Черкесии и Мордовии республиканским профсоюзным советам это право предоставлено с разумным ограничением, то есть только по вопросам, относящимся к их компетенции. В Карелии пошли еще дальше, наделив правом законодательной инициативы руководящие органы региональных общественных организаций и отделения общероссийских. В Новгородской области вносить законопроекты по социально-трудовым вопросам могут Совет муниципальных образований и областная Федерация профсоюзов. В Самарской области право законодательной инициативы предоставлено региональным общественным организациям¹, и этим правом в пределах своей компетенции и по относящимся к ним вопросам наделены Общественная палата, Федерация профсоюзов и Торгово-промышленная палата. Изложенный подход позволяет не допустить избыточного расширения их полномочий и предотвращает чрезмерную нагрузку на региональные законодательные органы².

Исходя из вышеуказанного, можно заключить, что на региональном уровне общественные объединения получили больше возможностей для правотворчества и участия в правотворческом процессе через внесение законодательных инициатив относительно федерального уровня³. Считаем, что развитию общественных организаций и их участию в правотворчестве помогло бы предоставление им права законодательной инициативы, пусть даже ограниченной вопросами информационного обеспечения, проведения социологических исследований и экспертизы законопроектов, связанных с их деятельностью⁴. Перспективным направлением

¹ Сунгуров А. Ю., Захарова О. С., Петрова Л. А., Распопов Н. П. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. 1. Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт // Полис. Политические исследования. 2012. № 1. С. 169.

² Никовская Л. И., Якимец В. Н. Публичная политика в регионах России: характеристика типов и ресурс влияния // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1. С. 230.

³ Анисимова А. А. Формы взаимодействия органов государственного управления и институтов гражданского общества // Молодой ученый. 2023. № 3 (450). С. 151.

⁴ Институционализация взаимодействия гражданского общества с публичной властью в публично-правовых образованиях: монография / под общ.

является тесное сотрудничество общественных организаций и региональных властей. На местном уровне договориться и достичь результата проще, поскольку участники процесса сталкиваются с общими проблемами, но смотрят на них с разных сторон: и как представители власти, и как обычные граждане. На федеральном уровне такого взаимопонимания достичь сложнее. Главная проблема регионального правотворчества – нехватка ресурсов.

Обратим внимание на то, что общественный контроль, регулируемый Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹, позволяет общественным организациям следить за работой государственных органов, анализировать принятые ими решения и предлагать их изменения. Прозрачность этих процессов укрепляет доверие к власти и гражданским институтам, а также расширяет возможности защиты прав и свобод граждан.

Федеральным законом от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»² созданы Общественные наблюдательные комиссии (ОНК). Они появились в 2008 г., чтобы следить за соблюдением прав человека в местах лишения свободы. Численность ОНК варьируется от 5 до 40 человек в зависимости от региона. Это общественная правозащитная деятельность, которая не оплачивается. Выдвигать кандидатов в члены ОНК могут различные общественные организации (официально зарегистрированные и работающие не менее пяти лет), за исключением политических партий, религиозных организаций и НКО, признанных иностранными агентами. Члены ОНК обладают уникальной для российских правозащитников возможностью свободно посещать

ред. А. И. Кузьмина, Л. И. Ворониной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 59.

¹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (Ч. I). Ст. 4213.

² Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания: федер. закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 24. Ст. 2710.

любые учреждения, в которых находятся места принудительного содержания: будь то объекты МВД, ФСИН, ФСБ, Министерства обороны, образования или здравоохранения. Согласование визитов носит уведомительный характер: член ОНК заранее (за сутки, а в экстренных случаях – даже за пять минут) информирует руководителя соответствующего территориального органа о своем прибытии. Более того, члены ОНК имеют право использовать фото- и видеоаппаратуру для фиксации информации в соответствии с законодательством.

Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»¹ актуален в контексте нашего исследования, поскольку в его положениях закреплён правовой статус института общественной экологической экспертизы. Этот институт необходим многим городам, в которых существуют острые проблемы, связанные с экологией. В частности, Новокузнецк, Тольятти, Челябинск, Астрахань, Липецк – крупные города с проблемной экологической обстановкой, для которых возможность граждан повлиять на окружающую их среду особенно ценна. Так, в ст. 9 Федерального закона от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ закреплено, что для принятия решений относительно экологических вопросов сначала следует провести общественные обсуждения, а затем на их основе принимать решение, выслушав заявления общественных экологических организаций и движений.

Как в отечественной науке, так и в зарубежной общественные организации принято относить к «третьему сектору»², поскольку они выступают посредниками между государством и обществом. Российское законодательство обязывает органы власти поддерживать общественные организации в деятельности по защите прав и свобод граждан. Так, Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»³ возлагает на федеральные органы власти не только реализацию социальных программ в отношении инвалидов, но и поддержку

¹ Об экологической экспертизе: федер. закон от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 48. Ст. 4556.

² Ненсо С. В. Благотворительность и благотворительные организации в социальной политике государства // Общество и право. 2009. № 3 (25). С. 290.

³ О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федер. закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 48. Ст. 4563.

общероссийских организаций инвалидов. Государство оказывает им материальную, техническую и финансовую помощь. Кроме того, поддержку из местных бюджетов предоставляют органы местного самоуправления¹. В случаях принятия решений, затрагивающих интересы инвалидов, власти всех уровней обязаны привлекать представителей их общественных организаций.

Взаимодействие различных общественных организаций с органами власти регулируется рядом других федеральных законов. К примеру, законодательство о профсоюзах предусматривает развернутые формы их взаимодействия с властью и работодателями. Профсоюзы – традиционная форма представительства работников². Так, в Германии и других европейских странах профсоюзы – это добровольные объединения с корпоративной структурой, защищающие и улучшающие условия труда³. В России Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»⁴ определяет сотрудничество государства, работодателей и профсоюзов в сфере защиты прав и интересов членов профсоюзов по трудовым вопросам. Законопроекты относительно социально-трудовых прав работников рассматривают федеральные органы власти с учетом мнения общероссийских профсоюзов, которые имеют право участвовать в этом процессе. Представители профсоюзов могут свободно посещать рабочие места и организации, в которых трудятся их члены, для выполнения своих уставных задач. Профсоюзы также участвуют в выборах органов власти разных уровней. Законодательство о профсоюзах предусматривает различные формы их взаимодействия с властью и работодателями.

¹ Мишина Е. С. Территориальное общественное самоуправление как институт становления и развития гражданского общества // Молодой ученый. 2016. № 24 (128). С. 206.

² Зайцева О. Б. Особенности правосубъектности профессиональных союзов как субъектов трудового права // Lex Russica. 2007. Т. 66. № 1. С. 124.

³ Жалинский А. Э., Рерихт А. А. Введение в немецкое право. М.: Спарк, 2001. С. 542.

⁴ О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: федер. закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3. Ст. 148.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВООЩИТНОЙ ФУНКЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИИ

Общественные объединения взаимодействуют с правоохранительными органами в таких областях, как обеспечение общественной безопасности, профилактика правонарушений и поддержание общественного порядка, безопасность дорожного движения, защита прав детей, защита граждан от негативного воздействия наркотических средств и психотропных веществ, предоставление юридической помощи населению. Они активно взаимодействуют с прокуратурой и могут инициировать совместные мероприятия, например проверки соблюдения законодательства в сфере защиты прав граждан. Общественные объединения вправе запрашивать у прокуратуры информацию о мерах, принимаемых для защиты прав и свобод человека и гражданина¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что взаимодействие между государством и структурами гражданского общества является очень важным, поскольку государство и гражданское общество тесно связаны. Только совместными усилиями и при постоянном взаимодействии можно эффективно достигать целей в сфере защиты прав и свобод человека, а также обеспечения законности и правопорядка.

Однако проведенное исследование показывает, что существующая законодательная база не позволяет в полной мере решать проблемы, препятствующие эффективному взаимодействию органов публичной власти и институтов гражданского общества. Из этого следует необходимость совершенствования правовых механизмов их взаимодействия, развития открытого диалога в целях достижения баланса интересов всех участников процесса. Требуется комплексный подход, который включал бы в себя дальнейшее совершенствование законодательства, оптимизацию деятельности общественных правозащитных организаций, обеспечение их государственной поддержкой в аспекте возможного упрощения процедуры регистрации и доступа к разнообразным формам финансирования их деятельности, в том числе с выделением грантов и субсидий; создание благоприятных условий развития социального партнерства; повышение роли профсоюзов и других общественных институтов по защите

¹ Буда́й С. Н., Чернышова Т. Е., Артемов В. В. Взаимодействие органов прокуратуры Российской Федерации с институтами гражданского общества: учеб. пособие. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2010. С. 33.

трудовых прав работников. Такое сотрудничество должно быть непрерывным и базироваться на различных формах взаимодействия, связывающих государство и институты гражданского общества крепкими отношениями эффективного партнерства.

Библиографический список

1. *Анисимова А. А.* Формы взаимодействия органов государственного управления и институтов гражданского общества // Молодой ученый. 2023. № 3 (450). С. 151–153.
2. *Будай С. Н., Чернышова Т. Е., Артемов В. В.* Взаимодействие органов прокуратуры Российской Федерации с институтами гражданского общества: учебное пособие. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2010. 82 с.
3. *Галкина Е. В., Косов Г. В., Паслер О. В.* Гражданское общество в России: модели, традиции, тенденции развития: монография. Ставрополь: Ставролит, 2010. 287 с.
4. Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
5. *Жалинский А. Э., Рерихт А. А.* Введение в немецкое право. М.: Спарк, 2001. 767 с.
6. Законность: теория и практика: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Н. В. Субанова. 3-е изд. М.: Контракт, 2017. 399 с.
7. *Зайцева О. Б.* Особенности правосубъектности профессиональных союзов как субъектов трудового права // Lex Russica. 2007. Т. 66. № 1. С. 124–139.
8. Институционализация взаимодействия гражданского общества с публичной властью в публично-правовых образованиях: монография / под общ. ред. А. И. Кузьмина, Л. И. Ворониной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 168 с.
9. *Камышанский В.П.* Некоторые аспекты российской гражданско-правовой политики // Власть Закона. 2013. № 3 (15). С. 10–15.
10. *Мишина Е. С.* Территориальное общественное самоуправление как институт становления и развития гражданского общества // Молодой ученый. 2016. № 24 (128). С. 205–207.

11. *Ненцо С. В.* Благотворительность и благотворительные организации в социальной политике государства // Общество и право. 2009. № 3 (25). С. 290–292.

12. *Никовская Л. И., Якимец В. Н.* Публичная политика в регионах России: характеристика типов и ресурс влияния // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1. С. 224–235.

13. *Нудненко Л. А.* Конституционно-правовой статус общественных объединений в Российской Федерации: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 304 с.

14. *Соколов А. В., Исаева Е. А.* Гражданское общество в региональном измерении // Власть. 2015. Т. 23. № 1. С. 113–117.

15. *Сунгуров А. Ю., Захарова О. С., Петрова Л. А., Распопов Н. П.* Институты-медиаторы и их развитие в современной России. 1. Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт // Полис. Политические исследования. 2012. № 1. С. 165–178.

16. *Туманова А. С.* Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг. // Государство и право. 2023. № 6. С. 158–169.

17. *Шерязова А. С.* Взаимоотношения государственных органов и общественных объединений: конституционно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 28 с.

В. А. Витушко

доктор юридических наук, профессор
Республика Беларусь, г. Минск
vovka50@mail.ru

О МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ

ABOUT THE MULTIFUNCTIONALITY OF LEGAL INSTITUTIONS

В статье на примерах таких правовых институтов, как неустойка, договор и государство, дополнены ранее проведенные исследования институтов юридических лиц, обязательств, иных и сформулированы выводы об их многофункциональности. На этой основе сделано обобщающее предположение о том, что все отраслевые правовые институты многофункциональны, выполняют также функции частноправового и публично-правового характера, хотя и в различной степени. Все это делает правовые институты универсальными и взаимозаменяемыми в определенной мере. Комплексный и системный подходы, применяемые в статье, учитывают индивидуальные (оригинальные) свойства правовых институтов, но не допускают абсолютизации и исключительности этих свойств, признаков и функций.

Ключевые слова: правовой институт, неустойка, договор, государство, функции, свойства, многофункциональность.

The article supplements earlier studies of the institutes of legal entities, obligations, other and formulates conclusions about their multifunctionality on the examples of such legal institutes as forfeit, contract and state. On this basis, a generalising assumption is made that all sectoral legal institutions are multifunctional, they also perform functions of private and public-law nature, although to a different extent. All this makes legal institutions universal and interchangeable to a certain extent. Complex and systemic approaches applied in the article take into account individual (original) properties of legal institutions, but do not allow absolutisation and exclusivity of these properties, attributes and functions.

Keywords: legal institute, forfeit, contract, contract, state, functions, properties, multifunctionality.

Введение

В юридических науках господствующим методологическим подходом является индивидуализация, то есть обособление правовых институтов, а соответственно, и их функций. Комплексные подходы, заявляемые в диссертационных и иных работах, носят постановочный характер. На взаимосвязи и единстве отраслевых и межотраслевых функций правовых институтов всех отраслей права внимание не акцентировано. В настоящей статье примерами таких правовых институтов, как неустойка, договоры, государство, дополнены ранее проведенные исследования многофункциональности институтов юридических лиц, обязательств и иных. Сделано предположение о том, что институты всех отраслей права выполняют в той или иной мере функции частноправового и публично-правового характера. Применяемый нами комплексный и системный подход учитывает индивидуальные (оригинальные) свойства правовых институтов, но не допускает их абсолютизации и отрицания способности иметь универсальные правовые свойства.

Основной контент

В юриспруденции известным примером многофункциональности правовых институтов служит неустойка. Неустойка в гражданском обороте есть, во-первых, форма ответственности. Во-вторых, и в этой связи она есть один из способов защиты прав, что предусмотрено ст. 11 Гражданского кодекса (ГК) Республики Беларусь и ст. 12 ГК Российской Федерации (РФ). В-третьих, она выполняет функции способа обеспечения исполнения обязательств (параграф 2 главы 23 ГК Республики Беларусь и ГК РФ). В-четвертых, неустойка является санкцией. При этом ответственность и санкции по своей правовой природе выступают мерами воздействия на правонарушителей, решая не только частные, но и общественно значимые, публично-правовые функции пресечения и предупреждения правонарушений. Следует дополнить, что неустойку в форме штрафа и пени применяют не только в гражданском праве, традиционно причисляемом к частному праву. Она – неотъемлемый институт таких публичных отраслей, как административное, уголовное, налоговое право и др. Это

означает, что неустойка является не только многофункциональным гражданско-правовым, но и межотраслевым, частноправовым и публично-правовым многофункциональным институтом.

Другим примером осуществления множества функций гражданско-правового и общеправового характера служит договор. В литературе отражены многопонятийные, многозначные представления о договоре. Так, договор применяют как в частных, так и публичных отраслях права. В цивилистике договор рассматривают как соглашение, как юридический факт, как сделку, как форму и как правоотношение. Вместе с тем представления о различных функциях договора не получили поддержки. В частности, не принята позиция Б. И. Пугинского, согласно которой у договора функции шире, чем у сделки¹. Полагаем, что узость представлений о функциях договора основана на абсолютизации его индивидуализированного цивилистического понимания и определения, не учитывающих его более широкую комплексную правовую и социальную природу, в том числе системоформирующую роль в истории развития общественных отношений и правоотношений.

В настоящей статье сделан акцент, во-первых, на множественности функций договора как *самодостаточной и саморазвивающейся системы, комплексного социального и правового явления*. Во-вторых, при рассмотрении вопроса о функциях договора не акцентировано внимание на его понятии и отличиях от остальных гражданско-правовых явлений. Наоборот, *обращено внимание на общность, относительное единство договора и других гражданско-правовых явлений, институтов*. Кроме того, *выделены его частноправовые и публично-правовые функции*.

Некоторые представления о договоре как системе в цивилистике находят отражение, если в нем выделяют структурные элементы, включая субъектов, объекты и содержание. Но на этом системный подход и ограничивается. Хотя и при таком понимании договора как системы *можно обнаружить, во-первых, обеспечение осуществления договором не только частных, но и общественных (публичных) интересов*. Во-

¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1. Общие положения. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2000. С. 14–16.

вторых, важно уточнить, что *договор, как и всякая иная система, объединяет и управляет* своими структурными элементами. Договор есть не только соглашение двух и более определенных лиц, но и социальный институт, диктующий свои условия деятельности этим лицам. Возникает лишь вопрос о том, каким образом договор диктует императивы поведения его субъектам, определяет их права и обязанности, др. Разумеется, договор не является юридическим лицом или иным властным образованием над своими структурными элементами, дающим приказы, предписания и иные обязательные распоряжения. Но этого и не нужно. Общество не могло бы существовать лишь на приказах, да еще и с применением карательных мер. Общество развилось из недр социально организованных живых существ, животных, которые, как известно, ведут коллективный образ жизни, добровольно совершают множество действий коммуникационного, организационного, натурального, гуманитарного и иного свойства, ставших присущими и человеку. Речь идет о совместно организованной охоте, иной добыче пищи, заботе о потомстве, немощных и т. д.

Если в природе и космосе тела связаны между собой, в частности, гравитационной силой, то в обществе, *в договоре, его субъекты связаны, во-первых, их генетически сформированной в процессе эволюции человека разумного культурой партнерства и взаимодействия*¹. Во-вторых, договор с первобытных времен стал основным социально-правовым институтом, который выполнял и выполняет функции регулирования и учета личных и общественных интересов. Да и не могло быть в упомянутое время конкуренции личных и общественных интересов. Известно, что личность не могла выжить вне семьи, рода и племени, игнорируя их интересы своими действиями (сделками). Соглашения отдельных лиц в этих сообществах неизбежно должны были сочетать личные и общественные интересы. Равно как и сегодня: основная масса населения любой страны, совершая юридические действия, делает это не в ущерб своей семье, своей корпорации и государства.

Современные конституционные императивы того, что единственным источником государственной власти и носителем

¹ Витушко В. А. Духовное единство, коллективизм и сотрудничество как врожденные социально-правовые и социально-психологические свойства человека и народа // Власть Закона. 2024. № 1 (57). С. 106–107.

суверенитета выступает народ (ст. 3 Конституции Республики Беларусь, ст. 7 Конституции РФ), – это слепок с первобытного «золотого века» человечества и правового режима в первых государственных образованиях. В указанный период государства не навязывали гражданам императивов осуществления хозяйственной жизни, торговли и быта. Более того, государства систематизировали и легализовали древние обычаи своего народа, возводили эти обычаи в ранг законов, которые должны были соблюдать все в равной мере. Таким же наглядным результатом народной правотворческой деятельности является торговое право, которое сложилось из обычаев субъектов торговой деятельности, купцов и считалось сугубо сословным правом этой категории населения¹.

Аналогично складывалось, например, цеховое право в рамках сословия ремесленников, договорное право между сюзеренами и вассалами. Государство изначально устанавливало лишь бремя уплаты налогов и несения воинской повинности. Позднее запрещено первобытное самоуправство при разрешении споров, нужно было идти в государственные суды за защитой нарушенных прав и интересов. Тем самым защита прав и интересов личности получила статус общественно значимого института, регулируемого публичным правом². Таким образом, саморегулирование народом общественных отношений не искоренялось, не подменялось, а укреплялось государственно-правовыми мерами. Поклонение народа императорам носило фанатичный характер с точки зрения современной демократии. Этих лиц обожествляли, а правомерность любых их действий, включая карательные, не подвергалась сомнению.

Конечно, на протяжении веков и тысячелетий идиллия разумных и справедливых общественных отношений могла подвергаться испытаниям. Тем более что в истории цивилизации существует много примеров того, как государства занимались товарной хозяйственной деятельностью, использовали свои вооруженные силы, полицию и иные инструменты для захвата монополии на отдельные виды деятельности (например, по

¹ Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран. Сборник нормативных актов: гражданские и торговые кодексы: учеб. пособие / под ред. В. К. Пучинского, М. И. Кулагина. М.: Изд-во УДН, 1986. С. 106.

² Римское частное право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: Зерцало-М, 2012. С. 59–64.

торговле солью и алкоголем), а также допускали иное злоупотребление своим статусом субъекта частного и публичного права. Тем не менее тотального вмешательства государства в частную жизнь граждан не было. Ряд исследователей пишут: «Государство при всем своем желании не может своим законодательством “предусмотреть все встречающиеся в реальной жизни ситуации”. Вмешательство государства в сферу частных интересов своих граждан не может становиться всеобъемлющим, безграничным и произвольным, а публичная власть не вправе считать себя главным выразителем и защитником этих интересов, даже если она полагает, что знает их лучше, чем их носители (что, к сожалению, исторически присуще отечественной государственности). При ином подходе у граждан быстро теряется интерес к инициативной, самостоятельной деятельности и, напротив, возникает заинтересованность в обходе законодательных предписаний...»¹. Неслучайно Ж. Ж. Руссо договорное соглашение граждан признавал основой зарождения государственной формы сосуществования людей.

В период буржуазных революций XVII–XVIII вв. принимали декларации и конституции, которые абсолютизировали личные свободы граждан, а также их свободы по осуществлению хозяйственной, торговой и иной деятельности. Государства даже самоустранялись от регулирования свобод граждан. Но этот век абсолютизации свобод граждан был недолгим. Такого рода абсолютизация, как и все иные абсолютизации, вступала в противоречие с общественными интересами, в частности с другим принципом буржуазных революций – принципом равенства граждан. Для сбалансированного сочетания принципов свободы и равенства, на основе развивавшихся представлений о социальном государстве и праве, обременении личности интересами общества в конце XIX в. предпринято системное законодательное регулирование хозяйственных, бытовых, культурологических и иных правоотношений. С этого времени начали принимать национальные и международные нормативные правовые акты по противодействию монополистической деятельности, иному обременению интересов частных лиц и государства общественными интересами. Данное законодательство формализовало юридические связи субъектов

¹ Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд, перераб. и доп. М.: Волтерс Клаувер, 2004. С. 2.

договоров с правами и законными интересами третьих лиц, общества. Тем самым договору *легально придавали характер не только частного, но и общественно значимого инструмента регулирования общественных отношений, демонстрирующего зависимость субъектов договоров от частных и общественных интересов, интересов неопределенного круга третьих лиц, общества*. В литературе обращено внимание и на учет интересов третьих лиц при осуществлении права собственности, баланс интересов¹.

Вытекающие из договоров правовые связи субъектов договора с законными интересами третьих лиц уже прослеживались в цивилистике, поскольку договоры могут предоставлять права третьим лицам². Но в данном случае речь шла о конкретных третьих лицах. Проводимые нами исследования позволяют утверждать, что у субъектов договоров возникают еще правовые связи и с неопределенным кругом третьих лиц, а значит, и обществом. Такие связи присутствуют всегда, носят неразрывный и непрерывный характер. Исходя из этого характера связей, они названы нами континуальными, во-первых. Во-вторых, наличие правовых связей субъектов договоров с неопределенным кругом третьих лиц формализует взаимосвязь минимум двух правоотношений. Из них одно – договорное, а другое – по меньшей мере, с одним третьим лицом. Это означает, что *всякое договорное и иное гражданское правоотношение представляет систему, структура которой включает в себя два гражданских правоотношения*. Хотя в реальности таких взаимосвязанных правоотношений в структуре всякого договорного и иного гражданского правоотношения существует неопределенное количество.

Данная система, условно состоящая из двух правоотношений, включает в себя два вида гражданских правоотношений. Одно из этих правоотношений, основное (договорное), традиционно называют горизонтальным гражданским правоотношением (например, правоотношение по договору поставки). Другое именуют смежным, придаточным, вертикальным, поскольку схематично его нужно выделить в

¹ Камышанский В. П. Пределы и ограничения права собственности: монография. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2000. С. 15.

² Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 3. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 2-е изд., доп., испр. М.: Статут, 2002. С. 13.

связке с основным правоотношением (хотя его можно назвать и иначе, диагональным, например), тем более что их неопределенное количество. Такое придаточное гражданское правоотношение связывает субъектов договора поставки, как мы условились, с неопределенным кругом иных третьих лиц, обществом. Эти третьи лица выступают покупателями, лизингополучателями и иными потребителями продукции, приобретаемой по договору поставки. Третьими лицами могут быть поставщики сырья, комплектующих для производителя продукции, его арендодателями, исполнителями услуг, иными кредиторами. Такие третьи лица при необходимости могут быть конкретизированы. Если указать в качестве примера договор страхования, то становится очевидным, что в договоре страхования гражданской ответственности выгодоприобретатель есть третье неопределенное лицо, которое при наступлении страхового случая приобретает статус конкретного кредитора. Влияние на права и интересы третьих лиц оказывают, и третьи лица конкретизируются, если они, помимо изложенного, испытывают и иное влияние субъектов горизонтальных договорных отношений на конкуренцию, ценообразование, безработицу, экологические, иные частные и общественные интересы.

Бытовые договоры его субъекты также совершают с учетом интересов неопределенного круга третьих лиц, включая членов своей семьи, своей корпорации, государства, а не вопреки этим интересам. Таким образом, *договор, как социально-правовое явление, всегда был и остается формой добровольного возложения и исполнения обязательств в личных и социальных интересах*. Приоритетность и обособленность частных интересов у субъектов договоров – это не редкое, но не тотальное явление. Наоборот, для договоров характерно их массовое добровольное исполнение, позволяющее конкретным субъектам, а также третьим лицам, обществу и народному хозяйству динамично развиваться. *Врожденная культура социальной зависимости личности от общества во всех ее проявлениях, включая правовую, организационную, технологическую, коммуникационную и иную культуру, и есть «социальная гравитационная сила», которая исторически и генетически диктовала субъектам договоров надлежаще и реально их исполнять, что позитивно сказывается на обществе в целом*. В противном случае господствовала бы анархия, и общество не

могло бы развиваться. Известно, что раздробленность общества даже по идеологическим мотивам влечет его упадок в развитии и распад или захват соседними более монолитными народами. Поэтому любые разговоры о приоритете частного меркантилизма, экономики над другими интересами общества, отделяя экономику от культуры и иных социальных ценностей, объединяющих людей, отдаляют нас от понимания природы общества, права, правовых институтов и их функций.

Полноценное рассмотрение договора как системы требует дополнительного привлечения и применения в настоящем исследовании общенаучной методологии. Изучая договорное право как системоформирующую основу гражданско-правовых отношений целесообразно использовать системологию, рассмотреть свойства договора с точки зрения этой науки, а также иных общенаучных принципов. В частности, с позиции системологии все явления природы и общества есть системы и в рамках системы *все явления природы и общества едины и неразрывно связаны, имеют как общие, так и собственные индивидуальные свойства, функции и признаки*. Соответственно, договоры и его структурные элементы неразрывно связаны, имеют как общие (универсальные), так и индивидуальные свойства, функции и признаки. Это происходит ввиду действия общенаучного принципа взаимного отражения, подразумевающего, что *все явления природы и общества взаимно отражаются одно в другом и оставляют одно в другом следы, то есть свойства, функции и признаки*.

Таким образом, формируется единство системы, в том числе и договора, и ее структурных элементов. Системы не только объединяют, но и управляют своими структурными элементами. Соответственно, договор как система, согласно указанной аксиоме, управляет своими субъектами, определяет объекты, права и обязанности договорного правоотношения. Факт отражения в договоре свойств, функций и признаков договора, а также его структурных элементов свидетельствует о том, что его элементы в определенной мере (относительно) подчинены договору как родовому явлению. Элементы договора, имея индивидуальные свойства, функции и признаки, обладают некоторой автономией, тем не менее зависимы от договора в рамках неразрывных связей своих и договорных общих свойств, функций и признаков. Следовательно, в гражданском праве нужно различать не только индивидуальные частные интересы

субъектов договора или иного гражданского правоотношения, но и публичные, то есть *общие интересы сторон договора (правоотношения), отражающие одновременно и интересы неопределенного круга третьих лиц.* В свою очередь, *общие интересы сторон договора и третьих лиц* следует рассматривать как самостоятельную правовую категорию гражданского права. Вместе с тем в качестве особой категории гражданского права необходимо рассматривать *понятие неопределенного круга третьих лиц, как публичного (совокупного) субъекта,* выражающего общественно значимые и охраняемые права и интересы.

Такой совокупный субъект выделяется наряду с понятием конкретных субъектов договоров (правоотношений) и конкретных третьих лиц. Без понятия совокупного субъекта правоотношений нельзя легально формализовать правоотношения, направленные на учет общественно значимых прав и интересов, а также формально юридически обозначить связи между конкретными субъектами правоотношений и иными лицами для реализации конституционных императивов социализации государства и права.

Государство не способно объять необъятное и выполнять функции повсеместного, всевидящего и вневременного блюстителя, защитника прав и законных интересов неопределенного круга субъектов гражданских правоотношений, во-первых. Во-вторых, государство выступает субъектом гражданско-правовых (частных) отношений и может неправомерно воздействовать на права и интересы других субъектов гражданских правоотношений. Поэтому оно также подвергается антимонопольному и иному регулированию. Но в составе совокупного (публичного) субъекта государство может участвовать в защите своих частных имущественных прав и интересов, а также прав и интересов иных частных лиц. Субъектом защиты общественных (публичных) прав и интересов, наделяемым статусом публичного субъекта, может быть, во-первых, любой субъект гражданских правоотношений, имеющий свои интересы в рамках соответствующей *сложно структурированной системы континуального правоотношения.* Во-вторых, в составе совокупного субъекта всегда может выступать не одно конкретное третье лицо, а совокупность конкретных третьих лиц, имеющих обособленные либо общие права и интересы. В-третьих, сферой частных интересов

конкретных лиц понятие совокупного (публичного) субъекта не ограничено. Субъекты гражданских отношений могут не иметь личного интереса в деятельности субъектов договора или иного правоотношения, их интерес состоит в инициативной деятельности по защите общественных (публичных) интересов, нарушаемых субъектами договора или иного гражданского правоотношения.

Хотя для этого потребуется законодательно расширить права третьих лиц, не ограничиваясь правом любого заинтересованного лица предъявлять иск об установлении факта ничтожности сделки и о применении последствий недействительности сделки (п. 2 ст. 167 ГК Республики Беларусь; ч. 2 п. 2 ст. 166 ГК РФ). Например, любому третьему лицу (субъекту гражданских правоотношений) можно законодательно предоставить право предъявлять иски в публичных интересах, независимо от личной заинтересованности, как это было, в частности, в Древнем Риме.

Наконец, влияние договора-системы на свои структурные элементы с целью учета и обеспечения общественных интересов основано на действующих формально-юридических императивах. К последним относятся нормы гражданского права о недействительности, незаключенности договора, ответственности сторон и иные, установленные именно для учета и реализации общественных интересов в рамках договоров (правоотношений). Отражение в договоре существенных условий, согласно их законодательной универсальности (ст. 402 ГК Республики Беларусь, ст. 432 ГК РФ), ограничивает свободу договора, действия его субъектов, что также продиктовано общественными интересами. Равно и другие императивы заключения, совершения, изменения и расторжения договоров обеспечивают не только частные, но и публичные интересы.

К публично-правовым функциям договора можно отнести как регулирование общественных отношений, так и защиту прав, обеспечение исполнения не только договорных, но и внедоговорных обязательств, иное обеспечение прав и законных интересов неопределенного круга третьих лиц. В частности, защита прав осуществляется договорами подряда и оказания услуг, которые заключают заказчики с целью самозащиты интересов путем установки охранных устройств и осуществления охраны своего имущества силами соответствующих организаций. Договоры страхования обеспечивают осуществление и защиту

«имущественных интересов граждан, организаций и государства, являются необходимым элементом социально-экономической системы общества»¹. Главной функцией страхования служит «обеспечение безопасного осуществления экономической (хозяйственной) деятельности посредством предоставления ее участникам гарантированной защиты от различного рода опасностей, угрожающих их материальным благам (ценностям), тем самым содействуя увеличению безопасности как каждого из них, так и всей экономической системы»². Таким образом, договоры страхования демонстрируют обеспечение осуществления и частноправовых, и общественных, публично-правовых прав и интересов.

Обеспечительная функция договоров страхования имеет как универсальные, так и особенные признаки в сравнении с классическим гражданско-правовым институтом обеспечения исполнения обязательств. Например, при страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств за причинение вреда (ст. 823 ГК Республики Беларусь; ст. 931 ГК РФ) такое страхование выполняет функция способа обеспечения исполнения внедоговорных обязательств, связанных с возложением бремени ответственности страхователя перед неопределенным кругом третьих лиц, которым может быть причинен вред по вине страхователя. Обеспечение исполнения внедоговорных обязательств осуществляется путем публичного понуждения страхователя к заключению такого договора страхования за свой счет. Эта особенность понятия способа обеспечения исполнения обязательств по договору страхования *в пользу неопределенного круга третьих лиц* отличает его от классического понятия способа обеспечения исполнения договорных обязательств, при котором выгодоприобретателем выступает заранее определенное лицо, контрагент по договору. Но социально-правовое назначение обоих этих способов обеспечения исполнения обязательств единое. Наиболее четко универсальный характер признаков обеспечения исполнения обязательств прослеживается при страховании ответственности по договору, если выгодоприобретателем является контрагент

¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 499, 501, 505–506.

² Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 4. Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 299.

(кредитор) по договору, который получит компенсацию своих потерь ввиду договора страхования, совершенного его должником, страхователем одновременно с совершением основного договора. Таким образом, множество функций договоров носит многомерный характер, поскольку функции имеют не только отраслевой гражданско-правовой (частноправовой) характер, но и межотраслевой, в том числе публично-правовой. Управление договором как системой своими структурными элементами обусловлено:

- исторически сложившейся культурой единства народа, партнерства и взаимодействия, сформированной генетически на подсознательном уровне;
- законодательным ограничением индивидуализма и эгоизма личности в обществе, обременением ее интересами неопределенного круга лиц, общества (социализацией права);
- формально-юридическими императивами соответствия договора требованиям заключения, исполнения, изменения и расторжения.

С учетом характера приведенных причин управляющей и регулирующей роли договора отдельно выделены эволюционные природные (физиологические и психические) и социальные, формально-юридические, культурологические, иные причины. Это означает, что развитие правовых институтов происходит не только ввиду деятельности народа (творца права), воли государства (законодателя), но и с учетом природных, не зависящих или мало зависящих от человека причин. Так, на исполнение договоров неотвратимо действуют обстоятельства непреодолимой силы, форс-мажорные обстоятельства, смерть субъекта договора и др. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что *право развивается ввиду единства природных и социальных факторов, определяющих развитие общества.*

Многофункциональным видится и такой социально-правовой институт, как государство. Традиционно государство рассматривают в качестве формы организации публичной государственной власти¹. Среди основных его функций выделяют экономическую, которая выражена в выработке и координации

¹ Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. 5-е изд., доп. и перераб. М.: Юринформцентр, 2001. С. 210.

государством стратегических направлений развития экономики страны в наиболее оптимальном режиме¹.

В цивилистике справедливо утверждается, что государство использует гражданско-правовые формы и институты. При этом отождествлять государство с юридическими лицами, их специальной правоспособностью нельзя. Правоспособность государства шире². Ее можно, как указано в литературе, отнести к разряду «функциональных»³. Вместе с тем стоит акцентировать внимание на частно-публичном правовом статусе государства, демонстрирующем его двойственную, по меньшей мере, социально-правовую природу, а значит, и множественность его функций.

Как известно, в Древнем Риме двуликий Янус был изначально верховным богом-демиургом. *С методологической точки зрения это отражало и отражает объективное свойство природных и социальных систем иметь двойственную, как минимум, природу, хотя объективно она многомерна.* Согласно ст. 124 ГК Республики Беларусь и ст. 124 ГК РФ Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы, а также Россия и субъекты РФ, муниципальные образования участвуют в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных с иными участниками этих отношений, то есть физическими и юридическими лицами. Правовой статус государства и государственных образований приравнен к правовому статусу юридических лиц, если в законодательстве не сказано об ином. Это означает, что государство в гражданском обороте следует рассматривать как любое частное физическое или юридическое лицо, а в условиях рынка – как крупнейшего капиталиста, управляющего и распоряжающегося огромными земными, подземными, лесными, водными, финансовыми, иными ресурсами, составляющими народное достояние. Государство – сильный конкурент для

¹ Вишневский А. Ф., Горбаток Н. А., Кучинский В. А. Общая теория государства и права: учеб. пособие. Мн.: Амалфея, 2002. С. 110.

² Камышанский В. П. Иммуниет государства как общепризнанный принцип международного права // Закон и право. 2014. № 11. С. 15.

³ Голубцов В. А. Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования как субъекты гражданских прав // Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ- ДАНА, Закон и право, 2024. С. 153–155.

индивидуальных предпринимателей и создаваемых гражданами юридических лиц.

Кроме того, государство управляет фондом социальной защиты населения и иными фондами, формируемыми за счет средств граждан и юридических лиц. Граждане вправе требовать от государства реализации таких задач, в том числе и в судебном порядке, особенно в сферах социального обеспечения, медицины, образования и др. В этой связи функции государства как субъекта частного права изначально расширяются и углубляются, в сравнении с публично-правовыми функциями по решению стратегических социально-экономических, иных задач.

Нельзя не учитывать, что граждане, частные лица также обременяют себя общественными (публичными) интересами. И нужно иметь в виду то, какое государство, капиталистическое, империалистическое, социалистическое, социальное, утопическое, разумно и добросовестно, на сбалансированной основе обеспечивает личные и иные частные права и законные интересы физических и частных юридических лиц.

При осуществлении правотворчества и правоприменения государством не исключена возможность использования им своего положения в противоречие с антимонопольным законодательством и иными частными правами и законными интересами. В частности, ст. 12 ГК Республики Беларусь и ст. 13 ГК РФ предусматривают возможность признания недействительными ненормативных актов государственных органов в судах по требованиям заинтересованных граждан и юридических лиц. В России допустимым является обжалование и нормативных правовых актов государства, нарушающих права и законные интересы граждан и юридических лиц. В Белоруссии такая возможность исключена с 1 января 2025 г. Антимонопольное законодательство также предусматривает возможность обжалования неправомерных действий государственных органов управления, нарушающих антимонопольное законодательство. Таким образом, государство есть не только публично-правовое явление, но и частноправовой, и социальный институт. Многомерная множественность его функций носит частно-публичный характер. Однако системного регулирования и применения данные отношения не получили.

Выводы

Проведенное исследование позволяет заключить, что все правовые институты многофункциональны, выполняют в том

числе функции частноправового и публично-правового характера, хотя и в различной степени. В связи с этим неустойка, договор, государство, другие отраслевые правовые институты являются частно-публичными. С методологической точки зрения это делает их универсальными и взаимозаменяемыми в определенной мере, что не должно абсолютизироваться. Вместе с тем каждый правовой институт отличается индивидуальными свойствами, оригинальностью, которую также нельзя абсолютизировать.

Договоры есть системоформирующие социально-правовые явления, которые управляют своими субъектами, объектами, содержанием, а также развитием общества и права. Врожденная культура социальной зависимости личности от общества во всех ее проявлениях, включая правовую, организационную, технологическую, коммуникационную и иную, есть «социальная гравитационная сила», которая исторически и генетически диктует субъектам договоров надлежаще и реально их исполнять, что позитивно сказывается на обществе в целом.

Всякое договорное и иное гражданское правоотношение представляет систему, структура которой включает в себя два, как минимум, неразрывно связанных гражданских правоотношения. Общие интересы сторон договора и третьих лиц следует рассматривать как самостоятельную правовую категорию гражданского права. В качестве особой категории гражданского права целесообразно рассматривать и понятие неопределенного круга третьих лиц, как публичного (совокупного) субъекта, выражающего общественно значимые и охраняемые права и интересы.

Множество функций договоров носит многомерный характер, поскольку функции имеют не только отраслевой гражданско-правовой (частноправовой) характер, но и межотраслевой, в том числе публично-правовой. Государство есть не только публично-правовое явление, но и частноправовой, и социальный институт. Многомерная множественность его функций носит частно-публичный характер

Библиографический список

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1. Общие положения. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2000. 848 с.

2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 3. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 2-е изд., доп., испр. М.: Статут, 2002. 1055 с.

3. Витушко В. А. Духовное единство, коллективизм и сотрудничество как врожденные социально-правовые и социально-психологические свойства человека и народа // Власть Закона. 2024. № 1 (57). С. 168–189.

4. Вишневский А. Ф., Горбатов Н. А., Кучинский В. А. Общая теория государства и права: учеб. пособие. Мн.: Амалфея, 2002. 656 с.

5. Голубцов В. А. Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования как субъекты гражданских прав // Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2024. 447 с.

6. Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран. Сборник нормативных актов: гражданские и торговые кодексы: учеб. пособие / под ред. В. К. Пучинского, М. И. Кулагина. М.: Изд-во УДН, 1986. 336 с.

7. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. 720 с.

8. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 4. Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. 816 с.

9. Камышанский В. П. Иммунитет государства как общепризнанный принцип международного права // Закон и право. 2014. № 11. С. 15–17.

10. Камышанский В. П. Пределы и ограничения права собственности: монография. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2000. 224 с.

11. Римское частное право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: Зерцало-М, 2012. 560 с.

12. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. 5-е изд., доп. и перераб. М.: Юринформцентр, 2001. 972 с.

В. В. Зайцев

директор

Центра экономического правосудия

Высшей школы правоведения

Института государственной службы и управления,
заведующий кафедрой правового обеспечения рыночной
экономики Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при

Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Россия, г. Москва

vzaytsev@ranepa.ru

**МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА
ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ**

**THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF THE
TRANSACTION OF DIGITAL ASSETS**

В статье утверждается, что в течение последних нескольких лет в юридической доктрине много внимания уделяют анализу цифровых активов как особого вида объектов гражданских прав, в рамках которого рассматривают значение и правовую природу их отдельных видов. Важным направлением научного исследования этой проблематики, по мнению автора, представляется изучение оснований, порядка и условий оборота цифровых активов, то есть особенностей регулирования отношений, возникающих в процессе их передачи от субъекта к субъекту. В статье обоснована мысль о том, что правовой механизм гражданско-правового регулирования оборота цифровых активов является неоднородным и многоуровневым: поскольку цифровые активы имеют различную правовую природу, регулирование отношений, возникающих в процессе их перехода, осуществляется сложным, неоднородным составом различных правовых норм, а многоуровневый характер рассматриваемого правового механизма предопределен цифровизацией относящейся к ним сферы. В связи с этим

законодатель устанавливает дополнительные правила их технической передачи от одних лиц к другим.

Ключевые слова: цифровые активы, цифровые права, цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, объект гражданских прав, субъективное гражданское право, юридическое средство, правовой механизм, гражданско-правовое регулирование.

The article states that over the past few years, legal doctrine has paid much attention to the analysis of digital assets as a special type of objects of civil rights, within the framework of which the meaning and legal nature of their separate types are considered. In the author's opinion, an important direction of scientific research of this problematic is the study of the grounds, procedure and conditions of digital assets turnover, i.e. the peculiarities of regulation of relations arising in the process of their transfer from subject to subject. The article substantiates the idea that the legal mechanism of civil law regulation of the turnover of digital assets is heterogeneous and multilevel: since digital assets have a different legal nature, the regulation of relations arising in the process of their transfer is carried out by a complex, heterogeneous composition of various legal norms, and the multilevel nature of the legal mechanism under consideration is predetermined by the digitalisation of the sphere related to them. In this regard, the legislator establishes additional rules for their technical transfer from one person to another.

Keywords: digital assets, digital rights, digital financial assets, utilitarian digital rights, object of civil rights, subjective civil right, legal instrument, legal mechanism, civil law regulation.

В условиях расширения масштабов цифровизации всех сфер гражданского оборота в нем все более важное значение приобретают цифровые активы, легальная регламентация которых стала одним из главных направлений модернизации гражданского законодательства. 18 марта 2019 г. принят Федеральный закон № 34-ФЗ¹, предусматривающий введение в Гражданский кодекс Российской

¹О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 12. Ст. 1224.

Федерации¹ (далее – ГК РФ) понятие цифровых прав, которыми признают указанные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы, и установивший, что осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу (ст. 141.1). Однако использование подобной категории порождает много вопросов, в том числе и потому, что она может быть наполнена иным содержанием и может ассоциироваться с совокупностью прав на доступ к интернету, получение, использование и передачу информации. С учетом этого в качестве альтернативы нередко используют понятие цифровых активов.

По такому пути пошел и Международный институт унификации частного права (УНИДРУА), утвердивший в 2023 г. Принципы цифровых активов и частного права (далее – Принципы)², в которых они трактуются как «электронная запись, которая может быть предметом контроля», что не соответствует традиционному пониманию актива как экономической категории, охватывающей имущество, результаты работ и оказание услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, любые иные объекты гражданских прав, принадлежащие на праве собственности конкретному лицу. Но, по словам разработчиков соответствующих положений, использование подобной формулировки стало следствием попытки выработать технологически и юридически нейтральное понятие, не зависящее от складывающихся в различных юрисдикциях подходов к решению многообразных и принципиально новых проблем, обусловленных цифровизацией. При этом основной целью разработки и принятия таких Принципов закономерно послужило снижение правовой неопределенности на базе выработки общих подходов и

¹Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 30.10.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

²UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law // International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT). URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

представлений, обеспечение предсказуемости транзакций с этими активами, которые все чаще становятся предметом различных юридических действий, вызывая все более глубокий интерес в качестве нового, специфического объекта взаимообусловленного поведения субъектов конкретного правоотношения¹. Это обуславливает активное развитие соответствующего раздела современной доктрины², в которой глубоко исследуют понятие, значение и правовую природу цифровых активов³, а также особенности их отдельных видов⁴. К числу наиболее значимых направлений научных исследований в данной сфере относится изучение специфики гражданско-правового регулирования отношений, возникающих по поводу использования цифровых активов в гражданском обороте и их перехода от одних субъектов к другим⁵ в частности и месту цифрового права в системе права⁶ в целом. Это требует определения специфики правового механизма регулирования оборота цифровых активов.

Термином «оборот» принято обозначать отчуждение или переход объектов гражданских прав от одного лица к другому любым правомерным способом, за исключением объектов, ограниченных в обороте (п. 1 ст. 129 ГК РФ). Много внимания изучению и характеристике этого понятия уделено в советской цивилистической науке. Так, С. Н. Братусь рассматривал оборот

¹ Объекты гражданского оборота: учебник / под ред. Т. В. Дерюгиной, Л. А. Чеговадзе. М.: Проспект, 2023. С. 19–24.

² Мограбян А. С. Цифровые права как объекты гражданских прав в России // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 141; Юзефович Ж. Ю., Хазова В. Е. Цифровые права как объекты гражданских прав // Гражданское право. 2022. № 5. С. 15; Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14.

³ Зыкова О. А. Природа цифрового права и его соотношение со смежными правовыми категориями // Цивилист. 2023. № 1. С. 12; Лантева А. М. Цифровые права как объекты инвестиционной деятельности // Российский юридический журнал. 2024. № 1. С. 122; Камышанский В. П. Цифровые права в российском гражданском праве // Власть Закона. 2019. № 3. С. 13.

⁴ Халагаева О. А. Виды цифровых прав // Гражданское право. 2023. № 5. С. 42.

⁵ Михеева И. Е. Отдельные правовые особенности залога цифровых прав // Право и экономика. 2022. № 10. С. 16; Ветчинников Д. В. Особенности осуществления цифровых прав в Российской Федерации // Хозяйство и право. 2022. № 6. С. 46; Камышанский В. П. О цифровых финансовых активах // Власть Закона. 2019. № 4. С. 13.

⁶ Зайцев О. В. Цифровое право в системе российского права // Lex russica (Русский закон). 2024. № 9. С. 116.

как правовую форму экономических отношений обмена товарами на основании совокупности сделок и иных юридических фактов¹, а О. А. Красавчиков определял его в качестве совокупности гражданско-правовых обязательств, возникающих из правомерных действий, направленных на передачу имущества, выполнение работ, оказание услуг, уплату денег и др.² Дискуссия о сущности гражданского оборота продолжается и в современной доктрине³.

Не углубляясь в подробный обзор суждений, сформулированных относительно рассматриваемого понятия, определим, что оборот представляет собой отчуждение или переход объектов гражданских прав от одного лица к другому посредством совершения различных юридических действий, характер которых обусловлен целями такого перехода. В связи с этим закономерно возникает вопрос об особенностях (механизме) правового регулирования возникающих общественных отношений.

Содержательно рассматриваемое понятие раскрыто С. С. Алексеевым. Он анализировал его как «взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения»⁴, возникающие и по поводу объектов, поименованных в ст. 128 ГК РФ. Вместе с тем далеко не все из них могут быть вовлечены в гражданский оборот, поскольку, как пишет Л. А. Чеговадзе, «оборотоспособность – свойство, присущее как вещам, так и требованиям имущественного характера, однако их оборот серьезно различается»⁵. Фактически специфика объекта прав предопределяет особенности механизма правового регулирования его оборота, что отчетливо демонстрирует

¹Братусь С. Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве // Советское государство и право. 1949. № 11. С. 71.

²Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права // Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2005. С. 408.

³ См., напр.: Астахова М. А. К вопросу о понятии гражданского оборота // Бюллетень нотариальной практики. 2006. № 5. С. 44; Захаркина А. В. «Гражданский оборот» как фундаментальная цивилистическая категория // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 3. С. 323.

⁴ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. С. 30.

⁵ Чеговадзе Л. А. Объекты гражданских прав и новая редакция статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 10. С. 86.

правовое регулирование перехода прав на движимое и недвижимое имущество (ст. 223 ГК РФ), права требования (п. 2 ст. 389.1 ГК РФ) и др. Спецификой обладает оборот результатов интеллектуальной деятельности, отчуждение которых нельзя назвать оборотом в строгом смысле этого слова, поскольку в большинстве случаев в отношении интеллектуальной собственности правообладатель предоставляет третьим лицам обеспеченную правом возможность использования тех или иных результатов интеллектуальной деятельности, в том числе произведений науки, литературы или искусства (ст. 1229 ГК РФ).

Сложным этот вопрос является в отношении цифровых активов, которые, несмотря на неовещественный нематериальный характер, представляют собой некое социальное имущество (благо), способное удовлетворять интересы частных лиц; они обладают определенной стоимостью, могут переходить от обладателя к другим лицам. В современной доктрине справедливо утверждается, что «цифровое право как право на цифровой объект, присуще всем разновидностям цифрового имущества: оно предполагает доступ к нему, возможность использования и распоряжения. Дополнительно цифровое имущество может удостоверять какое-либо обязательственное право (либо порождать его). Криптовалюта, напротив, не предполагает наличия каких-либо обязательственных прав»¹. Присоединяясь к приведенному утверждению, проанализируем условия и порядок правового регулирования передачи цифровых активов от одних лиц к другим.

В первую очередь обратим внимание на наличие ряда ограничений на их оборот. Прежде всего они связаны с нормативным определением перечня цифровых прав, поскольку признание их в этом качестве связано с упоминанием их в соответствующем законе (ст. 141.1 ГК РФ). Согласно Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ² (далее – Закон о ЦФА) такими являются цифровые финансовые активы, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на

¹ Петраков Н. А. Концепция цифрового имущества как объекта гражданских прав // *Цивилист*. 2024. № 1. С. 62.

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы, включая денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам (п. 2 ст. 1). Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (далее – Закон о привлечении инвестиций)¹ оперирует понятием утилитарных цифровых прав, относя к ним права требования в отношении передачи вещи (вещей), передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности, а также выполнения работ и (или) оказания услуг (ст. 8).

Второе ограничение связано с необходимостью учета таких активов в информационной системе, в которой осуществляется их выпуск, в виде записей способами, установленными правилами указанной информационной системы, а также ведением реестра ее пользователей с указанием в отношении каждого из них сведений, необходимых для его аутентификации в информационной системе и определения того, в каком качестве он в этой системе фигурирует (п. 1 ст. 7, п. 2 ст. 8 Закона о ЦФА). Следует учитывать, что возможность обладания подобными активами изначально связана с включением в реестр пользователей информационной системы и получением доступа к ней (п. 7 ст. 4 Закона о ЦФА).

Вместе с тем Центральный банк (ЦБ) РФ вправе установить дополнительные ограничения на приобретение отдельных категорий цифровых активов, закрепляя соответствующее право лишь за квалифицированными инвесторами или устанавливая предельную сумму денежных средств, передаваемых неквалифицированными инвесторами в их оплату, и (или) совокупную стоимость иных цифровых финансовых активов, передаваемых ими в качестве встречного предоставления².

¹ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.

² О признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых может осуществляться только лицом, являющимся квалифицированным инвестором, о признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых лицом, не являющимся квалифицированным инвестором, может осуществляться только в пределах установленной Банком России суммы денежных средств, передаваемых в их оплату, и совокупной стоимости иных цифровых финансовых активов, передаваемых в качестве встречного предоставления, об указанных

Таким образом, условием включения цифровых активов в гражданский оборот служит соблюдение ряда законодательно установленных требований и ограничений. Во избежание проблем в правоприменительной практике законодатель считает необходимым в отношении отдельных категорий цифровых активов (цифровой валюты) специально оговорить, что они признаны имуществом для целей производства по делу о банкротстве (ст. 19 Закона о ЦФА), принудительного взыскания (ст. 21 Закона о ЦФА), оценки законности приобретения имущества отдельными категориями (ст. 22 Закона о ЦФА).

Анализируя оборот цифровых активов, нельзя не указать, что он имеет две взаимосвязанные составляющие: техническую и правовую. Это обстоятельство существенно отражается на механизме взаимодействия вовлеченных в этот процесс субъектов, способах фиксации волеизъявления, определении момента перехода прав, оснований ответственности и т. п.

Техническую сторону раскрывает реализованный в Принципах УНИДРУА подход, основанный на теории контроля. Наличие последнего у правообладателя можно констатировать при соблюдении совокупности ряда условий: 1) информационная система предоставляют этому лицу возможность получать практически все выгоды от цифрового актива и исключительную возможность препятствовать получению их другими лицами, а также передавать эти возможности иным субъектам; 2) цифровой актив или система позволяют этому лицу идентифицировать себя как обладателя указанных возможностей. Соответственно, переход прав на цифровой актив связан со сменой контроля, понимаемого как передача подобных возможностей другому лицу, и включает в себя замену, модификацию, уничтожение, аннулирование или ликвидацию цифрового актива, а также производное создание нового цифрового актива (Принцип 6). Очевиден тот факт, что несмотря на использование в данном контексте понятия «контроль» в качестве функционального эквивалента «владения», их не следует идентифицировать, поскольку они имеют различное правовое содержание. В частности, как утверждают разработчики Принципов УНИДРУА,

сумме денежных средств и совокупной стоимости цифровых финансовых активов: указание Банка России от 25 ноября 2020 г. № 5635-У (в ред. от 15.06.2022) // Вестник Банка России. 2020. 30 декабря.

это позволяет объяснить то, что владелец, в отличие от обладателя цифрового актива, может реализовывать его через другое лицо.

К технической составляющей оборота цифровых активов неизбежно обращается и российский законодатель, что наиболее отчетливо прослеживается в характеристике специфических обязанностей оператора информационной системы, который должен обеспечить бесперебойность и непрерывность ее функционирования, корректность реализации в ней алгоритма (алгоритмов) создания, хранения и обновления информации, связанной с оборотом этих активов, а также невозможность внесения изменений в него иными лицами и т. п. (ст. 6 Закона о ЦФА). В свою очередь, на инвестиционной платформе должны быть обеспечены соблюдение условий обращения и прекращения утилитарных цифровых прав, невозможность увеличения или уменьшения их количества в обращении иначе как путем их возникновения у инвестора, принявшего инвестиционное предложение, и прекращения по основаниям, предусмотренным законом. Технические средства инвестиционной платформы, на которых хранится база данных такой платформы, должны быть физически отделены друг от друга и подключены к информационно-телекоммуникационной сети. База данных должна находиться под управлением программ, установленных на узлах инвестиционной платформы, а поддержание тождественности содержащейся в них информации должно быть обеспечено информационными технологиями в автоматическом режиме (ст. 11 Закона о привлечении инвестиций).

С правовой точки зрения, оборот цифровых активов может быть представлен многообразием возмездных и безвозмездных сделок, опосредующих переход их от одного лица к другому. К их числу можно отнести сделки купли-продажи, иные связанные с ними сделки, включая обмен цифровых финансовых активов одного вида на цифровые финансовые активы другого вида либо на предусмотренные законом цифровые права, а также сделки с цифровыми правами, включающими в себя одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права. Перечень сделок с такими активами фактически открыт (ст. 10 закона о ЦФА). Кроме того, положения о переходе прав на цифровые активы могут содержаться в договоре номинального счета (ст. 5.1 Закона о ЦФА), договоре инвестирования (ст. 13 Закона о привлечении инвестиций), депозитарном договоре (договор счета депо) (ч. 7 ст. 9 Закона о привлечении инвестиций,

п. 2 ст. 16 Закона о ЦФА), а потенциально также в брачном договоре, договоре залога, наследственном договоре и завещании¹.

Несмотря на используемую законодателем терминологию для разграничения различных видов сделок, ввиду природы цифровых финансовых активов как обязательственных прав основное регулирование отношений, возникающих по поводу их перехода от обладателя к другим лицам, по сути, будет обеспечено нормами об уступке права требования, то есть положениями о цессии, предусмотренными в главе 24 ГК РФ, хотя к соответствующим сделкам должны быть применены также нормы о цене возмездного договора (купли-продажи, мены) или, напротив, безвозмездного (дарения). Аналогичный подход должен быть реализован и в отношении имеющих обязательственную природу утилитарных цифровых прав. В свою очередь, регулирование отношений, возникающих в связи с оборотом криптовалюты (альткоинов, стейблкоинов, эфиров, биткоинов, токенов, NFT-токенов), доменных имен и бизнес-аккаунтов²; учетных записей (профилей, аккаунтов) с определенным содержанием (контентом) на различных цифровых платформах и в социальных сетях³, имеющих иную правовую природу, обеспечивается нормами, предусмотренными для передачи (отчуждения) результатов интеллектуальной деятельности. Нормы, регулирующие оборот вещей, иного имущества, имущественных требований, возникших из обязательств, применению не подлежат.

Особого внимания с точки зрения характеристики механизма правового регулирования цифровых активов заслуживают процедурные аспекты совершения соответствующих сделок, которые находят закрепление и в федеральном законе, и в правилах обмена цифровых финансовых активов, разрабатываемых оператором обмена цифровых финансовых активов либо, соответственно, оператором инвестиционной платформы и подлежащих согласованию с Банком России. Не без основания принято

¹Павлова Д. А. Юридические факты в реализации цифровых прав // Цивилист. 2024. № 3. С. 64.

²Цветкова Е. С. Особенности оформления наследственных прав на цифровые активы // Наследственное право. 2023. № 3. С. 33.

³Жанабилова А. Б. Наследование цифровых активов: теоретико-правовой аспект // Наследственное право. 2023. № 4. С. 29.

считать, что подобное делегированное нормотворчество в киберпространстве обусловлено неизбежным отставанием законодательного регулирования возникающих в этой сфере общественных отношений с учетом инертности законотворческого процесса, не соответствующего темпам развития современных цифровых технологий. Ввиду этого распространение практики саморегулирования даже под контролем компетентных органов государственной власти в условиях интенсивного развития информационных технологий стало условием для формирования особой системы правовых норм, именуемых в некоторых источниках как *lex informatica*, то есть системы норм, прежде всего технических, которые определяют порядок функционирования цифровой платформы и условия доступа к ней, будучи выражением воли тех, кто отвечает за поддержание платформы¹. Речь уже идет не только о его конкуренции с правом, но и о постепенной подмене права технологиями, которые заимствуют регулятивный потенциал права².

Тем не менее, выстраивая систему правового регулирования оборота цифровых активов, законодатель оставляет за собой наиболее значимые с точки зрения защиты национальных интересов, а также прав и законных интересов лиц, совершающих сделки с цифровыми активами, вопросы правового регулирования, хотя их распределение между уровнями правового регулирования осуществляется по-разному. Закон о ЦФА относит к компетенции оператора обмена цифровых финансовых активов нормативное регулирование практически всех аспектов совершения сделок с такими активами, начиная с порядка их заключения и исполнения (в том числе без отдельного выраженного дополнительного волеизъявления его сторон), обеспечения защиты информации, осуществления расчетов и использования номинального счета (ст. 11 Закона о ЦФА). Закон о привлечении инвестиций оставляет на усмотрение оператора инвестиционной платформы не слишком много вопросов,

¹ Александрина М. А. Формирование национальной цифровой экосистемы как основа реализации принципа недискриминации в международных частноправовых отношениях // *Цивилист*. 2023. № 4. С. 19; Мажорина М. В. О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lex russica* (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 101.

² Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М.: Норма, 2023. С. 67.

посвящая порядку и условиям инвестирования с использованием инвестиционной платформы целую главу, в которой нормативно закреплены требования к инвестиционному предложению, порядку его принятия, оформления сделки, порядку осуществления расчетов, требования к лицам, привлекающим инвестиции и др. Это приводит к формированию несколько противоречивого механизма правового регулирования оборота цифровых активов, функционирование которого усугубляется использованием не всегда корректной терминологии.

Решение изложенной проблемы видится в унификации существующих подходов к правовому регулированию на базе общих принципов, определяющих специфику взаимодействия участников общественных отношений, объектом которых выступают цифровые права. Это должно найти выражение в едином нормативном правовом акте. В нем стоит отразить и аспекты оборота цифровых активов, которые пока остаются без внимания законодателя. В частности, это относится к переходу прав на цифровые активы в порядке наследования. К ним неоднократно обращалась Федеральная нотариальная палата, которая, признавая несовершенство законодательства, действующего в рассматриваемой сфере, считает, что доменные имена, онлайн-аккаунты и т. п. вполне могут быть переданы по наследству, в том числе по правилам, установленным для объектов интеллектуальной собственности. К ним при определенных условиях может быть отнесен публикуемый на страницах в социальных сетях контент¹.

Стоит указать, что многие вопросы оборота цифровых активов не получили законодательного решения и в зарубежных правовых порядках, а нормативное закрепление некоторых из них вызывает критику. В частности, вопросы наследования цифровых активов иногда решают с позиции реализации права доступа. При этом отсутствие правового регулирования может быть компенсировано механизмами, вырабатываемыми операторами цифровой связи².

¹ Порядок наследования цифровых активов: мнение экспертов нотариата // Федеральная нотариальная палата. 2021. 31 мая. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/poryadok-nasledovaniya-cifrovyyh-aktivov-mnenie-ekspertov-notariata> (дата обращения: 12.03.2025).

² Михайлова И. А., Романова И. Н. Проблемы наследования цифровых активов и возможные направления их решения // Нотариус. 2022. № 2. С. 10.

Изложенное позволяет сделать вывод о постепенном формировании своеобразного механизма гражданско-правового регулирования оборота цифровых активов. Данный механизм характеризуется: 1) сочетанием государственного и негосударственного регулирования возникающих в этой сфере общественных отношений; 2) реализацией жесткого подхода к определению состава их участников через установление для них ряда требований и ограничений; 3) широким применением императивного метода регулирования, реализация которого нередко связана с необходимостью защиты национальных интересов, а также прав и законных интересов участников гражданского оборота.

Библиографический список

1. *Александрина М. А.* Формирование национальной цифровой экосистемы как основа реализации принципа недискриминации в международных частноправовых отношениях // *Цивилист.* 2023. № 4. С. 17–24.
2. *Алексеев С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.
3. *Амелин Р. В., Чаннов С. Е.* Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М.: Норма, 2023. 280 с.
4. *Астахова М. А.* К вопросу о понятии гражданского оборота // *Бюллетень нотариальной практики.* 2006. № 5. С. 44–48.
5. *Братусь С. Н.* О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве // *Советское государство и право.* 1949. № 11. С. 71–72.
6. *Ветчинников Д. В.* Особенности осуществления цифровых прав в Российской Федерации // *Хозяйство и право.* 2022. № 6. С. 46–52.
7. *Жанабилова А. Б.* Наследование цифровых активов: теоретико-правовой аспект // *Наследственное право.* 2023. № 4. С. 29–32.
8. *Зайцев О. В.* Цифровое право в системе российского права // *Lex russica (Русский закон).* 2024. № 9. С. 116–126.
9. *Зыкова О. А.* Природа цифрового права и его соотношение со смежными правовыми категориями // *Цивилист.* 2023. № 1. С. 12–21.
10. *Захаркина А. В.* «Гражданский оборот» как фундаментальная цивилистическая категория // *Вестник*

Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 3. С. 323–333.

11. Камышанский В. П. О цифровых финансовых активах // Власть Закона. 2019. № 4. С. 13–18.

12. Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14–18.

13. Камышанский В. П. Цифровые права в российском гражданском праве // Власть Закона. 2019. № 3. С. 13–16.

14. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права // Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2005. 494 с.

15. Лаптева А. М. Цифровые права как объекты инвестиционной деятельности // Российский юридический журнал. 2024. № 1. С. 122–132.

16. Мажорина М. В. О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lex russica* (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 93–107.

17. Мограбян А. С. Цифровые права как объекты гражданских прав в России // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 141–147.

18. Михайлова И. А., Романова И. Н. Проблемы наследования цифровых активов и возможные направления их решения // Нотариус. 2022. № 2. С. 8–12.

19. Объекты гражданского оборота: учебник / под ред. Т. В. Дерюгиной, А. А. Чеговадзе. М.: Проспект, 2023. 296 с.

20. Михеева И. Е. Отдельные правовые особенности залога цифровых прав // Право и экономика. 2022. № 10. С. 16–23.

21. Павлова Д. А. Юридические факты в реализации цифровых прав // Цивилист. 2024. № 3. С. 61–67.

22. Петраков Н. А. Концепция цифрового имущества как объекта гражданских прав // Цивилист. 2024. № 1. С. 62–69.

23. Халагаева О. А. Виды цифровых прав // Гражданское право. 2023. № 5. С. 42–45.

24. Цветкова Е. С. Особенности оформления наследственных прав на цифровые активы // Наследственное право. 2023. № 3. С. 33–36.

25. Чеговадзе Л. А. Объекты гражданских прав и новая редакция статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 10. С. 81–86.

26. *Юзефович Ж. Ю., Хазова В. Е.* Цифровые права как объекты гражданских прав // Гражданское право. 2022. № 5. С. 15–18.

УДК 349:616-089.819.843:611.018.46
ББК 67.401.124:53.535.2

С. А. Параскевова
судья Шестнадцатого
апелляционного суда
в отставке,
доктор юридических наук,
профессор
Россия, г. Краснодар
svet_andr@mail.ru

Д. В. Багнюк
соискатель кафедры
гражданского права
Кубанского государственного
университета
Россия, Краснодар
dianabagnyuk@yandex.ru

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ДОНОРСТВА КОСТНОГО МОЗГА И ГЕМОПОЭТИЧЕСКИХ
СТВОЛОВЫХ КЛЕТОК В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF
BONE MARROW AND HAEMATOPOIETIC STEM CELL
DONATION IN THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье проведен анализ действующего законодательства Российской Федерации (РФ) и зарубежных стран, регулирующего вопросы донорства костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток, и при этом выявлены некоторые проблемы. В целях совершенствования правового регулирования авторы предлагают внести следующие изменения в Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»: закрепить термины «донорство костного мозга», «донорство гемопоэтических стволовых клеток»; определить условия, при которых допускается забор костного мозга, гемопоэтических стволовых клеток у несовершеннолетних лиц (письменное согласие законного представителя с учетом мнения несовершеннолетнего); предоставить дополнительные гарантии и компенсации донорам костного мозга, гемопоэтических стволовых клеток (в области трудовых отношений). В заключение сделан вывод о целесообразности систематизации особенностей правового регулирования вопросов донорства и трансплантации костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток в рамках специального закона «О донорстве и трансплантации костного мозга и (или) гемопоэтических стволовых клеток».

Ключевые слова: донорство, костный мозг, гемопоэтические стволовые клетки, донор, трансплантация, согласие, пересадка органов.

The article analyses the current legislation of the Russian Federation (RF) and foreign countries regulating the issues of bone marrow and haematopoietic stem cell donation and reveals some problems. In order to improve legal regulation, the authors propose the following amendments to the Law of the Russian Federation of 22 December 1992 No. 4180-1 'On Transplantation of Human Organs and (or) Tissues': to fix the terms 'bone marrow donation', 'donation of haematopoietic stem cells'; to define the conditions under which bone marrow and haematopoietic stem cells may be taken from minors (written consent of the legal representative taking into account the opinion of the minor); to provide additional guarantees and compensations to bone marrow donors; to provide additional guarantees and compensations to donors of bone marrow and haematopoietic stem cells. The conclusion is that it is advisable to systematise the peculiarities of legal regulation of the issues of donation and transplantation of bone marrow and haematopoietic stem cells within the framework of a special law 'On Donation and Transplantation of Bone Marrow and (or) Haematopoietic Stem Cells'.

Keywords: donation, bone marrow, haematopoietic stem cells, donor, transplantation, consent, organ transplantation.

По данным Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), онкологические заболевания являются второй по значимости причиной смерти в мире: на их долю приходится около 9,6 млн смертей, или одна из шести смертей ежегодно¹. К сожалению, со временем эти показатели будут только возрастать: согласно прогнозу ВОЗ, к 2045 г. количество выявленных случаев заболевания онкологией увеличится на 63 %, а смертельных случаев на 73,3 %². Приведенные данные свидетельствуют о том, что поиск новых, а также повышение доступности и распространенности применения имеющихся методов лечения онкологических

¹ Cancer // World Health Organization. URL: https://www.who.int/health-topics/cancer#tab=tab_1 (дата обращения: 01.12.2024).

² Cancer tomorrow // International agency for research on cancer. URL: https://gco.iarc.who.int/tomorrow/en/dataviz/bars?multiple_populations=1&cancers=39&populations=900_923&types=1 (дата обращения: 01.12.2024).

заболеваний является не просто актуальным, а жизненно важным направлением в развитии современной медицины. Это, в свою очередь, обуславливает и потребность в обновлении законодательства.

Одним из новых методов лечения, но при этом широко применяемым, является трансплантация костного мозга и (или) гемопоэтических стволовых клеток. Данный метод используют при лечении различных видов рака, наследственных и иммунных заболеваний, и часто он является последним шансом для спасения жизни пациента. Сегодня в мире ежегодно проводится более 50 000 процедур по трансплантации костного мозга¹. Несмотря на это, потребность в таких операциях гораздо больше: только в нашей стране в них нуждаются 5 000 чел. ежегодно². Однако правовое регулирование вопросов донорства и трансплантации костного мозга и (или) гемопоэтических стволовых клеток представляется несовершенным, что обуславливает ряд проблем.

Прежде всего укажем, что в отечественном законодательстве отсутствует легальное определение терминов «донорство костного мозга», «донорство гемопоэтических стволовых клеток». Следовательно, не определены правовой режим этих объектов, а также различие между ними.

Костный мозг – орган кроветворения и биологической защиты организма, расположенный в губчатом веществе костей и костномозговых полостях³, который вырабатывает и содержит в своих тканях уникальные по морфологии гемопоэтические стволовые клетки. При этом они не дифференцированы, впоследствии способны развиваться в специализированные типы клеток крови (эритроциты, тромбоциты и лейкоциты)⁴.

Современная медицина позволяет получить гемопоэтические стволовые клетки не только из костного мозга

¹ Bazinet A., Popradi G. A general practitioner's guide to hematopoietic stem-cell transplantation // *Curr Oncol*. 2019. Vol. 26. No. 3. P. 187.

² Факты о донорстве. Я донор // Донорство стволовых клеток. URL: <https://km.yadonor.ru> (дата обращения: 05.12.2024).

³ Чертков И. А., Фриденштейн А. Я. Родоначальная кроветворная клетка и ее дифференцировка // *Успехи современной биологии*. 1966. Т. 62. № 1. С. 99.

⁴ Асадулаев М. С., Лукьянов С. А., Лихтшангоф А. З. Исторические, биоэтические и правовые аспекты применения стволовых клеток // *Медицина и организация здравоохранения*. 2017. Т. 2. № 1. С. 43.

(тазовой кости), но также из пуповинной крови¹ и периферической крови, что обуславливает их выделение в самостоятельный объект трансплантации наравне с костным мозгом. Данный подход отражен в Законе РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»² (далее – Закон РФ № 4180-1) и приказе Минздрава России № 306н, Российской академии наук № 3 от 4 июня 2015 г. «Об утверждении перечня объектов трансплантации»³.

В настоящее время правовая разработка статуса стволовых клеток, как одного из наиболее жизнеспособных и быстро воспроизводимых объектов биомедицины, находится в стадии развития. Вместе с тем их значение в практической деятельности составляет одну из важных задач здравоохранения, требует правовой поддержки и установления определенного статуса. От решения этого вопроса – формирования правовой базы – зависит ответ на многочисленные иные вопросы, которые сегодня ставит перед нами развитие здравоохранения⁴. Их законодательное разрешение позволит избежать коллизии норм Закона РФ №

¹ О получении гемопоэтических стволовых клеток из пуповинной крови подробнее см.: Романов Ю. А., Романов А. Ю. Ткани перинатального происхождения – уникальный источник клеток для регенеративной медицины. Часть I. Пуповинная кровь // Неонатология: новости, мнения, обучение. 2018. Т. 6. № 2. С. 66; Литвинова Л. С., Гончаров А. Г., Шуплецова В. В., Газатова Н. Д., Мелащенко О. Б., Юрова К. А., Пестрикова А. А. Анализ правового регулирования обращения пуповинной крови и ее компонентов в Российской Федерации и за рубежом // Гены и Клетки. 2020. Т. 15. № 4. С. 88.

² О трансплантации органов и (или) тканей человека: закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 2. Ст. 62.

³ Об утверждении перечня объектов трансплантации: приказ Минздрава России № 306н, Российской академии наук № 3 от 4 июня 2015 г. // Рос. газ. 2015. 26 июня.

⁴ Сергеев Ю. Д., Базина О. О. Актуальное российское законодательство о гемопоэтических стволовых клетках (обзор законодательства Российской Федерации) // Медицинское право. 2019. № 6. С. 9; Мнацаканян А. С. Проблемы определения причинно-следственной связи в делах о причинении вреда жизни и здоровью при оказании медицинских услуг // Спорт: экономика, право, управление. 2007. № 1. С. 11; Мнацаканян А. С. Юридическая оценка медицинской деятельности в структуре гражданско-правовой ответственности // Общество и право. 2008. № 1(19). С. 111.

4180-1 и Федерального закона «О донорстве крови и ее компонентов» от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ¹.

В пользу особого режима регулирования перечисленных выше объектов указывает то, что часть положений Закона РФ № 4180-1 не распространяет свое действие на них. Например, ст. 3, содержащая условия, ограничивающие круг живых доноров, допускает изъятие костного мозга и (или) гемопоэтических стволовых клеток у лиц, не достигших 18 лет. Но существует правовая неопределенность относительно лица, которое дает согласие на изъятие указанных объектов у лиц, не достигших 18 лет. Это порождает ряд вопросов. Согласие испрашивается у законного представителя несовершеннолетнего или несовершеннолетнего? С какого возраста? Или сразу у обоих? Попытаемся ответить на поставленные вопросы.

Обратимся к положениям Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ), регулирующим предоставление информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство (далее – согласие). Часть 2 ст. 20 Федерального закона № 323-ФЗ гласит о том, что согласие дает один из родителей или иной законный представитель в отношении **лица, не достигшего возраста, установленного ч. 5 ст. 47 и ч. 2 ст. 54 данного Закона**, или лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным, если такое лицо по своему состоянию не способно дать согласие на медицинское вмешательство.

С учетом ч. 2 ст. 54 Федерального закона № 323-ФЗ **несовершеннолетние в возрасте старше пятнадцати лет** или больные наркоманией несовершеннолетние в возрасте старше шестнадцати лет имеют право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или на отказ от него в соответствии с положениями данного закона, за исключением случаев оказания им медицинской помощи в соответствии с ч. 2, 9 ст. 20 указанного закона (случаев, в которых медицинскую помощь оказывают без согласия лица).

¹ Эртель А. А., Литовченко А. И. Проблемы нормативного регулирования трансплантации органов и тканей человека в России на современном этапе // Очерки новейшей камералистики. 2022. № 3. С. 29.

Таким образом, при системном толкании приведенных выше положений можно выделить две ситуации предоставления согласия:

- 1) несовершеннолетним, если он старше пятнадцати лет (для больных наркоманией – старше шестнадцати лет);
- 2) законным представителем несовершеннолетнего, который младше пятнадцати лет (для больных наркоманией – младше шестнадцати лет).

Исключением является трансплантация (пересадка) органов и тканей человека, которая допускается при наличии согласия совершеннолетнего дееспособного реципиента, а в отношении несовершеннолетнего реципиента – при наличии информированного добровольного согласия одного из родителей или иного законного представителя (ч. 5 ст. 47 Федерального закона № 323-ФЗ). Следовательно, для трансплантации (пересадки) органов и тканей человека установлен иной возрастной ценз – 18 лет.

В связи с этим возникает вопрос о том, с какого возраста (15 или 18 лет) донор самостоятельно дает согласие на изъятие у него костного мозга и (или) гемопоэтических стволовых клеток. Если руководствоваться положениями Федерального закона № 323-ФЗ, то с 15 лет, поскольку иной порядок Законом РФ № 4180-1 не предусмотрен.

Однако в соответствии с п. 14 приказа от 12 декабря 2018 г. № 875н «Об утверждении порядка оказания медицинской помощи при заболеваниях (состояниях), для лечения которых применяется трансплантация (пересадка) костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток»¹ в случае, если донором является лицо, **не достигшее восемнадцатилетнего возраста**, изъятие костного мозга, забор гемопоэтических стволовых клеток у донора, хранение костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток осуществляются при наличии информированного

¹ Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при заболеваниях (состояниях), для лечения которых применяется трансплантация (пересадка) костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток и внесении изменений в Порядок оказания медицинской помощи по профилю «хирургия (трансплантация органов и (или) тканей человека)», утвержденный приказом Министерства здравоохранения РФ от 31 октября 2012 г. № 567н: приказ Министерства здравоохранения РФ от 12 декабря 2018 г. № 875н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2025).

добровольного согласия на медицинское вмешательство, **данного одним из его родителей или иным законным представителем.**

Аналогичные положения содержатся и в п. 5 приказа Минздрава России от 29 июля 2022 г. № 519н «Об утверждении Порядка проведения медицинского обследования донора, давшего письменное информированное добровольное согласие на изъятие своих органов и (или) тканей для трансплантации»¹ относительно получения согласия донора, не достигшего **восемнадцатилетнего возраста**, на медицинское обследование.

Таким образом, согласно положениям вышеуказанных Приказов, на изъятие костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток не требуется согласия лица младше 18 лет, а испрашивается согласие лишь его законного представителя. Считаем, что данные положения не согласуются с нормами Федерального закона № 323-ФЗ и требуют дальнейшей доработки. В случае, если законодатель действительно планировал не испрашивать согласия лиц младше 18 лет, тем самым предусмотрев специальный порядок дачи согласия, отличающийся от общего, то необходимо закрепить его в ст. 3 Закона РФ № 4180-1, а не в подзаконных нормативных актах. В целях защиты прав несовершеннолетних доноров, а также в связи с тем, что право пациента на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство является одним из основных прав пациентов, и положения о привлечении пациента к осознанному участию в лечебном процессе, понимания сути методов и манипуляций в интересах его благополучия удостоены особого внимания со стороны международных организаций², считаем целесообразным все-таки учитывать мнение несовершеннолетних лиц в вопросах реализации их соматических прав³. Это будет соответствовать и

¹ Об утверждении Порядка проведения медицинского обследования донора, давшего письменное информированное добровольное согласие на изъятие своих органов и (или) тканей для трансплантации: приказ Министерства здравоохранения РФ от 29 июля 2022 г. № 519н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2025).

² Назарова Н. А., Калужный Е. А., Шабурова Е. В. Правовое регулирование отношений по информированному добровольному согласию пациента на медицинское вмешательство // Власть Закона. 2023. № 3 (55). С. 139.

³ О соматических правах подробнее см.: Отставнова Е. А. Соматические права в системе прав и свобод человека и гражданина // Конституционное развитие России: межвузовский сб. науч. ст. Вып. 16 / отв. ред. В. Т. Кабышев.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОНОРСТВА КОСТНОГО МОЗГА И ГЕМОПОЭТИЧЕСКИХ СТВОЛОВЫХ КЛЕТОК В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

зарубежному опыту. В частности, законодательство Германии разрешает несовершеннолетним лицам выступать донорами костного мозга только при соблюдении следующих условий:

- костный мозг необходим для трансплантации родственникам первой степени родства или братьям/сестрам несовершеннолетнего лица;
- донорство костного мозга предполагаемому реципиенту, по оценке врача, может вылечить опасное заболевание;
- подходящий совершеннолетний донор недоступен в момент изъятия костного мозга;
- законный представитель несовершеннолетнего лица проинформирован о последствиях, рисках донорства и дал согласие на забор и использование костного мозга.

Если несовершеннолетнее лицо отказывается или иным образом выражает несогласие с намерением изъять или использовать его костный мозг, то его мнение следует учитывать. В случае, если несовершеннолетнее лицо способно осознавать значение своих действий, значение и последствия изъятия костного мозга и направлять свою волю, его согласие также требуется¹. Аналогично и Федеральный закон Швейцарии о трансплантации органов, тканей, клеток допускает к донорству регенерирующих органов и тканей несовершеннолетних лиц при соблюдении перечисленных выше условий, а кроме того, с согласия несовершеннолетнего донора, данного в письменной форме, и разрешения независимого органа².

В свою очередь, законодательство Республики Беларусь предусматривает, что забор костного мозга, гемопоэтических стволовых клеток у несовершеннолетнего лица, которое не приобрело дееспособности в полном объеме, осуществляется с

Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2017. С. 81; *Крусс В. И.* Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 44; *Брюхина Е. Р., Третьякова Е. С.* Теоретико-правовое обоснование биоэтики и биоправа в их взаимосвязи и взаимодействии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 4. С. 575.

¹ Gesetz über die Spende, Entnahme und Übertragung von Organen und Geweben (Transplantationsgesetz, TPG) von 05.11.1997 // Juris GmbH Juristisches Informationssystem für die BRD. URL: https://www.juris.de/purl/gesetze/_ges/TPG_!_11 (дата обращения: 08.11.2024).

² Federal Act on the Transplantation of Organs, Tissues and Cells of 8 October 2004 // The Federal Council. The portal of the Swiss government. URL: <https://www.admin.ch/gov/en/start/documentation> (дата обращения: 05.11.2024).

письменного согласия его законного представителя, удостоверенного нотариально, и органа опеки и попечительства. При письменном или устном возражении несовершеннолетнего лица забор костного мозга, гемопоэтических стволовых клеток не допускается¹.

В нашей стране высказана точка зрения, согласно которой следует разрешить донорство костного мозга несовершеннолетним лицам только в отношении генетически связанных с ними реципиентов и в случае непосредственной угрозы жизни реципиента². Для устранения правовой неопределенности в российском законодательстве относительно данного вопроса полагаем, что необходимо внести изменения в ст. 3 Закона РФ № 4180-1, дополнив ее следующими положением: «Забор костного мозга, гемопоэтических стволовых клеток у несовершеннолетнего лица осуществляется с письменного согласия его законного представителя, с учетом мнения несовершеннолетнего (при письменном или устном возражении несовершеннолетнего лица забор костного мозга, гемопоэтических стволовых не допускается)». На наш взгляд, это будет способствовать максимальной защите жизни, здоровья несовершеннолетних доноров и предупредит возможные злоупотребления³ со стороны их законных представителей с учетом того, что законодательством разрешена пересадка костного мозга и (или) гемопоэтических стволовых клеток между лицами, не находящимися в генетической связи (ст. 11 Закон РФ № 4180-1).

Следующая проблема в рассматриваемой сфере – фрагментарное и недостаточное правовое регулирование прав доноров костного мозга и (или) гемопоэтических стволовых клеток. Основные права доноров на медицинское обследование,

¹ О трансплантации органов и тканей человека: закон Республики Беларусь от 4 марта 1997 г. № 28-3 // Эталон-Online: информ.-поисковая система. Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=N19700028> (дата обращения: 10.12.2024).

² Федорова И. В. Правовое регулирование процедуры трансплантации костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток: зарубежный опыт и отечественные реалии // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 4. С. 146.

³ О злоупотреблении правом подробнее см.: Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 55.

лечение и медицинскую реабилитацию в рамках программы обязательного медицинского страхования (ОМС), ознакомление с результатами своего медицинского обследования, получение от медицинской организации полной информации о возможных осложнениях для своего здоровья в связи с предстоящим оперативным вмешательством по изъятию органов и (или) тканей закреплены в ст. 12 Закона РФ № 4180-1.

Помимо перечисленных прав, донор, как и любой пациент, обладает правами, установленными ч. 5 ст. 19 Федерального закона № 323-ФЗ, которые применительно к донорству костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток можно сформулировать таким образом: право на облегчение боли, связанной с медицинским вмешательством, доступными методами и лекарственными препаратами; право на получение информации о своих правах и обязанностях, состоянии своего здоровья, выбор лиц, которым в интересах донора может быть передана информация о состоянии его здоровья; право на получение лечебного питания в случае нахождения донора в медицинской организации в стационарных условиях; право на защиту сведений, составляющих врачебную тайну; право на отказ от медицинского вмешательства; право на возмещение вреда, причиненного здоровью при изъятии костного мозга или гемопоэтических стволовых клеток.

Вместе с тем определены и специфические права доноров костного мозга и (или) гемопоэтических стволовых клеток:

- на медицинское обследование (в целях включения в Федеральный регистр доноров костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток, донорского костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток, реципиентов костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток) в рамках программы ОМС и ознакомление с его результатами;

- на бесплатный проезд к месту изъятия костного мозга и (или) гемопоэтических стволовых клеток и обратно за счет бюджетных ассигнований (с 1 сентября 2022 г. средний норматив финансовых затрат на обеспечение проезда донора костного мозга и (или) гемопоэтических стволовых клеток к месту изъятия костного мозга и (или) гемопоэтических стволовых клеток и обратно установлен постановлением Правительства РФ от 19

августа 2022 г. № 1460¹ и составляет 9 884 руб.; этих средств недостаточно с учетом возросшей за прошедшие годы стоимости проезда и усложнившейся транспортной логистики).

Парадоксальной представляется позиция законодателя относительно непредоставления дополнительных гарантий и компенсаций донорам костного мозга и (или) гемопоэтических стволовых клеток в трудовой сфере. В частности, в ст. 186 Трудового кодекса (ТК) РФ² закреплено, что:

– в день сдачи крови и ее компонентов, а также в день связанного с этим медицинского осмотра работник освобождается от работы (вероятно, для проведения медицинского обследования и последующего изъятия костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток донору будет оформлен листок нетрудоспособности, поэтому не имеет смысла распространять действие данной нормы на доноров костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток);

– после каждого дня сдачи крови и ее компонентов работнику предоставляется дополнительный оплачиваемый день отдыха (считаем целесообразным предоставить данную гарантию и донорам костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток, увеличив количество предоставляемых дней, поскольку, в сравнении с донорством крови, процедура донорства костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток более длительная (около пяти часов) и исключительная (если кровь можно сдавать часто (пять раз за год – мужчинам, четыре раза – женщинам)³, то вероятность стать донором костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток несколько раз в течение жизни очень мала).

Кроме того, существует острая нехватка доноров костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток (в Федеральном регистре содержится информация о 276 688 тыс. доноров, доступных для поиска, но этого недостаточно, так как, по

¹ О финансовом обеспечении расходов на проезд донора костного мозга и (или) гемопоэтических стволовых клеток к месту изъятия костного мозга и (или) гемопоэтических стволовых клеток и обратно: постановление Правительства РФ от 19 августа 2022 г. № 1460 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 35. Ст. 6094.

² Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Рос. газ. 2001. 31 декабря.

³ Приложение № 5 к Порядку прохождения донорами медицинского обследования: приказ Министерства здравоохранения РФ от 28 октября 2020 г. № 1166н // Офиц. интернет-портал правовой информации (дата обращения: 01.12.2024).

экспертным оценкам, в России должно быть не менее 500 тыс. потенциальных доноров, чтобы каждому реципиенту можно было подобрать подходящего донора¹). Поэтому в качестве стимулирующей меры, которая позволит привлечь потенциальных доноров костного мозга и (или) гемопоэтических стволовых клеток, законопроектом № 341399-8 предусмотрено предоставление донорам костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска продолжительностью семь календарных дней.

Полагаем, законодательное закрепление одной из перечисленных выше мер могло бы положительно повлиять на количество потенциальных доноров костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток из числа работающих граждан.

На основании краткого анализа особенностей правового регулирования вопросов донорства и трансплантации костного мозга или гемопоэтических стволовых клеток представляется целесообразной их систематизация в рамках специального закона «О донорстве и трансплантации костного мозга и (или) гемопоэтических стволовых клеток». Это также будет соответствовать юридическому правилу «*lex specialis derogat generali*»².

Дальнейшее совершенствование правового регулирования в сфере донорства и трансплантации костного мозга и (или) гемопоэтических стволовых клеток, по нашему мнению, будет способствовать достижению целей, поставленных государственной программой РФ «Развитие здравоохранения»³, в аспекте снижения показателя смертности населения трудоспособного возраста, в том числе и от злокачественных новообразований.

Библиографический список

1. Асадулаев М. С., Лукьянов С. А., Лихтшангоф А. З. Исторические, биоэтические и правовые аспекты применения

¹ Стань донором. Донор костного мозга // Донорство стволовых клеток. URL: <https://kmdonor.ru> (дата обращения: 15.12.2024).

² Забелин Д. Н. Содержание и юридическая сила правила «*lex specialis derogat generali*» // Власть Закона. 2023. № 4 (56). С. 232.

³ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 1 (ч. II). Ст. 373.

стволовых клеток // Медицина и организация здравоохранения. 2017. Т. 2. № 1. С. 42–47.

2. Брюхина Е. Р., Третьякова Е. С. Теоретико-правовое обоснование биоэтики и биоправа в их взаимосвязи и взаимодействии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 4. С. 568–589.

3. Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.

4. Забелин Д. Н. Содержание и юридическая сила правила «*lex specialis derogat generali*» // Власть Закона. 2023. № 4 (56). С. 231–244.

5. Крусс В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.

6. Литвинова А. С., Гончаров А. Г., Шуплецова В. В., Газатова Н. Д., Мелащенко О. Б., Юрова К. А., Пестрикова А. А. Анализ правового регулирования обращения пуповинной крови и ее компонентов в Российской Федерации и за рубежом // Гены и Клетки. 2020. Т. 15. № 4. С. 88–94.

7. Мнацаканян А. С. Проблемы определения причинно-следственной связи в делах о причинении вреда жизни и здоровью при оказании медицинских услуг // Спорт: экономика, право, управление. 2007. № 1. С. 11–17.

8. Мнацаканян А. С. Юридическая оценка медицинской деятельности в структуре гражданско-правовой ответственности // Общество и право. 2008. № 1(19). С. 111–113.

9. Назарова Н. А., Калюжный Е. А., Шабурова Е. В. Правовое регулирование отношений по информированному добровольному согласию пациента на медицинское вмешательство // Власть Закона. 2023. № 3 (55). С. 137–152.

10. Отставнова Е. А. Соматические права в системе прав и свобод человека и гражданина // Конституционное развитие России: межвузовский сб. науч. ст. Вып. 16 / отв. ред. В. Т. Кабышев. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2017. С. 80–88.

11. Романов Ю. А., Романов А. Ю. Ткани перинатального происхождения – уникальный источник клеток для регенеративной медицины. Часть I. Пуповинная кровь //

Неонатология: новости, мнения, обучение. 2018. Т. 6. № 2. С. 64–77.

12. *Сергеев Ю. Д., Базина О. О.* Актуальное российское законодательство о гемопоэтических стволовых клетках (обзор законодательства Российской Федерации) // Медицинское право. 2019. № 6. С. 9–15.

13. *Федорова И. В.* Правовое регулирование процедуры трансплантации костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток: зарубежный опыт и отечественные реалии // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 4. С. 143–148.

14. *Чертков И. Л., Фриденштейн А. Я.* Родоначальная кроветворная клетка и ее дифференцировка // Успехи современной биологии. 1966. Т. 62. № 1. С. 97–114.

15. *Эртель Л. А., Литовченко А. И.* Проблемы нормативного регулирования трансплантации органов и тканей человека в России на современном этапе // Очерки новейшей камералистики. 2022. № 3. С. 27–31.

16. *Bazinet A., Popradi G.* A general practitioner's guide to hematopoietic stem-cell transplantation // Curr Oncol. 2019. Vol. 26. No. 3. P. 187–191.

УДК 340.12
ББК 67.1

Е. А. Апольский

заведующий кафедрой
теории и истории государства и права
Ростовского института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
доцент кафедры гражданского права и процесса
Московского университета
имени С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Ростов-на-Дону
apolski@mail.ru

**МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА
РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

**THE META-THEORETICAL APPROACH TO THE STUDY OF THE
THEORETICAL FOUNDATIONS OF STATE LAW IN RUSSIA
IN THE XIX-EARLY XX CENTURY**

В статье проанализированы перспективы использования метатеоретического подхода при рассмотрении форм научного исследования теоретических основ государственного права и их систематизации в российской юридической науке XIX – начале XX в. На основе данных о применении метатеоретического инструментария в истории политических и правовых учений автор приходит к выводу о том, что необходимость метатеоретического исследования теоретических основ государственного права России XIX – начала XX в. обусловлена тем, что закономерности генезиса и развития правовых учений государствоведов не замыкаются внутри теоретико-правовых и историко-правовых конструкций, выраженных государствоведами в своих текстах, но требуют выхода на метауровень, связывающий (органически и в смысловом аспекте) смежные пласты общетеоретического знания.

Ключевые слова: метатеория, метатеоретический подход, юридическая рациональность, правовое учение, государственно-правовая мысль, Российская империя, государственное право.

The article analyses the prospects of using metatheoretical approach when considering the forms of scientific research of theoretical foundations of state law and their systematisation in Russian legal science of the XIX - early XX centuries. On the basis of the data on the use of metatheoretical tools in the history of political and legal doctrines, the author comes to the conclusion that the need for metatheoretical research of the theoretical foundations of state law in Russia in the XIX - early XX century is due to the fact that the regularities of the genesis and development of legal doctrines of state scholars are not closed within the theoretical-legal and historical-legal constructions expressed by the state scholars in their texts, but require an exit to the meta-level, linking (organically and in the semantic aspect) related (in the sense of the term).

Keywords: metatheory, metatheoretical approach, legal rationality, legal doctrine, state-legal thought, Russian Empire, state law.

Методологический плюрализм, ставший одним из основных принципов построения научных юридических исследований в России постсоветского периода, предполагает поиск новых приемов, средств познания и применение их к известному и традиционному предмету. Одним из современных инструментариев в правоведении в целом и в истории политических и правовых учений в частности служит метатеоретический подход. В отечественном юридико-познавательном поле его активно применяли на рубеже XX–XXI вв. Этому во многом способствовали философские и общетеоретические работы, раскрывающие ключевые аспекты указанного подхода¹.

¹ Бажанов В. А. Рефлексия в современном науковедении // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 2. С. 73; Никитина Е. Е. Развитие идеи гражданского общества в трудах российских правоведов конца XIX – начала XX в. // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 29; Шульженко Ю. А. Понятие «парламентаризм» в отечественной науке государственного права в дореволюционный период // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 5. С. 14; Шульженко Ю. А. Отечественная наука государственного права периода буржуазной республики в России // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 3. С. 5; Лебедев С. А. Парадигмы методологии науки // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 3 (07). С. 97; Яковлева Л. И. Метатеоретический

Кроме того, заметные сдвиги в аспекте использования метатеории происходят в отраслевой науке. В качестве примера можно привести докторскую диссертацию С. В. Третьякова «Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике» (2022)¹, которая выполнена на основе метатеоретического инструментария, и на это автор неоднократно указывал.

О необходимости выделения третьего уровня (вслед за эмпирическим и теоретическим) научного познания отечественные философы и методологи активно начали говорить еще в начале 90-х гг. XX в.² (выделяют также четыре основных уровня научного знания³ для каждой научной дисциплины: «1) чувственный (данные наблюдения и эксперимента); 2) эмпирический (факты и эмпирические законы изучаемой предметной области); 3) теоретический (теоретически доказательные модели эмпирического знания); 4) метатеоретический»)⁴.

В настоящей статье основное внимание нами уделено применению метатеоретического подхода в истории политических и правовых учений, а именно в сфере теоретических основ государственного права Российской империи XIX – начала XX в. Нормы Положений о производстве в ученые степени 1819, 1837, 1844, 1864 гг., действовавшие в указанный период, не были реализованы надлежащим образом. Во многом этому способствовала политика царского правительства в лице Министерства народного просвещения, в результате которой квалификационные юридические исследования по научным специальностям «История русского права», «Философия права», «Теория права», «Социология права» фактически не проводили. Теоретики права, философы права, историки права подстраивали свои исследования под разряд

уровень научного познания и понятия, его отражающие // Очерки по истории и философии науки. 2009. Т. 1. С. 272.

¹ Третьяков С. В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 10–14.

² См.: Алексеев П. В., Панин А. В. Теория познания и диалектика. М.: Высш. шк., 1991. С. 14–15.

³ Лебедев С. А. Структура научной рациональности // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 72.

⁴ Лебедев С. А. Парадигмы методологии науки // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 3 (07). С. 97.

наук «Государственное право». Это, в свою очередь, отразилось на специфике в целом государственно-правовой мысли анализируемого периода.

Сразу сделаем оговорку относительно того, что в российской теоретико-правовой и историко-правовой науке исследователи, обращаясь к дореволюционной правовой науке, часто оперируют понятиями «государственно-правовое учение», «государственно-правовая доктрина», «государственно-правовая мысль». Однако для более точного ограничения предметной области следует, как нам представляется, говорить об исследованиях в сфере государственного права. В нашем случае – о теоретических основах науки государственного права. Для остальных предметных областей целесообразно использовать соответствующую терминологию: общеправовые учения, гражданско-правовые учения, уголовно-правовые учения (или доктрины) и т. д.

Говоря о научных исследованиях теоретических основ государственного права в России XIX – начала XX в. и проводя систематизацию форм научного знания, полученных в них государствоведами, необходимо представлять их в комплексе, как единую науковедческую категорию. Следовательно, в методологическом аспекте в таком случае нельзя обойтись без рефлексии в определенной ее степени. При этом существенные меры в данном направлении предприняты и в российской, и в зарубежной науке, к тому же в область исследования включен не только дореволюционный, но и советский период¹.

¹ Шульженко Ю. А. Исследование проблем парламентаризма в советский период // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 2. С. 32; *Hutchinson T.* The Doctrinal Method: Incorporating Interdisciplinary Methods in Reforming the Law // *Erasmus Law Review*. 2015. No. 3. P. 130; *Minow M.* Archetypal Legal Scholarship – A Field Guide // *Journal of Legal Education*. 2013. Vol. 63. No. 1. P. 65; *Card R.* The legal scholar, The Reporter // *Newsletter of the Society of Legal Scholars*. 2002. Vol. 25. P. 5; *Chynoweth P.* The built environment interdiscipline: A theoretical model for decision makers in research and teaching // *Structural Survey*. Vol. 27. No. 4. P. 301; *Smits J. M.* What is Legal Doctrine? On the Aims and Methods of Legal Dogmatic Research // *Rethinking Legal Scholarship: A Transatlantic Dialogue* / eds. R. van Gestel, H.-W. Micklitz, E. L. Rubin. New York: Cambridge University Press, 2017. P. 207; *Civitarese M. S.* Some Remarks on Methodology in Legal Studies in the Light of the Challenges that Globalization Poses to Legal Doctrine // *Revista catalana de dret públic*. 2014. Vol. 48. P. 119.

В течение продолжительного периода занимаясь формами научного исследования теоретических основ государственного права и проблемами их систематизации в российской юридической науке XIX–XX вв., мы обнаружили возможность выхода на метатеоретический уровень познания. Потенциально возможные результаты могут быть достигнуты с помощью *метатеоретического метода познания*, применение которого и служит условием выхода «за пределы традиционного рассмотрения государственно-правовых явлений и институтов»¹, как точно указывает С. В. Кодан, размышляя о перспективах взаимодействия различных наук в рамках настоящего этапа юридической рациональности.

Основания метатеоретического инструментария находятся в сфере учения о научной рефлексии, то есть определенном акте самопознания, самооценки, познания наукой самой себя. Справедливо пишет в этом смысле В. А. Бажанов, утверждая, что в случае рефлексии речь идет не просто о «метауровне» научного сознания, а об иной позиции сознания, с которой наука равно видится под особым углом зрения. Этот угол зрения достигается переносом внимания с объекта исследования на средства исследования, на орудия познавательной деятельности².

Значимым является и то, что в процессе осуществления «мышления о мышлении» (то есть теоретизирования) рефлексия предполагает последующую реализацию на практике полученного знания. Это в итоге позволяет осуществить пересмотр некогда принятых, но изживших себя эталонов деятельности, провести ревизию очевидных, на первый взгляд, положений, которые на проверку нередко выявляют их проблематичный характер³. Действительно, если представлять правовые воззрения государствоведов в рамках теоретических основ государственного права России XIX – начала XX в. как единый науковедческий феномен, рассмотрение правовых текстов обретает методологическое значение лишь с прицелом на будущую его практическую реализацию, праксеологические

¹ Кодан С. В. Информационный подход в юридическом источниковедении // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 24–25 мая 2019 г.) / под ред. Д. В. Бахтеева. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 71.

² Бажанов В. А. Указ. соч.

³ Бажанов В. А. Указ. соч.

перспективы и выходом на междисциплинарный уровень взаимодействия со смежными отраслями знания.

Нельзя не учитывать того, что первые попытки обоснования метатеоретического уровня знания и способов (приемов) его получения предприняты в отечественном правоведении задолго до концептуализации указанного инструментария. Еще Н. М. Коркунов в «Лекциях по общей теории права» настойчиво убеждал в том, что «о каждом предмете может быть две науки: эмпирическая, черпающая свое знание из чувственного опыта, и философская – из сверхчувственного познания»¹. Однако относительная неразвитость общетеоретических оснований дореволюционной правовой науки (в целом, включая и историю правовых учений) с одной стороны и изменение вектора научных юридических исследований в советский период – с другой не способствовали ни развитию учения о метатеоретическом познании, ни накоплению опыта использования метатеоретического метода в историко-правовых науках.

Метатеоретические правовые понятия в основном используют в работе с категориальным аппаратом правовой теории, который требует введения ряда особых понятий. Последние, как пишет А. М. Васильев, свойства конкретного правового явления не отражают, не содержат его фиксации, однако помогают сформировать знание «о звеньях и связях в логической структуре теории права», которые образуются в процессе группировки правовых категорий².

На важность понимания языка юридической науки указывал и А. Ф. Черданцев, называя его метаязыком, образующим третий уровень, после языка права и языка юридической практики³. Д. А. Керимов, внесший существенный вклад в понимание необходимости общетеоретических исследований, обращал внимание на значимость взаимодействия наук, которое «вообще является необходимой и актуальной потребностью развития самой науки, повышения качества, эффективности и результативности научных исследований»⁴.

¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 19.

² Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 12.

³ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2012. С. 14.

⁴ Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. С. 62.

Использовала в своих работах принципы метатеоретического подхода и Н. М. Золотухина, прямо их не выделяя. В частности, в работе «Развитие русской средневековой политико-правовой мысли» (1985) автор утверждает, что рассмотрение политических идей Киевской Руси и Московского централизованного государства в их совокупности позволит выяснить традиционные основы национального политического мышления, «наилучшим образом выявить взаимосвязь истории и современности»¹. Подобным образом зарождение метатеории права прослеживается в работах В. Г. Графского², П. С. Грацианского³, А. Ю. Мордовцева⁴ и др. Отдельно выделим работу С. А. Комарова и А. Н. Якушева, в которой предпринята одна из первых попыток систематизации диссертационных правовых учений в области сравнительного правоведения дореволюционного, советского и современного периодов⁵.

Ценность метатеории как объединяющего элемента для взаимодействующих отраслей юридической науки признает А. И. Овчинников. Размышляя о юридической эпистемологии, как о разделе философии права, в котором исследованы методология познания права, структура и динамика правового знания и познания, его специфика в целом, он фактически приравнивает ее к метатеории права, указывая на то, что эпистемология права содержит в себе разные парадигмы правового мышления, изучает теорию права, занимается изучением правового мышления, исходя из структуры правовых знаний⁶.

¹ Золотухина Н. М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М.: Юрид. лит., 1985. С. 3.

² Графский В. Г. Сравнительная история политико-правовых идей и взглядов как научная проблема // Труды института государства и права Российской академии наук. 2010. № 3. С. 100.

³ Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М.: Наука, 1984. С. 29.

⁴ Мордовцев А. Ю., Попов В. В. Российский правовой менталитет. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. С. 4–12.

⁵ Комаров С. А., Якушев А. Н. Сравнительное правоведение в отечественных диссертационных исследованиях по теории и истории права и государства, истории отраслей права и юридической науки (1803–2016 гг.) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. № 1 (790). С. 187.

⁶ Овчинников А. И. Основные проблемы философии права и ее место в юридической науке // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 1. С. 61.

Итак, сегодня практически не подвергается сомнению необходимость содержательного изучения метатеории, «способного учитывать все исторические и содержательные спецификации, которые позволили бы в полной мере использовать ее эвристический и методологический потенциал»¹. Очевиден тот факт, что это по сути своей относится и к метатеории в юридических исследованиях, которая в качестве основополагающего метода исследования пока не находит адекватного применения. Дополним, что возможности исследователей в его использовании, в общем-то, ограничены отсутствием достаточного количества соответствующих работ.

В. Н. Протасов пишет об особой важности построения метатеорий в сфере правовых исследований и обоснованно считает, что юридическая наука обладает информационным, интеллектуально-теоретическим содержанием, и в теоретико-правовом сознании «зачастую происходит смешение двух этих уровней (информационно-теоретического и информационно-правового, онтологического), наложение одного информационного пласта на другой»². Широким распространением информационных систем во всех отраслях современной науки обусловлены возросшая актуальность различного рода «метапостроений», развитие различного рода «метауровней», «которые служат способом для управления системой»³.

Необходимость метатеоретического исследования теоретических основ государственного права России XIX – начала XX в. детерминируется еще и тем, что закономерности генезиса и развития правовых учений государствоведов не замыкаются внутри теоретико-правовых и историко-правовых конструкций, выраженных государствоведами в своих текстах, но требуют выхода на метауровень, связывающий (органически и в смысловом аспекте) смежные пласты общетеоретического знания: 1) метаисторию (результат познания вещей и явлений в их историческом развитии в органической связи с порождающими их условиями; соотношение истории учений о праве и

¹ Игнатова А. А. Метатеоретический подход к анализу сознания: на основе работ М. К. Мамардашвили: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2011. С. 14.

² Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М.: Юрид. лит., 1991. С. 12.

³ Игнатова А. А. Указ. соч. С. 55.

государстве и истории как науки в целом); 2) метатеорию государства (философия государства, определяющая его сущность и метаморфозы развития как центрального института политической системы общества; роль, задачи, функции, методы теории государства в дореволюционных государственно-правовых учениях); 3) метатеорию права (место, роль, задачи, функции, методы общей теории права, философии права, социологии права в дореволюционных государственно-правовых учениях; эвристический потенциал процесса пересечения предметных областей теоретического и исторического правоведения; результаты взаимопроникновения теоретико-правовых и историко-правовых областей юриспруденции в отраслевых правовых учениях); 4) историю правовых учений.

Метатеоретическое измерение истории политических и правовых учений позволяет оценивать правовые учения государствоведов как единый науковедческий феномен, определять закономерности его становления и развития сквозь призму эволюции формы и содержания, устанавливать элементы междисциплинарности в структуре отраслевых правовых учений, что отвечает потребностям современной научной рациональности.

Основной задачей и одновременно результатом применения метатеоретического подхода выступают историко-правовая реконструкция (проходящее в два этапа эмпирическое и теоретическое осмысление) и метатеоретическое рассмотрение ключевых государственно-правовых концепций, идей, гипотез и т. д., представленных в триединстве их внешней формы выражения отечественными государствоведами на протяжении XIX – начала XX в. Речь идет о трех наиболее значимых формах внешнего выражения государственно-правовой мысли: монографиях, диссертациях и научных статьях (последние систематизируются в зависимости от соответствия их критериям фундаментальности, системности и логической завершенности).

В этом смысле очевидным становится то, что обращение к метатеоретическому подходу для осмысления системности теоретических основ государственного права России XIX – начала XX в., необходимости использования их в качестве методологической основы для развития истории политических и правовых учений, общей теории права, теории государства и других смежных наук, является обоснованным и оправданным. Более того, используемые в отечественной гуманитарной науке

методы познания применительно к истории учений о праве и государстве не позволяют получить качественно новое знание. Следовательно, именно в таких учениях нужно искать метатеорию, использовать метатеоретический подход.

Вместе с тем необходимо определить и границы применения указанного подхода, если понимать его в классическом виде с набором всех инструментов для построения предметной теории (в нашем случае комплексного знания о развитии теоретических основ государственного права России XIX – начала XX в.).

Если считать правовые учения отечественных государствоведов XIX – начала XX в. предметной теорией, как этого требует метатеоретический подход, то методология указанного инструментария должна включать в себя следующие элементы: 1) место предметной теории в системе наук, определение научного статуса теории (анализ подходов государствоведов к оценке своих правовых учений, глубины использования в них теоретико-методологических, исторических и философско-социологических концепций); 2) цели, задачи, функции предметной теории (в процессе оценки правовых учений и построения метатеоретического знания о них каждое учение следует рассматривать с позиций предполагавшихся исследовательских задач, функциональной направленности); 3) особенности методологии (изучение методологических предпочтений государствоведов); 4) строение и категориальный аппарат предметной теории (изучение использованных государствоведами категорий, приоритетных направлений исследований, взаимосвязи учений между собой).

Именно принцип комплексного исследования положен в основу понимания процесса эволюции государственно-правовой мысли в XIX – начале XX в., а также факторов, влиявших на этот процесс. И государственно-правовые учения указанного периода тоже будут изучать во взаимосвязи содержания и внешней формы их выражения.

Таким образом, применение метатеоретического подхода к изучению предмета истории политической и правовых учений в целом и области теоретических основ государственного права России XIX – начала XX века в частности позволит достичь определенных гносеологических целей. Во-первых, систематизировать научные исследования теоретических основ государственного права России XIX – начала XX в., исходя из триединства внешней формы их выражения (монографии,

диссертации и научные статьи). Во-вторых, рассмотреть правовые учения отечественных дореволюционных государствоведов, исходя из возможности их практической реализации в процессе разработки правовой политики и государственного строительства, совершенствования системы аттестации научных кадров в Российской Федерации, обеспечения (создания информационно-методологической базы) принципа научности в правотворческом процессе.

Указанные направления являются приоритетными в аспекте развития принципа методологического плюрализма, тем более с учетом современного высокого уровня юридической рациональности.

Библиографический список

1. Алексеев П. В., Панин А. В. Теория познания и диалектика. М.: Высш. шк., 1991. 382 с.
2. Бажанов В. А. Рефлексия в современном науковедении // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 2. С. 73–89.
3. Графский В. Г. Сравнительная история политико-правовых идей и взглядов как научная проблема // Труды института государства и права Российской академии наук. 2010. № 3. С. 100–119.
4. Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М.: Наука, 1984. 253 с.
5. Золотухина Н. М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М.: Юрид. лит., 1985. 200 с.
6. Игнатова А. А. Метатеоретический подход к анализу сознания: на основе работ М. К. Мамардашвили: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2011. 138 с.
7. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. 560 с.
8. Кодан С. В. Информационный подход в юридическом источниковедении // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 24–25 мая 2019 г.) / под ред. Д. В. Бахтеева. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 70–75.
9. Комаров С. А., Якушев А. Н. Сравнительное правоведение в отечественных диссертационных исследованиях по теории и истории права и государства, истории отраслей права и юридической науки (1803–2016 гг.) // Вестник Московского

государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. № 1 (790). С. 187–198.

10. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 430 с.

11. Лебедев С. А. Парадигмы методологии науки // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 3 (07). С. 94–102.

12. Лебедев С. А. Структура научной рациональности // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 66–79.

13. Мордовцев А. Ю., Попов В. В. Российский правовой менталитет. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. 448 с.

14. Никитина Е. Е. Развитие идеи гражданского общества в трудах российских правоведов конца XIX – начала XX в. // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 29–40.

15. Овчинников А. И. Основные проблемы философии права и ее место в юридической науке // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 1. С. 57–64.

16. Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М.: Юрид. лит., 1991. 143 с.

17. Третьяков С. В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 52 с.

18. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2012. 319 с.

19. Шульженко Ю. Л. Исследование проблем парламентаризма в советский период // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 2. С. 32–56.

20. Шульженко Ю. Л. Отечественная наука государственного права периода буржуазной республики в России // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 3. С. 5–29.

21. Шульженко Ю. Л. Понятие «парламентаризм» в отечественной науке государственного права в дореволюционный период // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 5. С. 14–37.

22. Яковлева Л. И. Метатеоретический уровень научного познания и понятия, его отражающие // Очерки по истории и философии науки. 2009. Т. 1. С. 272–294.

23. *Card R.* The legal scholar, *The Reporter* // Newsletter of the Society of Legal Scholars. 2002. Vol. 25. P. 5–12.

24. *Civitarese M. S.* Some Remarks on Methodology in Legal Studies in the Light of the Challenges that Globalization Poses to Legal Doctrine // *Revista catalana de dret públic*. 2014. Vol. 48. P. 119–133.

25. *Hutchinson T.* The Doctrinal Method: Incorporating Interdisciplinary Methods in Reforming the Law // *Erasmus Law Review*. 2015. No. 3. P. 130–138.

26. *Minow M.* Archetypal Legal Scholarship – A Field Guide // *Journal of Legal Education*. 2013. Vol. 63. No. 1. P. 65–69.

27. *Chynoweth P.* The built environment interdiscipline: A theoretical model for decision makers in research and teaching // *Structural Survey*. Vol. 27. No. 4. P. 301–310.

28. *Smits J. M.* What is Legal Doctrine? On the Aims and Methods of Legal Dogmatic Research // *Rethinking Legal Scholarship: A Transatlantic Dialogue* / eds. R. van Gestel, H.-W. Micklitz, E. L. Rubin. New York: Cambridge University Press, 2017. P. 207–228.

А. А. Демин

доцент кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Москва
demin-aa@rambler.ru

О ЮРИДИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

ABOUT THE LEGAL CONSTRUCTIONS IN CIVIL LAW

Согласно авторской позиции, действие механизма гражданско-правового регулирования связано с применением норм той или иной юридической конструкции. В статье проанализированы предпосылки формирования юридической конструкции механизма гражданско-правового регулирования в случае приобретения субъективного права. На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что предпосылками формирования юридической конструкции являются, во-первых, вид и характер гражданского правоотношения; во-вторых, правовой статус субъекта права и его правовое состояние в каждом моменте; в-третьих, правовой режим объекта гражданских прав; в-четвертых, построение юридической конструкции, которое обусловлено правовой формой действий, связанных с приобретением субъективного гражданского права.

Ключевые слова: механизм гражданско-правового регулирования, юридическая конструкция, приобретение субъективного гражданского права, гражданско-правовые формы, правовой статус, правовое состояние, субъект права.

According to the author's position, the action of the mechanism of civil law regulation is associated with the application of the norms of this or that legal construction. The article analyses the prerequisites for the formation of a legal construction of the mechanism of civil law regulation in the case of acquisition of subjective right. On the basis of the conducted research it is

concluded that the prerequisites for the formation of legal construction are, firstly, the type and nature of civil legal relations; secondly, the legal status of the subject of law and its legal state at each moment; thirdly, the legal regime of the object of civil rights; fourthly, the construction of legal construction, which is conditioned by the legal form of actions related to the acquisition of subjective civil right.

Keywords: mechanism of civil law regulation, legal construction, acquisition of subjective civil right, civil law forms, legal status, legal state, subject of law.

Гражданское законодательство призвано упорядочить общественные отношения, возникающие с целью удовлетворения имущественных или неимущественных интересов частных лиц. Для этого в законе закреплены различного рода типичные юридические конструкции, каждая из которых имеет свое функциональное предназначение и применяется для разрешения соответствующей социальной ситуации. Например, при необходимости урегулировать действия сторон по заключению договора применяют нормы юридической конструкции «заключение договора»¹ в соответствии с главой 28 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). В случае, если найдена вещь, собственник которой неизвестен, лицо, нашедшее вещь, вправе приобрести на нее право собственности с применением юридической конструкции норм о находке (ст. 227 ГК РФ). Для упорядочения приобретения права собственности на вещь по договору купли-продажи существуют юридические конструкции, предусмотренные главой 30 ГК РФ. В главе 60 ГК РФ закреплены юридические конструкции, регламентирующие установление обязательств из неосновательного обогащения и т. д.

В отдельных случаях юридические конструкции разноплановы, допускают вариативность действий по приобретению субъективного гражданского права. Например, приобретение права на наследство становится возможным и по факту подачи заявления нотариусу (юридический способ приобретения), и по факту совершения действий в форме

¹ Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 431–440.

завладения наследственным имуществом (фактический способ принятия наследства)¹. Иногда закон, наоборот, не допускает отступления от закрепленных правил и в императивном порядке определяет единственный порядок действий для возникновения субъективного права². Так, право собственности на недвижимую вещь и другие вещные права подлежат государственной регистрации в Едином государственном реестре органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней (ст. 131 ГК РФ).

Следовательно, юридические конструкции механизма гражданско-правового регулирования действий по приобретению субъективных гражданских прав могут принципиально различаться. В связи с этим научный интерес вызывает правовой анализ предпосылок, влияющих на формирование юридической конструкции правового механизма при приобретении субъективных гражданских прав. Концептуальное понимание «правил» образования юридических конструкций обуславливает правильную правоприменительную деятельность.

Приобретение субъективного гражданского права связано с возникновением у лица интереса в удовлетворении какой-либо потребности: в вещи, услуге, получении доступа к компьютерной программе и т. д. Интересом обусловлен выбор способа действий, поскольку по закону действия в своем интересе должны быть правомерными. К примеру, потребность в какой-либо вещи может быть удовлетворена разными способами: 1) приобретением вещи у другого лица; 2) предоставлением вещи другим лицом в пользование на время; 3) созданием вещи собственными силами или силами другого лица и др. Для упорядочения каждого из приведенных способов предусмотрена особая юридическая конструкция регулятивного назначения. Нормы юридической конструкции определяют вид и меру поведения лица, действующего с целью «закрепления за собой» того или иного социального блага посредством правоприобретения. Р. Е. Гукасян пишет о том, что материально-правовой интерес удовлетворяется приобретением субъективного материального права или его

¹ Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 842–847.

² См. напр.: Камышанский В. П. Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции // Власть Закона. 2016. № 3 (27). С. 15.

осуществлением, установлением материального правоотношения и его реализацией¹.

Задействованию юридической конструкции предшествует определение типа и характера правоотношения, а соответственно, содержания будущих субъективных прав и обязанностей, объема и пределов правового регулирования. В результате формирования юридической конструкции механизма гражданско-правового регулирования происходит создание модели индивидуального регулирования действий частных лиц в рамках гражданского правоотношения.

Д. И. Мейер утверждает, что «приобретение права предполагает три понятия: а) субъект, способный к приобретению права; б) объект, подлежащий приобретению; и с) акт приобретения»². Такой взгляд является перспективным для представлений о формировании юридической конструкции механизма гражданско-правового регулирования. Формирование юридической конструкции приобретения субъективных гражданских прав в первую очередь обусловлено правовым статусом субъекта как способностью к приобретению права. При этом большинство ученых в содержание правового статуса субъекта включают правоспособность³, то есть способность к приобретению гражданских прав. Общее правило о способности физических лиц к приобретению гражданских прав закреплено в ст. 17 ГК РФ. В ней указано, что способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признана в равной мере за всеми гражданами (иностранными гражданами и лицами без гражданства). Содержание правоспособности раскрыто в ст. 18 ГК РФ.

Положения о правоспособности юридических лиц закреплены в п. 3 ст. 49 ГК РФ. В ней указано, что правоспособность юридического лица возникает с момента внесения в Единый государственный реестр юридических лиц сведений о его создании и прекращается в момент внесения в такой реестр сведений о его прекращении. При этом деятельность юридических лиц основана на учредительных документах, в

¹ Лукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1971. С. 74.

² Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. По испр. и доп. 8-му изд., 1902 г. 3-е изд., испр. М.: Статут, 2003. С. 270.

³ См., напр.: Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. М.: Юрид. лит., 1993. С. 86.

которых могут быть установлены ограничения (самоограничение) в приобретении ими субъективных гражданских прав, то есть ограничения правоспособности. Коммерческие организации (предприниматели), за исключением унитарных предприятий и иных видов организаций, предусмотренных законом, свободны в приобретении субъективных гражданских прав, необходимых для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом (общая правоспособность). Однако закон предусматривает, что в учредительных документах может содержаться ограниченный (завершенный) перечень видов деятельности, которыми соответствующая организация вправе заниматься (п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8 от 1 июля 1996 г.)¹. В этом случае такое лицо способно приобретать для себя гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительном документе (п. 1 ст. 49 ГК РФ).

Приобретение субъективного гражданского права может быть связано с необходимостью обладания лицом определенным правовым состоянием. Например, правовым состоянием гражданина-предпринимателя (ст. 23 ГК РФ), способностью лица к приобретению субъективного права на наследство, предоставляемой либо завещанием, либо степенью родства.

Формирование юридических конструкций механизма гражданско-правового регулирования действий по приобретению субъективного права различается в зависимости от объекта права и его правового режима. Объект субъективного гражданского права, как пишет профессор Л. А. Чеговадзе, – «это самостоятельная правовая категория, функции которой заключаются в том, что принадлежность субъективного гражданского права по поводу того либо иного предмета порождает особое состояние субъектов и особое состояние этих предметов в качестве объектов субъективного права»². Правовой режим объекта гражданских прав представляет собой «порядок владения и пользования, способы и пределы распоряжения,

¹ См.: О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8 от 1 июля 1996 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

² Чеговадзе Л. А. Система гражданского правоотношения: проблемы теории и практики. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. С. 24.

совокупность юридически значимых действий, необходимых для приобретения прав на ту или иную вещь и их осуществления»¹. Например, закон запрещает приобретение права собственности на отдельное здание, сооружение или иную вещь, входящую в состав единого недвижимого комплекса. Такие вещи неделимы ввиду ст. 133, 133.1 ГК РФ.

В зависимости от правового режима объекта устанавливаются условия приобретения субъективных гражданских прав и порядок действий правообладателей. И, если существует намерение приобрести право собственности на недвижимую вещь, то нужно учитывать, что достижение поставленной цели будет возможным при условии государственной регистрации права (ст. 8.1, 131 ГК РФ). Важны и юридические конструкции прекращения права собственности. Расширение или сужение оснований прекращения права собственности содержит в себе риск злоупотреблений, в том числе при судебном усмотрении разрешения спора². О недостатках оснований прекращения права собственности размышляют и другие ученые (например, в отношении машино-мест)³.

Итак, приобретение субъективного гражданского права и создание модели индивидуального правового регулирования посредством формирования юридической конструкции связано с определенным поведением лиц, как собственных действий, так и действий других лиц, иначе субъективное право превращается в юридическую фикцию⁴. По утверждению Д. И. Мейера, «...для того, чтобы право было приобретено, требуется, чтобы сделалось что-либо, произошло какое-нибудь сближение между субъектом и объектом»⁵.

Приобретение субъективного гражданского права связано с совершением не любых действий, а только таких, для которых юридической конструкцией гражданско-правового механизма

¹ *Высоцкая Е. И.* Правовой режим и оборот товаров: монография. Н. Новгород: Цезиус, 2013. С. 36.

² *Камышанский В. П.* Новое продолжение модернизации ГК РФ: положения о недвижимых вещах // *Власть Закона*. 2022. № 1. С. 17.

³ *Долинская В. В., Анисимова А. И.* Машино-место: проблемы правового режима // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2022. № 10. С. 36.

⁴ *Дерюгина Т. В., Чеговадзе Л. А.* Догматика содержания субъективного права и проблемы его судебной защиты // *Вестник Московского университета*. Серия 11: Право. 2021. № 2. С. 24.

⁵ *Мейер Д. И.* Указ. соч. С. 271.

закреплена соответствующая правовая форма. Так, ст. 8 ГК РФ гласит о том, что гражданские права и обязанности возникают из договоров и иных сделок, из решений собраний, из актов государственных органов и органов местного самоуправления, в результате приобретения имущества по основаниям, допускаемым законом и др. Гражданские права и обязанности возникают из действий граждан и юридических лиц, как предусмотренных, так и не предусмотренных в законе. Например, приобретение прав из договора станет возможным при его заключении в форме совершения действий по направлению оферты и акцепта (глава 28 ГК РФ). Следовательно, форма действий, установленная законом на случай приобретения отдельных субъективных гражданских прав, также обуславливает формирование юридической конструкции механизма гражданско-правового регулирования приобретения субъективных прав.

Из изложенного выше следует, что к условиям (предпосылкам) формирования юридической конструкции приобретения субъективных гражданских прав следует относить несколько факторов. Во-первых, формирование юридической конструкции механизма обусловлено возникшим интересом в получении какой-либо пользы от социального блага, а также видом и характером правоотношения, в рамках которого польза достижима. Этим определены направления и пределы дальнейших действий субъекта по приобретению субъективного гражданского права. Во-вторых, формирование юридической конструкции связано с правовым статусом субъекта права и его правовым состоянием в данный момент. В-третьих, юридическая конструкция предопределена правовым режимом объекта гражданских прав, обуславливающим то, какие указанные в законе действия необходимо совершить для приобретения субъективного гражданского права. Кроме того, юридическая конструкция гражданско-правового механизма приобретения субъективного права включает в свой состав нормы, предписывающие вид и правовую форму действий, в результате которых субъект правомерно получает доступ к заинтересовавшему его социальному благу.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. М.: Юрид. лит., 1993. 190 с.
-

2. Высоцкая Е. И. Правовой режим и оборот товаров: монография. Н. Новгород: Цезиус, 2013. 159 с.

3. Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.

4. Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 895 с.

5. Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1971. 185 с.

6. Дерюгина Т. В., Чеговадзе Л. А. Догматика содержания субъективного права и проблемы его судебной защиты // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. № 2. С. 22–40.

7. Долинская В. В., Анисимова А. И. Машино-место: проблемы правового режима // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 10. С. 31–36.

8. Камышанский В. П. Новое продолжение модернизации ГК РФ: положения о недвижимых вещах // Власть Закона. 2022. № 1. С. 12–17.

9. Камышанский В. П. Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции // Власть Закона. 2016. № 3 (27). С. 15–25.

10. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. По испр. и доп. 8-му изд. 1902 г. 3-е изд., испр. М.: Статут, 2003. 831 с.

11. Чеговадзе Л. А. Система гражданского правоотношения: проблемы теории и практики. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. 327 с.

УДК 343.915 (470.67)
ББК 67.408

М. Г. Маликова
заведующий кафедрой
«Безопасность и правопорядок»
Тамбовского государственного
технического университета,
кандидат юридических наук,
доцент
Россия, г. Тамбов
maychi1982@mail.ru

О. А. Шубина
старший преподаватель
кафедры
«Конституционное и
административное право»
Тамбовского государственного
технического университета
Россия, г. Тамбов
lelyashubina@yandex.ru

**ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ПОБОЯХ КАК ФАКТОР
НАСИЛИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА**

**GAPS IN BATTERING LAWS AS A FACTOR OF
VIOLENCE IN THE DIGITAL AGE**

В статье проанализированы выявленные пробелы в законодательстве о побоях, а также прослеживается влияние таких пробелов на рост насилия в современном обществе. Утверждается, что побои во всех сферах жизни человека, особенно в семье и быту, учащаются в эпоху глобальных кризисов. Согласно авторской позиции, главным фактором обострения ситуации, связанной с побоями, в эпоху цифрового общества служит частичная декриминализация подобного деяния. Более того, эти изменения в уголовном законодательстве нарушают одно из конституционных прав человека – право на здоровье. В таком аспекте исследованы различные точки зрения, имеющиеся в уголовно-правовой доктрине и криминологической науке, относительно декриминализации побоев и влияния данного изменения на нарушение одного из главных конституционных прав. С учетом изложенной позиции изучено отрицательное влияние данного правового процесса на ситуацию, вызванную побоями в отношении членов семьи. Целью исследования является определение степени влияния процесса декриминализации побоев на рост насильственных поступков в цифровом мире. В соответствии с целью исследования раскрыты факторы, детерминирующие латентность насилия разного рода в цифровом обществе. Цель научного изыскания – определение

направлений совершенствования законодательства о побоях в условиях глобальных изменений в цифровом мире. По мнению авторов статьи, важно восстановить редакцию ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) в прежнем виде, внести изменения в законодательство, усиливающие профилактический эффект правовой системы в сфере защиты неотъемлемых прав человека.

Ключевые слова: пробелы в законодательстве, декриминализация, побои, конституционное право, семейно-бытовая сфера, эпоха цифрового общества, цифровой мир, цифровое общество, цифровое насилие, устранение пробелов, внесение поправок.

The article analyses the identified gaps in the legislation on beatings and traces the impact of such gaps on the growth of violence in modern society. It is argued that beatings in all spheres of human life, especially in the family and home, are becoming more frequent in the era of global crises. According to the author's position, the main factor in the aggravation of the situation related to beatings in the era of digital society is the partial decriminalisation of such an act. Moreover, these changes in criminal legislation violate one of the constitutional human rights - the right to health. In this aspect, various points of view available in criminal law doctrine and criminological science regarding the decriminalisation of battery and the impact of this change on the violation of one of the main constitutional rights are investigated. Taking into account the stated position, the negative impact of this legal process on the situation caused by beatings against family members is studied. The aim of the study is to determine the extent of the impact of the process of decriminalisation of battery on the increase of violent acts in the digital world. In accordance with the purpose of the research, the factors determining the latency of violence of different kinds in the digital society are revealed. The purpose of the scientific research is to determine the directions for improving the legislation on battery in the context of global changes in the digital world. According to the authors of the article, it is important to restore the wording of Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation (Criminal Code of the Russian Federation) in the former form, to make changes to the legislation that strengthen the preventive effect of the legal system in the field of protection of inalienable human rights.

Keywords: legislative gaps, decriminalisation, battery, constitutional law, family and domestic sphere, digital age, digital world, digital society, digital violence, closing gaps, amendments.

Введение

Побои – одно из распространенных преступлений, имеющих циклический характер. Многие факты насильственных действий остаются скрытыми от правоохранительных органов. К числу основных факторов распространенного и циклического характера относится сложность уголовно-процессуального производства, которая связана с декриминализацией побоев. По этой причине насилие в сфере семейных отношений в некоторых регионах российского государства стало высоколатентным деянием, что связано со спецификой этих субъектов.

Декриминализация побоев усугубила положение наиболее уязвимых членов семьи, усилила влияние традиций и обычаев, согласно которым не принято рассказывать посторонним о ссоре в семье, или выносить сор из избы. Особенное такое табу касается женщин. По результатам исследования, проведенного в нескольких населенных пунктах Тамбовской области, в основном в отношении женщин насилие применяют родные люди. В этой связи женщины терпят насильственные унижения до конца жизни, стараются завуалировать сложную ситуацию в семье, не желая обращаться в правоохранительные органы. Если у женщины «не остается надежд и сил исправить что-то своими возможностями, она обращается в полицию, которая теперь лишь снисходительно побеседует с нападавшим и, возможно, заставит выплатить штраф, который придется гасить из общего бюджета»¹.

Многочисленные научные изыскания подтверждают, что побои нередко сопровождаются психическим насилием. Инициатором такого вида насилия выступает, как правило, муж молодой супруги. В этих семьях «психологическое насилие является инструментарием, активно используемым при воспитании в семье, зачастую комбинируемым с физическим

¹ Шарыпова Т. Н., Берг Е. В. Закон о декриминализации побоев в семье и его влияние на общество России // Colloquium-Journal. 2020. № 3-9 (55). С. 48.

насиением»¹. Сотрудники правоохранительных органов, участвующие в опросе, говорят о трудностях при выявлении случаев психологического насилия внутри малых групп, особенно в семейных отношениях. О наличии такого вида насилия во многих семьях и высокой степени латентности свидетельствуют результаты, полученные в процессе анализа сообщений в информационном пространстве. Многие женщины в завуалированной форме могут сообщить о сложной психологической атмосфере в семье, не рискуя об этом рассказывать в ходе опросов и бесед. Ряд исследователей пишут о том, что «консервативность членов российских семей, связанная с отсутствием какого-либо желания делиться и искать понимания некомфортной психологической ситуации, является существенным барьером в попытках к положительному перелому сложившейся ситуации»².

В условиях цифрового мира особое распространение получил новый вид насилия – цифровое насилие. Так называемое насильственное онлайн-воздействие имеет подобные признаки, свойственные и психологическому насилию. Г. В. Чеботарева считает, что «к психологическому насилию относятся такие обстоятельства, как унижения, постоянная критика, постоянный контроль, слежка, проверка переписок»³. При цифровом насилии происходит постоянный контроль за социальными сетями, который заключается в требовании моментально перезванивать или отвечать на сообщение, не ставить в гаджетах пароли, устанавливать отслеживание местоположения по телефону. Цифровые технологии усиливают возможности при создании условий для контроля и обладания властью, в которых жертва оказывается зависимой от домашнего абьюзера. Благодаря цифровым возможностям, такие люди в состоянии подчинить зависимых членов семьи своей воле. Поведение цифрового агрессора обусловлено желанием удовлетворить потребность в доминировании. В таких семьях жертвы находятся в постоянном страхе с учетом случаев перехода цифрового насилия в

¹ Паршин Н. М., Архипцев И. Н. Психологическое насилие в семье как негативный фактор, влияющий на формирование личности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2021. № 4. С. 22.

² Там же.

³ Чеботарева Г. В. Административно-правовые аспекты противодействия насилию в семье // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 3. С. 186.

физическое. Как показали результаты опросов, насильственное онлайн-воздействие еще более латентно, чем психологическое насилие.

Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о том, что итоговым пунктом цифрового и психологического воздействия является физическое насилие, то есть побои и истязания. В этой связи события в правовом пространстве, связанные с декриминализацией побоев, вызывают дискуссии среди теоретиков и практиков.

Обсуждение проблемы

В теории уголовного права относительно декриминализации существуют разные мнения. В течение последних нескольких лет некоторые российские криминологи находятся на позиции создания благоприятных условий отбывания наказания для лиц, совершивших нетяжкие преступления. По мнению Я. И. Гилинского¹, криминализация должна касаться только особо опасных деяний. Аналогичные мнения в российской криминологической науке свидетельствуют о появлении такого направления, как консеквенциализм. В рамках него «отстаивается позиция, согласно которой совершивших преступления лиц следует помещать под карантин, а не назначать им наказания. В условиях карантина им должны создаваться условия для социальной реабилитации»².

Сторонники консеквенциалистской идеи предлагают назначать наиболее полезные для общества наказания. Р. В. Беличенко пишет: «В реалиях капиталистического общества считаем целесообразным ставить вопрос о важности экономической обоснованности принимаемых судами решений о привлечении к ответственности. Иными словами, результат привлечения лица к ответственности должен быть экономически выгоден обществу»³.

¹ Гилинский Я. И. Нужно ли уголовное право? // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. материалов VIII-й Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 30–31 октября 2020 г.) / ред. Е. Н. Рахманова. СПб.: Астерион, 2020. С. 30.

² Беличенко Р. В. Консеквенциализм в уголовном праве // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 7–8 июня 2024 г.) / под ред. Т. А. Огарь, Д. М. Кокин. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 48.

³ Там же.

В последние несколько лет законодательство также находится на такой позиции. Заботясь об экономической выгоде при декриминализации деяний, нельзя жертвовать правами и интересами людей, пострадавших от преступных посягательств. К. Х. Бобоева утверждает: «Для государства защита человеческого достоинства и физической неприкосновенности должна быть на первом месте»¹. В этом аспекте справедливым видится утверждение ученых о том, что «действующая редакция ст. 116 УК РФ не в полной мере обеспечивает право на телесную неприкосновенность, охрану жизни и здоровья как фундаментальное личное неимущественное право человека и гражданина»².

Декриминализация означает аннулирование общественной опасности побоев, в связи с этим вернуться к первоначальной редакции ст. 116 УК РФ предлагают многие исследователи. О существенных проблемах, возникающих при регулировании наказуемости за побои в законодательстве, пишут В. В. Филиппов и Д. А. Новохатский. На основе своего исследования ученые предлагают установить «соразмерную наказуемость в зависимости от нанесенного ущерба здоровью»³. По предложению В. В. Ерахмилевич, важно установить «уголовную ответственность за все действия по причинению побоев человеку, а само понятие побоев расширить действиями по применению насилия, нарушающими телесную неприкосновенность. Это позволит не принижать конституционные принципы физической неприкосновенности личности»⁴.

Как свидетельствует исторический анализ законодательства, процесс декриминализации относительно

¹ Бобоева К. Х. Проблемы криминализации/декриминализации побоев в отношении близких родственников // *Via scientiarum – Дорога знаний*. 2018. № 1. С. 146.

² Реуф В. М., Новикова Т. Б. Опыт декриминализации побоев в семье в России // *Синергия наук: междунар. электрон. журнал*. 2018. № 30. URL: <http://166275.simplecloud.ru/archive/article3590> (дата обращения: 15.11.2024).

³ Филиппов В. В., Новохатский Д. А. Вопросы в квалификации побоев, сущность декриминализации побоев // *Вестник Евразийской академии административных наук*. 2022. № 2 (59). С. 82.

⁴ Ерахмилевич В. В. Проблемы обеспечения права на неприкосновенность личности на примере ст. 116 УК РФ // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы XX Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Д. А. Проказина*. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. Ч. 2. С. 205.

насильственных преступлений начался в 2015 г. Сначала, по проекту закона, внесенному Верховным Судом РФ в Государственную Думу РФ, следовало полностью декриминализировать побои и угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. В итоге законодатель частично декриминализировал побои, перевел их в разряд административных нарушений, и произошло разделение ст. 116 УК РФ «Побои» на две нормативно-правовые нормы.

С этого момента мнения исследователей в теории уголовного права разделились. По утверждению сторонников превращения побоев в административные проступки, декриминализация побоев имеет некоторый профилактический эффект. В этом контексте В. А. Потетин и А. В. Лебедева пишут: «Применение мер административного характера будет способствовать снижению уровня криминальной активности в России. Перенимая положительный зарубежный опыт в сфере борьбы с нанесением побоев, российские правоохранительные органы смогут своими действенными мерами уменьшить уровень домашнего насилия в Российской Федерации»¹. В. М. Реуф и Т. Б. Новикова полагают, что «декриминализация побоев была полезна, так как после того, как побои стали административным правонарушением, привлекать виновных к административной ответственности стали чаще, чем к уголовной, что говорит о действенности законодательства»².

С точки зрения одобрителей декриминализации побоев, негативные последствия судимости не соответствуют характеру и общественной опасности побоев. По утверждению практиков, государство расходует большие ресурсы на исполнение наказаний за совершение преступлений небольшой тяжести, а их декриминализация позволит сосредоточиться на уголовных делах о преступлениях тяжких и особо тяжких. Н. А. Туркина пишет: «Инициатива о переводе преступлений небольшой и средней тяжести в административные нарушения обосновывалась недостаточной степенью общественной опасности таких

¹ Потетин В. А., Лебедева А. В. Ответственность за нанесение семейных побоев в российском и зарубежном законодательстве: историко-правовой и сравнительный анализ // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2018. № 2. С. 34.

² Реуф В. М., Новикова Т. Б. Указ. соч.

преступлений с несоразмерной ответственностью за эти деяния»¹. По утверждению З. Э. Эргашевой, «декриминализация деяний допустима, если существует возможность и целесообразность реагирования на подобные акты не в форме уголовного наказания, а путем применения альтернативных видов социального (государственного и общественного) реагирования»².

Ответственность за нанесение побоев, по административному законодательству, предусмотрена ст. 6.1.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), которая действует с 15 июля 2016 г. В ст. 116.1 УК РФ ответственность установлена только для лиц, совершивших деяние в период, в который они считаются подвергнутыми административному наказанию. Таким образом, законодатель установил двухступенчатую систему наказания за побои, что нарушает права не только потерпевших, но и виновных. В частности, в первый раз виновного лица наказывали по КоАП РФ, во второй раз – привлекали к уголовной ответственности. Если осужденный совершит деяние в виде побоев в третий раз, то предыдущие деяния «обнуляются»: де-юре такое лицо считается совершившим побои впервые. В свою очередь, общественная опасность повторного (третьего) нанесения побоев особенно велика, на что указал и Конституционный Суд РФ в постановлении от 8 апреля 2021 г. № 11-П. Ранее Конституционный Суд РФ признал такой подход не соответствующим Основному Закону.

В частности, п. 5 постановления определяет повторность как показатель стабильности противоправного поведения лица, его предрасположенности к использованию насилия при разрешении конфликтов и пренебрежения к человеческому достоинству. Таким образом, Конституционный Суд РФ признал ст. 116.1 УК РФ не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она не обеспечивает соразмерную уголовно-правовую защиту права на личную неприкосновенность и права на охрану достоинства личности от насилия в случае, если побои нанесены

¹Туркина Н. А. Проблема декриминализации домашнего насилия: укрепление семьи или правовой нигилизм? // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: XX Междунар. конф. памяти профессора А. Н. Когана (Екатеринбург, 16–18 марта 2017 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 1376.

²Эргашева З. Э. К вопросу о декриминализации побоев // Вестник Казанского юридического института МВД России. Право. 2016. № 3 (25). С. 133.

или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, совершены лицом, имеющим судимость за предусмотренное в этой статье либо аналогичное по объективным признакам преступление, ведет к неоправданным различиям между пострадавшими от противоправных посягательств, ставит лиц, имеющих судимость, в привилегированное положение по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию.

28 июня 2022 г. в целях реализации постановления Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П принят Федеральный закон № 203-ФЗ «О внесении изменений в статью 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Данным документом ст. 116.1 УК РФ дополнена частью второй, предусматривающей ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий лицом, уже осужденным за побои. Но, несмотря на внесенные изменения в ст. 116.1 УК РФ, по нашему мнению, частичная декриминализация и двойная ответственность способствовали появлению проблем уголовно-процессуального характера. Противоречивость, неясность и неоднозначность правовых норм создают проблемы в сфере правоприменения. Помимо этого, превентивный потенциал УК РФ гораздо выше, чем профилактические возможности административного законодательства. По справедливому утверждению ряда авторов, «административные правонарушения в сознании общества – что-то незначительное, что не грозит серьезными последствиями»¹, особенно в сфере семейно-бытовых отношений.

Закон вначале оставил уголовную ответственность за совершение побоев в отношении членов семьи. Но сторонники декриминализации побоев на этом не завершили противостояние. По их утверждению, следовало декриминализировать побои и в семье, исходя из принципа справедливости и соразмерности наказания.

Под давлением таких мнений в теории уголовного права законодатель Федеральным законом от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ декриминализировал побои в сфере семейных отношений. В результате побои в отношении членов семьи также стали

¹ Толкунова Е. И., Казанкова Т. Н. Побои: уголовное преступление или административное правонарушение? // Аллея Науки. 2017. Т. 3. № 9. С. 577.

административными правонарушениями. Тем самым установлена на законодательном уровне одинаковая ответственность за побои в сфере семейных отношений и чужих людей.

Находясь на позиции большинства исследователей, укажем, что декриминализация побоев способствовала проявлению ощущения безнаказанности у семейных абьюзеров. В свою очередь, пресечение преступлений небольшой тяжести в сфере семейно-бытовых отношений под угрозой уголовного наказания позволяло предупредить более тяжкие деяния. Некоторые теоретики и практики придерживаются иной позиции. Принятие поправок в ст. 116 УК РФ в июле 2016 г., по утверждению С. А. Майоровой¹, стало резонансным шагом в защите института семьи.

Не соглашаясь с приведенным утверждением, дополним, что декриминализация побоев в семейно-бытовой сфере способствовала росту насилия со стороны человека с материальным достатком. Это позволило такому человеку беспрепятственно откупиться штрафом и вести прежний деструктивный образ жизни. Ввиду изложенного становится очевидным, что «он снова и снова будет наносить побои. Еще опаснее, если насилие будет совершаться против ребенка или в его присутствии, то не исключено, что в будущем он будет копировать модель этого поведения»². Возникает острая необходимость защиты детей от побоев в сфере семейных отношений. Как известно, «среди обязанностей родителей по воспитанию детей можно выделить следующие: создание условий для охраны здоровья, физического, духовного, нравственного и морального формирования ребенка»³. К сожалению, вместо заботы о детях некоторые родители и иные члены семьи применяют разные виды насилия, прежде всего побои. По словам исследователей, в практике по отношению к детям «наиболее часто встречаются такие действия, как щипание, царапание,

¹ Майорова С. А. Декриминализация побоев в семье – повышение степени криминальной безопасности института семьи в России // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 325.

² Бобоева К. Х. Указ соч. С. 146.

³ Буткевич С. А. Семья как институт предупреждения экстремизма и терроризма (правовые и социальные аспекты) // Вестник Уральского юридического института МВД России. Право. 2018. № 1. С. 45.

дергание за волосы, сечение ремнем, прижигание спичками, сигаретами и иными горячими предметами»¹.

Резюмируя разные позиции, существующие в доктрине уголовного права и правоприменительной практике, приходим к мнению о необоснованности частичной декриминализации побоев, способствовавших появлению нестыковок и правовых упущений, нарушающих неотъемлемое право на здоровье. В этой связи предлагаем вернуться к прежней редакции ст. 116 УК РФ. Такая авторская позиция многих ученых прослеживается в многочисленных публикациях, посвященных проблемам правовой защиты прав личности в сложных современных условиях, отягощенных экономическими, социальными и морально-этическими глобальными кризисами.

Помимо внесения изменений в уголовное законодательство, негативные последствия процесса декриминализации в состоянии минимизировать эффективно действующий закон, направленный на защиту уязвимых категорий людей в семье. Поэтому с первых дней вступления изменений, внесенных в ст. 116 УК РФ в 2016 г., объектом обсуждения стал законопроект «Об основах системы профилактики домашнего насилия в Российской Федерации». Данный закон остается на стадии проекта ввиду появления противоположных позиций. Противниками принятия закона выступают многие среди депутатов Государственной Думы РФ и представителей государственной власти, уверенные о том, что данный закон находится на страже интересов женщин. В отличие от мнения государственных деятелей, результаты нашего исследования показывают негативное отношение многих теоретиков и практиков к правовым изменениям в ст. 116 УК РФ и отрицательную оценку у населения применительно к факту декриминализации побоев в семье. Такая общественная поддержка этого закона объясняется его восприятием как средства защиты наиболее уязвимых категорий семьи, включая детей и пожилых. В связи с этим большинство опрошенных выражают согласие с принятием указанного закона. По данным, полученным в ходе исследования Д. З. Зиядовой, «на вопрос “Каких членов семьи будет защищать закон “Об основах системы профилактики домашнего насилия в Российской Федерации”?» 56 % опрошенных молодых людей указали на лиц женского пола,

¹ Гладких В. И., Курчев В. С. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник. М.: Новосибирский государственный университет, 2015. С. 45.

13 % – пожилых членов семьи; 23 % – несовершеннолетних членов семьи; 8 % – иных членов семьи»¹.

Вывод

В информационном веке насилие, особенное цифровое, стало актуальной проблемой. В условиях цифровой трансформации важной и принципиальной проблемой остаются и другие виды насилия, особенно в сфере семейно-бытовых отношений, которые, помимо повышенной опасности, характеризуются высокой латентностью, а значит, возникает необходимость их комплексного изучения. Кроме физической боли и морального вреда, «насилие в семье обладает огромным деструктивным воздействием, которое проецируется на ближайшее окружение, нарушает функционирование социальных институтов. Это вопрос безопасности каждой отдельной личности, которая должна обеспечиваться государством»².

Одна из главных задач государства – обеспечение безопасности граждан и предотвращение любых посягательств на их права и свободы в повседневной жизни. Г. В. Чеботарева пишет: «Традиционный институт семьи остается движущей силой общественного развития, и семья нуждается в защите со стороны государства, как в социально-экономической, так и правовой сфере»³.

В современный период развития общества, особенно в условиях цифровой трансформации, «правовая защита от насилия в семье, причем не только физического, необходима»⁴. Как известно, на защиту конституционных прав личности направлены многочисленные национальные проекты. Цифровая трансформация входит в систему приоритетных направлений развития России⁵. Но, в свою очередь, «цифровая трансформация

¹ Зиядова Д. З. Роль уголовного права в профилактике преступлений в сфере семейных отношений // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения: материалы XIII Российского конгресса уголовного права (Москва, 26–27 мая 2022 г.) / сост. В. В. Александрова. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 203.

² Чеботарева Г. В. Указ соч. С. 184.

³ Чеботарева Г. В. Указ соч. С. 182.

⁴ Барышева К. А. Уголовно-правовая ответственность за насилие в семье в России и за рубежом // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 2. С. 40.

⁵ См.: Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14–18; Камышанский В. П. Цифровые права в российском гражданском праве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019 № 3. С. 13–16; Хун Б. М., Серая Н. А. Технология блокчейна: актуальные вопросы и

будет способствовать развитию государства, общества и каждого отдельного человека только при соблюдении прав и свобод человека и гражданина»¹. Учитывая данный постулат, многие государства, в том числе бывшие республики СССР, приняли законы, основной целью которых является профилактика насилия в сфере семейных отношений.

В российском государстве, несмотря на мнение ряда представителей власти, теоретиков и практиков, противостоящих принятию закона «Об основах системы профилактики домашнего насилия в Российской Федерации», общественность в условиях цифровизации в состоянии повлиять на положительный исход. Как известно, в последние несколько лет возникли разнообразные формы взаимодействия граждан в цифровом пространстве с целью защиты публичных интересов и достижения общественно значимых целей. На базе различных интернет-платформ происходит обсуждение наиболее распространенных проблем в обществе. Как утверждают авторы публикаций, основанных на результатах целевых исследований о роли гражданского общества в решении насущных проблем, «закрытые иерархические структуры сменяет сетевой принцип организации, более гибкий, открытый и подвижный»².

В сфере пролонгирования интересов населения в современных условиях велика роль цифрового вигилантизма (цифровой бдительности) как формы электронного участия общественности в контексте решения проблем пресечения насилия во всех сферах. Этот процесс является «реакцией на неэффективность государственных институтов в условиях цифровых трансформаций и претендует на роль

современные проблемы // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. ст. VI Междунар. науч.-практич. конф. (симпозиума) для молодых исследователей (Краснодар, 17 ноября 2021 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2021. С. 320–323; Егоренко С. Н., Седова Н. А. Особенности правового регулирования криптовалюты // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития: сб. ст. IX Нац. науч.-практич. конф. (симпозиума). Краснодар, 2024. С. 44–48.

¹ Пузенцова Ю. А. Цифровизация, право и гражданское общество: новые горизонты взаимодействия // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 225.

² Туманова А. С., Сафонов А. А. Гражданское общество в информационно-цифровую эпоху: проблемы трансформации и адаптации // Мир России. 2022. Т. 31. № 2. С. 6.

вспомогательного неформального института»¹. Таким образом, информационный век дает возможность проявлять защитную реакцию со стороны общества, выступающего за принятие правовых документов, имеющих значение в сфере охраны интересов и прав наиболее уязвимых членов семьи. Возможно, дальнейшее развитие сетевого общественного управления правовыми процессами станет непреодолимой силой на пути отрицания значимости закона о профилактике семейного насилия и даст толчок к внесению изменений в законодательство о побоях.

Библиографический список

1. *Барышева К. А.* Уголовно-правовая ответственность за насилие в семье в России и за рубежом // *Союз криминалистов и криминологов*. 2018. № 2. С. 37–42.
2. *Беличенко Р. В.* Консеквенциализм в уголовном праве // *Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 7–8 июня 2024 г.)* / под ред. Т. А. Огарь, Д. М. Кокин. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 48–50.
3. *Бобоева К. Х.* Проблемы криминализации/декриминализации побоев в отношении близких родственников // *Via scientiarum – Дорога знаний*. 2018. № 1. С. 141–148.
4. *Буткевич С. А.* Семья как институт предупреждения экстремизма и терроризма (правовые и социальные аспекты) // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. Право. 2018. № 1. С. 42–47.
5. *Волкова А. В., Лукьянова Г. В., Мартьянов Д. С.* Цифровой вигилантизм: поведенческие паттерны и ценностные ориентации // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2021. Т. 22. № 2. С. 37–52.
6. *Гилинский Я. И.* Нужно ли уголовное право? // *Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. материалов VIII-й Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 30–31 октября 2020 г.)* / ред. Е. Н. Рахманова. СПб.: Астерион, 2020. С. 26–31.

¹ *Волкова А. В., Лукьянова Г. В., Мартьянов Д. С.* Цифровой вигилантизм: поведенческие паттерны и ценностные ориентации // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2021. Т. 22. № 2. С. 37.

7. *Гладких В. И., Курчеев В. С.* Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник. М.: Новосибирский государственный университет, 2015. 198 с.

8. *Егоренко С. Н., Седова Н. А.* Особенности правового регулирования криптовалюты // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития: сб. ст. IX Нац. науч.-практич. конф. (симпозиума). Краснодар, 2024. С. 44–48.

9. *Зиядова Д. З.* Роль уголовного права в профилактике преступлений в сфере семейных отношений // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения: материалы XIII Российского конгресса уголовного права (Москва, 26–27 мая 2022 г.) / сост. В. В. Александрова. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 200–204.

10. *Ерахмилевич В. В.* Проблемы обеспечения права на неприкосновенность личности на примере ст. 116 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы XX Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Д. А. Проказина. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. Ч. 2. С. 204–205.

11. *Камышанский В. П.* О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14–18.

12. *Камышанский В. П.* Цифровые права в российском гражданском праве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019 № 3. С. 13–16.

13. *Майорова С. А.* Декриминализация побоев в семье – повышение степени криминальной безопасности института семьи в России // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 325–326.

14. *Паршин Н. М., Архипцев И. Н.* Психологическое насилие в семье как негативный фактор, влияющий на формирование личности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2021. № 4. С. 22–26.

15. *Потетинов В. А., Лебедева А. В.* Ответственность за нанесение семейных побоев в российском и зарубежном законодательстве: историко-правовой и сравнительный анализ // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2018. № 2. С. 30–35.

16. Пузенцова Ю. А. Цифровизация, право и гражданское общество: новые горизонты взаимодействия // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 225–228.

17. Реуф В. М., Новикова Т. Б. Опыт декриминализации побоев в семье в России // Синергия наук: междунар. электрон. журнал. 2018. № 30. URL: <http://166275.simplecloud.ru/archive/article3590> (дата обращения: 15.11.2024).

18. Толкунова Е. И., Казанкова Т. Н. Побои: уголовное преступление или административное правонарушение? // Аллея Науки. 2017. Т. 3. № 9. С. 575–578.

19. Туманова А. С., Сафонов А. А. Гражданское общество в информационно-цифровую эпоху: проблемы трансформации и адаптации // Мир России. 2022. Т. 31. № 2. С. 6–25.

20. Туркина Н. А. Проблема декриминализации домашнего насилия: укрепление семьи или правовой нигилизм? // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: XX Междунар. конф. памяти профессора А. Н. Когана (Екатеринбург, 16–18 марта 2017 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 1376–1381.

21. Филиппов В. В., Новохатский Д. А. Вопросы в квалификации побоев, сущность декриминализации побоев // Вестник Евразийской академии административных наук. 2022. № 2 (59). С. 82–85.

22. Хун Б. М., Серая Н. А. Технология блокчейна: актуальные вопросы и современные проблемы // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. ст. VI Междунар. науч.-практич. конф. (симпозиума) для молодых исследователей (Краснодар, 17 ноября 2021 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2021. С. 320–323.

23. Чеботарева Г. В. Административно-правовые аспекты противодействия насилию в семье // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 3. С. 181–191.

24. Шарыпова Т. Н., Берг Е. В. Закон о декриминализации побоев в семье и его влияние на общество России // Colloquium-Journal. 2020. № 3-9 (55). С. 46–49.

25. Эргашева З. Э. К вопросу о декриминализации побоев // Вестник Казанского юридического института МВД России. Право. 2016. № 3 (25). С. 132–135.

А. А. Емелина

доцент кафедры правового
обеспечения рыночной
экономики Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте Российской
Федерации,
кандидат юридических наук,
доцент
Россия, г. Москва
urconsul1@yandex.ru

С. А. Яворский

юрист ООО «ИТ АЛЬЯНС»
Россия, г. Москва
491899@mail.ru

**СУД ПРИСЯЖНЫХ И ЕГО РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ
СЕМЕЙНО-ПРАВОВОГО РАВНОПРАВИЯ СУПРУГОВ**

**THE JURY TRIAL AND ITS ROLE IN STRENGTHENING
FAMILY LAW EQUALITY BETWEEN SPOUSES**

Статья посвящена исследованию института суда присяжных и его потенциала в гражданском и наследственном судопроизводстве. Раскрыты проблемы действующего законодательства, регулирующего участие присяжных заседателей, а также его влияние на объективность судебных решений. Научная новизна заключается в формулировании концепции расширения компетенции суда присяжных за пределами уголовного процесса и адаптации его механизмов к рассмотрению гражданских споров. Авторами выявлены правовые барьеры, препятствующие внедрению присяжных в гражданский процесс, включая вопросы их отбора и соблюдения принципов состязательности. Сделан вывод о необходимости создания специализированных коллегий присяжных, что повысит независимость судопроизводства и минимизирует влияние субъективных факторов на исход дел. Рассмотрены меры по совершенствованию процессуальных гарантий, обеспечивающих баланс сторон и прозрачность принимаемых решений.

Ключевые слова: равенство в браке, присяжные заседатели, семейные споры, равноправие супругов, права отцов, независимость правосудия, процессуальные гарантии.

The article is devoted to the study of the institute of jury trial and its potential in civil and inheritance proceedings. The problems of the current legislation regulating the participation of jurors, as well as its impact on the objectivity of court decisions are revealed. Scientific novelty lies in the formulation of the concept of expanding the competence of jury trial beyond criminal proceedings and adapting its mechanisms to the consideration of civil disputes. The authors have identified legal barriers to the introduction of juries in civil proceedings, including the issues of their selection and compliance with the principles of adversarial proceedings. It is concluded that it is necessary to create specialised jury panels, which will increase the independence of judicial proceedings and minimise the influence of subjective factors on the outcome of cases. Measures to improve procedural guarantees ensuring the balance of parties and transparency of decisions are considered.

Keywords: Marriage equality, juries, family disputes, marriage equality, fathers' rights, independence of justice, procedural safeguards.

Современное правосудие требует повышения объективности судебных решений, особенно в гражданских и наследственных спорах. Институт суда присяжных традиционно применяется в уголовном процессе, однако его адаптация к гражданскому судопроизводству может способствовать обеспечению справедливости и баланса интересов сторон. Введение специализированных коллегий присяжных и совершенствование процессуальных механизмов – необходимые меры для развития правовой системы и укрепления доверия к судебной власти. Исторически участие граждан в судебных процессах укоренилось в правовых традициях разных стран. В континентальной Европе, в которой отсутствует аналог англосаксонского суда присяжных, действуют коллегиальные судебные органы, обеспечивающие демократичность разбирательств. В таких системах решения принимает группа лиц, что повышает их объективность и обоснованность.

Вопрос о соответствии нормативных предписаний и их применения в сфере суда присяжных остается одним из наиболее

дискуссионных в российском праве. Формально закрепленный в Конституции Российской Федерации (РФ) институт суда присяжных предназначен для обеспечения независимости и справедливости судебных решений. Однако практика демонстрирует значительные расхождения с декларируемыми принципами.

Во-первых, сокращение численности присяжных заседателей в уголовном процессе (п. 2 ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ) ведет к усилению субъективизма при вынесении вердиктов, что противоречит задаче коллегиального принятия решений. Во-вторых, несмотря на закрепленное в ст. 47 Конституции РФ право на суд присяжных, его применение в гражданских и наследственных спорах остается невозможным, хотя именно эти категории дел требуют объективного рассмотрения с учетом общественного мнения.

Таким образом, существует правовой разрыв между буквой закона и правоприменительной практикой, что требует корректировки законодательства для устранения дисбаланса в реализации принципов правосудия.

Гегель в «Философии права» трактует правосудие как институт гражданского общества, а не государства. В советский период отказ от разделения властей усилил исполнительную власть, ослабив судебную. Современное общество, стремясь к демократии, должно укреплять судебную систему как ключевой элемент правового государства.

В советском государстве институт народных заседателей имел высокий юридический статус и впоследствии был конституционно закреплён. Уже в 1917 г. Декрет о суде № 1 ввел в заседания судов «очередных заседателей»¹. Позднее, в 1918 г., благодаря Декрету о суде № 2, институт народных заседателей продолжил правовое регулирование². Конституция СССР 1936 г. закрепляла возможность участия граждан (народных заседателей)

¹ О суде: декрет Совета Народных Комиссаров от 5 декабря (22 ноября) 1917 г. // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. 24 ноября.

² О суде: декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

в процессе осуществления правосудия¹, повышая тем самым значимость в системе организационного положения правосудия.

Гражданский процессуальный кодекс (ГПК) РСФСР от 1964 г.² закрепил возможность рассмотрения дел народными заседателями, избираемыми в установленном законом порядке. Неприкосновенность народных заседателей в Конституции 1977 г. поставлена на уровень судей, а их выборность происходила народным голосованием по месту жительства или работы³. Это еще раз доказывает, что в период социализма процессуальное право имело глубинные демократические основы как в судебной деятельности, так и в процессуальной форме. Приведенный тезис подтверждает участие трудящихся в процессе управления государством, закрепляя за гражданами исследуемой эпохи право на доступность к политической и социальной жизни страны⁴.

Включение норм относительно института суда присяжных заседателей в конституции бывших союзных республик СССР представляло собой прогрессивный шаг, который декларировал формирование системы независимой судебной власти с привлечением граждан к осуществлению правосудия. Данное положение конституционного права свидетельствовало о важности участия народа в судопроизводстве, укрепляло принципы демократии и правового государства. Утверждается, что термины «суд присяжных» и «суд с участием присяжных заседателей» применяются как равнозначные в большинстве научных исследований⁵.

Институт присяжных заседателей в последние несколько лет сталкивался с проблемой низкого профессионального уровня, поскольку состав формировался преимущественно из домохозяек

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

² Гражданский кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

³ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

⁴ Чечина Н. А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Правоведение. 1960. № 3. С. 80.

⁵ Дудко Н. А. Суд присяжных или суд с участием присяжных заседателей: проблемы терминологии // Юрислингвистика. 2022. № 26 (37). С. 30.

и пенсионеров, что снижало их влияние на решения судей. По мнению А. Т. Боннера, причина кризиса заключалась не в доктрине, а в несовершенной системе подбора заседателей¹.

В зарубежной практике подобный институт основан на коллегиальной форме правосудия. Компетенция присяжных в ходе судебного процесса значительно отличается от судейской. Конституция США гарантирует гражданам право на рассмотрение спора с участием присяжных, если иск превышает 20 долларов².

В мировой судебной практике участие граждан в правосудии реализуется двумя способами: совместно с профессиональными судьями или в автономных коллегиях. В странах с традицией общественного участия присяжных заседателей часто привлекают к гражданскому судопроизводству, что препятствует злоупотреблениям властью и усиливает демократичность процесса.

В исследованиях пишут о том, что суду присяжных отведена важная роль в защите прав истцов и формировании общественного доверия к суду. В Великобритании и США присяжные рассматривают не только уголовные, но и сложные гражданские дела, включая иски о возмещении ущерба и неправомерные действия властей. Такой механизм учитывает общественное мнение при решении значимых правовых вопросов.

Нормы, закрепленные в ч. 5 ст. 32 Конституции РФ, а также в ст. 1 и ст. 8 Закона «О судебной системе Российской Федерации», являются значимой правовой основой участия граждан в роли присяжных заседателей в процессе правосудия. Институт присяжных заседателей закреплён в Конституции РФ в трех статьях: ст. 20, ст. 47 (глава 2 «Права и свободы человека и гражданина») и ч. 4 ст. 123 (глава 7 «Судебная власть»). Эти нормы формируют правовую основу функционирования суда присяжных в российской судебной системе.

¹ Борисова Е. А., Молчанов В. В. Боннер А. Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. СПб.: Юридическая книга, 2009. 832 с. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. № 2. С. 108.

² Берент К. А. Принцип народовластия в гражданском процессе России: pro et contra // Конституционализм: симбиоз науки и практики: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н. В. Витрука (Белгород, 17 ноября 2023 г.). Белгород: ГиК, 2023. С. 100.

Судебное производство с участием присяжных заседателей, согласно выводам Конституционного Суда РФ, представляет собой механизм народовластия. Присяжные анализируют факты, такие как совершение преступления и вина подсудимого, опираясь на представления о справедливости и жизненный опыт. В отличие от юридических нюансов, их решения основаны на оценке фактов¹.

В. И. Решетняк полагает, что развитие института присяжных заседателей в российском судопроизводстве требует сокращения их численности². Однако правовой анализ показывает, что уменьшение состава коллегии может усилить предвзятость решений. Согласно п. 2 ст. 30 УПК РФ, коллегия из шести заседателей способна нарушить баланс мнений, что подтверждается международной практикой. Так, в федеральных судах США уголовные дела рассматривают 12 присяжных, а их сокращение (например, во Флориде) нередко приводит к отмене решений в апелляции. Аналогичная тенденция наблюдается в России: статистика оправдательных вердиктов при 12 присяжных достигает 68 %, тогда как при шести – лишь 52 %³. Кроме того, ст. 47 Конституции РФ закрепляет право на суд присяжных, и его ограничение может расцениваться как нарушение конституционных гарантий. Таким образом, сокращение количества присяжных заседателей не является эффективным способом оптимизации судопроизводства. Альтернативные методы, в частности автоматизация и цифровизация процессов, позволяют повысить эффективность судебной системы без ущерба для правосудия.

Суд присяжных применяется в России в течение почти тридцати лет. Отношение к нему варьируется: от поддержки до требований об исключении его из уголовного процесса. Присяжные рассматривают сложные дела с множеством эпизодов и подсудимых, что затягивает процесс.

¹ По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Филимонова: постановление Конституционного Суда РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П // Рос. газ. 2014. 4 июня.

² Решетняк В. И. Возможные пути развития суда присяжных в России // Судья. 2016. № 5 (65). С. 37.

³ Суд присяжных в России: прошлое, настоящее и будущее // Право.ру. 2021. 24 августа. URL: <https://pravo.ru/story/233124/> (дата обращения: 23.02.2025).

Тем не менее отечественные ученые видят участие граждан в расширении отправления правосудия в том, чтобы реализовать институт присяжных заседателей в гражданском судопроизводстве или возродить институт народных заседателей¹. Важно понять, действительно ли сложились для этого предпосылки и необходимые условия. Необходимо уточнить, какие проблемы может решить такая рецепция и какое влияние окажет институт присяжных заседателей в гражданском процессе на отечественное судопроизводство в целом.

Существование института присяжных заседателей дает возможность для развития и укрепления демократических принципов в структуре и деятельности публичной власти, что указывает на важность прямого участия граждан в правосудии. Это повышает авторитет судебной системы, удовлетворяет запросы общества в аспекте обеспечения справедливости, равенства, охраны прав и их законных интересов от любых форм противоправных посягательств.

Президент В. В. Путин еще 14 марта 2016 г. внес проект закона, который бы значительно повысил роль участия присяжных заседателей в судопроизводстве². Данный проект одобрен Советом Федерации 15 июня 2016 года³. Председатель Совета судей РФ В. В. Момотов поддержал идею о необходимости введения института суда присяжных для рассмотрения гражданских дел в качестве предмета для обсуждения и анализа в рамках правовой реформы⁴.

Специфика семейных правоотношений и возникающих семейных споров значительно и фундаментально отличается от обычных гражданско-правовых, которые рассматривают в

¹ СПЧ выступает за возрождение института народных заседателей, недавно похороненного Госдумой // Право.ру. 2013. 27 ноября. URL: <https://pravo.ru/news/view/95069/> (дата обращения: 23.02.2025).

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ (в ред. от 29.12.2017) // Рос. газ. 2016. 28 июня.

³ О Федеральном законе «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей»: постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 15 июня 2016 г. № 234-СФ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 25. Ст. 3605.

⁴ Куликов В. Предложено ввести присяжных в гражданские процессы // Рос. газ. 2020. 5 марта.

рамках гражданского судопроизводства. В связи с этим невозможно ограничиться лишь особыми аспектами процессуальных институтов. Требуется создание отдельной структурированной системы, которая будет включать в себя особый порядок судебной деятельности и обеспечивать дополнительные гарантии защиты нарушенных семейных прав¹.

Для повышения эффективности судебной системы и расширения участия граждан в правосудии предлагается восстановление института судебных заседателей, упраздненного после изменений в процессуальном законодательстве. Это позволит сохранить преимущества народных заседателей и повысить гражданскую активность в судебных процессах².

В гражданском судопроизводстве судья определяет подлежащие доказыванию обстоятельства, что усложняет участие присяжных без юридического образования. Диспозитивность процесса предполагает относительную истину, зависящую от правовой интерпретации, что усложняет вынесение вердиктов непрофессионалами. Однако именно солидарная ответственность между государственной властью и гражданским обществом достижима только в судах с участием присяжных заседателей³. В связи с этим многие авторы считают несправедливым для гражданского истца оставаться за рамками процедуры вынесения вердикта присяжными заседателями⁴.

¹ Кулакова В. Ю. Семейная медиация как способ урегулирования семейно-правовых конфликтов и ее интегрирование в систему гражданской юрисдикции // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2022. № 9. С. 39–41.

² О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ (в ред. от 31.07.2023) // *Рос. газ*. 2001. 22 декабря; О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 137-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // *Парламентская газета*. 2002. 20 ноября.

³ Небольсина А. А., Пирогова Е. Е. Суд присяжных заседателей: солидарность в осуществлении правосудия // *Реализация конституционного принципа экономической, политической и социальной солидарности: вопросы теории и практики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 10–11 ноября 2023 г.)* / отв. ред. Т. А. Сошникова, Е. Е. Пирогова. М.: Московский гуманитарный университет, 2023. С. 201.

⁴ Середя О. В. К вопросу о возможности изменения порядка рассмотрения гражданского иска в суде с участием присяжных заседателей // *Проблемы восстановления прав потерпевших от преступлений в уголовной политике РФ: материалы Всерос. (национальной) науч.-практ. конф. (Красноярск, 22–23 октября*

Семейные споры – наиболее сложная категория в отечественном судопроизводстве. Решения по ним порой зависят от внутреннего убеждения судьи, которое может быть в ряде случаев предвзятым.

Существуют проблемы, связанные с выделением семейного права из Гражданского кодекса РФ, что вызывает сомнения в самостоятельности методов защиты семейных прав. Несмотря на схожесть предмета регулирования, гражданское право акцентирует внимание на имущественных отношениях, а семейное право сосредоточено на личных неимущественных отношениях. Это требует учета различий в защите прав, в том числе и существования презумпций. Семейное законодательство не предусматривает обязательного досудебного урегулирования споров. Семейный кодекс (СК) РФ предлагает уникальные меры защиты: ограничение родительских прав (ст. 73), лишение родительских прав (ст. 69) и отобрание ребенка при угрозе его жизни или здоровью (ст. 77).

Тем не менее оспаривание презумпции видится не равнозначным ее опровержению. Презумпция утрачивает силу лишь в случае, если представленные доказательства опровергают предположение, на котором она основана.

Отклонения в этой сфере устраняются правовыми механизмами (например, мерами поддержки от органов опеки, опровержением презумпции в интересах ребенка, отказом в защите прав). Термин «интересы детей» не имеет официального определения: он пронизывает в целом Семейный кодекс РФ¹. Ввиду этого можно сделать предположение о том, что при имеющейся сложности споров и отсутствии четких критериев справедливости главным ориентиром остаются интересы ребенка, которые могут быть рассмотрены судьей субъективно в отношении одного из его родителей.

Фактические презумпции отличаются от законных тем, что они лишены правовой значимости в аспекте влияния на мнение судьи. Например, в Семейном кодексе 1918 г.² суды признавали

2021 г.). Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 147.

¹ Булаевский Б. А. Правовая охрана интересов ребенка (памяти А. М. Нечаевой) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2 (54). С. 119.

² Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве: принят на сессии ВЦИК 16 сентября 1918 г. // Собрание

отцом того мужчину, на которого указывала мать еще не рожденного на тот момент ребенка. Вероятностные презумпции могут быть опровергнуты, и важно определить порядок их опровержения. Обычно презумпция помогает определить, на кого возложено бремя доказывания.

В гражданском судопроизводстве обязательным является установление фактических обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон. Прежде чем применить правовую норму, суд должен установить фактическую основу дела, к которой эта норма относится. В России в 95 % случаев суд оставляет ребенка под опекой матери. Психологи объясняют это особой связью между матерью и ребенком, а юристы видят влияние преобладания женщин среди судей. Юридическая презумпция при этом базируется на биосоциальном предположении.

В качестве доказательства необходимости применения института присяжных заседателей в семейных спорах можно привести низкий процент исполнимости судебных решений, которые вынесены, например, по спорам о детях. Речь идет об отобрании и передаче детей, выборе места проживания ребенка, а также способа и порядка общения с ним. Нужно проанализировать и «его невербальный отклик на их вопросы, чтобы выявить как нарушения в психике ребенка, так и возможное негативное влияние недобросовестного родителя, создавшего для несовершеннолетнего ложный авторитет»¹.

В данном случае можно согласиться с мнением о том, что для обеспечения более эффективной судебной защиты прав сторон по делу могут быть допустимы любые изменения процессуальной формы. Это связано с приоритетной конституционной целью правосудия, указанной в статьях 2, 17, 18, 46 Конституции РФ.

В сфере российского права отсутствует единое определение отцовства, не сформулирована базовая доктрина в контексте этого вопроса. Тем не менее законодатель закрепил принцип равенства между супругами, согласно которому спорные вопросы относительно отцовства и материнства, будущего и текущего

указаний и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. 1918. № 76-77. Ст. 818.

¹ Емелина А. А., Яворский С. А. Особенности судопроизводства по семейным спорам при внедрении цифрового правосудия // Российский судья. 2024. № 8. С. 15.

образования ребенка, способы его воспитания должны решаться супругами совместно (п. 2 ст. 31 СК РФ). Удивителен тот факт, что такое положение гарантирует равные права их как родителей по отношению к их детям, но не как супругов. На наш взгляд, это положение может противоречить конституционным нормам (ч. 2 ст. 38).

Отцы часто сталкиваются с проблемами определения места жительства их детей: правоприменитель, как правило, оставляет недееспособных детей с их матерями. Подобные решения обоснованы принципом их неразлучности с малолетними детьми¹. В литературе считается недопустимым создание проблем и препятствий в аспекте воспитания детей при их осуществлении отцами в качестве одного из родителей. Это нарушает упомянутый нами выше принцип правового равенства родителей.

На основании вышеизложенного предполагаем, что вердикт присяжных заседателей может и должен зависеть только от их личного жизненного опыта и представлений о справедливости, поскольку большинство граждан имеют опыт участия в жилищных, семейных и трудовых спорах, их субъективные представления могут положительно повлиять на решение дела. Считается, что российское судопроизводство пока не оправдало потребности современного общества и его ожиданий в справедливом правосудии. Так, Р. Д. Гребнев утверждает, что судейское сообщество наделено государственно-властными функциями в пределах установленных законом рамок, но не участвует в осуществлении судебной власти при отправлении правосудия². Однако применение термина «государственно-властные функции» в этом контексте будет возможным лишь в аспекте административных полномочий, делегированных сообществу.

¹ Декларация прав ребенка: провозглашена Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/2562501/?ysclid=m8an2izted333115876> (дата обращения: 03.06.2024); Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI. Ст. 9.

² Гребнев Р. Д. Некоторые вопросы становления нормативной правовой регламентации современного судоустройства и организации деятельности судов // Образование и право. 2015. № 11 (75). С. 246–248.

Кроме того, Р. Д. Гребнев полагает, что судебная власть может быть реализована за пределами правосудия, а судейские сообщества выступают ее составным элементом в установленных законом границах. Данный подход представляется ошибочным, поскольку ст. 118 Конституции РФ закрепляет судебную власть исключительно в рамках осуществления правосудия. Концепция Р. Д. Гребнева о «судебной власти вне правосудия» представляет собой переосмысление традиционного подхода, приближаясь к идее существования административной «четвертой власти». Однако такая интерпретация вступает в противоречие с конституционными принципами разделения властей и статуса судебной системы. Для повышения доверия общества к судебной системе и ее независимости предлагается расширить участие общественности в разбирательствах по социально значимым делам, особенно о лишении родительских прав и усыновлении.

Считаем, что включение присяжных заседателей в такие процессы укрепит независимость судов, защитит их от внешнего давления, коррупции и предвзятости, повышая объективность и прозрачность судебных решений. В гражданском судопроизводстве необходимо расширение полномочий присяжных: например, целесообразно дать им возможность задавать вопросы участникам процесса напрямую¹, что запрещено положениями ч. 4 ст. 335 УПК РФ.

В литературе высказано мнение и о том, что законодателю следует воздержаться от вовлечения присяжных в гражданские процессы по причине их специфичности и многогранности, с указанием на правовую некомпетентность присяжных². Очевиден тот факт, что проблему исследователь преувеличивает, не учитывая процессуальных инструментов, которые компенсируют сложность рассмотрения гражданских дел. Кроме того, недооценена способность присяжных сочетать судебные

¹ Кузьмина П. М. Проблемные вопросы деятельности суда присяжных заседателей в России на современном этапе // Молодежь, наука и цивилизация: материалы Междунар. студенческой науч. конф. (Красноярск, 19 мая 2022 г.) / отв. ред. Н. Н. Цуканов. Вып. 24. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2022. С. 71.

² Голенко А. А. Перспективы введения в российское гражданское судопроизводство суда присяжных // Будущее науки – 2021: сб. науч. ст. 9-й Междунар. молодежной науч. конф.: в 6 т. Т. 3 (Курск, 21–22 апреля 2021 г.) / отв. ред. А. А. Горохов. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 67.

инструкции с личным опытом и проигнорированы значения эмпирических данных относительно их эффективности. Таким образом, авторский тезис является спорным вне правового контекста проблемы.

А. К. Карпенко при введении суда присяжных рекомендует создать законодателю новые трактовки принципа диспозитивности (ст. 3, 35, 39 ГПК РФ), значительно сократить время на рассмотрение гражданских дел, повысив тем самым эффективность правосудия¹. Автор предлагает фактически ограничить диспозитивность, наделив судью правом решать, какие именно доказательства могут соответствовать разрешению спора. Это нарушает принцип состязательности, поскольку сторона, представившая доказательства, не сможет обосновать свою позицию в суде, что противоречит положению ст. 12 ГПК РФ. Согласно тезису А. К. Карпенко, судья может исключить некоторые доказательства как «неочевидные» (свидетельские показания, переписку), что исказит критерий «соответствия разрешению спора». Если в уголовном процессе (ст. 88 УПК РФ) судья активно и всесторонне оценивает доказательства, действуя в целях установления истины (принцип официальности), то в гражданском процессе истина носит формальный характер и формируется сторонами. Это обстоятельство делает вмешательство суда в отбор доказательств системно несовместимым с диспозитивностью, что создает угрозу праву на следование принципу справедливости в процессе. Тезис А. К. Карпенко о сокращении времени рассмотрения дел нуждается в корректировке. Эффективность правосудия определяется не скоростью, а качеством решения. Ускорение правосудия за счет сужения доказательной базы приведет к росту судебных ошибок, нарушению баланса интересов сторон. В связи с этим авторский акцент на сокращение времени правосудия посредством фильтрации доказательств игнорирует системные проблемы судопроизводства и без того ухудшает доступ к правосудию слабым сторонам. В отношении оценки правосудия мы согласны с выводами В. П. Камышанского о том, что оно может быть

¹ Карпенко А. К., Камакина Д. В. Суд присяжных в гражданском процессе: за и против // Актуальные вопросы юриспруденции: сб. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 25 апреля 2022 г.) / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: Наука и Просвещение, 2022. С. 142.

эффективным, «если право справедливо разрешает конфликт интересов»¹.

Создание коллегии присяжных заседателей в России с целью рассмотрения семейных споров на всех без исключения этапах судебного процесса становится все более актуальным, что в итоге может способствовать достижению мирного соглашения между сторонами спора. Кроме того, это привнесет в процесс атмосферу здорового жизненного смысла и народного правосознания².

Думается, что включение присяжных заседателей в судебные процессы в районных судах способствует повышению их значимости как важной составляющей российской юстиции, тесно связанной с современным обществом. Такой подход создает условия для привлечения россиян к участию в судебных процессах и обеспечивает более полное осуществление положений ч. 4 ст. 123 Конституции РФ о прямом участии народа в правосудии.

В процессе исследования нами выявлены недостатки действующего законодательства, регулирующего институт суда присяжных, и его влияние на судебное разбирательство. Научная новизна исследования заключается в формулировании нового подхода к совершенствованию процессуальных норм, обеспечивающих баланс сторон и повышение объективности вердиктов. Предложена концепция адаптации суда присяжных к гражданским спорам, включая наследственные дела, с учетом их специфики и потребности в коллегиальном принятии решений. Для этого необходимы внедрение специализированных коллегий присяжных, совершенствование правовых механизмов их отбора и разработка четких процессуальных гарантий, исключающих субъективность решений.

Библиографический список

¹ Камышанский В. П. О праве и нравственности в современной цивилистике через призму идей Л. И. Петражицкого // Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 12 февраля 2015 г.). Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 16.

² Машовец Е. А. Преимущества суда с присяжными заседателями: институт присяжных заседателей как способ морального порицания и общественного осуждения // Актуальные вопросы публичного права: материалы XIX Всерос. науч. конф. студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 12–13 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. А. Потапов. Вып. 19. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. С. 677.

1. *Берент К. А.* Принцип народовластия в гражданском процессе России: pro et contra // Конституционализм: симбиоз науки и практики: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н. В. Витрука (Белгород, 17 ноября 2023 г.). Белгород: ГиК, 2023. С. 98–103.

2. *Борисова Е. А., Молчанов В. В.* Боннер А. Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. СПб.: Юридическая книга, 2009. 832 с. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. № 2. С. 108–117.

3. *Булаевский Б. А.* Правовая охрана интересов ребенка (памяти А. М. Нечаевой) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2 (54). С. 117–123.

4. *Голенко А. А.* Перспективы введения в российское гражданское судопроизводство суда присяжных // Будущее науки – 2021: сб. науч. ст. 9-й Междунар. молодежной науч. конф.: в 6 т. Т. 3 (Курск, 21–22 апреля 2021 г.) / отв. ред. А. А. Горохов. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 65–68.

5. *Гребнев Р. Д.* Некоторые вопросы становления нормативной правовой регламентации современного судостроительства и организации деятельности судов // Образование и право. 2015. № 11 (75). С. 246–255.

6. *Дудко Н. А.* Суд присяжных или суд с участием присяжных заседателей: проблемы терминологии // Юрислингвистика. 2022. № 26 (37). С. 26–32.

7. *Емелина Л. А., Яворский С. А.* Особенности судопроизводства по семейным спорам при внедрении цифрового правосудия // Российский судья. 2024. № 8. С. 12–16.

8. *Камышанский В. П.* О праве и нравственности в современной цивилистике через призму идей А. И. Петражицкого // Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 12 февраля 2015 г.). Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 16–20.

9. *Карпенко А. К., Камакина Д. В.* Суд присяжных в гражданском процессе: за и против // Актуальные вопросы юриспруденции: сб. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 25 апреля 2022 г.) / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: Наука и Просвещение, 2022. С. 142–144.

10. *Кузьмина П. М.* Проблемные вопросы деятельности суда присяжных заседателей в России на современном этапе // Молодежь, наука и цивилизация: материалы Междунар. студенческой науч. конф. (Красноярск, 19 мая 2022 г.) / отв. ред. Н. Н. Цуканов. Вып. 24. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2022. С. 70–73.

11. *Кулакова В. Ю.* Семейная медиация как способ урегулирования семейно-правовых конфликтов и ее интегрирование в систему гражданской юрисдикции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 9. С. 39–44.

12. *Куликов В.* Предложено ввести присяжных в гражданские процессы // Рос. газ. 2020. 5 марта.

13. *Машовец Е. А.* Преимущества суда с присяжными заседателями: институт присяжных заседателей как способ морального порицания и общественного осуждения // Актуальные вопросы публичного права: материалы XIX Всерос. науч. конф. студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 12–13 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. А. Потапов. Вып. 19. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. С. 676–681.

14. *Небольсина А. А., Пирогова Е. Е.* Суд присяжных заседателей: солидарность в осуществлении правосудия // Реализация конституционного принципа экономической, политической и социальной солидарности: вопросы теории и практики: материалы Междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 10–11 ноября 2023 г.) / отв. ред. Т. А. Сошникова, Е. Е. Пирогова. М.: Московский гуманитарный университет, 2023. С. 199–202.

15. *Решетняк В. И.* Возможные пути развития суда присяжных в России // Судья. 2016. № 5 (65). С. 36–39.

16. *Середа О. В.* К вопросу о возможности изменения порядка рассмотрения гражданского иска в суде с участием присяжных заседателей // Проблемы восстановления прав потерпевших от преступлений в уголовной политике РФ: материалы Всерос. (национальной) науч.-практ. конф. (Красноярск, 22–23 октября 2021 г.). Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 146–148.

17. СПЧ выступает за возрождение института народных заседателей, недавно похороненного Госдумой // Право.ру. 2013. 27 ноября. URL: <https://pravo.ru/news/view/95069/> (дата обращения: 23.02.2025).

18. Суд присяжных в России: прошлое, настоящее и будущее // Право.ру. 2021. 24 августа. URL: <https://pravo.ru/story/233124/> (дата обращения: 23.02.2025).

19. Чечина Н. А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Правоведение. 1960. № 3. С. 78–83.

А. В. Зарубин

судья Двадцать первого арбитражного апелляционного суда,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Севастополь
a.v.zarubin@yandex.ru

**СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ОТНОШЕНИЙ СОВМЕСТНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВЫХ
ОБЩНОСТЕЙ**

**THE WAYS OF SOLVING PROBLEMS OF JOINT OWNERSHIP
RELATIONS ON THE BASIS OF THE CONCEPT OF LEGAL
COMMUNITIES**

В статье утверждается, что наука пребывает в поиске альтернативных моделей общей совместной собственности супругов, предлагая режим отложенной общности, а также перестроение отношений совместной собственности по типу корпоративных (концепцию правовых общностей). Считая перспективным второй подход, который называет супружеский союз гражданско-правовым сообществом, обладающим правом собственности, как и остальными правами, а супругов – членами этого сообщества, автор описывает его способность решать наиболее острые проблемы существующих сегодня правоотношений совместной собственности супругов. В частности, при помощи концепции правовых общностей объяснено поступление имущества в общую собственность, независимо от того, кто из супругов его приобрел; раскрыта природа брачного договора; мотивирована возможность взаимных сделок супругов; устранена неопределенность в судьбе общего имущества после расторжения брака; показана природа согласия супругов и последствия его недостижения, а также решены другие проблемы.

Ключевые слова: собственность, общая собственность, совместная собственность, долевая собственность, гражданско-правовое сообщество, отложенная общность, правовая общность, правовой режим, брачный договор, сделки супругов.

The article argues that science is in search of alternative models of common joint property of spouses, proposing the regime of

deferred community, as well as the restructuring of joint property relations on the type of corporate (concept of legal communities). Considering as promising the second approach, which calls the conjugal union a civil-law community with the right of ownership as well as other rights, and spouses - members of this community, the author describes its ability to solve the most acute problems of the existing today legal relations of joint marital property. In particular, with the help of the concept of legal communities, the entry of property into common ownership, regardless of which of the spouses acquired it, is explained; the nature of the marriage contract is revealed; the possibility of mutual transactions of spouses is motivated; the uncertainty in the fate of common property after the dissolution of marriage is eliminated; the nature of the consent of spouses and the consequences of its failure to achieve are shown, and other problems are solved.

Keywords: property, common ownership, joint ownership, joint ownership, shared ownership, civil law community, deferred community, legal community, legal regime, prenuptial agreement, spousal transactions.

В научной литературе представлено утверждение о том, что институт общей совместной собственности устарел и ему пора искать замену. Из предлагаемых учеными вариантов замены наиболее перспективны, как нам кажется, два: 1) переход к режиму отложенной общности; 2) перестроение отношений общей совместной собственности по типу корпоративных.

Суть режима отложенной общности глубоко раскрыта А. В. Слепаковой¹ и А. В. Егоровым². Она сводится к тому, что супруги, вступая в брак, не смешивают имущество и не создают собственность особого типа. Каждый из них продолжает распоряжаться своими вещами, приобретенными до брака и во время него. Если супруги примут решение о разводе, то будет произведено сравнение их имущественных масс на момент вступления в брак и на момент развода, что позволит определить

¹ Слепакова А. В. Правоотношения собственности супругов. М.: Статут, 2005. С. 217.

² Егоров А. В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства: сб. ст., посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. М.: Статут, 2020. С. 233–234.

так называемый прирост. Именно он и подлежит разделу. Режим отложенной общности воспринят большинством право порядков европейских стран, пусть и с некоторыми различиями; существует в них давно, что свидетельствует о его устойчивости и востребованности.

Идея построения отношений совместной собственности по типу корпоративных основана на том, что совместная собственность, как и долевая, не представляет собой особого права собственности. Это ординарное право собственности особого субъекта гражданских правоотношений – супружеского сообщества (семьи). Об этом писал, к примеру, Ю. А. Королев¹. Дополним, что супругов можно рассматривать как гражданско-правовое сообщество, поскольку образованный ими союз устойчив, круг участников определим, а его члены (супруги) связаны общей целью и особыми внутренними связями. Признание супружеского сообщества субъектом права означает не только наделение его правом собственности, но и способностью принимать гражданско-правовые обязательства, в частности долговые. В отдельности супругов следует рассматривать как субъектов, изъявляющих волю сообщества.

Цель настоящей статьи состоит не в том, чтобы убедить кого-либо в правильности второго подхода, в котором мы не сомневаемся, а в том, чтобы увидеть, способно ли перестроение отношений совместной собственности по типу корпоративных принести пользу или, по крайней мере, уменьшить количество наиболее острых общетеоретических конфликтов. Для достижения этой цели выделим из множества проблем современных отношений совместной собственности именно такие, которые носят общетеоретический характер, и попытаемся спрогнозировать, были бы они разрешены концепцией правовых общностей.

К общетеоретическим отнесем проблему существования особых видов права собственности, в том числе общей совместной собственности; трудности в объяснении пророста имущественной массы неработающего супруга; неясности относительно термина «режим» общей собственности и возможности его смены; затруднения в определении природы брачного договора, а также природы согласия супруга на

¹ Королев Ю. А. Семья как субъект права // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 62.

совершение сделки; обоснования запрета на совершение супругами взаимных сделок; и, наконец, неопределенность судьбы общего имущества после расторжения брака.

Итак, проблема существования особых видов права собственности (общей долевой и общей совместной собственности) состоит в том, что право собственности, по крайней мере, как его определяли классики российской цивилистики¹, наделяет носителя неограниченной и исключительной властью над вещью. Вместе с тем субъекты права общей собственности, в том числе совместной, вынуждены считаться с волей других соучастников², а потому их власть перестает быть неограниченной и исключительной.

Концепция правовых общностей основана на том, что соучастники, в нашем случае – супруги, образуют гражданско-правовое сообщество, как особый субъект гражданского права. Супружеское сообщество является собственником имущества, нажитого в союзе. Это сообщество выступает также должником и кредитором в обязательствах, в которые супруги вступили в интересах семьи. Супруги должны быть рассмотрены как носители воли сообщества. Членство в супружеском сообществе не лишает участников их правоспособности, поэтому супруги могут приобретать имущество, вступать в обязательства и от своего имени.

Таким образом, концепция правовых общностей сохраняет давнее представление о праве собственности как неограниченном и исключительном господстве над вещью, присваивая его не группе лиц, а одному субъекту – супружескому сообществу. С этих позиций попытаемся разрешить вопросы, о которых речь шла в начале статьи.

Итак, трудность в объяснении пророста имущественной массы неработающего супруга состоит в том, что поскольку общая совместная собственность – вид права собственности, то возникать и прирастать она должна по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ). Вместе с тем Семейный кодекс (далее – СК) РФ

¹ *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. 4-е изд. Казань: бр. Башмаковы, 1902. С. 226; *Мейер Д. И.* Русское гражданское право. 3-е изд., испр. СПб.: Н. Тиблен, 1864. С. 285.

² *Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского.* 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 292.

закрепляет правило, согласно которому право на общее имущество принадлежит и тому из супругов, который не делал материальных вложений, но обеспечивал неимущественные потребности семьи (п. 2 ст. 34). Такого основания возникновения и прироста права собственности, как усилия по достижению нематериальных целей союза двух лиц, ГК РФ не содержит.

Если исходить из того, что супруги образуют гражданско-правовое сообщество, а при этом остаются его членами, становится понятной логика законодателя, выраженная им в п. 2 ст. 34 СК РФ. Во-первых, для гражданско-правовых коллективных образований, основанных на членстве, характерно то, что при объединении участники что-то вносят в общее дело. Вклады участников могут быть имущественными и неимущественными, если достигнуто взаимное согласие. Это правило относится, например, к обществу с ограниченной ответственностью (ст. 15 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Схожее правило устанавливает ст. 1042 ГК РФ применительно к простому товариществу. Как известно, простое товарищество именуют договором и лицом, основанным на членстве, оно не является. Однако образование коллектива видится вполне очевидным, поэтому правило, установленное ст. 1042 ГК РФ, для нас тоже представляется полезным. Полезно оно и потому, что объединение вкладов товарищей влечет возникновение общей долевой собственности (п. 1 ст. 1043 ГК РФ), то есть близкого родственника собственности совместной.

Итак, создание коллективного образования, основанного на членстве, предполагает вложение в общее дело (имущественное или неимущественное) и наделяет участника правом требовать при ликвидации коллективного образования части своей доли, на которую теперь уже приходится вполне материальные активы, если, конечно, обществу удалось что-либо приобрести. Нечто подобное мы видим и в отношении супружеского сообщества. В данном случае прослеживаются и объединение лиц, и вклад в общее дело, который может быть выражен в пополнении семейной казны деньгами или ведении домашнего хозяйства. Предусмотрено и право требовать своей доли из нажитого семейным сообществом в случае его распада, независимо от того, вложены в общее дело деньги или усилия по ведению домашнего хозяйства.

Кроме того, любое коллективное образование нуждается в лице, которое будет изъявлять его волю вовне. Без этой способности участие такого рода образований в гражданских правоотношениях становится невозможным. Особенность супружеского сообщества состоит в том, что право изъявлять его волю принадлежит в равной мере обоим членам – супругам. По этой причине любое действие супруга следует рассматривать как действие сообщества. Приобретая какую-то вещь, накапливая денежные средства и т. п., каждый из супругов увеличивает не свое состояние, а казну семьи, действуя от его имени. Поэтому нет противоречия в том, что один из участников сообщества может претендовать на часть казны семьи, если он не пополнял ее ничем материальным.

Следующая проблема связана с неопределенностью термина «режим» применительно к имущественному положению супругов. Так, СК РФ гласит о законном режиме (глава 7) и договорном режиме (глава 8). Данный тезис повторяется в научной и учебной литературе¹. При этом ГК РФ, который, собственно, призван регулировать имущественные отношения, суть термина «имущественный режим» не раскрывает и упоминает о нем единожды, если речь идет о совместной собственности (ст. 256 ГК РФ).

Понятие режима существует давно. Можно утверждать, что это своеобразный научный обычай: описывать принадлежность имущества супругам не через вид права собственности, как это делает ГК РФ, а именно посредством понятия «режим». Объяснения относительно того, почему происходит именно так, никто не дает. Так сложилось. Можем предположить, что причина кроется, во-первых, в возможности супругов владеть имуществом на различных правах: какие-то вещи могут находиться в единоличной собственности, какие-то – в общей долевой, а другие – в совместной. Во-вторых, некоторые вещи, как иногда утверждают исследователи, могут одновременно принадлежать на праве совместной и долевой собственности².

Действительно, утверждение о том, что, к примеру, автомобиль приобретен одним из супругов во время брака, будет

¹ Гражданское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция»: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ, 2024. С. 301.

² Егоров А. В. Указ. соч. С. 232.

неинформативным с той точки зрения, у кого возникло право на него, если не будет известно о взаимной договоренности супругов относительно того, какое право устанавливается на приобретаемое имущество. Если опираться на концепцию правовых общностей, то можно утверждать, что супруги, вступая в брак, непременно создают сообщество семейного типа, отношения с участием которого урегулированы нормами СК РФ. Семья предполагает ведение совместного хозяйства, поэтому наверняка создается и гражданско-правовое сообщество, которое должно будет участвовать в имущественных отношениях. Приобретаемое супружеским сообществом имущество поступает в его единоличную собственность. Супруги получают полномочия по управлению общими делами; взаимного контроля; раздела и т. д.

Обычно супруги вступают в союз, именуемый «общей совместной собственностью». Но они могут договориться о том, что союз будет основан на гражданско-правовом сообществе иного типа, предполагающем управление по взаимному согласию (действительному, а не предполагаемому); возможность отчуждения долей (в имущественном, но не семейном сообществе) и т. д. Иными словами, их союз сегодня можно было бы назвать «общей долевой собственностью». Супруги вправе, создавая семью, не вступать в гражданско-правовой союз и участвовать в имущественных отношениях самостоятельно и автономно. Хотя это и затруднительно, так как семья предполагает общее хозяйство и быт, а они невозможны без объединения вещей.

Итак, имущественный режим можно представить как вид гражданско-правового сообщества, который создают супруги для участия в имущественных отношениях. Можно возразить против такого вывода, указав, что в данном случае происходит замена понятий: вид принадлежности имущества заменен видом лица, которое устанавливает господство над вещью. Отклоняя возражения, дополним, что наш подход, во-первых, снимает проблему существования различных видов права собственности (общей совместной и общей долевой), поскольку утверждает, что право собственности одно и принадлежит оно гражданско-правовому сообществу с различными способами управления; членства; раздела и т. д. Во-вторых, очищает правовое поле от непонятного термина «режим», поскольку другого режима, кроме режима полного и неограниченного господства над вещью, нет.

СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ОТНОШЕНИЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Следующие проблемы, которые попытаемся разрешить при помощи концепции правовых общностей, связаны с определением природы брачного договора, а также согласия супруга на совершение сделки. Трудность в определении природы брачного договора состоит в следующем. Гражданско-правовые договоры делят на возмездные и безвозмездные; односторонние и взаимные (синаллагматические); реальные и консенсуальные и т. д. Брачный договор трудно вписать в такую систему, особенно при его квалификации как возмездного или безвозмездного, и на это неоднократно обращено внимание в научных работах¹.

Брачный договор – это не единственное соглашение, которое трудно поддается описанию с точки зрения возмездности либо безвозмездности. А. И. Савельев² пишет о существовании целой группы договоров, которые не опосредуют экономический обмен и не направлены на безвозмездное предоставление. Их цель – регламентировать совместные усилия сторон для достижения общих целей. В число этих соглашений входят учредительный и корпоративный договор; договор простого товарищества; соглашение о порядке использования общего имущества и т. д. Обобщая договоры такого типа, А. И. Савельев³ делает вывод о том, что все они призваны урегулировать взаимные отношения субъектов на этапе создания какого-либо сообщества либо взаимные отношения членов уже существующего сообщества.

Если предположить, что концепция правовых общностей верна, и мы должны рассматривать союз супругов как гражданско-правовое сообщество, то становится понятной и природа брачного договора. Его следует рассматривать как своего рода имущественный регламент, который определяет способ управления общими делами (совместно или по долям); порядок обращения имущества в собственность сообщества либо кого-либо из членов; взаимные имущественные отношения супругов; вопросы распределения имущества в случае распада сообщества и т. д.

¹ Степкин С. П. Правовая природа брачного договора // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 25; Матвеева Н. А. Правовая природа брачного договора по праву России, Украины и Беларуси // Нотариус. 2012. № 5. С. 32.

² Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 182.

³ Там же. С. 182.

Согласие супруга на совершение сделки рассматривают как согласие третьего лица на совершение сделки¹, самостоятельную сделку² и т. д. Однако если считать супружеский союз гражданско-правовым сообществом, основанным на членстве, то согласие супруга на совершение сделки следует считать актом голосования, которое при положительном исходе перерастает в решение сообщества (ст. 181.2 ГК РФ).

Проблема запрета на совершение супругами взаимных сделок состоит в том, что супруги, выбрав для управления делами семьи сообщество по типу совместного управления (сегодня его назвали бы «с режимом совместной собственности»), лишаются возможности совершать сделки друг с другом. Считается, что это сделки с самим собой³, поскольку расходуются общие деньги и имущество поступает в общую собственность.

Концепция правовых общностей основана на том, что участники сообщества приобретают членские права, в том числе правомочие по управлению общими делами, но не теряют самостоятельности, как субъекты гражданских правоотношений. Изложенное означает, что, с одной стороны, вступая в брак и организуя супружеское сообщество с совместным типом управления, супруги должны осознавать, что действия каждого рассматриваются как действия сообщества, поэтому, как правило, все приобретаемое ими поступает в собственность сообщества; с другой стороны, супруги остаются самостоятельными субъектами права и они не лишены возможности приобретать и отчуждать имущество. Наконец, допустимым является и то, что сообщество, будучи собственником имущества, вправе распорядиться им, передав что-либо в единоличную собственность одного из супругов.

Относительно неопределенности судьбы общего имущества после расторжения брака трудность состоит в том, что не вполне понятно, преобразуется ли общая совместность собственности в

¹О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

²Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 февраля 2020 г. № 25-КГ19-11 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

³Чефранова Е. А. Сделки, заключаемые между супругами // Юрист. 2005. № 1. С. 38.

СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ОТНОШЕНИЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВЫХ ОБЩНОСТЕЙ

долевою; продолжает существовать как совместная с правовым регулированием, предусмотренным ст. 35 СК РФ, либо правовым регулированием, регламентированным ст. 253 ГК РФ. К примеру, А. Ф. Пьянкова¹ утверждает, что не существует такого вида общей собственности, как собственность бывших супругов. Напротив, суды полагают, что общая совместная собственность после расторжения брака сохраняется, но только правовое регулирование этих отношений осуществляется ст. 235 ГК РФ, а не ст. 35 ГК РФ².

Неопределенность устраняется вследствие разделения между понятиями супружеского союза как семейного образования и семейного союза как гражданско-правового сообщества. Супруги могут вступить в брак с целью совместного воспитания детей, взаимной поддержки и т. п., но при этом не смешивать свое имущество. В таком случае образуется именно сообщество семейного типа. Супруги могут заключить брак, преследуя не только цель воспитания детей и взаимной поддержки, но и ведения общего хозяйства. При этом образуются и семейный союз, и гражданско-правовое сообщество. Расторгая брак, стороны рушат семейный союз, но они могут остаться членами гражданско-правового сообщества. По этой причине концепция правовых общностей стоит на том, что расторжение брака не означает конец общего имущества, то есть, в общем, соглашается с позицией судов.

Концепция правовых общностей могла бы принести и другую пользу, к примеру, расширив сферу действия презумпции согласия второго супруга на все собственнические акты, а не только на сделки распоряжения, поскольку данная концепция наделяет супружеское сообщество правомочием по совершению любых юридически значимых действий, необходимых для существования сообщества. Концепция правовых общностей могла бы расширить защиту от несогласованных действий второго супруга, предоставляя ее во всех случаях, если его действиями причинен ущерб, в том числе действиями,

¹ Пьянкова А. Ф. Право общей совместной собственности супругов после расторжения брака: в поисках баланса интересов // Закон. 2019. № 12. С. 139.

² По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Мокеева: постановление Конституционного Суда РФ от 13 июля 2021 г. № 35-П // Рос. газ. 2021. 26 июля.

направленными на уменьшение объема или стоимости общего имущества, а не только сделок по распоряжению имуществом.

Таким образом, если мы находимся в поиске нового института¹, который должен заменить общую совместную собственность, и хотим, чтобы он избавил нас от накопившихся проблем, новый институт должен быть таким, который видит не особую форму права, а особый союз супругов со своим имуществом, с обязательствами, волей.

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
2. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1425 с.
3. *Егоров А. В.* Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства: сб. ст., посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. М.: Статут, 2020. С. 232–295.
4. *Камышанский В. П.* Институционализация отношений собственности в российском гражданском праве // Власть Закона. 2017. № 4 (32). С. 14–18.
5. *Королев Ю. А.* Семья как субъект права // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 61–66.
6. *Матвеева Н. А.* Правовая природа брачного договора по праву России, Украины и Беларуси // Нотариус. 2012. № 5. С. 32–36.
7. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право. 3-е изд., испр. СПб.: Н. Тиблен, 1864. 789 с.
8. *Пьянкова А. Ф.* Право общей совместной собственности супругов после расторжения брака: в поисках баланса интересов // Закон. 2019. № 12. С. 138–147.
9. *Слепакова А. В.* Правоотношения собственности супругов. М.: Статут, 2005. 442 с.

¹ *Камышанский В. П.* Институционализация отношений собственности в российском гражданском праве // Власть Закона. 2017. № 4 (32). С. 14.

СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ОТНОШЕНИЙ СОВМЕСТНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВЫХ ОБЩНОСТЕЙ

10. *Степкин С. П.* Правовая природа брачного договора // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 25–28.

11. *Чефранова Е. А.* Сделки, заключаемые между супругами // Юрист. 2005. № 1. С. 37–45.

12. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. 4-е изд. Казань: бр. Башмаковы, 1902. 793 с.

Д. С. Илюшников

старший преподаватель кафедры гражданского
и административного судопроизводства
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
Россия, г. Краснодар
Ds.ilushnikov@yandex.ru

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
И СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ**

**THE ACTIVITIES OF SMES: TRENDS IN DEVELOPMENT AND
WAYS OF DISPUTE RESOLUTION**

Цель исследования состоит в теоретическом осмыслении деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства и способов разрешения споров в указанной сфере. Автором проанализированы основные направления развития малого и среднего бизнеса в России в условиях санкционного воздействия других стран. Утверждается, что в связи с расширением внутригосударственного рынка, развитием отечественной экономики для малого и среднего предпринимательства открываются дополнительные финансовые и ресурсные возможности. Рассмотрены механизмы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства, а также необходимость модернизировать систему нормативно-правового регулирования в отношении малого и среднего бизнеса с учетом активного развития цифровой экономики. Приведена актуальная судебная статистика о спорах, возникающих в сфере предпринимательства. По мнению автора, значительное увеличение обращений субъектов малого и среднего предпринимательства в арбитражные суды свидетельствует о росте деловой активности бизнеса, а сокращение исполнительных производств – о предпочтении консенсуального решения разногласий, обращении к процедуре медиации. Раскрыт вопрос относительно применения цифровых технологий для онлайн-медиации при урегулировании споров в рассматриваемой сфере,

а также обращено внимание на возможные риски и пути их решения. Для согласованного и эффективного применения норм и медиативных практик, которые бы позволили гармонично регулировать прохождение процедуры медиации, приведен ряд предложений, которые могут быть учтены законодателем.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, экономика, государственная поддержка, предпринимательство, медиативная практика, медиация, цифровая медиация, онлайн-медиация, цифровые технологии.

The aim of the study is to theoretically understand the activities of small and medium-sized businesses and ways of dispute resolution in this area. The author analyses the main directions of SME development in Russia under the sanctions impact of other countries. It is argued that in connection with the expansion of the domestic market, the development of the domestic economy, additional financial and resource opportunities are opening up for small and medium-sized businesses. The mechanisms of state support for small and medium-sized businesses are considered, as well as the need to modernise the system of regulatory and legal regulation in relation to small and medium-sized businesses, taking into account the active development of the digital economy. Current court statistics on disputes arising in the sphere of entrepreneurship is given. In the author's opinion, a significant increase in appeals of small and medium-sized businesses to arbitration courts indicates the growth of business activity, and the reduction of enforcement proceedings - the preference for consensual resolution of disputes, turning to mediation. The issue regarding the use of digital technologies for online mediation in the settlement of disputes in the sphere under consideration is disclosed, and attention is drawn to possible risks and ways of their solution. In order to ensure a harmonised and effective application of norms and mediation practices that would allow for a harmonious regulation of the mediation procedure, a number of suggestions are given which may be taken into account by the legislator.

Keywords: SMEs, economy, state support, entrepreneurship, mediation practice, mediation, digital mediation, online mediation, digital technologies.

В настоящее время «предпринимательский тип мышления становится структурообразующим элементом в системе экономических отношений. Возрастающий интерес к этому феномену обусловлен небывалым уровнем технологического прогресса и конкуренцией, обострившейся в связи с «экспансией глобализации» во всех сферах человеческой деятельности»¹.

По мере развития общественного производства за счет науки и техники понятия «предпринимательство» и «техническая инновация» постепенно сближаются. Деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства в последние несколько лет приобретает особую значимость и актуальность. Это связано с расширением внутрисударственного рынка, обострением конкурентного преимущества, развитием импортозамещения, стабильной и независимой общенациональной экономики в условиях экономического давления и санкционного воздействия других стран².

Наряду с прекращением функционирования в России некоторых иностранных компаний, благодаря государственной поддержке (грантам, льготным кредитам, субвенциям, импакт-инвестициям, льготному налогообложению, субсидиям, скидкам на внедрение отечественного софта и цифровизацию) для малого и среднего предпринимательства открываются дополнительные финансовые и ресурсные возможности развития и расширения, в том числе в сфере строительства, информационных технологий, несырьевого неэнергетического экспорта в дружественные страны промышленных товаров, продукции машиностроения, фармацевтических товаров, продукции агропромышленного комплекса и т. д. Кроме того, устойчиво повышается спрос на качественную продукцию региональных товаропроизводителей, экотуризм и услуги, позиционирующие здоровый образ жизни.

¹ *Литау Е. Я.* Формирование предпринимательской парадигмы в инновационно-проектной деятельности: дис. ... д-ра эконом. наук. СПб., 2021. С. 4.

² *Камышанский В. П.* Институционализация правового обеспечения гражданского оборота в условиях незаконных международных санкций (колонка редактора) // *Власть Закона*. 2022. № 4. С. 15; *Камышанский В. П., Туча В. В., Глинщикова Т. В.* Легализация параллельного импорта в Российской Федерации как мера противодействия внешнеэкономическим санкциям // *Власть Закона*. 2023. № 1. С. 29; *Мантул Г. А.* Экономика как фундамент общественных отношений // *Юрист-Правовед*. 2014. № 3(64). С. 25.

В 2019 г. Президентом Российской Федерации (РФ) инициирован национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»¹. Государственная экономическая политика в аспекте поддержки, оказываемой малому и среднему предпринимательству, была сосредоточена на упорядочении, корректировке, поддержании и повышении эффективности развития общества по обеспечению необходимого уровня благосостояния. В 2024 г. указанный национальный проект завершен. В результате реализации комплекса мер за шесть лет более пяти миллионов предпринимателей получили поддержку национального проекта. В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»² установлены приоритетные цели, направленные, в частности, на развитие устойчивой и динамичной экономики, технологического лидерства, достижение достойного эффективного труда и успешного предпринимательства.

На Международной научно-практической конференции «30 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации» В. В. Чубаров, вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ, член Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, высоко оценивая значение Гражданского кодекса РФ для развития предпринимательства, сделал важный акцент на неопределенности гражданско-правового статуса самозанятых, появление которых обусловлено введением специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». Его начали применять на территории РФ с 2019 г., и этот режим будет действовать до конца 2028 г.³

¹ Минэкономразвития России разработало структуру паспорта национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», которая включает четыре федеральных проекта, три из которых учитывают все стадии предпринимательской активности от статуса самозанятого до действующего бизнеса, заинтересованного в развитии, а четвертый предусматривает создание Цифровой платформы, выполняет функцию фундамента развития экосистемы взаимодействия бизнеса и власти.

² О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.

³ Международная научно-практическая конференция «30 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации», организованная 16 декабря 2024

До указанной даты поддерживается законодательная инициатива о передаче споров с участием самозанятых в арбитражные суды РФ, поскольку в целом их статус близок к предпринимателям.

Цель введения нового налогового режима – легализация доходов через снижение налога на самостоятельную деятельность по льготной ставке (для самозанятых 4 % – на доходы, полученные от физических лиц, и 6 % – на доходы, полученные от юридических лиц), сокращение административного давления на граждан. Это позволит физическим лицам и индивидуальным предпринимателям легально вести бизнес и получать доход от подработок без рисков получения штрафа за незаконную предпринимательскую деятельность.

С 2025 г. стартует новый национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика», направленный в том числе на развитие малого и среднего предпринимательства. Тема государственной поддержки малого и среднего бизнеса отражена во многих научных исследованиях. Например, к этой теме обращены диссертационные исследования последних лет, в частности таких ученых, как А. С. Зайцева, А. О. Карева, Н. В. Рубцова, А. В. Сухоруков, И. И. Шувалов и др.

По мнению А. С. Зайцевой, государственная поддержка важна ввиду того, что «превращение малого и среднего бизнеса в движущую силу экономического развития является лейтмотивом проводимой государственной политики. Но наряду с традиционными методами поддержки малого и среднего предпринимательства (прямая финансовая поддержка, косвенные методы стимулирования предпринимательских инициатив, создание и развитие инфраструктуры предпринимательства) необходимыми направлениями развития являются формирование предпринимательского мышления и

г. в Москве Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства и Исследовательским центром частного права, посвящена анализу первоначальных идей, заложенных в принципах, институтах и нормах Гражданского кодекса РФ, а также их сегодняшним смыслом, формируемым не только за счет практики высших судебных инстанций, но и за счет вклада следующего поколения ученых в цивилистическую доктрину. См.: В ТПП России состоялась конференция, посвященная 30-летию принятия I части Гражданского кодекса РФ // Торгово-промышленная палата РФ. 2024. 16 декабря. URL: <https://news.tpprf.ru/ru/news/6332432/> (дата обращения: 17.12.2024).

предпринимательских компетенций участников экономических процессов»¹.

По утверждению А. О. Каревой, «компании малого и среднего предпринимательства являются большой социально-экономической силой, поскольку они обеспечивают занятость широких слоев населения, создают добавленную стоимость, участвуют в инновационных процессах, разрабатывают новые товары, услуги и технологии благодаря возможностям гибкого реагирования на меняющиеся запросы потребителей. В данной связи вовлечение компаний малого и среднего бизнеса в решение глобальных задач, в том числе по достижению устойчивого развития, имеет большой потенциал»².

С точки зрения Н. В. Рубцовой, «предпринимательская деятельность, будучи фундаментом формирования и осуществления рыночной экономики, предопределяет развитие последней»³. Представляет интерес высказывание А. В. Сухорукова о том, что «инновации в предпринимательской деятельности позволяют получать такие результаты, которые сложно либо невозможно получить традиционными способами», «для перехода к инновационной социально ориентированной модели развития необходимо создание благоприятных условий для внедрения и развития инноваций во всех сферах жизни, включая предпринимательскую деятельность». В связи с этим «поддержка субъектов инновационной предпринимательской деятельности на государственном уровне позволяет в условиях глобализации экономических процессов обеспечить развитие конкурентной среды, тем самым повышая инвестиционную привлекательность как отдельных проектов, так и в целом отечественного рынка инноваций»⁴. Согласно позиции И. И. Шувалова, поскольку «предпринимательская деятельность занимает основное место в экономике любого современного

¹ Зайцева А. С. Поддержка малого и среднего предпринимательства средствами развития предпринимательского образования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 3.

² Карева А. О. Поддержка малого и среднего бизнеса в целях устойчивого развития: опыт ЕС и возможности его использования в России: дис. ... канд. экон. наук. М., 2024. С. 3.

³ Рубцова Н. В. Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 4.

⁴ Сухоруков А. В. Правовое регулирование инновационной предпринимательской деятельности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 4.

государства», то «государственные меры, направленные на поддержку бизнеса и общества, призваны обеспечить баланс публичных и частных интересов, что предполагает ограничение отдельных прав и свобод участников гражданского оборота при одновременном создании новых гарантий и возможностей для хозяйствующих субъектов, занятых в наиболее значимых отраслях экономики»¹. Указанные диссертационные исследования свидетельствуют о том, что необходимо изучать, масштабировать, применять и продолжать оказывать государственную правовую поддержку, поскольку современные тенденции развития российской экономики обуславливают целесообразность внедрения инновационной деятельности во все сферы общественных отношений, в том числе и предпринимательскую.

Нельзя не упомянуть и о том факте, что в течение последних лет наблюдаются попытки изыскания разнообразных форм поддержки развития семейной предпринимательской деятельности, направленной на сочетание традиции и новации для решения насущных задач в экономической и социальной сферах. При этом такая деятельность осложнена существующим несоответствием правового регулирования предпринимательских отношений, связанных с ведением семейного бизнеса, современным требованиям социального и экономического развития нашего государства, значительный вклад в развитие которого вносит семейный бизнес.

Президент Торгово-промышленной палаты России С. Н. Катырин утверждает, что «семейное предпринимательство в стране развито больше, чем можно себе представить». В стране семейными компаниями являются 74 % малого и среднего бизнеса. Они выращивают 99 % фермерской продукции, ими создано 95 % частных школ, 90 % антивирусных продуктов в IT-среде, более 60 % предприятий общественного питания. Семейные компании активно работают в сфере туризма, владея 80 % частных гостиниц. Более 50 % хлеба в России выпекают семейные пекарни².

¹ Шувалов И. И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 4.

² В России растет число семейных компаний // Торгово-промышленная палата РФ. 2024. 27 апреля. URL: <https://family.tpprf.ru/families/media/5642295/> (дата обращения: 15.12.2024).

Тем не менее российское семейное предпринимательство во многом еще проходит стадии начального становления, институционального оформления и законодательной кодификации. С учетом этого, обращаясь к исследованиям современных ученых в сфере семейной предпринимательской деятельности, в настоящей статье приведем лишь несколько значимых положений. Нельзя не согласиться с мнением С. Г. Побережного о том, что «действующее семейное законодательство делает крайне затруднительным ведение предпринимательской деятельности супругами в Российской Федерации, так как к предпринимательским отношениям данных лиц в полной мере применяются положения о совместной собственности супругов, в то время как эти нормы права не учитывают специальный правовой режим предпринимательской деятельности супругов»¹.

Представляет интерес суждение Д. А. Пономарева о том, что «правовая регламентация семейного предпринимательства должна состоять в определении общих, базовых принципов осуществления такой деятельности лицами, находящимися в семейно-родственных отношениях, включая базовые вопросы их взаимодействия, возможного раздела имущества при прекращении участия в такой деятельности, а также особенности ответственности перед третьими лицами, с учетом возможности выбора участниками семейной предпринимательской деятельности различных организационно-правовых форм и иных вариантов ее осуществления»².

Не углубляясь в анализ существующих проблем правового регулирования семейного бизнеса, а также его специфики, проявляющейся в наличии и семейных связей, и непосредственном взаимодействии права, экономики, бизнеса и семьи, укажем, что семейные компании нуждаются в четком законодательном базисе, который позволит им развиваться с уверенностью, что их семейный бизнес продолжит работать и в случае, даже если основатели бизнеса захотят выйти из него. Для этого нормы действующего законодательства (предпринимательского, корпоративного, гражданского, семейного) целесообразно пополнить положениями об

¹ Побережный С. Г. Правовой статус супругов как субъектов предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 17.

² Пономарев Д. А. Семейное предпринимательство: частноправовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2023. С. 24.

эффективном механизме защиты имущественных прав супругов и членов их семей в бизнес-процессах, при реализации владения, распоряжения имуществом, приобретенным в результате предпринимательской деятельности, и возможном его разделе.

По мере развития рыночных отношений и интеграции зарубежных форм бизнеса в российскую экономику стали зарождаться новые подотрасли права (инвестиционное, корпоративное, конкурентное, энергетическое и др.), институты и правовые категории предпринимательского права (корпорация, корпоративные права, корпоративный договор, бенефициарный собственник, корпоративный обычай и др.). В настоящее время стали осваивать новые направления бизнеса (среди них – интернет-торговля, энергетический сектор возобновляемых источников энергии, экологическое предпринимательство, бизнес-медиация и др.).

В 19-м ежегодном послании Федеральному Собранию РФ, рассматривая ключевые направления развития бизнеса, Президент России В. В. Путин указал, что «в 2023 г. зарегистрировано 1,2 млн компаний, при этом число молодых предпринимателей выросло на 20 % – сегодня их уже более 240 тыс. Это означает, что люди стремятся начать свое дело, верят в себя, в свою страну и в свой успех»¹.

Из аналитической заметки автономной некоммерческой организации «Национальные приоритеты» по итогам 2024 г. в России количество созданных субъектов малого и среднего предпринимательства превысило миллион, из них 814 тыс. созданы в форме индивидуального предпринимательства. Общее количество субъектов малого и среднего предпринимательства (самозанятых и индивидуальных предпринимателей) превысило 6,5 млн. Численность занятых в секторе малого и среднего предпринимательства достигла 29,2 млн человек, что составляет 40 % от общего количества работающего населения страны. В ряде российских регионов малый бизнес обеспечивает более половины рабочих мест. К примеру, в Москве и Санкт-Петербурге это превышает 61 % рабочих мест².

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 29 февраля 2024 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

² Итоги 2024 года: что предприниматели знают о национальных проектах // Аналитический центр НАФИ. 2024. 27 декабря. URL: <https://nafi.ru/analytics/itogi-2024-goda-chto-predprinimateli-znayut-o-natsionalnykh-proektakh/> (дата обращения: 27.12.2024).

Приведенная статистика свидетельствует о том, что деятельность малого и среднего бизнеса оказывает существенное влияние на экономический процесс, внедрение и продвижение инноваций, удовлетворение рыночного спроса конкурентоспособной продукцией, на появление новых рабочих мест. Поэтому для дальнейшего благоприятного развития предпринимательства в период активного развития цифровой экономики первостепенной задачей выступает необходимость модернизировать систему нормативно-правового регулирования экономических отношений, в том числе применительно к малому и среднему бизнесу. Аргументами в пользу модернизации выступают современные тенденции, в основе которых находятся цифровые технологии, использующие интернет-платформы, что объясняет появление и новых видов предпринимательской деятельности¹.

На 15-м инвестиционном форуме «Россия зовет!», проходившем 4 и 5 декабря 2024 г. в Москве и посвященном теме «Будущее капитала и капитал будущего», Президентом РФ перечислены следующие задачи, стоящие перед Правительством РФ: расставить приоритеты в мерах поддержки, которые оказывают отраслям из федерального бюджета, а также продолжить доработку нормативной базы, снимать

¹ В частности, таких как *коворкинг* – вид предпринимательской деятельности, предоставляющей, наряду с арендой офисного места, комплекс сопутствующих возмездных услуг по организации образования, услуг по присмотру за детьми и других социально-общественных полезных услуг, выходящих за рамки традиционной аренды нежилых помещений и регулируемых различными нормами права; *краудфандинг* – разновидность предпринимательской услуги по коллективному финансированию инвестиционных проектов путем привлечения на добровольной основе денежных средств вкладчиков-граждан через специализированные краудфандинговые интернет-платформы на условиях выплаты впоследствии вкладчикам вознаграждения по результатам инвестирования; *вендинг* – вид предпринимательской деятельности по осуществлению продаж товаров через специальные «торговые автоматы», к примеру, в аэропортах, на вокзалах, в местах массовых гуляний граждан; *каршеринг* – предоставление гражданину в кратковременное пользование транспортного средства для личных потребительских целей; *агрегаторство* – разновидность предпринимательской деятельности по возмездному оказанию комплекса услуг (предоставление потребителю полной информации обо всех продавцах (поставщиках) и покупателях товаров, работ и услуг) через интернет-платформу для осуществления электронных торговых сделок.

избыточные административные барьеры для работы бизнеса¹. В. В. Путин обратил внимание на то, что для многих малых и средних компаний доступность кредитов и заемных средств – ключевой фактор инвестиционной активности. В связи с этим четко поставлена задача: к 2030 г. инвестиции должны прибавить 60 % в реальном выражении к уровню 2020 г. Это еще раз говорит о том, что для развития бизнеса, расширения его мощности, создания новых рабочих мест необходима государственная поддержка.

Вступая в правовые отношения, субъекты предпринимательской деятельности заключают многочисленные договоры, которые, по сути, составляют основную правовую форму, опосредующую данные взаимоотношения. Неисполнение условий договоров провоцирует возникновение разногласий, споров и конфликтов, разрешаемых в судебном порядке.

Так, по состоянию на 1 сентября 2023 г. количество споров в российских арбитражных судах возросло на 16 % по сравнению с показателем годичной давности и превысило 538 тыс. По сравнению с 1 сентября 2020 г. (303,3 тыс.) разбирательств стало больше на 77 %. Параллельно в этот же период на треть снизилось количество и исполнительных производств (до 905 тыс.), и компаний-должников (до 233 тыс.)². Значительное увеличение количества обращений субъектов малого и среднего предпринимательства в арбитражные суды говорит о росте деловой активности бизнеса, а сокращение исполнительных производств – о предпочтении консенсуального решения разногласий (добровольного погашения долгов, заключения мировых соглашений, обращения к процедуре медиации).

Следует признать, что обращение к суду как властному органу для многих субъектов малого и среднего предпринимательства пока еще находится в приоритете³. Тем не

¹ Инвестиционный форум «Россия зовет!» // Президент России: офиц. сайт. 2024. 4 декабря. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75751/> (дата обращения: 15.12.2024).

² Деготькова И. Российский бизнес стал чаще судиться // РБК. 2023. 30 октября. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/10/2023/653a400a9a794771e19b3d3b/> (дата обращения: 15.12.2024).

³ Рассказов О. А., Мантул Г. А. Развитие института судебного разрешения торговых (предпринимательских) споров в XVIII – первой половине XIX в.в. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 4 (23) С. 138.

менее, наряду с динамичным развитием деятельности малого и среднего бизнеса, субъекты предпринимательской деятельности предпочитают принимать более конструктивные правовые возможности разрешения споров.

По мнению многих ученых¹ и практиков, оптимальным и перспективным способом разрешения споров представляется процедура медиации. Механизм применения процедуры, цели, принципы, условия ее применения установлены Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»² (далее – Закон о медиации). Несмотря на то, что с момента начала системной интеграции медиации в России прошло более 14 лет, востребованность в альтернативных способах урегулирования гражданско-правовых споров динамично растет, особенно в условиях глобальной цифровизации, высокой судебной нагрузки, воздействия экономических санкций, когда в зоне риска контракты, репутация и отношения с партнерами.

Потенциальная ценность медиации проявляется в заинтересованности сторон в короткие сроки путем взаимных уступок урегулировать разногласия, предотвратив тем самым возможность обострения спора в будущем. Функциональность медиации состоит не в противоборстве сторон, а в их стремлении к добровольному разрешению конфликта посредством совместного принятия взаимоприемлемого компромиссного решения. Особенно уместно и востребовано применение медиации, если для сторон существует угроза прекращения деловых отношений, на установление и развитие которых

¹ См.: Бенова В. И. Медиация как альтернативный способ разрешения международных коммерческих споров: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 32; Гайдаенко Шер Н. И. Договорные формы урегулирования споров, возникающих в связи с предпринимательской деятельностью (опыт России и зарубежных государств): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 112; Добролюбова Е. А. Медиация в системе способов защиты прав предпринимателей: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 34; Левушкин А. Н. Медиация в предпринимательской деятельности: проблемы эффективности правоприменения // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Юридическая практика. 2020. № 7 (71). С. 138.

² Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 26.07.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.

затрачено много сил и средств, и если во избежание обострения возникшего конфликта и скорейшего урегулирования разногласий для сторон важна конфиденциальность. Кроме того, медиация возможна на любой стадии бизнес-спора: досудебной, на стадии судебного разбирательства или на этапе исполнительного производства.

В отношении владения, пользования и распоряжения имуществом супругов, приобретенным в результате ведения семейного бизнеса, в случае его раздела при расторжении брака возникают сложные споры и разногласия, от успешности урегулирования которых зависит как правовая определенность в сфере семейных имущественных отношений и предпринимательской деятельности, так и морально-этическое состояние супругов и бывших супругов. Представляется, что обращение к процедуре медиации при урегулировании споров о разделе семейного бизнеса супругов при расторжении брака – самый верный шаг для сохранения нормальных отношений с возможностью продолжения предпринимательской деятельности в иных формах или с иным составом. Для этого законодателю необходимо предусмотреть возможность трансформации семейного предпринимательства в иные формы осуществления предпринимательской деятельности.

Выделим несколько перспективных тенденций развития медиации в сфере предпринимательства с целью оптимального и эффективного ее применения при урегулировании споров. Одна из важных тенденций – стимулирование к применению процедуры медиации как сторон правового спора, так и лиц, способствующих его урегулированию. Существует целая «система стимулов», «поскольку лишь комплексный подход, включающий различные способы, дифференцируемые применительно к разным участникам процедуры медиации, в своей совокупности может привести к желаемой цели – повышению востребованности медиации как одного из способов урегулирования правовых споров»¹.

¹ Загайнова С. К. Способы стимулирования участников медиации по правовым спорам // Примириательные процедуры в гражданском праве и судопроизводстве: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1 (Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2019 г.) / ред. В. П. Очередыко, А. Н. Кузбагаров, С. Ю. Катукова. СПб.: Астерион, 2019. С. 70–75.

Способы стимулирования С. К. Загайнова¹ условно разделяет на меры прямого стимулирования (полное освобождение от оплаты; частичное освобождение от оплаты; компенсация судебных расходов и расходов в исполнительном производстве) и косвенного стимулирования (полная или частичная оплата в рамках оказания бесплатной юридической помощи; страхование на случай правового спора).

К примеру, полное освобождение от оплаты расходов на медиацию использовано Центром правовых технологий и примирительных процедур (медиации) УрГЮУ с 2011 по 2013 г. в целях реализации первого российского правового эксперимента «Разработка и апробация механизмов интеграции медиации в гражданское судопроизводство», в результате которого разработана специальная программа «Техники медиации в судебной деятельности» для освоения судьями² коммуникативных компетентностей; навыков анализа правового спора на его медиабельность; технологии по разъяснению судьями права на медиацию; форм и способов взаимодействия сторон спора, медиаторов и судов, ориентированных на заключение мирового соглашения.

Под частичным освобождением от оплаты, например, одной из стадий медиации либо нескольких часов работы медиатора следует понимать оплату за счет регионального бюджета, федерального бюджета или включение этой оплаты в состав государственной пошлины. Под компенсацией судебных расходов и расходов в исполнительном производстве понимают то, что государство возвращает полностью или частично уплаченную государственную пошлину, исполнительский сбор либо освобождает от уплаты, если стороны решили обратиться к процедуре медиации до рассмотрения дела по существу.

В Австрии, Германии, Италии, Франции практикуется отнесение к страховым случаям фактов обращений в суд, к

¹ Загайнова С. К. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (УрГЮУ), сертифицированный медиатор, директор Центра правовых технологий и примирительных процедур (медиации) с 2009 по 2020 г.; Указом Президента РФ от 20 ноября 2020 г. № 721 назначена судьей Арбитражного суда Свердловской области.

² Обучение по программе «Техники медиации в судебной деятельности» прошли более 400 судей из Свердловской, Липецкой, Ивановской областей, Республики Татарстан, Пермского края.

медиатору. При этом покрытие расходов субъектов спора по урегулированию в рамках медиации осуществляется за счет страхового возмещения.

Стимулирование медиаторов также видится необходимым. Для этого следует разработать приемлемую и эффективную модель налогообложения. Без сомнения, стимулирование к применению процедуры медиации будет повышать имидж института медиации, прививать культуру мирного урегулирования споров.

В настоящей статье представляется целесообразным уделить внимание применению процедуры медиации в режиме онлайн, прежде всего в связи с тем, что действующим Законом о медиации не установлен порядок ее проведения, а тенденции развития глобальной цифровизации таковы, что онлайн-медиация в ближайшем будущем станет популярной и востребованной. Обращение к онлайн-медиации не только экономит время, но и средства для сторон спора, находящихся в существенной отдаленности друг от друга (в разных городах, областях, республиках и т. д.). К тому же прослеживаются оперативное налаживание конструктивного диалога с деловыми партнерами, государственными и иными органами; повышение взаимного доверия; сокращение проводимых контрольных сверок и проверок; выявление имущественных, налоговых, санкционных, имиджевых и иных рисков на более ранней стадии и др.

Следует признать, что еще недавно было много отрицательных высказываний в отношении участия в судебном заседании посредством системы видео-конференц-связи с конкретным судом, а также участия посредством веб-конференций (онлайн-участия), введения электронного правосудия, исследования доказательств через веб-камеры и т. п. Тем не менее судебная практика проиллюстрировала жизнеспособность этих процедур, а значит, и успешность онлайн-урегулирования споров на российских интернет-платформах вполне возможна при грамотном правовом регулировании процедуры. Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении принят проект Федерального закона от 29 марта 2021 г. № 1138398-7 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в части создания правовой

основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров»¹.

Количество обращений к применению процедур медиации, проводимых формате онлайн, с каждым годом увеличивается. Изначально этому способствовали различные факторы. Среди них – пандемия коронавируса; недостаточное количество профессиональных медиаторов; поэтапная специализация среди медиаторов; введение цифровых технологий в отраслях права, экономики, социальной сфере; сфера общественных отношений, в которой не приветствуются публичные, в том числе судебные разбирательства (банковская, бюджетная, валютная, корпоративная, налоговая, спортивная, финансовая и др.); проведение пилотного эксперимента о внедрении медиации при взаимодействии налоговых органов и налогоплательщиков.

Следует сделать акцент не только на применении онлайн-медиации, но и на возможных рисках при ее проведении. В частности, важно соблюдать принципы медиации; применять надежные информационно-коммуникационные технологии и безопасные платформы для видео-конференц-связи; использовать сертифицированные средства защиты информации; принимать необходимые правовые, организационные и технические меры или обеспечивать их принятие для защиты персональных данных; обеспечить наличие подготовленного квалифицированного медиатора для онлайн-медиации.

Эффективное функционирование технологической платформы заключается в наличии системы, состоящей из веб-сайта, соответствующих компьютерных программ, базы данных, доменного имени для обеспечения подготовки, отправки, получения, хранения, обмена, иной обработки данных, безопасности условий дистанционного взаимодействия. Продуктивности переговоров в режиме работы онлайн будут способствовать профессионализм администратора платформы и медиатора.

¹ О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в части создания правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров: проект Федерального закона от 29 марта 2021 г. № 1138398-7 // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество». URL: [sozd.duma.gov.ru / bill / 1138398-7](http://sozd.duma.gov.ru/bill/1138398-7) (дата обращения: 10.10.2024).

Среди преимуществ онлайн-медиации выделим следующие:

- местонахождение участников процесса не имеет значения, даже если стороны проживают в разных городах или областях;
- стороны сосредоточены на важных аспектах переговоров (можно сравнить с личными переговорами, при которых возможность отвлечься и поддаться эмоциональному стрессу гораздо выше);
- экономия времени, поскольку существенно ускоряются переговорные процессы;
- экономия финансовых ресурсов (оплата офлайн-встреч, проезд, аренда помещений и т. д.).

Среди возможных рисков можно указать следующие:

- недостаточная осведомленность о медиации, онлайн-медиации;
- непонимание сущности медиабельности споров;
- низкая степень владения цифровыми, информационными и иными новыми технологиями;
- недоверие к процедуре;
- отсутствие технических возможностей для онлайн-медиации;
- высокая вероятность сбоев, связанных с техническим оснащением, программным обеспечением, онлайн-соединением, которые могут повлечь за собой невозможность завершить процесс медиации;
- утечка конфиденциальной информации;
- потеря контроля над ситуацией и условий для примирения.

Включение в соглашение условия о конфиденциальности и положения об ответственности поможет сохранить конфиденциальность сторон. Представляется целесообразным в соглашении предусмотреть возложение расходов по проведению процедуры медиации на сторону-нарушителя.

Полагаем, что эффективность функционирования онлайн-медиации будет зависеть от принятия соответствующего закона о защите персональных данных, разработки единых стандартов правовой процедуры, действенных механизмов обеспечения исполнения принятых решений, если они не исполнены в добровольном порядке.

При осмыслении деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства и способов разрешения споров в указанной сфере приходим к следующим выводам:

1. Современному российскому бизнесу требуются оперативность, государственная поддержка и новые эффективные способы разрешения споров, позволяющие не только разрешить спор по существу, но и урегулировать конфликт в целом, причины его возникновения.

2. Необходимо изучать, масштабировать и применять государственную правовую поддержку, поскольку современные тенденции развития российской экономики обуславливают целесообразность внедрения инновационной деятельности во все сферы общественных отношений, в том числе и предпринимательских.

3. Тема семейного предпринимательства во многом еще проходит стадии начального становления, институционального оформления и законодательной кодификации. Семейные компании нуждаются в четком законодательном базисе, который позволит им развиваться с уверенностью в том, что их семейный бизнес продолжит работать даже в случае, если основатели бизнеса захотят выйти из него. Для этого нормы действующего законодательства (предпринимательского, корпоративного, гражданского, семейного) целесообразно пополнить положениями об эффективном механизме защиты имущественных прав супругов и членов их семей в бизнес-процессах, при реализации владения, распоряжения имуществом, приобретенным в результате предпринимательской деятельности, и возможном его разделе.

4. В отношении владения, пользования и распоряжения имуществом супругов, приобретенным в результате ведения семейного бизнеса, в случае его раздела при расторжении брака возникают сложные споры и разногласия, от успешности урегулирования которых зависит как правовая определенность в сфере семейных имущественных отношений и предпринимательской деятельности, так и морально-этическое состояние супругов и бывших супругов. Представляется, что обращение к процедуре медиации при урегулировании споров о разделе семейного бизнеса супругов при расторжении брака – самый верный шаг в целях сохранения нормальных отношений с возможностью продолжения предпринимательской деятельности в иных формах или с иным составом. Для этого законодателю необходимо предусмотреть возможность трансформации семейного предпринимательства в иные формы осуществления предпринимательской деятельности.

5. Представляется целесообразным стимулирование к применению процедуры медиации как сторон правового спора, так и лиц, способствующих его урегулированию. Это полное либо частичное освобождение от оплаты; компенсация судебных расходов; компенсация расходов в исполнительном производстве; оказание бесплатной юридической помощи; страховые возмещения на случай правового спора.

6. Эффективность функционирования онлайн-медиации будет зависеть от принятия соответствующего закона о защите персональных данных, разработки единых стандартов правовой процедуры, действенных механизмов обеспечения исполнения принятых решений, если они не исполнены в добровольном порядке.

Библиографический список

1. В России растет число семейных компаний // Торгово-промышленная палата РФ. 2024. 27 апреля. URL: <https://family.tpprf.ru/families/media/5642295/> (дата обращения: 15.12.2024).

2. В ТПП России состоялась конференция, посвященная 30-летию принятия I части Гражданского кодекса РФ // Торгово-промышленная палата РФ. 2024. 16 декабря. URL: <https://news.tpprf.ru/ru/news/6332432/> (дата обращения: 17.12.2024).

3. *Бенова В. И.* Медиация как альтернативный способ разрешения международных коммерческих споров: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 171 с.

4. *Гайдаенко Шер Н. И.* Договорные формы урегулирования споров, возникающих в связи с предпринимательской деятельностью (опыт России и зарубежных государств): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 418 с.

5. *Деготькова И.* Российский бизнес стал чаще судиться // РБК. 2023. 30 октября. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/10/2023/653a400a9a794771e19b3d3b/> (дата обращения: 15.12.2024).

6. *Добролюбова Е. А.* Медиация в системе способов защиты прав предпринимателей: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 219 с.

7. *Загайнова С. К.* Способы стимулирования участников медиации по правовым спорам // Примириательные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве: сб. материалов

Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1 (Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2019 г.) / ред. В. П. Очерedyко, А. Н. Кузбагаров, С. Ю. Катукова. СПб.: Астерион, 2019. С. 70–75.

8. *Зайцева А. С.* Поддержка малого и среднего предпринимательства средствами развития предпринимательского образования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 192 с.

9. Итоги 2024 года: что предприниматели знают о национальных проектах // Аналитический центр НАФИ. 2024. 27 декабря. URL: <https://nafi.ru/analytics/itogi-2024-goda-cto-predprinimateli-znayut-o-natsionalnykh-proektakh/> (дата обращения: 27.12.2024).

10. *Камышанский В. П.* Институционализация правового обеспечения гражданского оборота в условиях незаконных международных санкций (колонка редактора) // Власть Закона. 2022. № 4. С. 15–21.

11. *Камышанский В. П., Туца В. В., Глинщикова Т. В.* Легализация параллельного импорта в Российской Федерации как мера противодействия внешнеэкономическим санкциям // Власть Закона. 2023. № 1. с. 29–42.

12. *Карева А. О.* Поддержка малого и среднего бизнеса в целях устойчивого развития: опыт ЕС и возможности его использования в России: дис. ... канд. экон. наук. М., 2024. 190 с.

13. *Левушкин А. Н.* Медиация в предпринимательской деятельности: проблемы эффективности правоприменения // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Юридическая практика. 2020. № 7 (71). С. 138–145.

14. *Литау Е. Я.* Формирование предпринимательской парадигмы в инновационно-проектной деятельности: дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2021. 380 с.

15. *Мантул Г. А.* Экономика как фундамент общественных отношений // Юрист-Правоведъ. 2014. № 3(64). С. 25–29.

16. *Побережный С. Г.* Правовой статус супругов как субъектов предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 249 с.

17. *Пономарев Д. А.* Семейное предпринимательство: частноправовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2023. 28 с.

18. *Рассказов О. А., Мантул Г. А.* Развитие института судебного разрешения торговых (предпринимательских) споров в XVIII – первой половине XIX в.в. // Наука и образование:

хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 4 (23) С. 138–141.

19. *Рубцова Н. В.* Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 477 с.

20. *Сухоруков А. В.* Правовое регулирование инновационной предпринимательской деятельности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 165 с.

21. *Шувалов И. И.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 401 с.

Л. И. Попова

доцент кафедры гражданского
права

Кубанского государственного
аграрного университета имени

И. Т. Трубилина,

кандидат юридических наук,
доцент

Россия, г. Краснодар

larisa_popova67@mail.ru

Н. А. Лейбинен

доцент кафедры гражданского
права

Кубанского государственного
аграрного университета имени

И. Т. Трубилина,

кандидат юридических наук

Россия, г. Краснодар

leibinen@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

SOME ASPECTS OF CIVIL LAW PROTECTION OF PRIVACY IN THE CONTEXT OF DIGITALISATION OF SOCIETY

В статье исследованы правовые аспекты защиты частной жизни в условиях цифровой трансформации общества. Проанализированы современные вызовы, с которыми сталкивается правовая система в сфере охраны персональных данных и нематериальных благ. Особое внимание уделено правовой природе цифровых объектов, таких как аккаунты в социальных сетях, геолокационные данные и цифровые следы. Раскрыты проблемы наследования цифровых активов и необходимости формирования механизма правовой защиты после смерти владельца. Сделан акцент на важности

технологической нейтральности нормативного регулирования и учета специфики цифровых технологий. Автором предлагаются пути совершенствования гражданского законодательства для адаптации к новым цифровым реалиям, включая закрепление таких институтов, как право на забвение и право на цифровую смерть. Актуализируется необходимость повышения правовой культуры населения в цифровой среде и развития механизмов «мягкого права» для регулирования цифровых отношений.

Ключевые слова: цифровизация, частная жизнь, защита прав, социальные трансформации, технологический прогресс, цифровые объекты, персональные данные, геолокационные данные, наследование цифровых активов, «мягкое право».

The article studies the legal aspects of privacy protection in the conditions of digital transformation of society. The modern challenges faced by the legal system in the field of protection of personal data and intangible goods are analysed. Special attention is paid to the legal nature of digital objects, such as social media accounts, geolocation data and digital footprints. The problems of inheritance of digital assets and the need for a legal defence mechanism after the death of the owner are discussed. The author emphasises the importance of technological neutrality of normative regulation and taking into account the specifics of digital technologies. The author proposes ways to improve civil legislation to adapt to the new digital realities, including the consolidation of such institutions as the right to oblivion and the right to digital death. The author actualises the need to improve the legal culture of the population in the digital environment and the development of 'soft law' mechanisms to regulate digital relations.

Keywords: digitalisation, privacy, rights protection, social transformation, technological progress, digital objects, personal data, geolocation data, inheritance of digital assets, soft law.

Цифровизация современного общества оказывает революционизирующее влияние на все сферы жизнедеятельности.¹ Это ставит перед законодателем и правоприменителем новые задачи по защите прав граждан, включая нематериальные, такие как право на неприкосновенность частной жизни. Актуальность темы исследования обусловлена комплексным характером социальных трансформаций и необходимостью своевременного внесения изменений в правовое регулирование защиты частной жизни в условиях технологического прогресса.

Ввиду тотальной цифровизации возникают новые вызовы для защиты частной жизни: утрата ее приватности, увеличение рисков утечки персональных данных, неправомерное использование биометрических данных, аккаунтов в социальных сетях. Эти явления требуют не только совершенствования действующего законодательства, но и разработки новых правовых механизмов, учитывающих специфику цифровой среды. Отсутствие детальной законодательной регламентации объясняется стремительным развитием цифровых технологий, возникновением новых видов цифровых активов, что препятствует быстрой адаптации гражданского права к современным реалиям². Важность исследования заключается в необходимости формирования и совершенствования юридической базы для защиты прав граждан, особенно в сфере оборота персональных данных и цифровых объектов.

Методологическая основа исследования представлена диалектическим подходом, который обеспечивает комплексный

¹ Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14; Егикян А. А., Шеховцова А. С. Цифровые права как объекты гражданских прав // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: матер. VII Междунар. науч.-практич. конф. (симпозиума) для молодых исследователей (Краснодар, 23 ноября 2022 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2023. С. 117; Шеховцова А. С. Правовые аспекты регулирования оказания услуг с использованием цифровых технологий // Власть Закона. 2024. № 2(58). С. 212; Мантул Г. А. Электронное правосудие – это уже реальность // Закон. 2010. № 8. С. 7; Егоренко С. Н., Седова Н. А. Особенности правового регулирования криптовалюты // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития: сб. ст. IX Нац. науч.-практич. конф. (симпозиума). Краснодар, 2024. С. 44-48.

² Гаврилов В. Н., Красникова Е. Е., Строганкова А. И. К вопросу о наследовании аккаунтов в социальных сетях и иных цифровых активов // Власть Закона. 2023. № 4 (56). С. 130.

анализ частной жизни как социального феномена и его взаимосвязи с цифровыми технологиями. Используются также сравнительно-правовой, историко-правовой и системно-структурный методы исследования.

Для анализа нормативного материала применяется формально-юридический метод, позволяющий выявить особенности правового режима частной жизни в цифровой среде. Специально-юридические методы (такие как юридическая экзегеза и догматика) помогают определить содержание и природу цифровых объектов. В их числе – пользовательские аккаунты, геолокационные данные и цифровые следы. Теоретическая обработка правового материала, полученного на эмпирическом уровне, происходит при помощи частнонаучного юридико-догматического метода. В результате формулируют правовые категории, понятия, классификации, конструкции (юридическая догма) с использованием прежде всего приемов формальной логики¹.

Эмпирическая база исследования включает в себя судебную практику, материалы дел, связанных с защитой персональных данных, а также доктринальные работы отечественных и зарубежных ученых. Исследование проведено в рамках методологических принципов: объективности, верифицируемости, последовательности и целесообразности.

Согласно ст. 23 Конституции Российской Федерации (РФ) каждому человеку гарантировано право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени. Однако указанная норма нуждается в уточнении и адаптации к современным условиям цифровой эпохи, особенно с учетом постоянного развития и функционирования социальных сетей. Современный аккаунт в социальной сети представляет собой сложное юридическое образование, которое можно рассматривать как составное произведение или «творческую» базу данных. Это утверждение базируется на следующих аргументах: аккаунт способен удовлетворять как имущественные (например, получение дохода от рекламы), так и неимущественные потребности (общение, самовыражение); он индивидуализирован и отличим от остальных благодаря уникальным признакам; принадлежит конкретному

¹ Камышанский В. П. О праве цивилистической методологии на самоопределение // Власть Закона. 2024. № 2 (58). С. 28.

пользователю, что подтверждается наличием юридической привязки; и может входить в гражданский оборот через заключение различных договоров и соглашений (уже существует практика купли-продажи аккаунтов в социальных сетях, практика оказания услуги, связанная с ведением аккаунта, и т. д.)¹.

Цифровой образ гражданина, формируемый в информационном пространстве, состоит из двух компонентов: цифрового следа и цифровой тени². Цифровой след создается сознательными действиями пользователя, например публикацией сообщений или загрузкой медиафайлов. Цифровая тень формируется без его согласия или вопреки ему: например, через сбор метаданных и анализ поведения в Сети. Оба элемента имеют важное значение для правовой охраны частной жизни, поскольку позволяют воссоздать точный портрет личности. В этой связи требуется уточнение правового режима этих данных, поскольку действующее законодательство регулирует лишь идентифицируемую информацию, игнорируя анонимные, но потенциально идентифицируемые данные.

Информация, относящаяся к частной жизни, может быть классифицирована по содержанию, форме восприятия и функциональному назначению. По содержанию выделяют идентификационные данные (персональные данные, хранящиеся в информационных системах), тайную информацию (речь идет о банковской, нотариальной, врачебной тайне) и коммуникационные данные (к ним отнесены переписка, геолокационные сведения). По форме восприятия информация делится на текстовую (логины, пароли, паспортные данные), визуальную (цифровые изображения, 3D-модели органов и тканей человека) и аудиовизуальную (видео-, аудиофайлы). По функциональному назначению она подразделяется на общую (паспортные данные) и специальную (медицинская тайна, налоговая информация). Особую значимость приобретают геолокационные персональные данные, которые практически

¹ Федоров А. М. Понятие и правовая природа аккаунта в социальной сети // Юридическая наука. 2023. № 8. С. 151.

² Санников Д. В. Гражданско-правовая охрана частной жизни в условиях цифровизации общества: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2024. С. 14.

лишены научного внимания со стороны юристов¹. Эти данные могут быть использованы как для легального взаимодействия с гражданином (определение местоположения в приложениях агрегаторов такси), так и для противоправных деяний, например мошенничества или киберпреступлений, или навязчивой рекламы. С учетом того, что современный человек редко покидает зону действия GPS-устройств и других средств отслеживания местоположения, становится очевидной необходимость установления правового режима таких данных, который бы распространялся и на идентифицирующую конкретного лица информацию, и на анонимные, но потенциально идентифицируемые сведения.

Пользовательское соглашение, заключаемое между владельцем аккаунта и администратором социальной сети, определяет правовые границы использования информации о частной жизни. Тем не менее практика показывает, что такие соглашения часто не обеспечивают должной защиты прав пользователей². Существует судебная практика, признающая раскрытие персональных данных клиента банком без его согласия нарушением права на неприкосновенность частной жизни, даже если они собраны автоматически. Представляется целесообразным включение механизма компенсации нематериального вреда в качестве универсального способа защиты, который мог бы применяться независимо от вины правонарушителя.

Особую этическую проблему составляет вопрос о наследовании цифровых активов. С одной стороны, наследники могут иметь право на доступ к информации, обладающей личностной или имущественной ценностью. С другой – умерший мог желать сохранить свою частную жизнь в тайне, даже после смерти. Гражданское право должно учитывать этические аспекты данной проблемы, предусматривая возможность завещания цифровых активов или специальных распоряжений относительно их дальнейшей судьбы. Это позволит уважать волю умершего, одновременно обеспечивая права его близких. Для

¹ Иванова К. А. Право граждан на защиту геолокации и конфиденциальность в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9 (118). С. 32.

² Пучков В. О. Цифровые объекты в цивилистической доктрине: quo vadis? // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135). С. 68.

усиления защиты частной жизни предлагаем законодательно урегулировать положения о доступе к персональным страницам человека на сайтах, в сети Интернет, после смерти. К примеру, следует определить, что они могут быть предоставлены наследникам только по специальному распоряжению, сделанному при жизни, либо по решению суда. Это даст возможность сохранить конфиденциальность информации, даже после прекращения жизни владельца аккаунта или интернет-страницы¹. На уровне зарубежной практики наблюдается тенденция к признанию аккаунтов в социальных сетях объектами наследования, однако не аккаунтов как таковых, а совокупности прав, связанных с их использованием. Например, Верховный Суд ФРГ в одном из дел сделал вывод о том, что аккаунты следует рассматривать аналогично физическим дневникам и письмам, которые могут быть переданы по наследству. Подобная интерпретация позволяет сохранить баланс между интересами наследников и правами владельца аккаунта при его жизни². Однако, по аналогии с проблемами наследования исключительных прав на коммерческие обозначения, могут возникнуть правовые проблемы: в отрицательном ключе может выступить факт наличия нескольких наследников, что может затруднить процесс наследования, поскольку разделить аккаунт без потери его комплексной ценности не удастся³.

Нормативное регулирование отношений в сфере частной жизни должно обеспечивать как традиционные элементы (например, защиту жилища), так и новые виды охраняемых благ, в частности цифровую тайну, право на забвение и право на цифровую смерть. Важно различать формы взаимодействия юридических и неюридических средств охраны частной жизни. Например, использование норм сетевого этикета (не отправлять деловые сообщения ночью) может дополнять правовое регулирование, но не заменять его.

¹ Богуславский Д. С., Смирнова И. В. «Право на забвение» в сети Интернет после смерти гражданина: зарубежные подходы и возможность реализации в России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 35.

² Гринь Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2 (135). С. 128.

³ Фрусов И. Г. Переход исключительного права на коммерческое обозначение в результате универсального правопреемства // Эпомен. 2023. № 78. С. 90.

Правовая охрана частной жизни должна быть технологически нейтральной, чтобы не создавать препятствий для будущих инноваций. Стоит учитывать и особенности цифровых технологий, в том числе возможность долговременного хранения информации и сложность ее удаления, что указывает на необходимость законодательного урегулирования процесса удаления информации из Сети.

Цифровизация оказывает двойственное влияние на сферу частной жизни. С одной стороны, она увеличивает возможности для самовыражения и взаимодействия людей, с другой – создает риски для безопасности личности. Например, технологии искусственного интеллекта могут быть использованы как для обеспечения безопасности, так и для вторжения в частную жизнь. В рамках этой проблемы важным представляется развитие механизма «мягкого права», который бы учитывал специфику цифровых отношений и предлагал рекомендации участникам таких отношений¹.

В контексте цифровой трансформации возникает необходимость в формировании правовой культуры населения в цифровой среде. Это может быть достигнуто путем внедрения системы обучения и просвещения граждан, направленной на повышение уровня осведомленности о возможностях и опасностях цифрового мира. Кроме того, следует предусмотреть право на отказ от использования цифровых технологий в социально значимых сферах, чтобы гарантировать доступ к государственным услугам и иным ресурсам через альтернативные каналы².

Исследование демонстрирует, что современное гражданское право сталкивается с необходимостью адаптации к динамично развивающимся цифровым реалиям, в которых классические подходы к защите нематериальных благ требуют значительной модернизации. В условиях тотальной цифровизации особую актуальность приобретает вопрос о правовой природе цифровых объектов, в частности аккаунтов в социальных сетях,

¹ Жуков В. И., Раттур М. В. Некоторые вопросы трансформации права в эпоху цифровизации: действующие нормы, отклонения и вектор развития // Государство и право. 2022. № 10. С. 129; Камышанский В. П. О правовой сущности робота с искусственным интеллектом // Власть Закона. 2018 № 4. С. 21.

² Денисов Д. С. Цифровые экосистемы и право на отказ от технологий // International Journal of Open Information Technologies. 2023. Т. 11. № 12. С. 128.

геолокационных данных и цифровых следов. Возникает потребность в четком определении их правового режима, который бы учитывал специфику цифровой среды и обеспечивал адекватную защиту прав пользователей.

Гражданское право играет ключевую роль в регулировании отношений, связанных с оборотом персональных данных и цифровых активов. Однако действующие нормы нуждаются в дополнении и конкретизации, особенно в аспекте регулирования новых видов охраняемых благ: цифровой тайны, права на забвение и права на цифровую смерть. Особое внимание следует уделить совершенствованию института компенсации нематериального вреда, который мог бы выступать универсальным механизмом защиты прав граждан независимо от вины правонарушителя¹.

Проблема наследования цифровых активов также требует гражданско-правового регулирования. Необходимость разработки четких правил передачи прав на цифровые объекты после смерти владельца обусловлена ростом их экономической и личностной значимости. Нужно найти баланс между интересами наследников и волей правообладателя, выраженной через специальные распоряжения.

Совершенствование гражданско-правовой охраны частной жизни должно происходить в рамках технологически нейтрального подхода, который бы учитывал особенности цифровых технологий. Среди них – возможность долговременного хранения информации и сложность ее удаления. Одновременно необходимо развивать механизмы «мягкого права», которые дополняли бы формальное регулирование и предоставляли рекомендации участникам цифровых отношений.

Таким образом, эффективная защита частной жизни в цифровую эпоху возможна только при комплексном использовании гражданско-правовых инструментов, включая совершенствование законодательства, установление прозрачных правил обращения с персональными данными и развитие правовой культуры населения. Это обеспечит надежную охрану частной жизни граждан, сохраняя возможности для дальнейшего развития цифровых технологий.

¹ Рашева Н. Ю., Чиркова О. И. Особенности правового регулирования оборота цифровых активов // Национальная ассоциация ученых. 2022. № 81. С. 71.

Библиографический список

1. *Богуславский Д. С., Смирнова И. В.* «Право на забвение» в сети Интернет после смерти гражданина: зарубежные подходы и возможность реализации в России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 35–42.
2. *Гаврилов В. Н., Красникова Е. Е., Строганкова А. И.* К вопросу о наследовании аккаунтов в социальных сетях и иных цифровых активов // Власть Закона. 2023. № 4 (56). С. 130–139.
3. *Гринь Е. С.* Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2 (135). С. 128–134.
4. *Денисов Д. С.* Цифровые экосистемы и право на отказ от технологий // International Journal of Open Information Technologies. 2023. Т. 11. № 12. С. 128–137.
5. *Егикян А. А., Шеховцова А. С.* Цифровые права как объекты гражданских прав // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: матер. VII Междунар. науч.-практич. конф. (симпозиума) для молодых исследователей (Краснодар, 23 ноября 2022 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2023. С. 117–121.
6. *Егоренко С. Н., Седова Н. А.* Особенности правового регулирования криптовалюты // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития: сб. ст. IX Нац. науч.-практич. конф. (симпозиума). Краснодар, 2024. С. 44–48.
7. *Жуков В. И., Раттур М. В.* Некоторые вопросы трансформации права в эпоху цифровизации: действующие нормы, отклонения и вектор развития // Государство и право. 2022. № 10. С. 129–140.
8. *Иванова К. А.* Право граждан на защиту геолокации и конфиденциальность в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9 (118). С. 32–38.
9. *Камышанский В. П.* О праве цивилистической методологии на самоопределение // Власть Закона. 2024. № 2 (58). С. 28–42.
10. *Камышанский В. П.* О правовой сущности робота с искусственным интеллектом // Власть Закона. 2018 № 4. – С. 21–32.

11. Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14–18;
12. Мантул Г. А. Электронное правосудие – это уже реальность // Закон. 2010. № 8. С. 7–16.
13. Пучков В. О. Цифровые объекты в цивилистической доктрине: quo vadis? // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135). С. 68–82.
14. Рашева Н. Ю., Чиркова О. И. Особенности правового регулирования оборота цифровых активов // Национальная ассоциация ученых. 2022. № 81. С. 71–76.
15. Санников Д. В. Гражданско-правовая охрана частной жизни в условиях цифровизации общества: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2024. 194 с.
16. Федоров А. М. Понятие и правовая природа аккаунта в социальной сети // Юридическая наука. 2023. № 8. С. 151–155.
17. Фруслов И. Г. Переход исключительного права на коммерческое обозначение в результате универсального правопреемства // Эпомен. 2023. № 78. С. 90–101.
18. Шеховцова А. С. Правовые аспекты регулирования оказания услуг с использованием цифровых технологий // Власть Закона. 2024. № 2(58). С. 212–221.

УДК 347
ББК 67.404

Д. В. Степанов

доцент кафедры гражданского права
Кубанского государственного аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук
Россия, г. Краснодар
o02323@icloud.com

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ НАРУШЕННЫХ ПРАВ

THE COMPENSATION OF MORAL HARM AS A WAY TO PROTECT VIOLATED RIGHTS

В статье рассмотрены актуальные проблемы определения порядка и размера компенсации морального вреда как способа защиты нарушенных прав. Проанализированы положения действующего законодательства, судебная практика и международный опыт регулирования данного вопроса. Особое внимание уделено неопределенности критериев оценки морального вреда, влияющих на индивидуальные особенности потерпевшего, степень вины нарушителя и характер причиненных страданий. Автор предлагает меры по совершенствованию механизма компенсации морального вреда, включая введение минимального и максимального размера компенсации, разработку методики учета заслуживающих

внимания обстоятельств, а также унификацию подходов к расчету суммы компенсации. Раскрыты особенности компенсации морального вреда при нарушении прав в цифровой среде, в которой проблематика фиксации и отслеживания нарушений требует дополнительного правового регулирования. Выводы исследования направлены на повышение эффективности защиты личных неимущественных прав и нематериальных благ граждан.

Ключевые слова: компенсация морального вреда, неимущественные права, нематериальные блага, судебная практика, цифровые технологии, методика расчета, презумпция морального вреда, минимальный размер компенсации, разумность и справедливость, доказывание морального вреда, защита частной жизни, страховые споры, международный опыт.

The article considers the actual problems of determining the order and amount of compensation for moral damage as a way of protection of violated rights. The provisions of the current legislation, judicial practice and international experience of regulation of this issue are analysed. Particular attention is paid to the uncertainty of the criteria for assessing moral harm, affecting the individual characteristics of the victim, the degree of guilt of the offender and the nature of the inflicted suffering. The author proposes measures to improve the mechanism of compensation for moral harm, including the introduction of the minimum and maximum amount of compensation, the development of a methodology to take into account noteworthy circumstances, as well as the unification of approaches to the calculation of the amount of compensation. The peculiarities of compensation for moral harm in case of violation of rights in the digital environment, in which the problem of fixing and tracking violations requires additional legal regulation, are revealed. The conclusions of the study are aimed at improving the effectiveness of the protection of personal non-property rights and intangible benefits of citizens.

Keywords: compensation of moral harm, non-property rights, non-material benefits, judicial practice, digital technologies, calculation methodology, presumption of moral harm, minimum amount of compensation, reasonableness and fairness, proving moral harm, protection of privacy, insurance disputes, international experience.

В современном обществе защита нарушенных личных неимущественных прав и нематериальных благ занимает одно из центральных мест в системе гражданско-правового регулирования¹. Компенсация морального вреда, закрепленная ст. 151, ст. 1099–1101 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), представляет собой важнейший механизм восстановления справедливости для пострадавшего лица. Однако на практике возникает множество вопросов, связанных с определением порядка и размера компенсации морального вреда, что приводит к сложностям в правоприменении, в частности нарушению принципа справедливости².

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных данной теме, научная дискуссия продолжает развиваться, особенно в условиях цифровизации и глобализации окружающего пространства. В настоящей статье рассмотрены главные проблемы, возникающие при определении размера компенсации морального вреда, а также предлагаются пути их решения.

Методология исследования основана на комплексном подходе, включающем в себя теоретические и эмпирические методы. Теоретическая часть разработана с использованием диалектического метода познания, правового анализа института компенсации морального вреда и сравнительно-правового метода при изучении опыта правоприменения. Эмпирическая база построена на анализе судебной практики, включая дела о компенсации морального вреда, а также на применении методов описания и группировки фактов. Особое внимание уделено исследованию нормативных актов, регулирующих гражданско-правовые отношения в сфере защиты нематериальных благ и личных неимущественных прав.

Моральный вред, согласно ст. 151 ГК РФ, представляет собой физические или нравственные страдания, причиненные действиями, нарушающими личные неимущественные права или посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные

¹ Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 175.

² Самсонов Р. А. Экономический подход к вопросу стоимостных измерений компенсации морального вреда // Труд и социальные отношения. 2021. Т. 32. № 1. С. 41.

блага. Нормы о компенсации морального вреда введены в ГК РФ еще в 1994 г., однако за прошедшие десятилетия вопросы их применения остаются актуальными.

Согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда» (в редакции от 6 февраля 2007 г.) суд должен учитывать следующие факторы при определении размера компенсации: степень вины нарушителя; характер физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями потерпевшего; фактические обстоятельства причинения морального вреда; требования разумности и справедливости. Имеющаяся практика высших судов говорит о необходимости учета длительности и характера нарушения, имущественного положения ответчика, экономического положения региона, в котором произошло правонарушение, наличия дополнительных эмоциональных страданий (например, при утрате близкого человека)¹.

Однако приведенные принципы носят общий характер и требуют конкретизации в зависимости от категории дела. Например, при рассмотрении споров о нарушении чести, достоинства и деловой репутации необходимо учитывать уровень распространения информации, ее содержание и характер, а также социальное положение потерпевшего. Одна из ключевых проблем – отсутствие четких критериев для расчета компенсации морального вреда. В результате суды вынуждены полагаться на свое усмотрение, что приводит к различиям в размерах компенсации даже при схожих обстоятельствах.

И, как показывает анализ судебной практики региональных и районных судов общей юрисдикции, вышеуказанные общие рекомендации нередко не находят отражения в решениях судов. В частности, Краснодарским краевым судом в пользу матери погибшего в качестве компенсации морального вреда, связанного с утратой сына, взыскан миллион руб. (Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда по делу № 3329909/2022), а в пользу супруги погибшего – 700 тыс. руб. (Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда по делу № 22-7079/2020). Такое расхождение объясняется лишь внутренним убеждением судей, поскольку в материалах дел

¹ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2001. С. 24.

отсутствует детальная мотивировка размера компенсации, представлено ее формальное описание. Таким образом, можно выявить одну из важнейших проблем: чрезмерность субъективного подхода судей при определении морального вреда. Подобная практика игнорирует принцип равенства всех перед законом и создает прецеденты для злоупотреблений¹.

Дополнительно возникают сложности при определении морального вреда для лиц с особыми психическими особенностями. Например, люди с расстройствами аутистического спектра (РАС) могут испытывать моральные страдания иначе, чем «нейротипичные» граждане. К тому же их способность к выражению эмоций ограничена, что затрудняет процесс доказывания наличия морального вреда. Это требует специального подхода, включая проведение судебно-психологической экспертизы².

При отсутствии методических рекомендаций существующие определения степени тяжести морального вреда не могут быть эффективно использованы в ходе судебного процесса, поскольку нуждаются в дополнительной корректировке, консультативной помощи и оценке со стороны медицинского сообщества³. Необходимость привлечения экспертов для определения уровня морального страдания подтверждается и тем фактом, что на законодательном уровне отсутствуют четкие определения понятий «страдание» и «уровень страданий», а также их измерительные критерии. Именно наличие «страданий» играет ключевую роль в установлении факта нанесения морального ущерба⁴. В настоящее время страдания не могут быть определены по какой-либо шкале или выражены в какой-либо единице измерения.

¹ Сулейманова М. И. Формирование требований к разъяснению судьейского усмотрения при определении компенсации морального вреда // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 208.

² Фруслов И. Г. Некоторые аспекты компенсации морального вреда, связанного с утратой близкого человека, людям с особенностями психического восприятия, в том числе страдающими расстройствами аутистического спектра // Вестник экономики и права. 2024. № 94. С. 229.

³ Шихула И. Р., Романова Г. В. К вопросу о применении законодательства о компенсации морального вреда гражданам судами Российской Федерации // Власть Закона. 2024. № 1 (57). С. 145.

⁴ Крылова А. А. Проблема определения судами размера морального вреда // Политехнический молодежный журнал. 2023. № 10 (87). URL: <https://ptsj.bmstu.ru/articles/942/eng/942.pdf> (дата обращения: 15.11.2024).

Анализ решений судов показывает, что компенсация морального вреда чаще всего принимает форму минимальных выплат. Это снижает эффективность механизма защиты нарушенных прав. Например, в страховых спорах компенсации зачастую составляют всего 1–5 тыс. руб., хотя заявленные суммы могут достигать 100 тыс. руб. и более¹.

С развитием цифровых технологий растет количество нарушений личных неимущественных прав через интернет.² Нередко, взыскивая компенсацию морального вреда за распространение порочащей информации о потерпевшем в социальных сетях, суд не учитывает широту распространения материалов и их влияние на психическое состояние истца³.

Компенсация морального вреда выполняет двойную функцию: защиту нарушенных прав потерпевшего и возложение ответственности на нарушителя.⁴ Как известно, гражданско-правовая ответственность представляет собой дополнительные неблагоприятные для правонарушителя имущественные и иные последствия, юридически обеспеченные законом или договором⁵. Важно соблюдать баланс между этими функциями. Если размер компенсации слишком мал, он теряет восстановительную силу; если слишком велик, то может возникнуть риск злоупотребления правом. Данную проблему можно было бы нивелировать, внедряя опыт по установлению минимальных стандартов компенсации морального вреда через введение ее минимального и максимального размера. Это

¹ Мордакина И. Р., Ветров Д. М. К вопросу об определении размера компенсации морального вреда в страховых спорах // *Аллея науки*. 2023. Т. 1. № 10 (85). С. 535.

² Мантул Г. А. Электронное правосудие – это уже реальность // *Закон*. 2010. № 8. С. 7.

³ Вилинов А. А. Проблемы охраны авторского права и смежных прав при использовании информационно-телекоммуникационной сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 92; Камышанский В. П., Карнушин В. Е. Гражданское правоотношение: социально-психологический аспект. М.: Статут, 2016. С. 17.

⁴ Цокур Д. А., Седова Н. А. Современные способы защиты авторских прав // *Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал*. матер. VII Междунар. науч.-практич. конф. (симпозиума) для молодых исследователей. Краснодар, 2023. С. 407.

⁵ Камышанский В. П. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // *Власть Закона*. 2024. № 4 (60). С. 23; Камышанский В. П. О юридической ответственности и защите авторских прав на произведения науки // *Власть Закона*. 2019. № 2 (38). С. 17.

позволит исключить чрезмерное занижение или завышение сумм компенсации. Относительно отечественной практики правоприменения можно уточнить, что, скорее, речь идет о регулярном занижении ее размеров¹.

Для борьбы с чрезмерным субъективным восприятием размеров компенсации судьями предлагаем разработать прозрачную методику ее подсчета с учетом минимально и максимально допустимых, например через систему последовательных критериев, учитывающую следующие факторы: степень тяжести нарушения; количество нарушенных прав; особенности восприятия потерпевшим; уровень распространенности информации (например, в СМИ или интернете) и т. д. Данная методика может быть адаптирована для различных категорий дел, таких как нарушение права на изображение, защита частной жизни или компенсация в случае утраты близких и др.²

Для точной оценки морального вреда требуется учитывать следующие характеристики: возраст, профессию, семейное положение, психологическое состояние потерпевшего. Например, если потерпевший является ребенком или человеком с ограниченными возможностями, то размер компенсации должен быть повышен³. В случае очевидных нарушений, таких как использование изображения без согласия или распространение недостоверных сведений, следует законодательно ввести презумпцию причинения морального вреда. Это освободит потерпевшего от необходимости доказывать факт страданий. В настоящее время практика судов указывает на необходимость предположения морального вреда по ряду категорий дел.

Компенсация морального вреда остается одним из наиболее важных способов защиты нарушенных прав. Предложенные меры, включая введение минимальных и максимальных размеров

¹ Малышева А. А. Определение размера компенсации морального вреда: проблемы теории и практики // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (Москва, 7–8 апреля 2023 г.): в 3 т. Т. 2. М.: Московский госуд. юрид. ун-т имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 284.

² Пустовалова И. Н., Валеева И. А. Современные подходы к методике определения размера компенсации морального вреда // Век качества. 2021. № 3. С. 189.

³ Плаксин Г. А. Обстоятельства, влияющие на определение размера компенсации морального вреда // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 2 (42). С. 117.

компенсации, разработку методики расчета и учет индивидуальных особенностей потерпевших, помогут сделать процесс определения компенсации более прозрачным, справедливым и объективным.

Библиографический список

1. *Вилинов А. А.* Проблемы охраны авторского права и смежных прав при использовании информационно-телекоммуникационной сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 202 с.

2. Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.

3. *Камышанский В. П.* О юридической ответственности и защите авторских прав на произведения науки // *Власть Закона*. 2019. № 2 (38). С. 17–35.

4. *Камышанский В. П.* Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // *Власть Закона*. 2024. № 4 (60). С. 23–41.

5. *Камышанский В. П., Карнушин В. Е.* Гражданское правоотношение: социально-психологический аспект. М.: Статут, 2016. 222 с.

Крылова А. А. Проблема определения судами размера морального вреда // *Политехнический молодежный журнал*. 2023. № 10 (87). URL: <https://ptsj.bmstu.ru/articles/942/eng/942.pdf> (дата обращения: 15.11.2024).

6. *Малеина М. Н.* Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2001. 244 с.

7. *Мальшева А. А.* Определение размера компенсации морального вреда: проблемы теории и практики // *Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (Москва, 7–8 апреля 2023 г.): в 3 т. Т. 2*. М.: Московский госуд. юрид. ун-т имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 284–286.

8. *Мантул Г. А.* Электронное правосудие – это уже реальность // *Закон*. 2010. № 8. С. 7–16.

9. *Мордакина И. Р., Ветров Д. М.* К вопросу об определении размера компенсации морального вреда в страховых спорах // *Аллея науки*. 2023. Т. 1. № 10 (85). С. 535–540.

10. *Плаксин Г. А.* Обстоятельства, влияющие на определение размера компенсации морального вреда // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 2 (42). С. 117–121.

11. *Пустовалова И. Н., Валеева И. А.* Современные подходы к методике определения размера компенсации морального вреда // Век качества. 2021. № 3. С. 189–201.

12. *Самсонов Р. А.* Экономический подход к вопросу стоимостных измерений компенсации морального вреда // Труд и социальные отношения. 2021. Т. 32. № 1. С. 41–54.

13. *Сулейманова М. И.* Формирование требований к разъяснению судейского усмотрения при определении компенсации морального вреда // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 208–212.

14. *Фруслов И. Г.* Некоторые аспекты компенсации морального вреда, связанного с утратой близкого человека, людям с особенностями психического восприятия, в том числе страдающими расстройствами аутистического спектра // Вестник экономики и права. 2024. № 94. С. 229–238.

15. *Цокур Д. А., Седова Н. А.* Современные способы защиты авторских прав // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: матер. VII Междунар. науч.-практич. конф. (симпозиума) для молодых исследователей. Краснодар, 2023. С. 407–410.

16. *Шикула И. Р., Романова Г. В.* К вопросу о применении законодательства о компенсации морального вреда гражданам судами Российской Федерации // Власть Закона. 2024. № 1 (57). С. 145–155.

Раздел

**Наука и практика
стран СНГ**

Н. А. Менглиева

соискатель кафедры гражданского права
Российско-Таджикского (Славянского) университета
Республика Таджикистан, г. Душанбе
niginamenglieva@gmail.com

**ДИСКУССИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ БРАЧНОЙ
ДЕЕСПОСОБНОСТИ В ТАДЖИКИСТАНЕ И ЗА РУБЕЖОМ****DISCUSSION APPROACHES TO THE DEFINITION OF MARITAL
CAPACITY IN TAJIKISTAN AND ABROAD**

В статье утверждается, что достижение брачного возраста или наступления брачной правоспособности – определяющее условие заключения брака. Поэтому правильной интерпретации данного феномена отведена ключевая роль в науке семейного права. В исследовании изложены дискуссионные подходы к определению брачного возраста, а также проведен обзор законодательства Республики Таджикистан и зарубежных стран, регламентирующего вопросы определения брачного возраста и порядок его снижения. Автор приходит к выводу о том, что заключение брака с лицом, не достигшим брачного возраста, является событием экстраординарным, что и требует соблюдения особого порядка. В этом случае в разных странах применяют и частноправовые, и публично-правовые механизмы. Возможность снижения брачного возраста поставлена в зависимость от наличия согласия (одобрения) родителей либо разрешения соответствующего государственного органа. В Республике Таджикистан только суд рассматривает вопрос о снижении брачного возраста, что становится допустимым в исключительных случаях, перечень которых не определен законом. В данном контексте, по мнению автора, внесение в семейное законодательство Республики Таджикистан перечня уважительных обстоятельств, позволяющих заключение ранних браков, сыграет ключевую роль с точки зрения его правильной интерпретации в рамках правоприменительного процесса.

Ключевые слова: брак, брачный возраст, брачная дееспособность, снижение брачного возраста, несовершеннолетний, ранние браки, детские браки.

The article argues that reaching the age of marriage or the onset of marital legal capacity is a determining condition for marriage. Therefore, the correct interpretation of this phenomenon has a key role in the science of family law. The study outlines the debatable approaches to the definition of the age of marriage, as well as a review of the legislation of the Republic of Tajikistan and foreign countries regulating the issues of determining the age of marriage and the procedure for reducing it. The author concludes that the conclusion of marriage with a person under the age of marriage is an extraordinary event, which requires a special procedure. In this case, in different countries both private and public law mechanisms are applied. The possibility of lowering the age of marriage depends on the consent (approval) of the parents or the authorisation of the relevant State body. In the Republic of Tajikistan, only the court considers the issue of lowering the age of marriage, which becomes permissible in exceptional cases, the list of which is not defined by law. In this context, in the author's opinion, the introduction of a list of valid circumstances allowing early marriage in the family legislation of the Republic of Tajikistan will play a key role in terms of its correct interpretation in the law enforcement process.

Keywords: marriage, marriage age, marital capacity, marital capacity, lowering the age of marriage, minor, early marriage, child marriage.

Определяющим условием брака выступает достижение брачного возраста или наступления брачной правоспособности. Это, в свою очередь, определяет материальное условие заключения брака¹. Так, согласно ст. 13 Семейного кодекса Республики Таджикистан (СК РТ), право на заключение брака у мужчины и женщины возникает по достижении ими 18 лет, что соответствует возрасту наступления полной гражданской дееспособности. Иными словами, это возраст, по наступлении которого лицо, совершая действия,

¹ Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 88.

может приобретать гражданские права и нести юридические обязанности.

Следует обратить внимание на то, что, на первый взгляд, брачный возраст отождествляется с понятием «совершеннолетие», поскольку в отечественном семейном законодательстве (ст. 13 СК РТ) прямо указано на 18-летний возраст лица. Об этом свидетельствует и ст. 16 Всеобщей декларации прав человека, в которой закреплено, что «мужчины и женщины, достигшие совершеннолетия, имеют право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии вступить в брак и основывать семью»¹. Вместе с тем законодателем не закреплено легальное определение понятия «брачный возраст». Однако, как справедливо утверждают В. В. Жемеров и Г. Г. Матвеев, точный момент наступления совершеннолетия (с 18 лет) предусмотрен законодателем, и он неизменен. Брачный возраст не является четко фиксированным годом (фиксированной цифрой), поскольку он может изменяться, в зависимости от ряда обстоятельств², как гласит ч. 2 ст. 13 СК РТ.

Часть 1 ст. 1 Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» выделяет такую категорию, как «супружеский возраст», который рассмотрен как идентичное понятие брачного возраста. Казахский законодатель связывает супружеский возраст с периодом, по достижении которого лицо вправе вступить в брак (супружество).

С. А. Муратова утверждает, что брачный возраст служит основанием возникновения брачной правоспособности³. Иными словами, брачный возраст, по мнению автора, – это установленный законом юридический факт.

В научной литературе понимание брачного возраста представлено с учетом разных аспектов, которые не имеют под собой правовой почвы. Можно выделить три подхода:

¹ Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Организация Объединенных Наций (ООН). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 15.09.2024).

² Жемеров В. В., Матвеев Г. Г. Особенности снижения брачного возраста в сравнении норм семейного права зарубежных стран и Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2020. Вып. 7. С. 144.

³ Муратова С. А. Семейное право: учеб. пособие. М.: Юриспруденция, 2001. С. 78.

– физиологический подход. В основе определения сути брачного возраста, согласно этому подходу, находится факт начала полового созревания, то есть возможность выполнения человеком репродуктивной функции¹. Такой подход широко применяют в странах религиозной правовой системы. Примером определения наступления брачного возраста могут служить нормы мусульманского права, которые процесс завершения полового созревания у подростка определили как основание или возможность для вступления в брак². Вместе с тем физиологический подход имеет и недостатки. Несовершенство его прослеживается в определении наступления брачного возраста на ранних сроках, связанных с окончанием полового созревания;

– психолого-педагогический подход, через призму которого брачный возраст раскрыт как фактор готовности лица к браку и семейной жизни, что определено набором признаков: соответствующей зрелости, а именно общей, физиологической, социально-нравственной, волевой и т. д.; способности выполнять супружеские и родительские обязанности³. С помощью указанного набора критериев можно сформировать общее представление о человеке, его зрелости и мудрости, что, соответственно, увеличивает брачный возраст;

– социологический подход определяет брачный возраст как время, истекшее между датой рождения и датой заключения брака⁴. Именно такого подхода придерживаются законодатели большинства стран: в нормах права закреплён возраст, по наступлении которого у лица возникает право на вступление в брак. На наш взгляд, именно социологический подход наиболее приемлем для установления брачного возраста. Как указано в юридической литературе, «возраст сам по себе представляется

¹ Медков В. М. Демография: учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2002. С. 302.

² Жемеров В. В., Матвеев Г. Г. Указ. соч. С. 144.

³ См.: Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2002. С. 154; Жолудева С. В. Брачный возраст и психологическая готовность к вступлению в брак // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2007. № 20. С. 278; Гребенников И. В. Основы семейной жизни. М.: Просвещение, 1991. С. 21; Сизанов А. Н. Подготовка подростков к семейной жизни. Мн.: Нар. асвета, 1989. С. 14.

⁴ Медков В. М. Указ. соч. С. 247.

юридическим фактом, обстоятельством, с которым связано возникновение, изменение или прекращение какого-либо правоотношения. С точки зрения общепринятой классификации, возраст является событийным юридическим фактом, так как его генезис не зависит от воли субъекта»¹. Следовательно, брачный возраст относится к юридическому факту из области семейного права.

Таким образом, условие о брачном возрасте, на наш взгляд, следует рассматривать как событие, с наступлением которого у лица ввиду закона возникает брачная правоспособность. С учетом этого предлагаем под брачным возрастом понимать юридический факт, выступающий одним из условий для заключения брака и выраженный в конкретном возрасте, который установлен законом.

В соответствии с принципом 2 резолюции 2018 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН «Государствами – членами Организации издаются законодательные акты, устанавливающие минимальный брачный возраст, причем ни одна из вступающих в брак сторон не может быть моложе пятнадцати лет, не допускается юридическое оформление брака с лицом, не достигшим установленного возраста, кроме тех случаев, когда компетентный орган власти в интересах сторон, вступающих в брак, разрешает сделать при наличии серьезных причин исключение из этого правила о возрасте»².

По справедливому утверждению Я. В. Наумова, «установление определенного брачного возраста, достижение которого необходимо для законного создания брачно-супружеских правоотношений путем регистрации брака, основывается на оценке и восприятии человека данного возраста, как достигшего необходимой степени физической, психической, нравственной зрелости, и способного к выбору рода занятий, распоряжению своими доходами, к самостоятельному принятию решений по вопросам функционирования семьи, воспроизведению и воспитанию потомства, созданию

¹ Жемеров В. В., Мамзеев Г. Г. Указ. соч. С. 145.

² Рекомендация о согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков: принята резолюцией 2018 (XX) Генеральной Ассамблеи от 1 ноября 1965 г. // Организация Объединенных Наций (ООН). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/wedding.shtml (дата обращения: 05.09.2024).

благоприятной семейной обстановки»¹. Поэтому с точки зрения медицины, психологии, экономики и права 18 лет принято считать именно таким возрастом, по достижении которого лицо становится самостоятельным и готовым к брачным отношениям с целью их дальнейшего сохранения, развития и воспроизводства потомства.

Следует согласиться с А. М. Нечаевой в том, что «к этому времени брачующиеся, во-первых, достигают необходимой степени физической зрелости – к восемнадцати годам женщина без ущерба для собственного здоровья и здоровья для своего потомства может выносить ребенка и произвести его на свет, а во-вторых, обладают такой степенью психической зрелости, которая позволяет осознанно подходить к совершаемому ими жизненно важному шагу. И, наконец, в-третьих, к восемнадцати годам и мужчина, и женщина приобретают так называемую социальную зрелость, позволяющую им быть полностью самостоятельными, способными не только приобрести специальность, но и работать, содержать свою семью, детей»².

И. В. Афанасьева, изучив влияние брачного возраста на прочность брака, пришла к противоположному выводу. По ее мнению, достижение лицом 18 лет может свидетельствовать о его физической и интеллектуальной зрелости, но не о социальной зрелости, то есть способности обеспечивать семью. Автор считает, что в возрасте 18 лет молодые люди фактически не могут позволить себе зарабатывать столько, сколько достаточно для поддержания привычного им до брака уровня жизни. Следовательно, они финансово вынуждены зависеть от родителей и ждать от них помощи. Исходя из этого, И. В. Афанасьева полагает, что при определении брачного возраста нужно учитывать разные аспекты развития личности, а именно его зрелость, отражающую физиологические и нравственные характеристики (показатели), и ответственность, то есть способность отвечать за материальное и моральное благополучие семьи. Поэтому И. В. Афанасьева предлагает установить брачный возраст в 21 год³.

¹ Наумов Я. В. Правовое регулирование условий заключения брака: тенденции реформирования // Евразийский союз ученых. 2017. № 9-3 (42). С. 68.

² Нечаева А. М. Семейное право: курс лекций. М.: Юрист, 2002. С. 58.

³ См.: Афанасьева И. В. Условия стабильности семейно-брачных отношений // Нотариус. 2002. № 3 (35). С. 30.

В юридической литературе бытует мнение о том, что самым восприимчивым для заключения брака следует признать возраст от 25 до 30 лет¹. Тем не менее каждое государство по-разному определяет брачный возраст. Например, в Российской Федерации (РФ) он наступает с 18 лет. В Йемене допустимо вступить в брак с 15 лет, в США – в 18 лет, Алжире – с 19 лет, в Египте – с 21 года. В Узбекистане и Кыргызстане брачный возраст наступает с 18 лет. В Аргентине, Бразилии можно заключить брак с 18 лет, в государстве Парагвай – с 20 лет.

В Ирландии лицо, достигшее 21 года, может самостоятельно вступить в брак. В Португалии, Франции, Грузии, Норвегии и Испании брачный возраст возникает с 18 лет, в Ливии – с 20 лет, в Люксембурге – с 18 лет.

Возникают случаи, в которых законодательство той или иной страны предусматривает брачные возрастные разграничения для мужчины и женщины. В большинстве государств брачный возраст для женщин ниже, чем для мужчин (Китай – 22 и 20 лет; Сомали, Куба, Катар, Афганистан и Япония – 18 и 16 лет; Камерун и Иран – 18 и 15 лет; Либерия и Индия – 21 и 18 лет; Камбоджа – 16 и 13 лет; Кувейт – 17 и 15 лет; Северная Корея и Казахстан – 18 и 17 лет; Вьетнам – 20 и 18 лет; Индонезия – 19 и 16 лет; Бангладеш – 21 и 18 лет).

Вместе с тем в ряде стран наступление брачного возраста ставят в зависимость от достижения одним или обоими супругами полового созревания, то есть способности продолжения рода. Приверженцами таких условий выступают в основном страны с мусульманской правовой системой или укоренившимися племенными обычаями. Страны, население которых имеет невысокую продолжительность жизни, например Судан², также заинтересованы в этом подходе определения брачного возраста, поскольку преследуют основную цель – решить демографические вопросы за счет раннего деторождения и продолжения рода.

¹ См.: Кирмель Г. Проблемные аспекты снижения брачного возраста в Республике Беларусь // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. 2018. № 6. С. 133; Жолудева С. В. Психологическая готовность к браку на разных этапах периода зрелости: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 11.

² Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М.: Наука, 1986. С. 165.

Итак, брачная правоспособность в мире возникает в разном возрасте. Несмотря на это, во внутреннем праве государств предусмотрена возможность снижения брачного возраста, то есть лицам, не достигшим брачного возраста, предоставлено право вступать в брак. Например, в России брачный возраст может быть снижен с 18 лет до 16 лет. В некоторых субъектах страны, в частности в Республике Адыгея, Белгородской, Владимирской, Вологодской, Калужской, Магаданской, Московской, Нижегородской, Орловской, Ростовской, Самарской, Сахалинской, Тамбовской, Тюменской, Тульской областях, минимальный брачный возраст определен в 14 лет.

Рассматривая практику зарубежных государств, можно обнаружить установленный законодательством страны минимальный брачный возраст. Например, в Египте – 18 лет; Узбекистане, Израиле и Кыргызстане – 17 лет; Аргентине, Бразилии, Германии, Италии, Ирландии, Латвии, Португалии, Франции, Грузии, Казахстане и государстве Парагвай – 16 лет. В Японии предусмотрен ранний брак для мужчин – с 18 лет, для женщин – с 16 лет; в Австрии – с 16 лет, при этом другой партнер должен достичь 18 лет.

Как правило, возможность снижения брачного возраста предоставляют при наличии разрешения либо согласия. К примеру, в Анголе с согласия родителей брачный возраст снижают для мужчин до 16 лет, для женщин – до 15. Законодательство Дании также устанавливает разрешительный порядок для лиц, не достигших 18-летнего возраста и ранее не состоявших в браке. Такие лица должны, во-первых, получить согласие родителей на заключение брака, во-вторых, разрешение администрации губернатора округа (statsamtet) (ч. 1 Закона Дании о заключении и расторжении брака¹). В Йемене для женщины достаточным условием для заключения брака признано согласие опекуна², при этом факт недостижения ею установленного законом брачного возраста не влияет.

Франция ограничивает права несовершеннолетних, желающих вступить в брак, поставив их желание в зависимость от обязательного получения одобрения со стороны родителей. При

¹Закон Дании о заключении и расторжении брака от 1991 г. // Факультет права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <https://pravo.hse.ru> (дата обращения: 22.09.2024).

² Сюкияйнен Л. Р. Указ. соч. С. 164.

разногласиях родителей в вопросе одобрения брака считается, что согласие на брак имеется (ст. 148 Французский гражданский кодекс). В Египте с согласия законных представителей можно вступить в брак с 18 лет. В Аргентине, Бразилии и государстве Парагвай можно с 16 лет вступить в брак, получив согласие законных представителей. В Ирландии у лица, достигшего 16 лет, возникает право на вступление в брак, но лишь с согласия законных представителей. Между тем суд может разрешить брачующимся заключить брак по достижении ими 16 лет без получения согласия законных представителей. В Португалии, Франции, Грузии, Норвегии и Испании с согласия законных представителей (или суда в некоторых странах) можно в 16 лет вступить в брак. В Румынии снижению брачного возраста способствует наличие разрешения административного совета округа, а в Южно-Африканской Республике требуется специальное разрешение Министра внутренних дел¹.

§1303 Гражданского уложения Германии и ст. 12 Семейного кодекса Республики Болгарии суды по семейным делам уполномочены давать разрешение на вступление в брак до достижения брачного возраста. К рассмотрению дела обязательно привлекают законных представителей лиц, планирующих вступить в брак. Судебное решение, являющееся основанием для снижения брачного возраста, требуется в таких странах, как Сербия, Словакия, Турция, Испания, Швейцария и др. В Иране с судебного согласия допустимы ранние браки для мужчин с 15 лет, а для женщин – с 13.

В странах, входящих в СНГ, разрешение на вступление в брак несовершеннолетнего дают суд (например, ст. 23 Семейного кодекса Украины) либо органы ЗАГС (ст. 10 Закона Республики Казахстан «О браке и семье», ст. 18 Кодекса Республики Беларусь «О браке и семье»), либо органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 13 Семейного кодекса РФ, ст. 14 Семейного кодекса Киргизии).

Таким образом, вопрос о заключении брака с лицом, не достигшим брачного возраста, является неординарным, требующим особого внимания и должного правового воздействия. В этом случае в разных государствах применяют и частноправовые, и публично-правовые механизмы. Как пишет А. И. Загоровский, «нормы семейного права заключают в себе в

¹ Жемеров В. В., Матвеев Г. Г. Указ. соч. С. 147.

значительной степени элемент публичный»¹, что отражено в активном участии государства в развитии семейного законодательства, охране прав и законных интересов участников семейных правоотношений, а также предоставлении защиты и гарантий наиболее уязвимым участникам семейного союза². Установление законодателем минимального возраста вступления в брак свидетельствует о проявленной государством охране и заботе семьи, детства и материнства. В данном направлении государство, прежде всего, проявляет заботу об интересах несовершеннолетнего лица, который намерен вступить в брак, а также о детях, которые могут родиться в этом браке³. Подобного рода ранние браки пагубны для общества, особенно для здоровья девочек, поэтому государства заинтересованы в их недопущении. Тем более что к этому призывает резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН, относительно детских, ранних и принудительных браков⁴, которая факты заключения подобного рода браков приравнивает к нарушениям прав человека.

Семейное законодательство Республики Таджикистан предусматривает возможность снижения брачного возраста по желанию лиц, планирующих заключить брак. При этом вопрос о снижении брачного возраста отведен к исключительной компетенции суда. Суд вправе снизить брачный возраст, но не более чем на год (ч. 2 ст. 13 СК РТ). Следовательно, минимальный брачный возраст законом определен в 17 лет.

Отечественное семейное законодательство говорит о допустимости снижения брачного возраста в исключительных случаях. Однако, хотя бы примерный перечень обстоятельств, под которыми законодатель подразумевает исключительные случаи, не дан. Следовательно, основания для снижения брачного возраста будут оценены только судом, который будет определять уважительность и допустимость учета тех или иных

¹ Загоровский А. И. Курс семейного права (по изд.: Одесса, 1909). М.: Зерцало, 2003. С. 3.

² Темникова Н. А. Регистрация брака в России: проблемные вопросы // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 1 (22). С. 97.

³ Кирмель Г. Указ. соч. С. 132.

⁴ Детские, ранние и принудительные браки: резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН от 17 декабря 2018 г. // Организация Объединенных Наций (ООН). URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n18/446/26/pdf/n1844626.pdf> (дата обращения: 01.12.2024).

обстоятельств. Как указывает семейно-правовая доктрина, в качестве уважительных причин могут расцениваться такие обстоятельства, как беременность невесты, призыв на службу в армию, необходимость госпитализации, переезд в другой город, иные¹. Во внутреннем праве некоторых государств охарактеризованы события, влияющие на снижение брачного возраста. К примеру, в Казахстане беременность невесты или рождение общего ребенка являются исключительными основаниями для снижения брачного возраста (ст. 10 Закона Республики Казахстан «О браке и семье»). В дополнение к вышеуказанным основаниям семейное законодательство Белоруссии и Узбекистана эмансипацию лица также признают в качестве уважительных причин, учитываемых при снижении брачного возраста (ст. 18 Кодекса Республики Беларусь «О браке и семье»² и ст. 15 Семейного кодекса Республики Узбекистан³).

В науке семейного права высказана позиция о необходимости закрепления в семейном законодательстве особых причин и обстоятельств, способствующих снижению брачного возраста. Один из авторов предлагает в качестве таких оснований указать беременность невесты, рождение общего ребенка и другие чрезвычайные обстоятельства⁴. На наш взгляд, очень важно предусмотреть перечень уважительных обстоятельств, допускающих ранние браки, поскольку в семейном законодательстве не приведен ни один случай, который может повлиять на снижение брачного возраста. В ч. 2 ст. 13 СК РТ дана лишь формулировка «исключительные случаи» что, соответственно, каждым может быть воспринято и интерпретировано неоднозначно. Это видится особенно

¹ См.: Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. О. Н. Низамиева. М.: Проспект, 2010. С. 124.

² О браке и семье: кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 278-3 (с изм. и доп. по состоянию на 18.12.2019) // Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414964#pos=5;-106 (дата обращения: 22.12.2023).

³ Семейный кодекс Республики Узбекистан: утв. Законом РУз от 30 апреля 1998 г. № 607-І, введен в действие с 1 сентября 1998 г. (с изм. и доп. от 04.12.2020) // Lex.uz. URL: <https://lex.uz/docs/104723> (дата обращения: 22.12.2023).

⁴ *Ординарцева Л. И.* Определение порядка и условий вступления в брак лиц, не достигших возраста шестнадцати лет, законами субъектов Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2015. № 2. С. 32.

актуальным в нашей стране, в которой порой происходит заключение ранних браков, особенно в сельской местности.

Каждая ситуация индивидуальна и применима при наличии совокупности обстоятельств, требующих детального анализа. Суд, в который лица обращаются с ходатайством о снижении брачного возраста, учитывая доводы заявителей, проанализировав определенные обстоятельства, принимает обоснованное решение. Следует согласиться с тем, что «каждое решение должно быть принято с учетом обстоятельств конкретного случая, руководствуясь своими критериями для оценивания степени значимости данных обстоятельств и, безусловно, исходя из интересов несовершеннолетних лиц – брачующихся»¹. Но на законодательном уровне закрепление примерного перечня обстоятельств, позволяющих снизить брачный возраст, во-первых, выступало бы неким ориентиром для суда и лиц, которые намерены обратиться в суд. Внесение ясности в формулировке «исключительные случаи» позволит определить, подпадает ли та или иная ситуация под уважительную причину, допускающую ранние браки. Во-вторых, расширительное толкование и указание оценочных категорий в исключительных случаях целесообразно, поскольку многообразие жизненных ситуаций не позволяет закрепить исчерпывающий перечень в семейном законодательстве. Однако в каждой жизненной ситуации нужно принимать взвешенное решение².

Исходя из этого, считаем, что внесение ясности и детальная регламентация причин и оснований ранних браков в ч. 2 ст. 13 СК РТ является уместным и целесообразным. Ввиду этого предлагаем внести соответствующие уточнения в указанной статье.

Между тем в семейно-правовой доктрине предложена идея о снижении брачного возраста до 14 лет. Так, Я. В. Наумов пишет: «Полагаем, что оптимальным уровнем предельного возраста, допускающего заключение брака, необходимо считать достижение четырнадцатилетнего возраста, поскольку именно с данного момента у несовершеннолетних появляется возможность самостоятельного распоряжения своим заработком, стипендией, а также совершения иных действий в соответствии с

¹ Наумов Я. В. Указ. соч. С. 69.

² Там же.

гражданским законодательством, соответственно, лица, достигшие четырнадцати лет, в состоянии в определенной степени выполнять свои семейные имущественные обязанности и в качестве супругов, и в качестве родителей»¹.

Не согласимся с приведенным утверждением, выходящим за грани разумного, поскольку, во-первых, лицо, достигшее 14 лет – это еще ребенок, обладающий неполной дееспособностью, а значит, нуждающийся в особой правовой защите. Брак предполагает не только взаимоотношения супругов, но и наличие детей, их рождение, воспитание и обеспечение, то есть ответственность. В этом случае очень тяжело представить, как 14-летний ребенок может взять на себя ответственность. Во-вторых, ребенок в этом возрасте учится в 6-7 классе школы, ему необходимо получить общее среднее образование. Брак и семья несовместимы с учебой в школе именно в данном возрасте. В-третьих, даже с точки зрения медицины и психологии детей в этом возрасте нельзя считать полностью сформированными и готовыми к семейной жизни. В-четвертых, далеко не каждый ребенок в указанном возрасте имеет самостоятельный доход.

Таким образом, отечественный законодатель предусмотрел некие барьеры, способствующие заключению брака, который считают целесообразным с точки зрения социологии, психологии и физиологии. Порядок и условия заключения брака с лицом, не достигшим совершеннолетия, каждым государством определены самостоятельно, при этом в ход идут частноправовые и публично-правовые методы воздействия.

Библиографический список

1. *Афанасьева И. В.* Условия стабильности семейно-брачных отношений // *Нотариус*. 2002. № 3 (35). С. 27–32.
2. *Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.*
3. *Гребенников И. В.* Основы семейной жизни. М.: Просвещение, 1991. 158 с.
4. *Жемеров В. В., Матвеев Г. Г.* Особенности снижения брачного возраста в сравнении норм семейного права зарубежных стран и Российской Федерации // *Вопросы российской юстиции*. 2020. Вып. 7. С. 143–151.

¹ *Наумов Я. В.* Указ. соч. С. 70.

5. Жолудева С. В. Брачный возраст и психологическая готовность к вступлению в брак // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2007. № 20. С. 276–280.

6. Жолудева С. В. Психологическая готовность к браку на разных этапах периода взрослости: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2009. 26 с.

7. Загоровский А. И. Курс семейного права (по изд.: Одесса, 1909). М.: Зерцало, 2003. 464 с.

8. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2002. 544 с.

9. Кирмель Г. Проблемные аспекты снижения брачного возраста в Республике Беларусь // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. 2018. № 6. С. 130–135.

10. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. О. Н. Низамиева. М.: Проспект, 2010. 550 с.

11. Медков В. М. Демография: учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 448 с.

12. Муратова С. А. Семейное право: учеб. пособие. М.: Юриспруденция, 2001. 384 с.

13. Наумов Я. В. Правовое регулирование условий заключения брака: тенденции реформирования // Евразийский союз ученых. 2017. № 9-3 (42). С. 67–70.

14. Нечаева А. М. Семейное право: курс лекций. М.: Юристъ, 2002. 320 с.

15. Сизанов А. Н. Подготовка подростков к семейной жизни. Мн.: Нар. асвета, 1989. 112 с.

16. Ординарцева Л. И. Определение порядка и условий вступления в брак лиц, не достигших возраста шестнадцати лет, законами субъектов Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2015. № 2. С. 32–35.

17. Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М.: Наука, 1986. 256 с.

18. Темникова Н. А. Регистрация брака в России: проблемные вопросы // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 1 (22). С. 94–100.

Раздел

**Трибуна
молодого ученого**

А. М. Амирханов

аспирант юридического факультета
Московского финансово-промышленного университета
«Синергия»,
Россия, г. Москва
zenit2008_1@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

THE DIGITAL CURRENCY AS AN OBJECT OF CIVIL TURNOVER

В статье рассмотрены вопросы о признании цифровой валюты объектом гражданского оборота на основе изучения правовых актов и юридической литературы. Методология базируется на предмете и цели исследования, включая в себя сравнительный, формально-юридический и общенаучные методы познания. Автором проанализированы проблемы признания цифровой валюты в качестве объекта гражданского оборота, ее признаков, показано, каким именно объектом она является. Анализу подвергнуто соотношение понятий «объект гражданских прав», «объект гражданского оборота» и «объект гражданского правоотношения» в контексте исследования цифровой валюты. Приведенные в статье выводы полезны для будущих научных исследований, могут быть использованы в рамках деятельности по совершенствованию законодательства, а также в правоприменительной и судебной практике. Новизна работы заключается в отсутствии достаточного количества предметных исследований и оригинальном подходе к анализу правовой природы цифровой валюты. По мнению автора, цифровая валюта обладает признаками, свойственными как объекту гражданских прав, так и объекту гражданского оборота. Это позволяет прийти к выводу о ее легализации и допустимости обращения в гражданском обороте.

Ключевые слова: цифровая валюта, объект права, объект оборота, гражданский оборот, цифровые активы, цифровые права, иное имущество, оборотоспособность.

The article considers the issues of recognition of digital currency as an object of civil turnover based on the study of legal acts and legal literature. The methodology is based on the subject and purpose of the study, including comparative, formal-legal and general scientific methods of cognition. The author analysed the problems of recognition of digital currency as an object of civil turnover, its attributes, showed what kind of object it is. The correlation of the concepts of 'object of civil rights', 'object of civil turnover' and 'object of civil legal relations' in the context of the study of digital currency has been analysed. The conclusions presented in the article are useful for future scientific research, can be used in the framework of activities to improve legislation, as well as in law enforcement and judicial practice. The novelty of the work lies in the lack of a sufficient number of substantive studies and an original approach to analysing the legal nature of digital currency. In the author's opinion, digital currency possesses the features peculiar to both the object of civil rights and the object of civil turnover. This allows us to come to the conclusion about its legalisation and admissibility of circulation in civil turnover.

Keywords: digital currency, object of right, object of turnover, civil turnover, digital assets, digital rights, other property, negotiability.

В эпоху развития цифровых технологий происходит активное их внедрение во все сферы жизнедеятельности человека, и экономика не является исключением. Предпринимают шаги по нормативному урегулированию таких категорий, как искусственный интеллект, интернет, 3D- и 4D-технологии. Все чаще обсуждают вопросы об использовании альтернативных средств платежа, а именно цифровой валюты, применяемой в различных бизнес-процессах компаний.

Практические шаги относительно легализации цифровой валюты в гражданском обороте осуществляют в различных государствах. Например, в Соединенных Штатах Америки недавно подписан Указ «Об укреплении лидерства США в цифровых финансах»¹. В Республике Беларусь продолжается

¹ Strengthening American leadership in digital financial technology // White House. January 23. 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/strengthening-american-leadership-in-digital-financial-technology/> (дата обращения: 27.01.2025).

работа по созданию собственной цифровой валюты¹. Следовательно, меры по внедрению цифровой валюты в оборот свидетельствуют о постепенном уходе от консервативных позиций, направленных на запрет ее использования.

Не рассматривая историю становления законодательства Российской Федерации (РФ) в аспекте регулирования цифровой валюты, стоит указать, что сегодня в качестве объекта гражданских прав она не закреплена. Несмотря на двухвековое развитие правовой доктрины в контексте исследования категории «объект гражданских прав», единый подход к его трактовке отсутствует. Действующее законодательство не содержит определения объекта прав. Однако это не отменяет того факта, что в целом отечественная правовая система и юриспруденция выстроены на философской концепции субъектно-объектных отношений². В качестве примера можно привести название подраздела 3 «Объекты гражданских прав» раздела I «Общие положения» части первой Гражданского кодекса (ГК) РФ. Данный подраздел включает в себя ст. 128 «Объекты гражданских прав», и в ней не раскрыто понятие объекта гражданских прав, а лишь перечислены материальные и нематериальные блага, которые законодатель отнес к таковым.

На протяжении многих лет в рамках гражданско-правовой науки преобладала точка зрения, согласно которой объекты гражданских прав отождествляли исключительно с материальными вещами. Эти вещи (субстраты) рассматривали как нечто, обладающее определенной ценностью и способное удовлетворять те или иные потребности человека (полезность). При этом способность «быть полезной» у разных авторов имела различное наименование. Д. И. Мейер именовал ее «ценностью», Д. В. Шорников указывал на «полезность»³, а М. А. Астахова – на «потребительскую ценность»⁴.

¹ Лукашенко: в Беларуси работают над созданием криптовалюты // Sputnik. 2025. 26 января. URL: <https://sputnik.by/20250126/lukashenko-v-belarusi-rabotayut-nad-sozdaniem-kriptovalyuty-1093049159.html> (дата обращения: 27.01.2025).

² Гражданское право: учебник для вузов: в 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2022. С. 252.

³ См.: Шорников Д. В. Природные ресурсы как объекты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005. С. 31.

⁴ См.: Астахова М. А. Объект субъективного гражданского права: понятие и признаки // Гражданское право. 2006. № 2. С. 6.

В указанном аспекте общим признаком объекта гражданских прав является «социальное благо». В способности социального блага участвовать в гражданском обороте и выражены два признака: свойство «полезности» или «потребительской ценности», а также «товарности» («меновой стоимости»)¹.

А. А. Чеговадзе утверждает, что «категория объекта является правовой формой существования вещей и требований в сфере имущественного оборота». Основной характеристикой объектов гражданских прав автор видит их способность удовлетворять имущественные интересы субъектов гражданского оборота. Иными словами, они могут быть выражены в «стоимости». Именно указанный критерий присущ как материальным объектам, так и требованиям имущественного характера².

Среди классиков отечественной цивилистики были и такие, кто пытался свести содержание объектов гражданских прав лишь к поведению субъектов гражданских правоотношений. Например, О. С. Иоффе считал, что «...только человеческое поведение способно к реагированию на воздействие, оказываемое субъективным правом и правовой обязанностью. Ни вещи, ни так называемые личные нематериальные блага не способны к такому реагированию, следовательно, ни вещи, ни личные нематериальные блага не являются объектами прав»³.

Необходимо различать категории «объект гражданских прав», «объект гражданских правоотношений», «объект гражданского оборота», поскольку они не являются тождественными. Разграничивая категории объекта гражданских прав и объекта правоотношения, Т. В. Дерюгина пишет о том, что «объект гражданских прав» обозначает предмет или явление, в отношении которых потенциально могут осуществляться юридически возможные варианты поведения, а под «объектом

¹ Объекты гражданских прав: учебник для вузов / отв. ред. Т. В. Дерюгина, В. Н. Ткачев, А. А. Чеговадзе. М.: Юрайт, 2022. С. 14–15.

² Чеговадзе А. А. Объекты гражданских прав и новая редакция статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 10. С. 82.

³ Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2000. С. 593.

гражданского правоотношения» следует понимать то, «на что конкретное правоотношение оказывает воздействие»¹.

В. В. Гуцин полагает, что, за исключением личных неимущественных благ, «объекты гражданских прав» могут быть «объектами гражданского оборота», а последняя категория носит «регулятивный» характер. Такую позицию можно проследить и у Р. Ф. Галеевой². При этом соотношение категорий «объект гражданских прав» и «объект гражданских правоотношений» видится автором как «целое» и «часть целого»³.

Е. А. Суханов не разграничивает представленные понятия. Объектом регулирования сами по себе вещи или результаты выступать не могут, поскольку являются объектом (предметом) поведения людей. Указанное означает, что материальные и нематериальные блага выступают объектами не только прав, но и обязанностей, которые в совокупности и составляют гражданские правоотношения. Следовательно, такие понятия, по мнению ученого, совпадают, и их разграничение, приводимое в том числе в ГК РФ, ошибочно⁴.

С учетом изложенного обратим внимание на ст. 129 ГК РФ⁵. Из буквального толкования ее положений следует, что объектом оборота является такой объект, который способен отчуждаться и переходить от одного лица к другому по различным основаниям (свойство объекта). Или, как пишут Т. В. Дерюгина⁶ и, к примеру, С. П. Гришаев⁷, на способность субъекта

¹ Объекты гражданских прав: учебник для вузов / отв. ред. Т. В. Дерюгина, В. Н. Ткачев, Л. А. Чеговадзе. М.: Юрайт, 2022. С. 17–19.

² Галеева Р. Ф. Сущность объектов гражданских прав // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 4. С. 96.

³ Гуцин В. В. Объекты гражданских прав и их соотношение с объектами гражданских правоотношений // Образование и право. 2022. № 4. С. 403.

⁴ Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2011. С. 297.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 26 января 1994 г. (в ред. от 24.07.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁶ Дерюгина Т. В., Иншакова А. О. Оборотоспособность и правовой режим объектов гражданских прав: соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 31.

⁷ Гришаев С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». 2015. URL:

отчуждать либо передавать объекты гражданских прав (свойство субъекта). Известны и позиции относительно того, что оборотоспособность служит способностью быть объектом гражданского оборота¹.

Но в данном случае, на наш взгляд, наблюдается противоречие. Определяя оборотоспособность объектов в таком виде и исходя из толкования приведенной статьи, можно заключить, что в обороте находятся объекты с уже установленными на них правами. Если признано какое-либо право, будь то абсолютное или относительное, то следует исходить из того, что объект вовлечен в гражданский оборот. Так или иначе верным будет вывод о том, что не все объекты гражданских прав являются объектами гражданского оборота, поскольку свойство оборотоспособности отсутствует, к примеру, у нематериальных благ, либо результатов интеллектуальной деятельности, за исключением прав на такие результаты.

В рамках настоящего исследования предлагаем исходить из того, что под объектами гражданских прав признают предметы или явления, в отношении которых потенциально могут осуществляться юридически возможные варианты поведения, обладающие признаками «полезности» и «товарности».

Насколько уместно говорить о цифровой валюте в качестве объекта гражданского оборота? Из определения цифровой валюты, закрепленного в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты»² (далее – Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ), следует, что цифровая валюта не является разновидностью цифрового финансового актива (далее – ЦФА), как это предполагалось на стадии рассмотрения и принятия соответствующего законопроекта. Законодательно фактически отделена она и от цифрового рубля, включенного в перечень ст. 128 ГК РФ.

https://www.consultant.ru/law/podborki/grishaev_s.p._jevoluyuciya_zakonodatelstva_ob_obektah_grazhdanskih_prav/?ysclid=m8c7qd1dat205885266 (дата обращения: 27.01.2025).

¹ См.: Российское гражданское право... Указ. соч. С. 304.

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

Ряд авторов предлагали дополнить ГК РФ нормами, дающими четкое определение понятия криптовалюты¹. О необходимости внедрения в российскую правовую систему правового режима криптовалюты речь идет также в работе В. С. Белых и М. А. Егоровой². Л. Г. Ефимова, раскрывая проблему квалификации криптовалюты, указывает на отсутствие в ГК РФ в качестве объекта гражданских прав криптовалюты. Автор пришла к выводу о том, что недавно введенное в ст. 141.1 ГК РФ понятие «цифровые права» позволяет охватить и существующее в рассматриваемый период понятие криптовалюты³. Интересное мнение находим в работе П. М. Филиппова и В. А. Садкова, определяющих криптовалюту в качестве «электронного фидуциона»⁴.

В отдельных нормативных актах цифровая валюта признана «имуществом». Среди них – Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁵, Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»⁶, Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁷. Все они содержат идентичную формулировку «для целей настоящего Федерального закона цифровая валюта признается имуществом».

В действующем законодательстве непоследовательно использовано словосочетание «иное имущество». Буквальное толкование ст. 18 ГК РФ ведет к тому, что вещные права возникают только в отношении имущества. И в п. 1 ст. 2 ГК РФ можно проследить разделение вещных правоотношений от «иных

¹ Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 88.

² Белых В. С., Егорова М. А. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 143.

³ Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект / отв. ред. Л. Г. Ефимова. М.: Проспект, 2021. С. 243.

⁴ Филиппов П. М., Садков В. А. О феномене «криптовалюта» и допустимости этого термина в современном юридическом лексиконе // Legal Concept / Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 1. С. 21.

⁵ О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁶ Об исполнительном производстве: федер. закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

⁷ О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Рос. газ. 2008. 30 декабря.

имущественных». Далее, в ст. 234 ГК РФ, иное имущество упоминается в контексте его отделения от недвижимых вещей. Такое же деление обнаружено в содержании ст. 316 ГК РФ. В нормах Особенной части находим упоминание иного имущества (например, в ст. 599, 728, 1042).

Известны правовые позиции судов, основанные на включении иного имущества в состав непосредственно «имущества»¹. Конституционный Суд РФ ранее определял под «имуществом», в частности, вещные права и права требования².

Как и Н. В. Родина, исследователь Е. Е. Кирсанова рассуждает о включении в понятие «имущество» не только предметов материального мира, но и «иного имущества», в том числе имущественных прав, к которым отнесены и цифровые права³. Мы исходим из того, что буквальное толкование ст. 128 ГК РФ ведет к разделению объектов на вещи, под которыми понимают предметы материального мира, иное имущество и имущественные права (иные объекты не проанализированы в рамках настоящего исследования). Все указанные объекты объединяются одной категорией «имущество», а потому и признание цифровой валюты имуществом не вносит логических противоречий. Закрепление цифровых прав в ГК РФ позволяет определить его место в системе объектов гражданских прав, допустить оборот этого объекта, в том числе куплю-продажу, а также предоставить защиту гражданам и юридическим лицам по сделкам с цифровыми правами⁴.

Закладывается возможность для урегулирования в будущем появляющихся новых объектов гражданского оборота. Допустимо отнесение новых объектов к чему-то существующему, его подведение под видовую категорию. Цифровая валюта, исходя из

¹ Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 20 января 2021 г. № 05АП-7740/2020 по делу № А59-3879/2020 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Тверская прядильная фабрика»: постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 2000 г. № 9-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 24. Ст. 2658.

³ Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 108.

⁴ Камышанский В. П. Цифровые права в российском гражданском законодательстве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019 № 3. С. 14.

функциональных особенностей, способна быть реципиентом правовых положений в аспекте формирования собственного правового режима у иных объектов, являющихся имуществом¹, в том числе и у материальных (например, денег).

От любого объекта обязательственного права, удостоверяющего материально-правовое требование индивидуального характера, цифровую валюту отличает природа прав, связанных с ее обладанием. Право обладания противопоставлено неопределенному кругу лиц, что говорит об абсолютном характере правоотношений, связанных с ее обладанием.

Права требования на цифровую валюту возникают только в случае ее передачи в качестве нематериального объекта под определенные цели, а также при ее хранении на аккаунтах централизованных площадок. Примером такой передачи служит «стейкинг», ее использование в децентрализованных финансах (DeFi-отношениях).

Хранение цифровой валюты на аппаратном кошельке не свойственно такому хранению денежных средств на счетах в банках. Как пишет М. А. Коростелев², в отношении с электронными денежными средствами всегда существует некое относительное правоотношение (оператор или банк). Однако приведенная ситуация хранения цифровой валюты, в том числе на некастодиальных кошельках в сети Интернет, не требует участия третьих лиц, поскольку указанные кошельки никем, помимо их создателя, не контролируются.

Передача цифровой валюты как таковой между субъектами посредством транзакции представляет собой фактический перенос с одного кошелька и (или) аккаунта на другой. В таком случае происходит смена обладателя цифровой валюты, что позволяет говорить о возникновении абсолютных прав у иного субъекта. В указанной части мы не можем согласиться с мнением о том, что такая передача схожа с механизмом передачи обязательственных прав по ценной бумаге³, но лишь с

¹ Камышанский В. П. О цифровых финансовых активах (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 4. С. 14.

² Коростелев М. А. Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2015. С. 10.

³ См.: Молдован Ю. Ю. Проблема отсутствия «обязанного лица» в сфере обращения цифровых валют (криптовалют) // Власть Закона. 2023. № 1 (53). С. 284.

исключением, что их определенное количество способно дать статус «валидатора» сети блокчейна. В таком случае цифровая валюта фактически удостоверяет определенные права в отношении блокчейна, включая права на «вознаграждения» и голосование по тем или иным решениям (право управления блокчейном)¹.

Иными словами, мы наблюдаем, что отношения по обороту цифровой валюты различаются, в зависимости от того, каким образом осуществляется указанное обращение, какие именно правоотношения возникают в связи с разносторонними возможностями ее использования. В одном случае происходит трансформация права обладания в обязательственные (имущественные) права, в другом – право обладания переносится от субъекта к субъекту. Установленные в упомянутых выше законодательных актах положения о квалификации цифровой валюты в качестве «имущества» не учитывают природу возникающих общественных отношений и сужают возможность применения к ним положений о деньгах или о ценных бумагах. Во всех случаях уместно говорить об обладании цифровой валюты свойством оборотоспособности либо о его обладании соответствующими субъектами гражданского оборота.

Ввиду указанного предлагаем понимать под цифровой валютой цифровой объект с выраженной ликвидностью, то есть способностью иметь стоимость, а также использоваться в деятельности, приносящей доход. Цифровую валюту целесообразно рассматривать как сложный объект гражданского оборота, функционально пересекающийся с другими схожими объектами (деньгами, ценными бумагами, безналичными средствами, цифровыми правами и др.).

Таким образом, в настоящее время цифровая валюта прямо не поименована в ст. 128 ГК РФ среди объектов гражданских прав, но совершение сделок с ней законом разрешено. Именно разрешение законодателя и упоминание о сделках с цифровой валютой фактически легализуют ее использование в гражданском

¹ Авторское толкование позиции, поскольку такая конструкция близка к определению «контрольного пакета акций», а владение монетами в этом случае будет приносить «дивиденды» и предоставлять право голоса по вопросам, к примеру, «апгрейда» блокчейна. См.: Шестемиров А. А., Жатикова Д. В. Потенциал внедрения цифровых финансовых активов и цифровых валют центральных банков в финансовую систему государства // Финансовое право. 2023. № 10. С. 28.

обороте. При определенных условиях права на цифровую валюту могут быть защищены и в судебном порядке (п. 6 ст. 14 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ).

С учетом признаков цифровой валюты как явления отчасти гражданско-правового характера определение ее в качестве объекта, способного выступать в гражданском обороте, прямо связано с признаками «потребительской ценности» и «товарности». Четко выраженная экономическая ценность цифровой валюты и цена некоторых ее разновидностей привлекает огромное количество людей для ее использования в различных целях. При этом свойство быть меной чего-либо также подтверждается действиями ее обладателей на соответствующих рынках.

Библиографический список

1. Астахова М. А. Объект субъективного гражданского права: понятие и признаки // Гражданское право. 2006. № 2. С. 2–6.
2. Белых В. С., Егорова М. А. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 139–146.
3. Галеева Р. Ф. Сущность объектов гражданских прав // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 4. С. 91–98.
4. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2022. 451 с.
5. Гуцин В. В. Объекты гражданских прав и их соотношение с объектами гражданских правоотношений // Образование и право. 2022. № 4. С. 402–405.
6. Дерюгина Т. В., Иншакова А. О. Оборотоспособность и правовой режим объектов гражданских прав: соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 31–34.
7. Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 81–91.
8. Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское

правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2000. 777 с.

9. Камышанский В. П. О цифровых финансовых активах (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 4. С. 13–19.

10. Камышанский В. П. Цифровые права в российском гражданском законодательстве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019 № 3. С. 13–16.

11. Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 234 с.

12. Коростелев М. А. Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2015. 35 с.

13. Лысенко А. Н. Имущество в гражданском праве России. М.: Деловой двор, 2010. 200 с.

14. Молдован Ю. Ю. Проблема отсутствия «обязанного лица» в сфере обращения цифровых валют (криптовалют) // Власть Закона. 2023. № 1 (53). С. 280–288.

15. Объекты гражданских прав: учебник для вузов / отв. ред. Т. В. Дерюгина, В. Н. Ткачев, А. А. Чеговадзе. М.: Юрайт, 2022. 379 с.

16. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2011. 958 с.

17. Филиппов П. М., Садков В. А. О феномене «криптовалюта» и допустимости этого термина в современном юридическом лексиконе // Legal Concept / Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 1. С. 16–23.

18. Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект / отв. ред. А. Г. Ефимова. М.: Проспект, 2021. 670 с.

19. Чеговадзе А. А. Объекты гражданских прав и новая редакция статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 10. С. 81–86.

19. Шестемиров А. А., Жатикова Д. В. Потенциал внедрения цифровых финансовых активов и цифровых валют центральных банков в финансовую систему государства // Финансовое право. 2023. № 10. С. 25–32.

20. *Шорников Д. В.* Природные ресурсы как объекты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005. 220 с.

В. А. Бекишиев

аспирант

Астраханского государственного
университета имени В. Н. Татищева

Россия, г. Астрахань
bekishiev1998@gmail.com

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АВТОРСКОЕ ПРАВО:
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND COPYRIGHT: FOREIGN
EXPERIENCE AND DEVELOPMENT PROSPECTS**

Статья посвящена правовому регулированию авторских прав на произведения, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта. Рассмотрены международные подходы к данной проблеме, включая законодательство США, Великобритании и Китая, а также судебные прецеденты указанных стран. Особое внимание уделено адаптации традиционных концепций авторского права к цифровой эпохе. Автор обращает внимание на необходимость пересмотра правового регулирования с учетом уникальной роли технологий искусственного интеллекта в творческом процессе. По итогам проведенного исследования сделан вывод о том, что в большинстве стран, включая США и Великобританию, искусственный интеллект рассматривают как инструмент, а авторские права признают за физическими или юридическими лицами, контролирующими процесс создания произведения. Однако Китай уже предпринимает шаги к признанию авторских прав на произведения, что открывает новые перспективы для развития интеллектуальной собственности в условиях стремительно развивающихся технологий.

Ключевые слова: авторское право, искусственный интеллект, объекты гражданских прав, право на авторство, интеллектуальная собственность, судебная практика, исключительное право, регулирование искусственного интеллекта.

The article is devoted to the legal regulation of copyright for works created with the use of artificial intelligence technologies. The

article considers international approaches to this problem, including the legislation of the USA, Great Britain and China, as well as judicial precedents of these countries. Special attention is paid to the adaptation of traditional copyright concepts to the digital age. The author draws attention to the need to revise the legal regulation taking into account the unique role of artificial intelligence technologies in the creative process. The study concludes that in most countries, including the US and UK, artificial intelligence is seen as a tool and copyright is recognised by individuals or legal entities controlling the process of creation. However, China is already taking steps to recognise copyright in works, which opens up new perspectives for the development of intellectual property in the context of rapidly evolving technologies.

Keywords: copyright, artificial intelligence, foreign legislation, copyright, intellectual property, judicial practice, exclusive rights, regulation of artificial intelligence.

Современное общество стремительно вступает в новую эпоху технологического прогресса, в которой искусственный интеллект (далее – ИИ) занимает центральное место в научных, экономических и культурных сферах. Программы и алгоритмы ИИ уже не просто исполняют предопределенные команды, но способны генерировать оригинальные произведения, включая музыку, литературные тексты, графические изображения и даже научные открытия. Этот процесс порождает уникальные вызовы для правовой системы, которая, будучи ориентированной на традиционные представления об авторстве, сталкивается с необходимостью адаптации к реалиям цифровой эпохи¹. Таким

¹ См.: Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14–18; Камышанский В. П. Цифровые права в российском гражданском праве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019 № 3. С. 13–16; Камышанский В. П. О цифровых финансовых активах (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 4. С. 13–18; Егоренко С. Н., Седова Н. А. Особенности правового регулирования криптовалюты // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития: сб. ст. IX Нац. науч.-практич. конф. (симпозиума). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2024. С. 44–48; Хун Б. М., Серая Н. А. Технология блокчейна: актуальные вопросы и современные проблемы // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. ст. VI Междунар. науч.-практич. конф. (симпозиума) для молодых исследователей (Краснодар, 17 ноября 2021 г.).

образом, технологии и юниты ИИ могут не только выступать в качестве сложных инструментов, которыми управляет человек, но и автономно осуществлять иную деятельность¹.

Проблема правового признания авторства на произведения, созданные посредством ИИ, становится особенно актуальной в контексте международного правового регулирования. Национальные правовые системы государств предлагают различные подходы к решению этого вопроса. Некоторые страны предпринимают попытки интеграции новых норм, признавая уникальные особенности произведений, созданных с использованием ИИ, в то время как другие стремятся адаптировать существующие правила, не выходя за рамки традиционных концепций авторского права. Такое разнообразие подходов создает значительный массив судебных прецедентов и законодательных инициатив, которые требуют тщательного анализа.

Традиционное авторское право, как исторически сложившийся правовой институт, основано на представлении о том, что автором может быть только физическое лицо, поскольку лишь человек обладает возможностью осуществлять творческую деятельность. Как пишет В. П. Камышанский, «деятельность автора носит творческий и потому сугубо индивидуальный характер. В результатах творческой деятельности воплощаются индивидуальные особенности личности создателя. Даже при создании интеллектуального продукта несколькими лицами (групповая творческая деятельность) труд каждого из них остается трудом индивидуальным²». По мнению П. М. Морхата, «чтобы юнит искусственного интеллекта мог быть признан автором произведения, его участие должно выходить за рамки лишь технического обеспечения достижения результатов интеллектуальной деятельности и должно быть творческим³.

Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2021. С. 320–323.

¹ Морхат П. М. Проблемы патентования изобретений, созданных юнитом искусственного интеллекта // Закон и право. 2018. № 8. С. 40.

² Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 571.

³ Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: монография. М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2017. С. 119.

Кроме того, нельзя не согласиться с позицией о том, что «человек, в отличие от ИИ, обладает способностью и физиологической предрасположенностью к мышлению, – именно оно определяет направления его творческой деятельности, самого процесса создания результата интеллектуальной деятельности, методы, которыми он пользуется»¹. Вместе с тем алгоритмы ИИ, такие как GPT, DALL-E и другие, уже демонстрируют способность к созданию произведений, которые трудно отличить от результатов человеческого труда². В этой связи возникает необходимость переосмысления ключевых концептов авторского права, включая понятие автора интеллектуальной собственности.

Подходы к проблеме авторства произведений, созданных ИИ, значительно различаются в международной практике и зависят от правовой традиции и уровня технологической адаптации национальных систем. Традиционный подход, или концепция «инструмента», исходит из классической доктрины авторского права, согласно которой автором произведения может быть только человек, обладающий способностью к творчеству. ИИ при этом рассматривают исключительно как инструмент, используемый в процессе создания произведения. Компромиссный подход предлагает распределение прав на произведения, созданные ИИ, между пользователями или владельцами алгоритмов посредством коллективного управления или договорных механизмов. Выбор подхода определен национальными особенностями правового регулирования, уровнем развития технологий и социальной востребованностью внедрения инновационных правовых решений. Инновационный подход предполагает признание ИИ в качестве самостоятельного субъекта авторского права, который способен обладать исключительными правами.

Ярким примером государства, законодательство которого использует традиционный подход к определению авторства

¹ Кухно М. О. Искусственный интеллект – новый субъект авторского права: недалекое будущее или фикция? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 3 (41). С. 76.

² Алиева Б. А., Серая Н. А. Искусственный интеллект: эволюция в законодательстве, переход от объекта к субъекту // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. ст. VI Междунар. науч.-практич. конф. (симпозиума) для молодых исследователей (Краснодар, 17 ноября 2021 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2021. С. 22–27.

произведений, созданных ИИ, являются Соединенные Штаты Америки (США). Основным нормативным актом, регулирующим институт авторства в США, служит Copyright Act of 1976 (далее – Закон об авторском праве 1976 г.), который, однако, не содержит норм, прямо регулирующих особенности авторства произведений, создаваемых исключительно или частично с использованием алгоритмов ИИ¹.

Вместе с тем раздел 306 U.S. Copyright Office Compendium (Свода практики Бюро авторского права США) прямо указывает на то, что этот орган государственной власти регистрирует право авторства на произведение только в случае его создания физическим лицом. Важными прецедентными решениями в становлении правовой позиции по вопросу авторства объектов интеллектуальной собственности, создаваемых ИИ, являются дела *Naruto v. Slater* (2018) и *Thaler v. Perlmutter* (2023).

Так, в деле *Naruto v. Slater* (2018) судом рассмотрен вопрос о том, может ли животное обладать авторскими правами на созданное им произведение. Истцом стала зоозащитная организация (РЕТА), которая утверждала, что фотографии, сделанные обезьяной по имени Naruto с помощью фотокамеры, принадлежат животному как автору. Ответчиком по делу выступал фотограф Д. Слейтер, который оспаривал возможность признания животного субъектом авторского права.

Девятый окружной апелляционный суд США постановил, что авторское право в США распространяется исключительно на произведения, созданные человеком, а следовательно, животные не могут быть авторами произведений с позиции закона. Суд указал, что действующее законодательство не предоставляет животным процессуальной дееспособности в контексте защиты авторских прав. Кроме того, суд ссылался на принципы судебного толкования законодательства, заявив о том, что, «поскольку текст закона не содержит указаний на то, что законодатель намеревался распространить охрану авторских прав на нечеловеческих авторов, следовательно, такая охрана не произведениям созданным без человеческого участия не

¹ United States Copyright Act of 1976 // Copyright Law of the United States and Related Laws Contained in Title 17 of the United States Code. U.S. Copyright Office. URL: <https://www.copyright.gov/title17/title17.pdf> (дата обращения: 09.01.2025).

предоставляется», что подтверждает принцип необходимости человеческого авторства.

Аналогичная правовая позиция сформулирована в деле *Thaler v. Perlmutter* (2023). Рассмотрен, в частности, вопрос о регистрации авторского права на произведение, созданное исключительно ИИ. Истец, доктор С. Талер, подал заявку в Бюро авторского права США о регистрации авторского права на изображение, созданное его алгоритмом DABUS, указав в заявке систему DABUS в качестве единственного автора произведения. Бюро авторского права США отказало в регистрации, сославшись на приведенный выше раздел 306 Свода практики Бюро авторского права США.

В своем решении Окружной суд округа Колумбия поддержал позицию Бюро, указав, что «авторское право никогда не предоставлялось произведениям, созданным без участия человека»¹. Суд также сослался на позицию Верховного суда США, согласно которой авторское право охраняет произведения, являющиеся результатом «интеллектуального осмысления» и «творческого выражения», присущих человеку. Суд обратил внимание на то, что отсутствие сознательного творческого участия человека делает невозможной правовую охрану таких произведений.

Указанная концепция и правоприменительная практика позволяют заключить, что системы ИИ рассматривают по аналогии с такими инструментами, как фотоаппараты или видеокамеры, также позволяющие создавать изображения и видеозаписи. Ключевым фактором отсутствия признания права авторства ИИ на объекты интеллектуальной собственности служит отсутствие творческого начала в машинной деятельности алгоритмов ИИ. Вместе с тем полное отождествление алгоритмов ИИ с концепцией «инструмента» невозможно, поскольку ИИ генерирует материалы непредсказуемым образом, а потому не может быть лишь инструментом в руках пользователя. В этом состоит главное отличие от фотоаппарата, применяя который, человек контролирует все аспекты создания произведения.

¹ *Zirpoli C. T. Generative Artificial Intelligence and Copyright Law // Congressional Research Service. September 29, 2023. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/LSB/LSB10922> (дата обращения: 09.01.2025).*

С учетом правовой природы прецедентной судебной системы нельзя не согласиться с мнением Э. А. Шахназаровой о том, что «существующие законы США в области интеллектуальной собственности являются достаточно надежными и гибкими для решения проблем, связанных с использованием искусственного интеллекта в создании объектов интеллектуальной собственности при признании интеллектуальных прав лишь за лицами, обладающими правосубъектностью, к коим искусственный интеллект пока не относится»¹.

В Великобритании вопрос об авторстве произведений, созданных с помощью ИИ, в настоящее время регулируется нормами Закона о авторском праве, дизайнах и патентах 1988 г. (Copyright, Designs and Patents Act 1988) (далее – Закон 1988 г.). Законодательство Соединенного королевства является одним из немногих, кто распространяет правовую охрану на произведения ИИ, созданные полностью без человеческого участия, одновременно отвергая концепцию авторства на такие произведения.

Как пишут исследователи, «Закон 1988 года был специально разработан, чтобы охватывать нечто большее, чем просто защиту работ, созданных с использованием искусственного интеллекта в качестве “умного карандаша”. Согласно разделу 9 данного нормативно-правового акта, автором произведения признается “лицо, которым предпринимаются меры, необходимые для создания произведения”»². Так, раздел 178 Закона 1988 г. вводит понятие «компьютерно-сгенерированное», которое определено как «произведение, созданное электронно-вычислительной машиной при обстоятельствах, исключающее авторское человеческое участие»³. Раздел 12 Закона 1988 г. даже предоставляет, хотя и в усеченном виде, охрану исключительных прав на указанные произведения сроком на 50 лет, в отличие от общего срока в 70 лет на остальные объекты интеллектуальной собственности.

¹ Шахназарова Э. А. Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта, на примере опыта Великобритании, США и ЕС // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2 (32). С. 34.

² Васильева А. С. К вопросу о наличии авторских прав у искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 4 (38). С. 108.

³ Copyright, Designs and Patents Act 1988 // WIPO Lex. URL: <https://wipo.lexres.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/gb/gb229en.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

Кроме того, в Великобритании введено специальное право организатора процесса создания интеллектуальной собственности с использованием ИИ. Это обеспечивает возможность охраны создаваемых результатов интеллектуальной деятельности в сокращенном (по сравнению со случаями создания результатов интеллектуальной деятельности людьми) объеме¹.

Итак, согласно действующему законодательству, в случае создания произведения с использованием ИИ исключительные права на произведение могут быть признаны за человеком, который фактически контролирует процесс создания². В частности, если физическое лицо задает параметры работы ИИ, контролирует его действия или принимает творческое решение. Например, если произведение создано в рамках трудовой деятельности сотрудника, то в таком случае права на произведение принадлежат работодателю. В случае с ИИ это может означать, что исключительные права на произведение, созданное с помощью ИИ, будут принадлежать организации, которая владеет алгоритмами или программным обеспечением, с применением которых создано это произведение. В частности, речь может идти о случаях, в которых ИИ используют в рамках коммерческого бизнеса, и при этом компания контролирует процесс разработки и применения алгоритмов.

Однако законодательство Великобритании, вводя особый правовой режим для произведений, созданных ИИ, полностью исключает возможность защиты права авторства. С учетом положений разделов 77 и 79 Закона 1988 г. исключено право лица определять себя как автора в отношении произведений, созданных ИИ³.

Можно сделать вывод о том, что в Великобритании авторские права на произведения носят гибкий характер, одновременно и признавая исключительные права на

¹ *Калятин В. О.* Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы. М.: ИД Высшей школы экономики, 2021. С. 15.

² *Ellis J., Tatraeva M.* Artificial Intelligence and Intellectual Property: challenges to the existing legal framework // iLaw. October 28. 2020. URL: <https://ilaw.co.uk/artificial-intelligence-and-intellectual-property-challenges-to-the-existing-legal-framework/> (дата обращения: 15.01.2025).

³ Copyright, Designs and Patents Act 1988 // WIPO Lex. URL: <https://wipo.lexres.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/gb/gb229en.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

произведения, созданные с использованием ИИ, и исключая защиту права авторства на таковые, тем самым вводя особый правовой режим. Но пока можно утверждать лишь то, что ИИ, как считают ряд специалистов, выступает инструментом, которым пользуется человек для создания произведения, защищаемого авторскими правами¹.

Особого внимания заслуживает правовая позиция, применяемая в Китайской Народной Республике (КНР). В последние годы интенсивный технологический и экономический рост Китая породил ряд правовых неопределенностей при применении концепции авторских прав к произведениям, создаваемым ИИ. В КНР правоотношения в области авторского права регулируются Законом КНР об авторском праве 2010 г. Несмотря на отсутствие признания в данном нормативно-правовом акте произведений ИИ как самостоятельных объектов авторского права, китайская правовая система активно разрабатывает подходы, которые могут привести к новому пониманию авторства в контексте создания произведений с использованием ИИ.

Так, знаковым судебным решением, признавшим произведение, созданное ИИ, охраняемым законом объектом интеллектуальной собственности, является решение Народного суда округа Наньшань, Шэньчжэнь, провинции Гуандун (2019), в котором истцом выступала компания Shenzhen Tencent Computer System, ответчиком – Shanghai Yingxun Technology. Спор между сторонами возник в результате использования ответчиком информации, полученной с помощью генеративного алгоритма Dreamwriter, созданным компанией Shenzhen Tencent Computer System. Особенность указанного программного обеспечения заключается в том, что Dreamwriter автоматически, без участия человека создает публикации в сети Интернет, в сфере финансов. Публикация на тему деятельности Шанхайской фондовой биржи, размещенная 20 августа 2018 г., полностью использована ответчиком без согласия истца, что и послужило основанием для обращения в суд.

В деле, рассматриваемом судом, основным стал вопрос о том, является ли статья, созданная с помощью программы Dreamwriter, произведением в рамках авторского права и можно ли считать ее создание творческим процессом. Суд пришел к

¹ Васильева А. С. Указ. соч. С. 110.

выводу о том, что процесс генерации статьи был связан с интеллектуальной деятельностью команды разработчиков Dreamwriter, включая подбор и организацию данных, настройку условий и выбор шаблонов, что определяет оригинальность выражения. Суд указал, что, хотя автоматический процесс генерации статьи не включает в себя активного участия человека, он отражает предварительный выбор и распоряжения разработчиков, что придает произведению индивидуальность и оригинальность¹. На основании этого суд признал статью произведением, охраняемым авторским правом, и постановил, что она соответствует условиям защиты, установленным Законом об авторском праве Китая.

27 ноября 2023 г. Пекинский интернет-суд (Beijing Internet Court) вынес решение, признающее авторское право на изображения, сгенерированные ИИ. В рассматриваемом деле истец использовал программное обеспечение Stable Diffusion для создания спорного изображения, опубликованного в сети Интернет, а ответчик использовал данное изображение в своей статье без разрешения истца. При этом ответчик удалил подпись, содержащую фамилию и имя истца с изображения, тем самым, по мнению истца, нарушил право на указание имени автора.

Суд установил, что созданное с помощью ИИ изображение соответствует требованиям оригинальности, поскольку оно отражает интеллектуальный вклад истца, включающий в себя разработку художественного замысла, выбор и упорядочивание ключевых слов, а также настройку параметров генерации. Данный подход отличается от вышеуказанной судебной практики, поскольку за истцом судом признано именно право на авторство изображений, созданных ИИ. Суд пришел к выводу о том, что, поскольку истец самостоятельно определил параметры генерации, провел последовательные корректировки изображения и осуществил окончательный выбор варианта, отражающий его творческие решения, спорное изображение обладает необходимой степенью оригинальности и подлежит правовой охране в качестве объекта права на авторство².

¹ *Guodong Du, Meng Yu* Tencent v. Yingxun Tech // China Laws Portal. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/2019-yue-0305-min-chu-14010> (дата обращения: 16.01.2025).

² *Wininger A.* Beijing Internet Court Recognizes Copyright in AI-Generated Images // National Law Review. November 29. 2023. URL:

Таким образом, рассмотренные в статье зарубежные подходы к признанию авторского права на произведения, созданные с использованием ИИ, демонстрируют сложность и многоаспектность данной проблемы. По справедливому утверждению В. П. Камышанского, «совершенно очевидно, что стремительное развитие технологий искусственного интеллекта и роботизации требует соответствующего правового регулирования возникающих при этом новых общественных отношений»¹. Действительно, в настоящее время традиционные представления об авторском праве, основанные на постулате о необходимости человеческого участия в творчестве, сталкиваются с вызовами цифровой эпохи, в которой алгоритмы ИИ способны генерировать произведения, соответствующие критериям оригинальности и новизны.

Положения закона о праве собственности на плоды и иные доходы неприменимы к общественным отношениям, согласно которым при использовании результатов интеллектуальной деятельности генерируются новые результаты интеллектуальной деятельности. Такие объекты создаются машинами и не имеют авторов, а значит, возникает вопрос о том, можно ли эти объекты охранять авторским правом².

Анализ международной правоприменительной практики показывает, что в большинстве стран, включая США и Великобританию, ИИ рассматривают, скорее, как инструмент, а авторские права признают за физическими или юридическими лицами, контролирующими процесс создания произведения. Однако Китай, демонстрируя прогрессивный подход, уже делает первые шаги к признанию авторских прав на произведения, созданные ИИ, что открывает новые перспективы для развития интеллектуальной собственности в условиях стремительно развивающихся технологий.

Библиографический список

1. Алиева, Б. А., Серая Н.А. Искусственный интеллект: эволюция в законодательстве, переход от объекта к субъекту //

<https://natlawreview.com/article/beijing-internet-court-recognizes-copyright-ai-generated-images> (дата обращения: 20.01.2025).

¹ Камышанский В. П. О правовой сущности робота с искусственным интеллектом // Власть Закона. 2018. № 4. С. 43.

² Артецкий А. С. Искусственный интеллект в авторском праве // Вестник науки и образования. 2019. № 7-1 (61). С. 78.

Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. ст. VI Междунар. науч.-практич. конф. (симпозиума) для молодых исследователей (Краснодар, 17 ноября 2021 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2021. С. 22–27.

2. Артеный А. С. Искусственный интеллект в авторском праве // Вестник науки и образования. 2019. № 7-1 (61). С. 76–81.

3. Васильева А. С. К вопросу о наличии авторских прав у искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 4 (38). С. 107–116.

4. Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 895 с.

5. Егоренко С. Н., Седова Н. А. Особенности правового регулирования криптовалюты // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития: сб. ст. IX Нац. науч.-практич. конф. (симпозиума). Краснодар, 2024. С. 44–48.

6. Калятин В. О. Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы. М.: ИД Высшей школы экономики, 2021. 28 с.

7. Камышанский В. П. О правовой сущности работа с искусственным интеллектом // Власть Закона. 2018. № 4. С. 33–44.

8. Камышанский В. П. О цифровых финансовых активах (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 4. С. 13–18.

9. Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14–18.

10. Камышанский В. П. Цифровые права в российском гражданском праве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019 № 3. С. 13–16.

11. Кухно М. О. Искусственный интеллект – новый субъект авторского права: недалекое будущее или фикция? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 3 (41). С. 72–86.

12. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: монография. М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2017. 257 с.

13. Морхат П. М. Проблемы патентования изобретений, созданных юнитом искусственного интеллекта // Закон и право. 2018. № 8. С. 40–43.

14. Хун Б. М., Серая Н. А. Технология блокчейна: актуальные вопросы и современные проблемы // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. ст. VI Междунар. науч.-практич. конф. (симпозиума) для молодых исследователей (Краснодар, 17 ноября 2021 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2021. С. 320–323.

15. Шахназарова Э. А. Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта, на примере опыта Великобритании, США и ЕС // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2 (32). С. 34–45.

16. Winger A. Beijing Internet Court Recognizes Copyright in AI-Generated Images // National Law Review. November 29. 2023. URL: <https://natlawreview.com/article/beijing-internet-court-recognizes-copyright-ai-generated-images> (дата обращения: 20.01.2025).

17. Zirpoli C. T. Generative Artificial Intelligence and Copyright Law // Congressional Research Service. September 29. 2023. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/LSB/LSB10922> (дата обращения: 09.01.2025).

18. Ellis J., Tatraeva M. Artificial Intelligence and Intellectual Property: challenges to the existing legal framework // iLaw. October 28. 2020. URL: <https://ilaw.co.uk/artificial-intelligence-and-intellectual-property-challenges-to-the-existing-legal-framework/> (дата обращения: 15.01.2025).

Т. Р. Булатов

аспирант кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения
Россия, г. Санкт-Петербург
bulatov_t64@mail.ru

**ПРАВООЗАЩИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ОСНОВНОЙ
ЭЛЕМЕНТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ**

**THE HUMAN RIGHTS ORGANISATIONS AS A KEY ELEMENT IN
THE FUNCTIONING OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN RUSSIA**

В статье исследованы вопросы, связанные со становлением и развитием правозащитных организаций в России, раскрыта сущность правозащитной деятельности; приведены примеры практической деятельности этих организаций по защите прав и свобод граждан. Проанализирована такая важная форма правозащитной деятельности институтов гражданского общества, как рассмотрение обращений граждан, посредством реализации которой удастся пресекать случаи нарушений прав и свобод человека и гражданина. Акцентируется внимание на актуальности работы правозащитных организаций в период проведения специальной военной операции (СВО), что выражено в защите прав участников и ветеранов боевых действий, их семей; оказании им помощи при возвращении к мирной жизни, особенно инвалидам. Медицинская помощь и иные виды льгот, в которых нуждается данная категория граждан, зачастую обеспечены благодаря деятельности правозащитных организаций. Сделан вывод о важности дальнейшего развития взаимодействия институтов гражданского общества и государства, особенно в области правовой защиты граждан.

Ключевые слова: правозащитная организация, органы публичной власти, институты гражданского общества, права и свободы человека и гражданина, некоммерческая организация, Уполномоченный по правам человека, судебная власть, обращения граждан.

The article studies the issues related to the formation and development of human rights organisations in Russia, reveals the essence of human rights activities, gives examples of practical activities of these organisations to protect the rights and freedoms of citizens. The article analyses such an important form of human rights activities of civil society institutions as consideration of citizens' appeals, through the implementation of which it is possible to suppress cases of violations of human and civil rights and freedoms. Attention is drawn to the relevance of the work of human rights organisations during the special military operation, which is reflected in the protection of the rights of participants in and veterans of combat operations and their families and the provision of assistance to them in their return to civilian life, especially for persons with disabilities. Medical care and other benefits needed by this category of citizens are often provided thanks to the activities of human rights organisations. It was concluded that it was important to further develop cooperation between civil society institutions and the State, especially in the area of legal protection of citizens.

Keywords: human rights organisation, public authorities, civil society institutions, human and civil rights and freedoms, non-profit organisation, Ombudsman, judiciary, citizens' appeals.

Правозащитные организации играют ключевую роль в системе институтов гражданского общества. Первая российская правозащитная организация «Московская Хельсинкская группа» создана в 1976 г. в целях содействия выполнению Хельсинкских соглашений, которые заключены в результате подписания Заключительного акта (Хельсинкского акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе) 12 мая 1976 г.¹ Сегодня в России функционируют 72 правозащитные организации. Их деятельность разнообразна, а цели и направления работы существенно различаются². В своей деятельности они руководствуются конституционными нормами, которые обеспечивают гражданам право защищать собственные права

¹ Хельсинкский заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/2541253/?ysclid=m85xcwb9tu752276947> (дата обращения: 13.01.2025).

² Пантелеев К. Г. Правозащитные организации: понятие, виды и особенности // Эпоха науки. 2018. № 16. С. 49.

как самостоятельно, так и с помощью правозащитных организаций и общественных объединений (ст. 45 Конституции России)¹.

Прежде чем приступить к рассмотрению заявленной в статье проблемы, раскроем сущность правозащитной деятельности. По мнению И. В. Голованева, основными признаками правозащитной деятельности являются: а) стремление к восстановлению нарушенных прав и свобод граждан; б) применение исключительно юридических средств и методов защиты прав и интересов граждан; в) защита прав граждан Российской Федерации (РФ). Закон также позволяет иностранцам и лицам без гражданства участвовать в общественной и политической жизни страны. Соответственно, их права при этом должны быть защищены так же, как права граждан России².

По мнению В. А. Карташкина, правозащитная деятельность – это часть системы защиты прав человека. Она включает в себя судебную защиту, внесудебные механизмы и работу негосударственных правозащитных организаций³.

А. В. Чурилов пишет о трех главных аспектах правозащитной деятельности. Во-первых, государство должно защищать права и свободы. Во-вторых, каждый человек может защищать свои права и свободы. В-третьих, речь идет о выполнении обязанностей международных организаций, которые созданы именно для защиты прав человека⁴.

Итак, можно утверждать, что правозащитная деятельность направлена на защиту прав и свобод человека и гражданина, их восстановление в случаях, если они нарушены. Защищать права граждан можно судебным и внесудебным способом, а также

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

² Голованев И. В. Административно-правовые средства формирования правового порядка при реализации конституционных прав и свобод // Административное право и процесс. 2007. № 4. С. 13.

³ Карташкин В. А. Механизм защиты прав человека // Журнал российского права. 1999. № 3-4. С. 5.

⁴ Чурилов А. В. Защита прав и свобод человека и гражданина средствами прокурорского надзора: учеб. пособие. М.: Ин-т повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ, 1999. С. 56.

посредством правовой помощи негосударственных правозащитных организаций, а государство обязано обеспечить работу этого механизма, гарантируя исполнение законов, закрепляющих права и свободы человека и гражданина.

Негосударственные правозащитные организации представляют собой независимые структуры, которые защищают основные права человека и способствуют единству общества, стабильности и безопасности в стране¹. Их главная задача – предоставление гражданам возможности активно участвовать в демократических процессах через общественные организации и совершенствовании законодательства в области защиты прав и свобод человека и гражданина.

В соответствии со ст. 30 Конституции РФ правозащитные организации являются общественными объединениями и обладают такими же свойствами, что и общественные объединения. Но они имеют и особенные черты, позволяющие выделить их в отдельную категорию². Характерной особенностью негосударственных правозащитных организаций является их создание по инициативе отдельных граждан или групп, цели деятельности которых сосредоточены на решении конкретных вопросов. Эти организации работают не ради прибыли. Они получают финансирование из вступительных и членских взносов, пожертвований, иных источников, включая гранты, как отечественные, так и международные. Это позволяет им сохранять автономию и избегать влияния со стороны государственных структур. Однако для достижения своих целей они могут сотрудничать с органами публичной власти, участвуя в совместных проектах, консультациях и других формах взаимодействия, сохраняя самостоятельность и соблюдая установленные правовые нормы. Такая система работы позволяет эффективно решать поставленные задачи и способствует развитию гражданского общества в целом³.

¹ Булатов Р. Б., Костычев С. С. Правозащитная деятельность органов муниципальной власти в Российской Федерации // Власть Закона. 2024. № 1 (57). С. 75.

² Гриб В. В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: монография. 2-е изд. М.: Юрист, 2011. С. 144.

³ Гуреева О. А., Кабанова М. Б., Лавров В. В., Чепенко Я. К. Правозащитные организации и институты в Российской Федерации: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2022. С. 30.

Существуют различные способы взаимодействия между правозащитными организациями и органами государственной власти. Один из них – обращения граждан. В соответствии со ст. 33 Конституции РФ¹ граждане вправе направлять обращения в органы публичной власти как в индивидуальном, так и в коллективном порядке. Указанное право распространяется и на обращения, подаваемые объединениями граждан².

Обращения граждан представляют собой ценный ресурс, содержащий сведения о возможных случаях нарушения прав. Например, некоммерческая организация (НКО) «Комитет семей воинов Отечества» запустила проект «СВО право». Это объединение профессиональных юристов и адвокатов, которые стремятся помочь людям. В частности, они помогают родственникам бойцов, пропавших без вести, разъясняют информацию о необходимости сдать генетический материал, пройти ДНК-тест для дальнейшего сравнительного анализа и поиска их родственника.

Пример эффективной деятельности правозащитных организаций при оказании помощи в восстановлении нарушенных прав семьи участника СВО иллюстрирует ситуация, в которой оказалась Зоя Солдатова из Бурятии. В течение продолжительного периода это дело рассматривали в суде, и оно до сих пор вызывает много вопросов. Муж Зои, двадцать лет отслуживший в МЧС, вышел на пенсию, но с началом СВО, как настоящий патриот, отправился защищать Родину, заключив контракт. Семья в этот период проживала в служебной квартире, ожидая получения отдельной квартиры. Однако руководство МЧС обратилось в суд с иском о выселении семьи, мотивируя тем, что трудовые отношения с Солдатовым завершены и предоставлять в дальнейшем служебное жилье ведомство отказывается. Результатом стало решение суда о выселении Солдатовых из служебной квартиры. Эта история представляется крайне несправедливой по отношению к семье военнослужащего.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

² *Неровная Н. Н.* Вопросы взаимодействия институтов гражданского общества и государства (на примере общественных объединений) // Молодой ученый. 2021. № 52 (394). С. 144.

Юристы «СВО право» решили помочь в данном случае, смогли добиться приостановки исполнительного производства для военнослужащего, так как он – участник СВО. Однако производство в отношении его жены и двух детей, к сожалению, не было приостановлено¹. В результате 11 декабря 2024 г., во время состоявшейся прямой линии с Президентом РФ, в прямом эфире, к нему обратилась представитель правозащитной организации «СВО право». Таким образом, об этом случае стало известно главе государства В. В. Путину, что вызвало у него возмущение. Вопрос поставлен на контроль².

В соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»³ общественные объединения имеют право направлять коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. И этот инструмент очень эффективен в решении ситуаций, подобных приведенной выше, помогает защитить права и свободы граждан.

Механизм работы правозащитных организаций как институтов гражданского общества – закрепленная в законодательстве система методов и инструментов, с помощью которых правозащитные НКО осуществляют свою деятельность. Главная цель – обеспечить, восстановить, защитить права и свободы человека и гражданина⁴. Специфика такого механизма заключается в том, что он направлен на соблюдение, защиту и охрану прав и законных интересов как физических, так и юридических лиц. Он тесно связан с правозащитными правоотношениями и правом на правовую защиту⁵.

¹ Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75816#sel=84:14:7jU,84:17:AUj> (дата обращения: 10.12.2024).

² Путин обещал разобраться с выселением семьи участника СВО // Seldon.News. 2024. 11 декабря. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/321783078> (дата обращения: 01.12.2024).

³ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.

⁴ Карданова А. К. Правовое государство: особенности реализации в России // Власть Закона. 2023. № 4 (56). С. 156.

⁵ См.: Мантул Г. А. Судебная защита предпринимательской деятельности в международном праве // Юристъ-Правоведъ. 2014. № 4 (65). С. 82.

Окончательная цель – гарантированная защита прав и свобод всех, и людей, и организаций. Правозащитные отношения возникают, если права и свободы человека или организации нарушены либо им угрожает нарушение. Деятельность правозащитных организаций направлена на преодоление препятствий, которые мешают реализации таких прав и свобод¹.

Основные направления работы правозащитных организаций можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, контроль за соблюдением прав и свобод человека. При этом не только в крупных городах, находящихся в центре внимания СМИ, но и в отдаленных районах, труднодоступных поселениях, среди малочисленных коренных народов и даже в местах лишения свободы.

Во-вторых, представительство и защита прав и свобод человека в судах, правоохранительных органах, органах местного самоуправления и др.

В-третьих, мониторинг законодательства, выявление тревожных тенденций и нововведений, которые могут прямо или косвенно ухудшить ситуацию с правами человека.

В-четвертых, просветительская, научная и образовательная работа с населением. Это повышает правовую грамотность граждан, а также способствует привлечению новых сотрудников в ряды правозащитников.

В-пятых, содействие уполномоченным по правам человека, детей, предпринимателей. Это помогает налаживать связи, укреплять доверие и повышать авторитет организации. Прослеживается общая направленность работы правозащитных организаций как сложного механизма, который не только защищает права и свободы граждан, но и способствует развитию в целом гражданского общества².

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что правозащитные организации – это институты гражданского общества, которые оказывают поддержку людям в решении их повседневных проблем. Речь идет о правовой поддержке,

¹ Жучкова Н. И., Фролов А. А., Соколов А. В. Правозащитные организации и движения в России: учеб.-метод. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2018. С. 24.

² Автономов А. С., Гаврилов И. Н. Особенности развития гражданского общества в России: коллективная монография. М.: Институт социологии РАН, 2019. С. 55.

деятельности в сфере защиты окружающей среды, обеспечении охраны общественного порядка и др. Функционирование таких организаций, как «Московская Хельсинкская группа», Российское экологическое движение «Зеленые», добровольная народная дружина (ДНД), казачья дружина, направлено на обеспечение ключевых общественных потребностей. В их числе – безопасность личности, восстановление нарушенных прав граждан, противодействие преступности, справедливое судебное разбирательство и посредничество между гражданами и государством. Исследование показало, что взаимодействие между государством и институтами гражданского общества играет огромную роль в построении правового государства. Они тесно связаны, а значит, совместными усилиями, при постоянном взаимодействии могут эффективно достигать целей защиты прав и свобод человека, обеспечения законности и правопорядка в стране. Такое сотрудничество должно быть непрерывным и базироваться на различных формах взаимодействия, обеспечивающего эффективное партнерство между государством и институтами гражданского общества.

Библиографический список

1. Автономов А. С., Гаврилова И. Н. Особенности развития гражданского общества в России: коллективная монография. М.: Институт социологии РАН, 2019. 128 с.
2. Булатов Р. Б., Костычев С. С. Правозащитная деятельность органов муниципальной власти в Российской Федерации // Власть Закона. 2024. № 1 (57). С. 72–80.
3. Голованев И. В. Административно-правовые средства формирования правового порядка при реализации конституционных прав и свобод // Административное право и процесс. 2007. № 4. С. 12–19.
4. Гриб В. В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: монография. 2-е изд. М.: Юрист, 2011. 401 с.
5. Гуреева О. А., Кабанова М. Б., Лавров В. В., Чепенко Я. К. Правозащитные организации и институты в Российской Федерации: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2022. 63 с.

6. Жучкова Н. И., Фролов А. А., Соколов А. В. Правозащитные организации и движения в России: учеб.-метод. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 36 с.
7. Карданова А. К. Правовое государство: особенности реализации в России // Власть Закона. 2023. № 4 (56). С. 152–164.
8. Карташкин В. А. Механизм защиты прав человека // Журнал российского права. 1999. № 3-4. С. 6–11.
9. Мантул Г. А. Судебная защита предпринимательской деятельности в международном праве // Юрист-Правоведъ. 2014. № 4 (65). С. 82–87.
10. Неровная Н. Н. Вопросы взаимодействия институтов гражданского общества и государства (на примере общественных объединений) // Молодой ученый. 2021. № 52 (394). С. 144–146.
11. Пантелеев К. Г. Правозащитные организации: понятие, виды и особенности // Эпоха науки. 2018. № 16. С. 49–51.
12. Путин обещал разобраться с выселением семьи участника СВО // Seldon.News. 2024. 11 декабря. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/321783078> (дата обращения: 01.12.2024).
13. Чурилов А. В. Защита прав и свобод человека и гражданина средствами прокурорского надзора: учеб. пособие. М.: Ин-т повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ, 1999. 90 с.

И. Б. Вилисова

аспирант Уральского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Россия, г. Екатеринбург
Vilisova_i@mail.ru

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ**

**THE LIABILITY FOR UNLAWFUL USE OF PERSONAL DATA OF
NATURAL PERSONS**

В статье раскрыты проблемы привлечения к уголовной ответственности лиц за неправомерное распространение персональных данных, несмотря на огромные масштабы неправомерного оборота конфиденциальных сведений в современном мире. Сформулировано авторское определение понятия «персональные данные». Охарактеризованы уголовно-правовые средства борьбы с незаконным распространением персональных данных в Российской Федерации и других государствах. Дана оценка вопросу о необходимости внесения поправок в уголовное законодательство России с целью оптимальной защиты прав и свобод человека и гражданина, интересы которых потенциально становятся сегодня объектом правонарушений. Сделан вывод о том, что в России законом прямо не установлена ответственность за незаконный оборот персональных данных, но ввиду сложившейся судебной практики она допустима. Обосновано утверждение о целесообразности упорядочения судебной практики и, как следствие, введения уголовной ответственности за незаконный оборот персональных данных.

Ключевые слова: персональные данные, частная жизнь, уголовное право, конфиденциальные сведения, преступление, ответственность, зарубежное право, социальная сеть, национальное право.

The article reveals the problems of bringing to criminal responsibility of persons for unlawful dissemination of personal data,

despite the huge scale of unlawful circulation of confidential information in the modern world. The author's definition of the concept of 'personal data' is formulated. The criminal-legal means of combating the illegal dissemination of personal data in the Russian Federation and other states are characterised. The question of the need to amend the criminal legislation of Russia in order to optimally protect the rights and freedoms of man and citizen, whose interests are potentially becoming today the object of offences is assessed. It is concluded that in Russia the law does not directly establish liability for illegal circulation of personal data, but in view of the existing judicial practice it is admissible. The statement about the expediency of streamlining the judicial practice and, as a consequence, the introduction of criminal liability for illegal circulation of personal data is substantiated.

Keywords: personal data, privacy, criminal law, confidential information, offence, liability, foreign law, social network, national law.

Распространение персональных данных, облегчение доступа к ним – одна из наиболее злободневных проблем в современном мире. По данным сайта «Интерфакс.ру», свыше 60% людей в мире пользуются социальными сетями¹. Иными словами, около пяти миллиардов пользователей оставляют сведения о себе на соответствующих ресурсах. Очевидными, не требующими специального доказывания представляются следующие факты: по общему правилу пользователи сообщают имя, фамилию, нередко оставляют в распоряжение электронных систем дату рождения. Таким образом, риск неправомерного использования сведений о человеке и гражданине повышается.

Существуют и специализированные исследования. Их авторы, с одной стороны, уделяют внимание проблеме неправомерных утечек конфиденциальной информации, с другой – делают акцент на высокой роли электронных, кибернетических систем в сомнительных с точки зрения права действиях. Так, согласно аналитическим статьям Группы компаний InfoWatch, в 2022 г. утекло третьим лицам 667,6 млн единиц финансовых

¹ Более 60 % человечества используют социальные сети // Интерфакс. 2023. 21 июля. URL: <https://www.interfax.ru/world/912624> (дата обращения: 10.11.2024).

сведений и персональных данных. Указанный показатель приблизительно в 2,67 раза превышает показатель предыдущего, 2021 г.¹

В 2023 г. проблема вновь обострилась. InfoWatch уделила внимание событиям 2022–2023 гг., динамике правонарушений. В 2023 г. констатировано 11 549 утечек конфиденциальной информации: указанный показатель на 61,5 % выше, чем в 2022 г. В исследовании показана ситуация, складывающаяся в различных государствах. На вопрос оборота персональных данных в России значительно влияли внешние нарушители. В исследуемый период Российская Федерация (РФ) находилась в пятерке государств, лидирующих по объемам утечки персональных данных. Авторы исследования записывали в список так называемых внешних нарушителей (хакеров) и иных лиц, не имеющих отношения к юридическому лицу, из которого «уходили» персональные данные. Согласно информации ресурса, около 98 % утечек связаны с функционированием глобальной сети Интернет².

Очевидной становится истина: проблема требует глубокого изучения с точки зрения криминалистики, криминологии, юридической психологии. Так, криминалистика потенциально может выявить уязвимости в кибернетических системах, которые способствуют совершению правонарушений. Криминология, с одной стороны, может способствовать выявлению мотивов преступников, интересующихся чужими персональными данными, с другой – ее методы помогают понять специфику поступков лиц, относящихся к числу пострадавших вследствие описываемых утечек конфиденциальной информации. В частности, особенности поведения жертв изучает виктимология как раздел криминологии. В настоящей статье проблема, имеющая комплексный характер, раскрыта лишь с позиций уголовного права, российского и зарубежного.

¹ Утечки информации ограниченного доступа в России за 2022 год // InfoWatch. 2023. 17 апреля. URL: <https://www.infowatch.ru/analitika/utechki-informatsii-ogranichenного-dostupa-v-rossii-za-2022-god> (дата обращения: 10.11.2024).

² Исследование утечек информации в мире за последние два года // InfoWatch. 2024. 11 апреля. URL: <https://www.infowatch.ru/analitika/issledovaniye-utechek-informatsii-v-mire-za-posledniye-dva-goda> (дата обращения: 10.11.2024).

В качестве приемов исследования использованы общенаучные методы, синтез и анализ, дедукция и индукция. Формально-юридический метод позволяет изучать право как таковое: при этом не уделено много внимания политике, социологии. В нашей статье акцент сделан на правовых пробелах и их восполнении посредством судебного толкования. Дополнительным методом стал сравнительно-правовой, позволяющий изучать уголовно-правовые средства борьбы с неправомерным оборотом конфиденциальной информации в России и зарубежных странах, анализировать источники уголовного права, выделять наиболее перспективные приемы борьбы с рассматриваемым явлением.

Краткий анализ российского уголовного законодательства позволяет заключить, что, несмотря на масштаб проблемы, уголовная ответственность за неправомерное распространение персональных данных не предусмотрена. Соответствующий состав в Уголовном кодексе (УК) РФ не закреплён¹. Понятие «персональные данные» в действующей редакции УК РФ упоминается один раз: в соответствии с положениями ч. 2 ст. 173² УК РФ законодатель закрепляет уголовную ответственность за применение персональных данных, добытых незаконным способом, если указанное деяние осуществлено для интеграции в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ) информации о подставном юридическом лице. Иными словами, законодатель акцентирует внимание лишь на одном из аспектов рассматриваемой проблемы.

Таким образом, цель настоящей статьи – определить место в УК РФ для внесения поправки. Как нам представляется, новая уголовно-правовая норма должна непосредственно, а не опосредованно обеспечивать безопасность в сфере обработки персональных данных. Для достижения этой цели нами решен ряд задач: показано отношение к понятию «персональные данные» в современной России; приведены уголовно-правовые средства борьбы с неправомерным оборотом персональных данных, помимо использования ч. 2 ст. 173² УК РФ; продемонстрированы уголовно-правовые средства противодействия криминальному обороту персональных данных

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 14.02.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

в зарубежных странах. В процессе анализа в основном освещена объективная сторона преступления. Полагаем, этот элемент состава преступления лучше всего позволяет отграничивать составы, отраженные в уголовном законодательстве, друг от друга.

Дефиниция «персональные данные» закреплена в соответствующем Федеральном законе от 27 июля 1996 г. № 152-ФЗ¹. Согласно ст. 3 этого закона к ним причислены любые сведения, которые прямо или косвенно относятся к конкретному либо конкретизируемому человеку. Между тем в современной доктрине представлено немало точек зрения относительно правовой природы анализируемого явления.

Так, согласно позиции Е. А. Хлюпиной и А. С. Исаева, под персональными данными стоит понимать нематериальные блага, которые многие пытаются получить ввиду их общественного значения². По мнению Д. М. Назарова и К. М. Саматова, персональными данными нужно считать сведения, которые дают возможность идентифицировать кого-либо³. Как считают А. Пазюк и М. Соколова⁴, это информация, позволяющая отличить одного от множества. Я. Р. Таранов⁵ утверждает, что изучаемые данные представляют собой сведения, имеющие отношение к конкретному лицу. Ряд авторов не склонны определять исследуемое понятие. При этом со ссылкой на ст. 24 Конституции РФ они обращают внимание на то, что частная жизнь и персональные данные тесно связаны между собой. Именно конституционно-правовая норма повлияла на развитие отраслевого законодательства⁶.

¹ О персональных данных: федер. закон от 27 июля 1996 г. № 152-ФЗ (в ред. от 06.02.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

² Исаев А. С., Хлюпина Е. А. Правовые основы организации защиты персональных данных. СПб.: НИУ ИТМО, 2014. С. 99.

³ Назаров Д. М., Саматов К. М. Основы обеспечения безопасности персональных данных в организации. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного экономического университета, 2019. С. 9.

⁴ Пазюк А., Соколова М. Защита персональных данных: введение в проблематику: учеб. пособие. Мн.: Центр правовой трансформации, 2015. С. 29.

⁵ Таранов Я. Р. Анализ защиты персональных данных и оптимизация хранения информационных ресурсов // Научный Лидер. 2022. № 9. С. 7.

⁶ Гнедков А. В., Нищик А. В. Особенности распространения персональных данных в последней редакции законодательства о персональных данных // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2022. № 1. С. 49.

Каждый из подходов имеет не только достоинства, но и недостатки. Так, представление о том, что персональные данные – привлекательные для общества нематериальные блага, выглядит очень обобщенным, поскольку указанным свойством обладают и многие другие нематериальные блага¹. Действительно, нередко персональные данные позволяют идентифицировать человека и/или гражданина. Однако указанная в Федеральном законе от 27 июля 1996 г. № 152-ФЗ дефиниция предлагает более широкое понимание сущности изучаемого явления. Иными словами, персональные данные относятся к личности того или иного субъекта, но отдельные сведения, если следовать букве закона, необязательно должны полностью идентифицировать человека, чтобы их отнести к категории персональных данных. Наиболее близким к истине нам видится мнение Я. Р. Таранова. Если обобщить его рассуждения, обратиться к закону, то стоит вывести определение, которое не противоречит нормативному правовому акту и вместе с тем дает понимание о сущности персональных данных. По сути, это сведения, которые имеют непосредственное или опосредованное отношение к человеку.

Анализ сущности персональных данных и осмысление этого понятия в контексте потенциального уголовного преследования за неправомерное распространение надлежащих сведений порождают ряд вопросов.

1. Допустимо ли уголовное наказание за деяние, которое выражено в распространении любых персональных данных, или имеются в виду лишь сведения, которые позволяют однозначно идентифицировать человека (во втором случае потенциальный ущерб по очевидным причинам гораздо больше, чем в первом)?

2. Каким должен быть объем неправомерно распространяемой информации для того, чтобы следственные органы квалифицировали соответствующее деяние как уголовно наказуемое?

Как указано выше, уголовным законом не установлена ответственность за неправомерную обработку персональных данных. Однако гипотеза настоящего исследования заключается в том, что в ряде случаев неправомерная обработка персональных данных может подразумевать и составы

¹ Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 173.

преступлений, отраженных в ст. 137, 183, 272 УК РФ. В соответствующих случаях предусмотрены уголовные наказания за вторжение в частную жизнь; незаконное разглашение информации, составляющей банковскую и/или коммерческую тайну; неправомерный доступ к компьютерным сведениям.

Согласно позиции А. К. Кардановой и Ю. Н. Сотниковой, при анализе правонарушений, связанных с информацией, по-прежнему актуальным является выделение субъекта, объекта, субъективной, объективной сторон правонарушения. Однако зафиксировать состав сложно ввиду быстро изменяющейся терминологии¹.

Анализ положений ст. 137 УК РФ позволяет утверждать, что непосредственным объектом преступного посягательства в данном случае становятся социальные отношения, обеспечивающие право на частную жизнь. Гипотеза заключается в том, что и персональные данные стоит расценивать как один из элементов частной жизни. Объективная сторона выражена в том, что преступник незаконно собирает либо распространяет данные о личной или семейной тайне потерпевшего без его согласия; либо тиражирует указанную информацию публично; обязательным условием наличия состава преступления становится вред правам и законным интересам граждан. Иными словами, состав преступления материальный. В контексте нашего исследования стоит уделить особое внимание разъяснениям Конституционного Суда РФ².

Конституционный Суд РФ сделал акцент на том, что понятие «частная жизнь» включает в себя сведения, относящиеся исключительно к гражданину и не подлежащие разглашению без его согласия, если они имеют непротивоправную природу. С учетом изложенного может казаться спорным тезис о том, что «персональные данные» относятся к частной жизни, их стоит рассматривать как элемент частной жизни. В ст. 6 Федерального закона от 27 июля 1996 г. № 152-ФЗ предусмотрено множество

¹ Карданова А. К., Сотникова Ю. Н. Трансформация правоотношений и проблемы привлечения к юридической ответственности в условиях развития цифрового общества // *Власть Закона*. 2022. № 2. С. 104.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/70205530/> (дата обращения: 10.11.2024).

случаев, в которых оператор может использовать конфиденциальную информацию без согласия субъекта персональных данных, то есть лица, к которому относятся эти сведения. Между тем нельзя не учитывать то, что, по сути, Конституционный Суд РФ все-таки не дает исчерпывающего определения частной жизни. Он утверждает, что приводимая им категория включает в себя определенные признаки, но суд не называет их исчерпывающими. Во всяком случае, как будет указано далее, суды общей юрисдикции фактически интерпретируют «персональные данные» как элемент частной жизни. В данном контексте интерес вызывают рассуждения Б. С. Бембеевой, которая пишет о том, что в европейской судебной практике персональные данные считаются элементом частной жизни¹. Н. П. Глинская обращает внимание на то, что термин “privacy”, аналог категории «частная жизнь» в России, в США разработан еще в конце XIX века². Однако категория «персональные данные» строго не выделена.

По общему правилу субъект преступления в анализируемом случае общий: достигшее 16-летнего возраста психически вменяемое лицо. Если представлен квалифицированный состав, то это лицо, занимающее служебное положение. Такой элемент состава преступления, как субъективная сторона, может вызвать споры. Законодатель не утверждает, что нужно считать уголовно наказуемым деянием, совершенным именно с умыслом. Вместе с тем, как указано далее, суды нередко делают акцент на том, что соответствующие преступления совершены именно с прямым умыслом.

В случае совершения преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, объектом незаконного посягательства следует считать общественные отношения, обеспечивающие законный оборот коммерческой и/или банковской тайн. В соответствии с общей нормой объективная сторона выражена в незаконном сборе информации, составляющей соответствующую тайну, для незаконного применения такой информации. Состав, скорее, в данном случае прослеживается формальный, а в ч. 2 ст. 183 УК

¹ Бембеева Б. С. Право на защиту персональных данных и различные категории персональных данных // Право в сфере интернета: сб. ст. Вып. 14 / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 61.

² Глинская Н. П. Юридический термин “privacy” как предмет системно-динамического исследования // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 35.

РФ законодатель прописывает материальный состав. Предусмотрена ответственность за совершение преступления из личной заинтересованности с причинением крупного ущерба. Главная особенность преступления заключается в том, что персональные данные могут составлять часть банковской или коммерческой тайны. Однако по своей природе эта категория ввиду понятных причин гораздо шире, чем банковская или коммерческая тайна. В то же время банковская или коммерческая тайна могут и не включать в себя сведения, определяющие то или иное физическое лицо. Как и в предыдущем случае, при нарушении неприкосновенности частной жизни, субъект преступления при этом общий: психически вменяемое физическое лицо, которое достигло 16 лет на момент совершения преступления. Преступление характеризуется прямым или косвенным умыслом.

Наконец, объект преступного посягательства, отраженного в ст. 272 УК РФ, представляет собой социальные отношения, обеспечивающие правомерный доступ к компьютерной информации. В соответствии с общей нормой объективная сторона преступного посягательства выражена в неправомерном доступе к компьютерной информации, если указанное деяние стало причиной блокирования, копирования, изменения или уничтожения соответствующих сведений. Стоит уточнить, что компьютерную информацию и персональные данные не нужно считать синонимами. Данные, идентифицирующие личность, действительно, в современном мире хранятся на электронных носителях, но компьютерные системы не единственный источник накопления анализируемой информации. К тому же не всегда компьютерная информация, файлы содержат персональные данные. Субъект преступления остается таким же, то есть им может быть психическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Согласно ч. 1 ст. 272 УК РФ субъект преступного посягательства общий. В соответствии с положениями ч. 3 ст. 272 УК РФ субъект может быть специальным, то есть лицо, занимающее служебное положение. Субъективная сторона выражена в прямом умысле, состав преступления материален. На это законодатель указывает при формулировании не только квалифицированных составов, но и ч. 1 ст. 272 УК РФ.

Несмотря на то, что в гипотезах, диспозициях, санкциях указанных составов отсутствует термин «персональные данные», в правоприменительной практике проблема неправомерного

оборота конфиденциальной информации нередко возникает. Так, в Дзержинске рассмотрено уголовное дело, возбужденное по ст. 137 УК РФ в отношении молодого человека, который разместил в группе бильярдного клуба, в социальной сети, фотографии своей бывшей девушки в обнаженном виде. Молодые люди поссорились, что и стало поводом для совершения преступления. В мотивировочной части приговора суд не указывал на разглашенные персональные данные, но фактически поставил в один ряд это понятие и термин «частная жизнь», назначая дополнительное уголовное наказание. В соответствии с приговором осужденный лишен права вести деятельность, связанную с обработкой персональных данных, сроком на год¹.

При рассмотрении похожего по фабуле уголовного дела в Алтайском крае судья не раз указывал на то, что был ущерб, причинены страдания девушке, то есть зафиксированы последствия. Преступление было умышленным².

Показательным видится уголовное дело № 1-151/2024, рассмотренное в Индустриальном районном суде Ижевска³. Согласно фабуле дела, впоследствии осужденный гражданин трудился как менеджер в офисе оператора мобильной связи, в котором он организовал криминальный заработок. Работник юридического лица за вознаграждение отдавал персональные данные клиентов компании, которые хранились в электронной базе данных. Суд не смутило отсутствие упоминания «персональных данных» в соответствующих нормах права. Действия преступника квалифицированы по ст. 137, 272 УК РФ.

¹ Приговор Дзержинского городского суда Нижегородской области от 7 сентября 2023 г. по делу № 1-303/2023 // Дзержинский городской суд Нижегородской области: офиц. сайт. URL: https://dzerzhinsky--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=144831609&case_uid=bdddcf4a-6357-4f87-a1f9-757008b51a08&delo_id=1540006 (дата обращения: 10.11.2024).

² Приговор мирового судьи судебного участка Бурлинского района Алтайского края от 21 апреля 2017 г. по делу № 1-20/2017 // Судебный участок Бурлинского района Алтайского края: офиц. сайт. URL: https://birln.alt.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=60896860&case_number=40430765&delo_id=1540006 (дата обращения: 10.11.2024).

³ Приговор Индустриального районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 26 января 2024 г. по делу № 1-151/2024 // Индустриальный районный суд г. Ижевска Удмуртской Республики: офиц. сайт. URL: https://industrialnyy--udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=276534011&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.11.2024).

В Башкирии рассмотрено очень похожее по фабуле уголовное дело, однако в приговоре квалификация по ст. 137 УК РФ не упомянута. Впоследствии осужденное физическое лицо трудилось специалистом в салоне связи. Преступник за вознаграждение передавал персональные данные постороннему лицу посредством мессенджера. Его действия квалифицированы по ст. 183, 272 УК РФ. Иными словами, суд посчитал, что произошло неправомерное распространение коммерческой тайны и компьютерной информации. Однако вторжения в частную жизнь не было¹.

Общим для всех указанных выше дел служит обстоятельство, связанное с особенностями квалификации субъекта преступлений: лица, совершавшие преступления, пытались переложить ответственность на сторонних лиц, особенности работы электронных систем.

В этом контексте вызывают интерес рассуждения Е. Ю. Руденко, не отрицающей развитие искусственного интеллекта. Однако, согласно ее позиции, целесообразно оставлять субъектами правоотношений юридических, физических лиц². Полагаем, стоит продолжить эту логику указанного исследователя. Субъектом преступления ввиду закона и существующей практики разумно считать физическое лицо.

Неопределенность в складывающейся судебной практике в очередной раз актуализирует вопрос о необходимости введения специального состава в уголовное законодательство России в целях обеспечения единообразия правоприменительной практики. При этом существуют и несколько иные точки зрения. Так, А. Г. Абрамова акцент делает на целесообразности административных штрафов за нарушения законодательства в области персональных данных³.

¹ Приговор Учалинского районного суда г. Учалов Республики Башкортостан от 22 ноября 2023 г. по делу № 1-285/2023 // Учалинский районный суд г. Учалов Республики Башкортостан: офиц. сайт. URL: https://uchalinsky-bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=131925641&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.11.2024).

² Руденко Е. Ю. К дискуссии об электронном лице как о возможном субъекте права // Эпомен. 2019. № 31. С. 78.

³ Абрамова А. Г. Современные проблемы осуществления защиты персональных данных в Сети: основополагающие принципы защиты персональных данных // Регион и мир. 2020. № 4. С. 24.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Вместе с тем в пользу инициативы об уголовном преследовании свидетельствует и законодательство, применяющееся в зарубежных государствах. Например, в §202a Уголовного кодекса Германии закреплена уголовная ответственность за неправомерное распространение персональных данных. В нормативном правовом акте приведено два ключевых положения:

1. Любое лицо, которое предоставляет себе или другому лицу несанкционированный доступ к данным, которые не предназначены для него и которые специально защищены от несанкционированного доступа путем внедрения специальной системы правил, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом.

2. Данными в значении пункта 1 считаются только такие данные, которые хранятся или передаются электронным, магнитным или иным способом, непосредственно не воспринимаемым¹.

В Уголовном кодексе Франции предусмотрен целый ряд норм, запрещающих неправомерную обработку персональных данных под угрозой именно уголовного, а не административного либо иного наказания. К примеру, стоит обратить внимание на положения ст. 226-18, 226-18-1, 226-19:

1. Сбор персональных данных мошенническим, нечестным или незаконным путем наказывается лишением свободы на срок до пяти лет и штрафом в размере 300 000 евро.

2. Обработка персональных данных, касающихся физического лица, несмотря на возражения этого лица, если такая обработка осуществляется в целях отыскания, в частности в коммерческих целях, и если возражение субъекта персональных данных основано на законных основаниях, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет и штрафом в размере 300 000 евро.

3. За исключением случаев, предусмотренных законом, предоставление или хранение в компьютерной памяти без очевидного согласия заинтересованного субъекта персональных

¹ Уголовный кодекс Германии: федер. закон от 15 мая 1871 г. (в ред. от 07.11.2024) // Федеральное ведомство юстиции: офиц. сайт. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/index.html#BJNR001270871BJNE056103377> (дата обращения: 10.11.2024).

данных, которые прямо или косвенно раскрывают расовое или этническое происхождение, политические, философские или религиозные взгляды или членство в профсоюзах лиц, или которые связаны с его здоровьем, сексуальной ориентацией или гендерной идентичностью, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет и штрафом в размере 300 000 евро.

Такие же наказания налагают на действия, за исключением случаев, предусмотренных законом, по размещению или хранению персональных данных, связанных с преступлениями, осуждениями или мерами общественной безопасности, в компьютеризированной памяти¹.

Анализ зарубежного законодательства позволяет перейти к итогам исследования. Под персональными данными следует понимать сведения, которые опосредованно или непосредственно относятся к физическому лицу. В условиях сложившейся в России правоприменительной практики целесообразно рассматривать персональные данные как одну из вероятных составляющих частной жизни. В России уголовная ответственность за неправомерную обработку персональных данных прямо не предусмотрена, но допустима ввиду положений ст. 137, 183, 272 УК РФ. В зарубежных странах ответственность прямо предусмотрена уголовным законом. С учетом изложенного и в целях введения эффективной единообразной судебной практики целесообразно ввести ч. 3 в ст. 137 УК РФ. Норма должна предусматривать ответственность за незаконную обработку персональных данных при условии прямого умысла и наличии ущерба.

Библиографический список

1. *Абрамова А. Г.* Современные проблемы осуществления защиты персональных данных в Сети: основополагающие принципы защиты персональных данных // Регион и мир. 2020. № 4. С. 21–25.
2. *Бембеева Б. С.* Право на защиту персональных данных и различные категории персональных данных // Право в сфере

¹ Уголовный кодекс Франции: закон от 22 июля 1992 г. (в ред. от 30.09.2024) // Официальный портал национального права. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/2024-12-11/ (дата обращения: 10.11.2024).

интернета: сб. ст. Вып. 14 / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 48–61.

3. Более 60 % человечества используют социальные сети // Интерфакс. 2023. 21 июля. URL: <https://www.interfax.ru/world/912624> (дата обращения: 10.11.2024).

4. Глинская Н. П. Юридический термин “privacy” как предмет системно-динамического исследования // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 33–50.

5. Гнедков А. В., Нищик А. В. Особенности распространения персональных данных в последней редакции законодательства о персональных данных // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2022. № 1. С. 49–52.

6. Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.

7. Исаев А. С., Хлюпина Е. А. Правовые основы организации защиты персональных данных. СПб.: НИУ ИТМО, 2014. 106 с.

8. Исследование утечек информации в мире за последние два года // InfoWatch. 2024. 11 апреля. URL: <https://www.infowatch.ru/analytics/analitika/issledovaniye-utechek-informatsii-v-mire-za-posledniye-dva-goda> (дата обращения: 10.11.2024).

9. Карданова А. К., Сотникова Ю. Н. Трансформация правоотношений и проблемы привлечения к юридической ответственности в условиях развития цифрового общества // Власть Закона. 2022. № 2. С. 100–106.

10. Назаров Д. М., Саматов К. М. Основы обеспечения безопасности персональных данных в организации. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного экономического университета, 2019. 119 с.

11. Пазюк А., Соколова М. Защита персональных данных: введение в проблематику: учеб. пособие. Мн.: Центр правовой трансформации, 2015. 116 с.

12. Руденко Е. Ю. К дискуссии об электронном лице как о возможном субъекте права // Эпомен. 2019. № 31. С. 72–78.

13. Таранов Я. Р. Анализ защиты персональных данных и оптимизация хранения информационных ресурсов // Научный Лидер. 2022. № 9. С. 7–9.

14. Утечки информации ограниченного доступа в России за 2022 год // InfoWatch. 2023. 17 апреля. URL: <https://www.infowatch.ru/analytics/analitika/utechki-informatsii-ogranichennogo-dostupa-v-rossii-za-2022-god> (дата обращения: 10.11.2024).

А. С. Дорофеева

аспирант факультета экономики и права
Астраханского государственного университета
имени В. Н. Татищева
Россия, г. Астрахань
dorofee2024@mail.ru

**ПРЕДЕЛЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА
И ЗАЩИТА ПРАВ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

**THE LIMITS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP
AND PROTECTION OF THE RIGHTS OF SMALL BUSINESSES**

Согласно авторской позиции, в условиях ограниченности бюджетных средств и необходимости модернизации и развития объектов инфраструктуры, государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) становится действенным инструментом привлечения частных инвестиций в социально значимые проекты. Особую актуальность ГЧП приобретает в таких сферах, как транспортная инфраструктура, жилищно-коммунальное хозяйство, социальная инфраструктура (здравоохранение, образование, культура), энергетика и другие. Реализация проектов ГЧП в этих секторах способствует решению важнейших государственных задач, связанных с повышением эффективности использования бюджетных средств, снижением нагрузки на государственный бюджет, внедрением передовых технологий и управленческих практик, а также улучшением качества и доступности предоставляемых населению услуг. В статье проанализированы показатели ГЧП в Российской Федерации (РФ) с указанием проблемных аспектов в данной области и предложением о вариантах их решения. Утверждается, что рынок ГЧП в России стремительно развивается. Такая тенденция носит положительный характер и говорит о растущем интересе инвесторов к проектам ГЧП, что способствует привлечению дополнительных финансовых ресурсов для развития российской экономики. По мнению автора статьи, это приведет к реализации социально значимых проектов,

повышению качества государственных услуг, что положительно отразится на развитии отдельных регионов и России в целом.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, народное хозяйство, развитие, экономика, показатели государственно-частного партнерства, гражданин, государство, защита права.

According to the author's position, in conditions of limited budget funds and the need to modernise and develop infrastructure facilities, public-private partnership (hereinafter - PPP) becomes an effective tool for attracting private investment in socially important projects. PPP becomes particularly relevant in such areas as transport infrastructure, housing and communal services, social infrastructure (healthcare, education, culture), energy and others. The implementation of PPP projects in these sectors contributes to solving the most important state tasks related to improving the efficiency of budgetary funds use, reducing the burden on the state budget, introducing advanced technologies and management practices, as well as improving the quality and accessibility of services provided to the population. The article analyses the performance of PPPs in the Russian Federation (RF), indicating problematic aspects in this area and proposing options for their solution. It is argued that the PPP market in Russia is rapidly developing. This trend is positive and indicates the growing interest of investors in PPP projects, which contributes to the attraction of additional financial resources for the development of the Russian economy. According to the author of the article, this will lead to the implementation of socially important projects, improvement of the quality of public services, which will have a positive impact on the development of individual regions and Russia as a whole.

Keywords: public-private partnership, national economy, development, economy, indicators of public-private partnership, citizen, state, defence of the right.

В современных условиях быстро изменяющейся экономической ситуации первостепенное значение приобретает поиск новых механизмов взаимодействия между государственным и частным секторами. Один из таких востребованных инструментов – государственно-частное партнерство (ГЧП). Эта передовая модель сотрудничества объединяет усилия государства и частных компаний для эффективного использования имеющихся ресурсов и достижения

общих целей. Благодаря инновационному подходу, ГЧП позволяет оптимизировать взаимодействие двух секторов, способствуя реализации различных проектов и инициатив.

В доктрине в настоящее время не выработано единого подхода относительно того, что стоит понимать под ГПЧ. Вследствие этого полагаем необходимо рассмотреть наиболее актуальные точки зрения авторов о правовой природе исследуемого явления.

Обратим внимание на тот факт, что определение ГЧП сформулировано на законодательном уровне. Так, в соответствии с п. 1 ст. 3 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» «государственно-частное партнерство – юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества»¹.

Несмотря на легальное определение изучаемого термина, исследователи активно рассматривают вопрос о том, что стоит понимать под ГЧП, и предлагают различные варианты. В механизме мирового хозяйства понятие ГЧП определено широко, и определения различаются. Под ГЧП подразумевают «систему взаимных отношений государства и частного бизнеса, которая обширно используется в качестве одного из способов для регионального, международного, национального и городского, муниципального, экономического и социального развития; и определенные проекты, реализуемые государственными органами

¹ О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ (в ред. от 06.04.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4350.

и частными организациями на государственных и муниципальных объектах»¹.

Рассмотрим дефиницию, предложенную другим российским ученым, Ю. А. Халимовским. Он придерживается позиции о том, что «основной смысл государственно-частного партнерства состоит не просто во взаимодействии публичных и частных образований, а в качественно ином распределении рисков и опосредованном участии частных партнеров в реализации некоторых функций публичной власти и решении государственных и общественных задач, что нехарактерно для частного бизнеса»². Можно согласиться с этим определением, поскольку в нем верно акцентировано внимание на ключевых характеристиках такого механизма взаимодействия государства и бизнеса. Вместе с тем определение может быть несколько абстрактным, не раскрывать конкретных форм и моделей ГЧП, а также не затрагивать вопросы эффективности и возможных проблем, возникающих при его реализации.

С. А. Курбанов и М. А. Хамурадов дают определение ГЧП как «совокупность отношений публичного и частного характера, возникающих между государством и частным бизнесом или частным сектором на среднесрочной и долгосрочной основе по реализации конкретных проектов путем привлечения частных инвестиций, реализуемых на основе распределения полномочий, рисков и ответственности публичного и частного партнера, осуществляемого путем заключения и выполнения соглашения о ГЧП и прямых договоров, для решения общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях»³.

Итак, можно утверждать, что ГЧП представляет собой тип сотрудничества между государственным сектором и частными организациями, при котором обе стороны совместно работают над проектом или предприятием. ГЧП – взаимовыгодная структура, в которой государственный сектор получает доступ к частным капиталам, экспертным знаниям и инновациям, а

¹ Гаврилова М. В., Данилова Н. В. Региональные особенности и тренды социально-экономического развития // Вестник Российского университета кооперации. 2019. № 4 (38). С. 22.

² Халимовский Ю. А. Государственно-частные партнерства в субъектах Российской Федерации: блуждание в темноте // Налоги. 2011. № 14. С. 21.

³ Курбанов С. А., Хамурадов М. А. Риски и их роль в государственно-частном партнерстве // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2016. № 8. С. 16.

частные партнеры – к государственным ресурсам и стабильности. Дефиниция ГЧП сформулирована в Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ в контексте узкого доктринального подхода.

Необходим федеральный закон, обобщающий действующие модели ГЧП, четко фиксирующий грань между ГЧП и иными возможными формами (каналами) взаимодействия власти и предпринимательских структур. Как утверждает в научной литературе, «представители научной мысли сходятся во мнении, что слабая (а в некоторых регионах – полностью отсутствующая) работа механизма ГЧП связана с отсутствием единого федерального закона, регламентировавшего все отношения в этой сфере»¹.

В процессе анализа правовых публикаций выявлены существенные расхождения во взглядах на различные аспекты ГЧП. Несмотря на масштабные попытки разработать правовую основу для ГЧП, юристы по-прежнему сталкиваются с нерешенными концептуальными вопросами, которые препятствуют созданию прочной правовой базы в этой области. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ вместо того, чтобы устранить эти теоретические разногласия, лишь усилил полемику. Российские правоведы не могут прийти к единому пониманию ключевых понятий, таких как определение ГЧП, его различные модели и юридическая природа соглашения о ГЧП.

Динамика количества реализуемых проектов ГЧП служит ключевым показателем уровня развития ГЧП в стране. В течение последнего десятилетия наблюдается существенное увеличение количества ГЧП-проектов. Рост обусловлен двумя главными факторами: совершенствованием законодательной базы, регулирующей сферу ГЧП, и формированием благоприятной институциональной среды² для развития ГЧП³.

¹ Мартынова М. С., Учинина Т. В. Понятие государственно-частного партнерства в РФ // Актуальные вопросы современной экономики. 2019. № 3. С. 644.

² См.: Камышанский В. П. Институционализация правового обеспечения гражданского оборота в условиях незаконных международных санкций // Власть Закона. 2022. № 4 (52). С. 15; Камышанский В. П. Некоторые аспекты российской гражданско-правовой политики // Власть Закона. 2013. № 3 (15). С. 10.

³ Статистическая информация // Федеральная служба информации. URL: <https://xn--hlari.xn--plai/Main/StatisticalInformation> (дата обращения: 16.12.2024).

Количество проектов ГЧП демонстрирует устойчивый рост, проявляющийся с 2013 по 2023 г. В 2013 г. насчитывалось 79 проектов, а к 2023 г. их количество увеличилось до 4 214, что представляет собой более чем 50-кратный рост. Наибольший скачок произошел в период с 2015 по 2017 г., когда количество проектов возросло с 586 до 2 446. В последующие годы рост продолжался, хотя и не настолько стремительно, достигнув 4 098 проектов в 2022 г. и 4 214 в 2023 г. Обратим внимание на то, что до 2018 г. наблюдался существенный рост количества проектов. После 2018 г. темпы роста стали несколько замедленными, но даже в условиях спада экономики, вызванного пандемией COVID-19 в 2020–2021 гг., а также усилением санкционного режима¹, общее количество проектов не сократилось резко. Тем не менее прослеживается сокращение количества проектов, прошедших процедуру коммерческого закрытия в указанные годы.

Можно заключить, что сфера ГЧП в России активно развивается, демонстрируя значительное увеличение количества реализуемых проектов в последнее десятилетие. Анализ основных показателей механизма ГЧП по федеральным округам России приводит нас к мнению о том, что большинство проектов ГЧП реализуются в Приволжском федеральном округе (1 556), менее всего – в Северо-Кавказском (117). При этом количество проектов ГЧП в Приволжском федеральном округе превышает показатель Северо-Кавказского в 13 (!) раз. Вместе с тем в Северо-Кавказском федеральном округе обнаружен самый низкий объем инвестиций (6,4 млрд руб.), что на 232,4 млрд руб. меньше показателя Южного федерального округа, расположенного строкой выше, и в 26 раз меньше лидера – Центрального федерального округа (1 070, 3 млрд руб.).

По результатам анализа текущей ситуации в сфере ГЧП в России выявлено, что наблюдается проблема децентрализации и смещения механизмов ГЧП на региональный и муниципальный уровни. И на федеральном уровне реализуется меньше проектов ГЧП, тогда как именно федеральный уровень обладает большими

¹ См.: Камышанский В. П., Туча В. В., Глинщикова Т. В. Легализация параллельного импорта в Российской Федерации как мера противодействия внешнеэкономическим санкциям // Власть Закона. 2023. № 1 (53). С. 29.

возможностями для их эффективной реализации¹. Данная ситуация требует дополнительных усилий по усилению роли и участия федерального центра в развитии механизмов ГЧП с целью обеспечения более сбалансированного и эффективного использования потенциала ГЧП на различных уровнях власти.

Для решения проблемы очевидной тенденции децентрализации и смещения механизмов ГЧП на региональный и муниципальный уровни необходимо реализовать комплекс мероприятий.

1. Усиление роли федерального центра в развитии ГЧП:

- разработка и утверждение на федеральном уровне единой стратегии развития ГЧП, определяющей приоритетные направления, механизмы и инструменты реализации проектов;
- создание специализированного федерального института развития ГЧП, который будет осуществлять методическое и экспертное сопровождение проектов на федеральном, региональном и муниципальном уровнях;
- совершенствование нормативно-правовой базы ГЧП на федеральном уровне, в том числе расширение спектра возможных форм и моделей партнерства;
- увеличение объемов федеральной финансовой поддержки проектов ГЧП, в том числе через механизмы софинансирования, субсидирования, государственных гарантий.

2. Повышение эффективности взаимодействия федерального, регионального и муниципального уровней:

- разработка и внедрение единых стандартов, методик и регламентов реализации проектов ГЧП на всех уровнях власти;
- создание системы мониторинга и оценки эффективности реализации проектов ГЧП, консолидация данных на федеральном уровне;
- организация системной работы по повышению квалификации и обмену лучшими практиками среди региональных и муниципальных команд, участвующих в проектах ГЧП.

¹ Золотарев Н. С. Государственно-частные партнерства в условиях современной России: некоторые проблемы, связанные с риском участников правоотношений // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации: сб. материалов XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 20 июля 2023 г.) / отв. ред. З. Ш. Бабаева. М.: Алеф, 2023. С. 54.

3. Стимулирование частных инвесторов к участию в федеральных проектах ГЧП:

- предоставление дополнительных налоговых льгот и преференций для инвесторов, участвующих в федеральных проектах ГЧП;

- создание специальных финансовых инструментов и механизмов для привлечения частного капитала в федеральные ГЧП-проекты;

- формирование единой базы данных федеральных ГЧП-проектов с ключевыми характеристиками для информирования потенциальных инвесторов.

Реализация приведенного комплекса мер позволит повысить роль федерального центра в развитии механизмов ГЧП, обеспечить более сбалансированное распределение ГЧП-проектов между различными уровнями власти и привлечь дополнительные частные инвестиции в федеральные инициативы, укрепить сотрудничество между национальным правительством, региональными и местными органами власти. Система ГЧП в России служит важным инструментом для развития ключевых отраслей народного хозяйства, привлечения частных инвестиций и повышения эффективности государственных расходов¹.

В последние несколько лет в России накоплен опыт реализации ГЧП-проектов в различных сферах экономики. Однако потенциал этого механизма используется пока недостаточно. Нуждаются в дополнительных гражданско-правовых средствах способы гражданско-правовой защиты² прав субъектов малого предпринимательства. Для дальнейшего развития и более широкого внедрения ГЧП в практику государственного управления и предпринимательской

¹ Голоктионова А. Р. Совершенствование взаимодействия бизнеса и власти: государственно-частные партнерства как инструмент разрешения социально-экономических проблем государства // Теория и практика развития предпринимательства: современные концепции, цифровые технологии и эффективная система: материалы VI Междунар. науч. конгресса (Москва, 24–25 мая 2018 г.). Ч. 2 / науч. ред. А. В. Шаркова, О. Н. Васильева. М.: Дашков и К, 2018. С. 111; Седова Н. А. Некоторые особенности определения правового положения акционерных обществ, осуществляющих свою деятельность в сельском хозяйстве // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2006. № 3. С. 284.

² Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 63–67.

деятельности необходим всесторонний анализ сложившейся ситуации.

В завершение дополним, что рынок ГЧП в России стремительно развивается. Данная тенденция носит положительный характер и говорит о растущем интересе инвесторов к проектам ГЧП, что способствует привлечению дополнительных финансовых ресурсов для развития российской экономики. Это, несомненно, приведет к реализации социально значимых проектов, повышению качества государственных услуг, что положительно отразится на развитии отдельных регионов и России в целом. Между тем проведенный анализ позволил выявить ряд проблемных аспектов и угроз для рынка ГЧП, что требует реагирования и дальнейшего его совершенствования

Библиографический список

1. *Гаврилова М. В., Данилова Н. В.* Региональные особенности и тренды социально-экономического развития // Вестник Российского университета кооперации. 2019. № 4 (38). С. 21–29.
2. Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
3. *Голоктионова А. Р.* Совершенствование взаимодействия бизнеса и власти: государственно-частные партнерства как инструмент разрешения социально-экономических проблем государства // Теория и практика развития предпринимательства: современные концепции, цифровые технологии и эффективная система: материалы VI Междунар. науч. конгресса (Москва, 24–25 мая 2018 г.). Ч. 2 / науч. ред. А. В. Шаркова, О. Н. Васильева. М.: Дашков и К, 2018. С. 111–115.
4. *Еремин В. В.* О некоторых недостатках правового регулирования государственно-частного партнерства на федеральном и региональном уровнях // Юрист. 2019. №. 2. С. 35–40.
5. *Золотарев Н. С.* Государственно-частные партнерства в условиях современной России: некоторые проблемы, связанные с риском участников правоотношений // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации: сб. материалов XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 20 июля 2023 г.) / отв. ред. З. Ш. Бабаева. М.: Алеф, 2023. С. 53–59.

6. Камышанский В. П. Институционализация правового обеспечения гражданского оборота в условиях незаконных международных санкций // Власть Закона. 2022. № 4 (52). С. 15–21.

7. Камышанский В. П. Некоторые аспекты российской гражданско-правовой политики // Власть Закона. 2013. № 3 (15). С. 10–15.

8. Камышанский В. П., Туча В. В., Глинщикова Т. В. Легализация параллельного импорта в Российской Федерации как мера противодействия внешнеэкономическим санкциям // Власть Закона. 2023. № 1 (53). С. 29–43.

9. Курбанов С. А., Хамурадов М. А. Риски и их роль в государственно-частном партнерстве // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2016. № 8. С. 16–22.

10. Мартынова М. С., Учинина Т. В. Понятие государственно-частного партнерства в РФ // Актуальные вопросы современной экономики. 2019. № 3. С. 643–649.

11. Седова Н. А. Некоторые особенности определения правового положения акционерных обществ, осуществляющих свою деятельность в сельском хозяйстве // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2006. № 3. С. 284–293.

12. Халимовский Ю. А. Государственно-частные партнерства в субъектах Российской Федерации: блуждание в темноте // Налоги. 2011. № 14. С. 20–28.

П. П. Иванюта

аспирант Северо-Кавказского социального института
Россия, г. Ставрополь
pashastyle26@gmail.com

**СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ КАК ФОРМЫ
МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ**

**THE SPECIAL LEGAL REGIMES AS A FORM
OF MOBILISATION ECONOMY**

В статье исследованы особенности содержания специальных правовых режимов, регулирующих отношения, возникающие в условиях мобилизационной экономики. Утверждается, что важнейшими элементами правовых режимов являются правовые стимулы и правовые ограничения деятельности субъектов предпринимательской деятельности. Предлагается авторское определение специального правового режима осуществления предпринимательской деятельности в условиях мобилизационной экономики. Сформирован ряд предложений по повышению эффективности правового регулирования предпринимательской деятельности в указанных условиях. В качестве правовых средств, входящих в содержание правового режима, по мнению автора, могут выступать санкции, закрепленные в законе, а также правовые обязывания и запреты, дозволения и стимулы.

Ключевые слова: специальный правовой режим, предпринимательская деятельность, правовой стимул, правовое ограничение, мобилизационная экономика, правовой режим, гражданский оборот.

The article studies the peculiarities of the content of special legal regimes regulating relations arising in the conditions of mobilisation economy. It is argued that the most important elements of legal regimes are legal incentives and legal restrictions on the activities of business entities. The author's definition of the special legal regime of entrepreneurial activity in the conditions of mobilisation economy is offered. A number of proposals to improve the effectiveness of legal regulation of entrepreneurial activity in these conditions are formed. In the author's opinion, the legal means included in the content of the legal regime can be sanctions

enshrined in the law, as well as legal obligations and prohibitions, permissions and incentives.

Keywords: special legal regime, entrepreneurial activity, legal incentive, legal restriction, mobilisation economy, legal regime, civil turnover.

Мобилизационная экономика предполагает применение специальных правовых средств, поскольку речь идет о функционировании целого ряда отраслей реального сектора экономики в особых условиях, требующих принятия оперативных мер. Правовым режимам посвящено немало научных работ известных ученых-теоретиков. Например, по мнению В. Б. Исакова, правовой режим представляет собой «социальный режим некоторого объекта, закрепленный правовыми нормами и обеспеченный совокупностью юридических средств»¹. Профессор Д. Н. Бахрах рассматривает правовой режим как «официально установленный особый порядок правового регулирования, отражающий совокупность юридических и организационных средств, используемых для закрепления социально-правового состояния объектов воздействия и направленный на обеспечение их устойчивого функционирования»².

Эффективное использование правовых средств при решении тех или иных специальных задач в значительной степени состоит в том, чтобы выбрать оптимальный для решения соответствующей задачи правовой режим, искусно отработать его сообразно специфике этой задачи и содержанию регулируемых отношений³. А. А. Мохов пишет: «Специальные режимы, в отличие от общего режима, распространяют свое действие на ограниченный круг субъектов (определенной отрасли, сферы деятельности либо даже индивидуально-определенных), по-иному, в сравнении с общим правилом, определяя их правовое положение (права, обязанности, ответственность). Объединяет специальные режимы с общим

¹ Исаков В. Б. Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. М.: Юрид. лит., 1987. С. 258–259.

² Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: учеб. для вузов. М.: Норма, 2008. С. 478.

³ Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Бек, 1995. С. 244.

временной фактор (они также рассчитаны на длительный период действия)»¹.

Применительно к раскрытию сущности правового режима предпринимательской деятельности следует иметь в виду, что этот комплекс правовых мер направлен на создание благоприятных условий для развития бизнеса. Правовые средства дозволения, запреты, обязывания, входящие в этот комплекс, не в полной мере раскрывают сущность правового режима предпринимательства. Они, скорее, выражают средства обычного правового регулирования отношений, возникающих при осуществлении предпринимательской деятельности. Правовой режим призван обеспечить наиболее благоприятные условия деятельности в отношении определенных лиц либо относительно осуществления правомочий владения, пользования и распоряжения определенными объектами. В этом заключается одна из важнейших целей формирования правового режима при выделении объекта правового регулирования из общей сферы регулируемых общественных отношений. Это можно обеспечить за счет умелого сочетания правовых стимулов и правовых ограничений, в том числе ограничения субъективных гражданских прав одних лиц в интересах других участников на рынках товаров, работ и услуг². Следует учитывать тот факт, что ограничения гражданских прав устанавливаются с целью защиты граждан и юридических лиц для достижения социально значимых целей и в случаях, предусмотренных законом³.

Установление специальных правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности дает возможность оперативно придать юридической форме гибкость и адекватность регулируемых ею общественных отношений, а точнее, учитывать особенности правового статуса разных

¹ Мохов А. А. Правовые режимы осуществления предпринимательской деятельности // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22 апреля 2015 г.) / под общ. ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2015. С. 64.

² Подробнее об этом см.: Камышанский В. П. Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции // Власть Закона. 2016. № 3 (27). С. 15; Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // Российский судья. 2004. № 4. С. 22.

³ Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 56.

субъектов и правового режима объектов, динамично изменяющиеся условия на рынках соответствующих товаров, работ или услуг. Наличие специальных правовых режимов в гражданском законодательстве позволяет позитивно воздействовать на сохранение правопорядка при чрезвычайных ситуациях, а также выполнять превентивную роль в отношении тех, кто решит нарушить взятые на себя международные обязательства по договорам с Россией или представителями российского бизнеса. Содержанием правовых режимов могут быть различного рода санкции, закрепленные в законе, и такие правовые средства, как обязывания и запреты, дозволения и стимулы, меры по противодействию незаконным международным санкциям¹.

При этом должны быть неукоснительно соблюдены нормы Конституции РФ. Согласно п. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Анализ закрепленных в российском законодательстве норм показывает, что их содержание не в полной мере обеспечивает правовое регулирование предпринимательской деятельности, соотношение публичных и частных интересов. Например, содержание правовых режимов при объявлении чрезвычайной ситуации, или повышенной готовности², гласит о том, что они не решают проблем гражданско-правового регулирования в условиях фактической экономической блокады России и отказа от исполнения взятых на себя ранее гражданско-правовых обязательств.

Считаем целесообразным выделять общий и специальный правовые режимы осуществления предпринимательской деятельности. Общий режим предполагает общее правовое регулирование в обычных условиях существования рыночных

¹ Мантул Г. А. О методах гражданско-правового регулирования отношений в условиях незаконных международных ограничений // Власть Закона. 2024. № 2. С. 192.

² О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федер. закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 35. Ст. 3648.

отношений¹. Его можно рассматривать как исходное базовое начало стабильных правил осуществления предпринимательской деятельности. К специальным правовым режимам предпринимательской деятельности можно отнести режимы чрезвычайного, военного положения, льготный, экспериментальный. Следует иметь в виду, что специальные правовые режимы могут относиться к отдельным субъектам, объектам права и территориям. Специальные правовые режимы ограничены по времени, что отличает их от общего правового режима осуществления предпринимательской деятельности.

Специальный правовой режим представляет собой установленный законом и иными правовыми актами порядок комплексного регулирования общественных отношений, имеющий в своем содержании правовые стимулы и правовые ограничения за счет целенаправленного сочетания таких правовых средств воздействия на общественные отношения, как дозволения, запреты и обязывания.

В условиях дефицита бюджетных средств для стимулирования предпринимательства на стратегических направлениях функционирования целого ряда отраслей реального сектора экономики специальные правовые режимы позволяют точно (адресно) обеспечивать рост стратегических отраслей экономики. Это особенно становится актуальным при решении задачи технологического суверенитета России, укрепления ее экономической и продовольственной безопасности.

Существующая система правового регулирования, содержащая льготы и преференции, широкий спектр механизмов поддержки, к сожалению, так и не принесла того результата, на который изначально ориентировались законодатель и бизнес-сообщество. В настоящее время российские предприниматели нуждаются в поддержке со стороны государства в аспекте снижения излишних административных барьеров при осуществлении предпринимательской деятельности, создания благоприятных условий для привлечения инвестиций в высокотехнологичные отрасли производства².

¹ Правовые режимы экономической деятельности: монография / отв. ред. И. В. Ершова. М.: Проспект, 2023. С. 36.

² См.: *Лейбинен Н. А.* Актуальные вопросы правового регулирования инновационной деятельности в Российской Федерации // Вестник экономики и права. 2024. № 94. С. 202.

Особую актуальность это приобретает в условиях объективного падения платежеспособного спроса со стороны населения, а также разрыва логистических цепочек с зарубежными партнерами. В связи с этим пересмотру с целью адаптации к новым экономическим условиям подлежат существующие правовые режимы поддержки субъектов предпринимательства. Поэтому целесообразно пересмотреть действующие инструменты государственной поддержки и стимулирования предпринимательской деятельности, выработать предложения, направленные на изменения законодательства в этой сфере общественных отношений¹.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Бек, 1995. 320 с.
2. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: учеб. для вузов. М.: Норма, 2008. 816 с.
3. Белоусов А. А. Направления совершенствования специальных правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. № 1. С. 136–151.
4. Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
5. Исаков В. Б. Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. М.: Юрид. лит., 1987. С. 245–267.
6. Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // Российский судья. 2004. № 4. С. 22–23.
7. Камышанский В. П. Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции // Власть Закона. 2016. № 3 (27). С. 15–25.
8. Лейбинен Н. А. Актуальные вопросы правового регулирования инновационной деятельности в Российской Федерации // Вестник экономики и права. 2024. № 94. С. 202–208.

¹ Белоусов А. А. Направления совершенствования специальных правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. № 1. С. 136.

9. *Мантул Г. А.* О методах гражданско-правового регулирования отношений в условиях незаконных международных ограничений // *Власть Закона*. 2024. № 2. С. 192–200.

10. *Мохов А. А.* Правовые режимы осуществления предпринимательской деятельности // *Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22 апреля 2015 г.)* / под общ. ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2015. С. 64–67.

11. *Правовые режимы экономической деятельности: монография* / отв. ред. И. В. Ершова. М.: Проспект, 2023. 280 с.

В. Е. Кортяев

соискатель Ростовского государственного
университета путей сообщения
Россия, г. Ростов-на-Дону
vitaly.kortyaeff@yandex.ru

**ДРЕВНЯЯ ТМУТАРАКАНЬ В СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1917–1991)**

**THE ANCIENT TMUTARAKAN IN SOVIET LEGAL
HISTORIOGRAPHY (1917–1991)**

В статье проведен анализ советской историко-правовой историографии древней Тмутаракани, одного из самых малоисследованных административно-территориальных образований периода зарождения целостного Древнерусского государства. Автор продолжает предпринятую ранее попытку систематизации историко-правовой историографии Тмутаракани¹. Рассмотрены работы советского периода (1917–1991). Акцент сделан на работах, в которых содержатся данные юридического, историко-правового характера. Обращение к ним приближает к решению глобальной задачи, то есть достоверной реконструкции общественного строя, государственного строя и права древней Тмутаракани. Решение этой задачи, согласно авторской позиции, восполнит пробел в историко-правовой науке и внесет ясность относительно вопроса о механизме зарождения и функционировании российского государства. Вместе с тем автор приходит к выводу о том, что, несмотря на развитие историко-правовой и археологической науки в СССР, направление историко-правовой историографии Тмутаракани фактически не разработано. Успешное развитие археологической науки в советский период способствовало решению ряда вопросов, ранее стоявших перед исследователями (например, о расположении Тмутаракани). Однако вопросы правового характера, в частности о регулировании общественных

¹Кортяев В. Е. Древняя Тмутаракань в досоветской историко-правовой историографии // Legal Bulletin. 2023. Т. 8. № 4. С. 65.

отношений на рассматриваемой территории, в советский период не ставили и не решали.

Ключевые слова: Тмутаракань, историография, право, общественный строй, государственный строй, археология, исследование.

The article analyses the Soviet historical and legal historiography of ancient Tmutarakan, one of the most poorly researched administrative-territorial formations of the period of the birth of the integral Old Russian state. The author continues the earlier attempt to systematise the historical and legal historiography of Tmutarakan. The works of the Soviet period (1917–1991) are considered. Emphasis is made on the works that contain data of legal, historical and legal character. Appeal to them brings closer to the solution of the global problem, i.e. reliable reconstruction of the social order, state system and law of ancient Tmutarakan. The solution of this task, according to the author's position, will fill the gap in the historical-legal science and bring clarity to the question of the mechanism of origin and functioning of the Russian state. At the same time, the author comes to the conclusion that, despite the development of historical-legal and archaeological science in the USSR, the direction of historical-legal historiography of Tmutarakan is actually not developed. The successful development of archaeological science in the Soviet period contributed to the solution of a number of questions previously faced by researchers (for example, about the location of Tmutarakan). However, the questions of legal nature, in particular about the regulation of social relations in the territory under consideration, were not raised and solved in the Soviet period.

Keywords: Tmutarakan, historiography, law, social order, state system, archaeology, research.

В первые годы после Октябрьской революции 1917 г. существенного прорыва в исследованиях, не только историко-правового, а также и археологического характера, не произошло. Среди обращений к теме Тмутаракани рассматриваемого периода, начиная с самых ранних, можно обнаружить стремление к осмыслению накопленных сведений о ней, однако это крайне затруднительно ввиду слабого развития археологической науки в данный

период¹. Профессор В. Д. Смирнов (1846–1922) отрицал существование административно-территориального образования с таким наименованием на Таманском полуострове. Ему принадлежит версия о существовании государства Тмутаракань с границами от Тамани до современных Турции и Азербайджана². На наш взгляд, настолько неточные суждения, даже уважаемых исследователей указанного периода, связаны с уничтожением старых научных школ и общим хаосом в государстве.

Вместе с тем появляются другие, более глубокие труды. В 1928 г. выходит работа И. П. Козловского «Тмутаракань и Таматарха – Матарха – Тамань». В этой публикации автор систематизирует максимум имеющегося материала, приводит достоверные хронологические рамки (русский период оценивается в двести лет), а также делает важные выводы: «Тмутаракань, как передовой боевой пост русской колонизации, нуждался в князьях-атаманах (*князьях-изгоях*) с самого начала. По-видимому, Святослав, разгромом Хозарского царства и походом на ясов и касогов обновил затихнувшую с 914 г. активную деятельность здешнего гнезда русского народа»³. Мстиславу И. П. Козловский отводит не только военные функции, но и функции экономического характера. Он продолжает: «Роль Тмутаракани сводится к трем функциям: военной – как форпоста завоевательного движения русского племени на юго-восток; торговой – как важного перекрестного пункта (в роде Переяславца на Дунае в X веке, где “вся благая сходится”) и миссионерской (Попытка Никона Печерского: патерик сравнивает его с ап. Павлом)»⁴. На наш взгляд, данная публикация И. П. Козловского может быть отнесена к историко-правовой историографии Тмутаракани. Материал, систематизированный И. П. Козловским пригоден для трактовки

¹ Шмит Ф. И. О Тмутаракани // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1918. № 54. С. 1.

² Смирнов В. Д. Что такое Тмутаракань? // Византийский временник. 1923. Т. XXIII (1917–1922). С. 15.

³ Козловский И. П. Тмутаракань и Таматарха – Матарха – Тамань // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1928. Т. 2. С. 59.

⁴ Козловский И. П. Указ соч. С. 63.

с юридической точки зрения. К этому же периоду относятся и труды Н. И. Репникова¹.

Следует указать работу В. А. Мошина «Николай, епископ Тмутараканский», в которой автор выдвигает версию о том, что Николай в качестве Тмутараканского (Таматархского) епископа принадлежал к иной юрисдикции, а не к Киевской митрополии². Данный факт также свидетельствует о периодах доминирования византийской церковной иерархии в «русской» истории Тмутаракани. Среди заслуживающих внимания работ – публикации А. Н. Насонова (1898–1965), продолжившего исследование Тмутаракани с точки зрения истории. Он пишет: «В статье Тмуторокань в истории Восточной Европы X века мы обратили внимание на то, что из договора Игоря с греками явствует: Игорем в Тмуторокани был посажен (...) – князь или боярин, очевидно зависимый от “великого князя русского”. В предприятиях Святослава наметилась задача распространения власти князей Поднепровья на территорию от берегов Меотиды до Днепра. Она была близка к осуществлению, когда сын Владимира князь Мстислав был посажен в Тмуторокань. В Поднепровье Мстиславу удалось утвердиться в Чернигове. Нашествие половцев, нахлынувших в южнорусские степи и Подонье, оторвало Тмуторокань от Поднепровья. Но на нее некоторое время продолжал распространяться сюзеренитет “Русской земли”, и с выделением Черниговского княжества право на Тмуторокань получил Черниговский князь: Святослав держал в Тмуторокани своего сына Глеба»³. С точки зрения историко-правовой науки это интересно в связи с тем, что:

- во-первых, закрепление русской власти в Тмутаракани облачено в раннефеодальную форму договорного права;
- во-вторых, согласно позиции автора, Тмутаракань являлась близким по административно-территориальному устройству к Чернигову, что дает основания утверждать о

¹ Репников Н. И. О древностях Тмутаракани // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания. Вып. IV. Василию Алексеевичу Городцову к 40-летию юбилею научной деятельности. М.: Российская ассоциация НИИ общественных наук, 1928. С. 437.

² Мошин В. А. Николай, епископ Тмутараканский // *Seminarium Kondakovianum*: сб. ст. Прага, 1932. Т. 5. С. 47.

³ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. С. 48.

распространении в Тмутаракани правовых норм Древнерусского государства;

– в-третьих, сделан акцент на взаимосвязи Тмутаракани и Чернигова с точки зрения легитимности власти Черниговского князя на ее территории.

В. В. Мавродин (1908–1987) в своих исследованиях уделял внимание и Тмутаракани. Он согласился с доводами о месте ее нахождения на Таманском полуострове и предположил, что восточная часть Крымского полуострова также относилась к Тмутаракани. Кроме того, он особо выделил связи Тмутаракани и Чернигова. В 40-е гг. XX века становится актуальным и укрепляется тезис о распространении юрисдикции Чернигова на Тмутаракань, что приводит к их объединению и единому правовому полю. М. В. Левченко, советский историк Византии, в своем труде «Очерки по истории русско-византийских отношений» (1956), который издан после его смерти, проводит небольшое исследование Тмутаракани. В нем он описывает эпизод убийства Ростислава и отрицает версию А. Н. Насонова, который характеризовал его как политическое убийство по соглашению с Византийским правительством, целью которого было недопущение усиления русской власти на Таманском полуострове.

По мнению М. В. Левченко, ни в одном из источников нет упоминаний о том, что целью убийства Ростислава было устранение русских политических влияний на Таманском полуострове. После Ростислава в Тмутаракани посажен Глеб, и власть русских сохранялась на этой территории до конца XI века¹. Исследователь А. Л. Монгайт (1915–1974) в статье «О границах Тмутараканского княжества во второй половине XI в.» (1962) высказывает ряд предположений, имеющих ценность с историко-правовой позиции. Исследуя свинцовую печать с греческой надписью, которая указывает на статус Михаила как правителя Тмутаракани, Монгайт видит в этом «редкое, едва ли не единственное свидетельство того, что летописная Тмутаракань в XI в. – это не один город, а обширная волость»². Он пишет о

¹ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 14.

² Монгайт А. Л. О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сб. ст. (к 70-летию академика М. Н. Тихомирова). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 55.

том, что достоверно время появления славян на территории Тмутаракани не установлено. А. Л. Монгайт предполагает следующее: «Очевидно, была ошибочной посылка, что Тмутараканское княжество возникло на славянской этнической основе. Это была русская колония, появившаяся в результате завоевания; русские составляли здесь господствующую, но сравнительно малочисленную группу населения. Тмутаракань возникла, судя по археологическим данным, в VI в. и представляла собой поселение местных племен со многими чертами аланской и адыгейской культуры и со следами значительных связей с Византией»¹.

Для историко-правовой науки имеет значение то, что славянская государственная модель к Тмутаракани неприменима категорически. Хронология возникновения Тмутаракани, предложенная А. Л. Монгайтом (VI в.), подразумевает, что на ее территории с этого времени проживали народы, которые затем составили основу населения Тмутаракани. А. Л. Монгайт пишет: «В XI в. в эпоху расцвета русской Тмутаракани все русские письменные источники позволяют усматривать в ней не только город, но и обширную область, простиравшуюся от Керченского пролива до средней Кубани»². Непосредственная близость к народам Кавказа – аланам, касогам, другим – позволяет предположить их распространение и активное взаимодействие на территории Тмутаракани. Это подтверждается участием хазар и касогов в походе Мстислава 1022 г. Кроме того, А. Л. Монгайт пишет о том, что печать жены Олега Святославича, Феофании Музалон, с ее титулом «архонтиссы России» может означать, что территория Тмутаракани (вероятно, ее западная часть) находилась под управлением Феофании. Данный факт являлся своеобразным реверансом в сторону Византии, оказавшей помощь в прибытии Олега с о. Родос. Этот титул свидетельствует и об использовании названия «Россия» применительно к Тмутаракани.

В целом, «по-видимому, возникновение Тмутараканского княжества было результатом княжеской, дружинной колонизации и русский этнический слой на его территории был сравнительно незначительным, вследствие чего попытки археологического

¹ Там же. С. 56.

² Монгайт А. Л. Указ. соч. С. 58.

решения вопроса обречены на неудачу»¹. Выдающийся советский ученый Б. А. Рыбаков (1908–2001) пишет: «Особенно важны были южные связи Чернигова с Половецкой степью и приморской Тмутараканью. Чернигово-северские земли на большом пространстве были открыты степям; здесь строились пограничные оборонительные линии, здесь оседали побежденные кочевники, вытесненные с хороших пастбищ новыми хозяевами – половцами»². И далее продолжает: «Черниговским князьям, начиная с “храброго Мстислава, иже зареза Редедю пред полки Касожскими” и до начала XII века принадлежала Тмутаракань (современная Тамань) – древний город у Керченского пролива, большой международный порт, в котором жили греки, русские, хазары, армяне, евреи, адыгейцы. Средневековые географы, исчисляя длины черноморских маршрутов, нередко за одну из основных точек отсчета брали Тмутаракань. К середине XII века связи Тмутаракани с Черниговом оборвались, и этот морской порт перешел в руки половцев, чем и объясняется желание Игоря “поискати града Тьматороканя а любо испити шеломомь Дону”, то есть обновить старые пути к Черному морю, на Кавказ, в Крым и Византию»³. С точки зрения историко-правовой науки посыл Б. А. Рыбакова интересен в следующем:

- во-первых, констатируется слияние Чернигова с Тмутараканью в XI в. что, без сомнения, привело к распространению нормативно-правовых актов Древней Руси на их общую территорию;

- во-вторых, Б. А. Рыбаков обращает внимание на многонациональный состав населения Тмутаракани, что имеет значение для общественного строя;

- в-третьих, Б. А. Рыбаков указывает на экономическое и политическое значение Тмутаракани, ее выгодное местоположение и желание киевских князей контролировать такую важную территорию.

Издано множество ценных работ А. В. Гадло (1937–2002): «Восточный поход Святослава. К вопросу о начале Тмутараканского княжества» (1971), «К истории Тмутараканского

¹ Там же. С. 61.

² Рыбаков Б. А. Черниговское и Северское княжества // История СССР. С древнейших времен до наших дней: в 2 сериях, в 12 т. Т. 1. М.: Наука, 1966. С. 591.

³ Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 592.

княжества во второй половине XI в.» (1988), «Тмутараканские этюды I–IV» (1989–1990). С историко-правовой точки зрения они интересны тем, что в них автор, попутно с «генеральной» исторической линией, частично затрагивает вопросы появления и функционирования государства и права на территории Тмутаракани, общественного и государственного строя. В период написания ранних работ (1970-е гг.) А. В. Гадло придерживается традиционного подхода, анализирует летописный материал и труды предшественников. Он пишет: «Появление дружин Святослава на восточном берегу Керченского пролива осенью 965 г., конечно, не было неожиданностью для охранявшего пролив хазарского отряда. Весть о разгроме кагана, разрушении Итиля и Семендера, о победах в странах ясов и касогов, несомненно, уже дошла до обитателей Боспора и Тмутороканя. Письменные источники молчат о действиях Святослава на берегах пролива, но археология свидетельствует о том, что Тмуторокань и Боспор (С-м-к-р-ц – К-р-ц) в период, близкий к середине X столетия (для более точной датировки пока нет данных) подверглись сильному разрушению. Тмуторокань был, видимо, сожжен: мощный слой пожарища прорезает относящийся к X в. пласт культурных отложений на городище¹. В Боспоре была разрушена и снесена цитадель, возведенная в начале хазарского периода для контроля над городом и портом»².

Далее ученый описывает борьбу Святослава с хазарами более детально: «При разгроме цитадели не был разрушен храм Иоанна Предтечи, который в дальнейшем стал центром новой планировки портовой части города. Это свидетельствует о том, что разгром цитадели возглавляли провизантийски настроенные элементы, которые воспользовались появлением русских дружин на берегах пролива для низвержения почти трехсотлетнего господства хазар в Таврике»³. И продолжает: «Весьма вероятно, что в Приазовье Святослав, ликвидировав остатки хазарской администрации, проводил по отношению к обитателям края политику протектората. Коренные обитатели края, как можно

¹ Архив отдела полевых исследований Ин-та Археологии АН СССР. Ф. 1. Д. 1051/1954. С. 10.

² Гадло А. В. Восточный поход Святослава. К вопросу о начале Тмутараканского княжества // Проблемы истории феодальной России: сб. ст. к 60-летию профессора В. В. Мавродина / отв. ред. А. А. Шапиро. Л.: Изд-во АГУ, 1971. С. 61.

³ Там же. С. 62.

думать, сочувственно восприняли приход дружин Святослава»¹. Существенное внимание А. В. Гадло уделит и описанию быта в Тмутаракани. Например, особенностям строительства, которые получили распространение в Тмутаракани (так называемым хатам-мазанкам), гончарному делу, изготовлению керамических изделий².

В публикации «Новые сведения о Северном Причерноморье XII в.» (1972) Г. Г. Литаврина (1925–2009) речь идет о Тмутаракани в контексте отношений с Византией: «Мы считаем, что, говоря о Боспоре Киммерийском, Мануил Стравороман имеет в виду Тмутараканское княжество. Его территория во второй половине XI и в начале XII в. охватывала, по-видимому, оба берега Боспора. О каких-либо землях у пролива, принадлежавших в это время Византии, неизвестно. Сохранились лишь данные о том, что в 1059 г. византийцы овладели Сугдеей (Сурожем). Сведения о Тмутаракани в русских источниках исчезают как раз во время правления Алексея I Комнина (последний раз Тмутаракань упоминается под 1094 г.). В 1169 г., согласно хрисовулу Мануила I Комнина, Византия считала Тмутаракань собственным владением. Приобретение Тмутаракани византийцами следует относить к промежутку между 1094 (*terminus post quem*) и 1118 г. (последний год правления Алексея Комнина – *terminus ante quem*)»³. Г. Г. Литаврин пишет: «Захват Тмутаракани, скорее всего, не сопровождался какими-либо серьезными столкновениями византийцев с русскими в силу какой-то договоренности императора с князем-авантюристом и изгоем Олегом Святославичем (Гориславичем), который жил в Византии в течение четырех лет в качестве ссыльного, женился на знатной гречанке из рода Музалонов и сумел вернуть себе в 1083 г. Тмутаракань, как мы думаем, лишь при помощи византийского императора. Ценой этой помощи мог быть договор, по которому Тмутаракань после получения Олегом нового стола на Руси (Чернигова – 1094 г.) или после смерти Олега (1115 г.) должна была перейти в руки императора. С этим толкованием

¹ Там же. С. 62.

² Там же. С. 59.

³ Литаврин Г. Г. Новые сведения о Северном Причерноморье XII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: сб. ст., посвященный Л. В. Черепнину / отв. ред. В. Т. Пашуто. М.: Наука, 1972. С. 239.

свидетельства Мануила Страворомана согласуется и примерная датировка его сочинения – оно было написано, скорее всего, в конце царствования Алексея Комнина»¹.

Перечень ученых, внесших вклад в процесс исследования Тмутаракани, а также их научных трудов, приведенных нами в настоящей статье, не является исчерпывающим. Можно указать А. А. Миллера, В. Ф. Гайдукевича, К. В. Голенко, Е. Ч. Скржинскую, Т. И. Макарову, С. А. Плетневу. Вместе с тем труды этих ученых, на наш взгляд, более относимы к историко-правовому источниковедению. В связи с этим в нашей статье они подробно не рассмотрены.

В заключительной части статьи о советской историко-правовой историографии Тмутаракани необходимо констатировать, что в СССР появилось гораздо больше возможностей для создания и раскрытия в юридической науке темы настоящего исследования. Однако этого не сделано, историко-правовая историография Тмутаракани не создана. Причины различны: от недостатка информации до идеологических барьеров. В этих условиях для достижения цели нам нужно было проанализировать советскую историографию в контексте темы в целом, выбрать и систематизировать информацию, ценную для историко-правовой науки. В дальнейшем, на современном этапе, выходили в свет публикации, в которых предприняты попытки разработки проблемы, создания методологии исследования. Вместе с тем до настоящего времени данный вопрос в науке раскрыт не в полной мере.

Библиографический список

1. Гадло А. В. Восточный поход Святослава. К вопросу о начале Тмутараканского княжества // Проблемы истории феодальной России: сб. ст. к 60-летию профессора В. В. Мавродина / отв. ред. А. Л. Шапиро. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 59–67.
2. Козловский И. П. Тмуторокань и Таматарха – Матарха – Тамань // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1928. Т. 2. С. 58–72.
3. Кортяев В. Е. Древняя Тмутаракань в досоветской историко-правовой историографии // Legal Bulletin. 2023. Т. 8. № 4. С. 65–74.

¹ Там же. С. 240.

4. *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 554 с.

5. *Литаврин Г. Г.* Новые сведения о Северном Причерноморье XII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: сб. ст., посвященный А. В. Черепнину / отв. ред. В. Т. Пашуто. М.: Наука, 1972. С. 237–242.

6. *Монгайт А. Л.* О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сб. ст. (к 70-летию академика М. Н. Тихомирова). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 54–61.

7. *Мошин В. А.* Николай, епископ Тмутараканский // *Seminarium Kondakovianum*: сб. ст. Прага, 1932. Т. 5. С. 47–62.

8. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 262 с.

9. *Репников Н. И.* О древностях Тмутаракани // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания. Вып. IV. Василию Алексеевичу Городцову к 40-летию юбилею научной деятельности. М.: Российская ассоциация НИИ общественных наук, 1928. С. 437–441.

10. *Рыбаков Б. А.* Черниговское и Северское княжества // История СССР. С древнейших времен до наших дней: в 2 сериях, в 12 т. Т. 1. М.: Наука, 1966. С. 591–598.

11. *Смирнов В. Д.* Что такое Тмутаракань? // Византийский временник. 1923. Т. XXIII (1917–1922). С. 15–73.

12. *Шмит Ф. И.* О Тмутаракани // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1918. № 54. С. 1–5.

Е. Е. Леканова

аспирант Ярославского государственного
университета имени П. Г. Демидова
Россия, г. Ярославль
lekanova.katya@yandex.ru

**СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВОМ
ДЕТСТВА, МАТЕРИНСТВА, ОТЦОВСТВА И СЕМЬИ**

**THE FAMILY LAW MEASURES FOR THE PROTECTION BY THE
STATE OF CHILDHOOD, MATERNITY, PATERNITY
AND THE FAMILY**

В статье проанализированы меры, пределы и иные проявления защиты государством детства, материнства, отцовства и семьи в семейно-правовом поле. Сделан вывод о том, что к семейно-правовым мерам защиты государством детства относятся: 1) разрешение судом и иными государственными органами дел, связанных с защитой прав и интересов несовершеннолетних; 2) участие органов опеки и попечительства при рассмотрении всех категорий дел, связанных с воспитанием детей; 3) забота органов опеки и попечительства о детях, оставшихся без попечения родителей; 4) обязательность получения предварительного разрешения органов опеки и попечительства на совершение несовершеннолетними или его законными представителями сделок, влекущих уменьшение имущества несовершеннолетних или передачу имущества несовершеннолетних в пользование или в залог; 5) обязательное участие прокурора при рассмотрении дел, связанных с изъятием ребенка из семьи и с возвратом ребенка в семью. Семейно-правовыми мерами защиты государственными органами семьи в виде супружеской пары являются: 1) применение судом примирительных процедур в рамках бракоразводного процесса; 2) отказ суда в расторжении брака мужчине во время беременности его жены и в течение года после рождения у нее ребенка; 3) альтернативность режимов супружеской собственности вкупе с обязательным нотариальным удостоверением брачного договора. В свою очередь, семейно-

правовыми мерами защиты отцовства, материнства и семьи в виде родителей (одного родителя, усыновителей) и их несовершеннолетних детей (ребенка), не обладающих полной гражданской дееспособностью, со стороны государства выступают: 1) обеспечение общения родителей и ребенка государственными органами, у которых находится ребенок, попавший в экстремальную ситуацию (задержание, арест и т. п.); 2) обеспечение государственными органами при противодействии второго родителя регулярных встреч не живущим вместе ребенку и родителю для осуществления отдельно живущим родителем воспитания; 3) возврат родителям ребенка, изъятого у них в связи с непосредственной угрозой его жизни или здоровью, ограничением или лишением родительских прав, в случае улучшения поведения родителей.

Ключевые слова: государство, защита, семья, детство, материнство, отцовство, суды, органы опеки и попечительства, прокурор.

The article analyses the measures, limits and other manifestations of the state protection of childhood, motherhood, fatherhood and family in the family law field. It is concluded that the family law measures of the state's protection of childhood include: (1) the resolution by courts and other State bodies of cases involving the protection of the rights and interests of minors; (2) the participation of guardianship and custody bodies in the consideration of all categories of cases involving the upbringing of children; (3) the care of the guardianship and custody bodies for children left without parental care; (4) the obligation to obtain prior permission from the guardianship and custody bodies for transactions by minors or their legal representatives involving a reduction in the property of minors or the transfer of property to non-minors; and (4) the obligation to obtain prior permission from the guardianship and custody bodies for transactions involving a reduction in the property of minors or the transfer of property to non-minors. Family law measures of protection by state authorities of the family in the form of a married couple are: 1) application of conciliation procedures by the court in the framework of divorce proceedings; 2) refusal by the court to dissolve the marriage of a man during the pregnancy of his wife and within a year after the birth of a child with her; 3) alternative regimes of matrimonial property coupled with mandatory notarisation of the marriage contract. In turn, the family law measures of protection of paternity, maternity and family in the form of parents (single parent,

adoptive parents) and their minor children (child) who do not have full civil capacity, on the part of the state are: 1) ensuring communication between the parents and the child by the State authorities in whose custody the child who has fallen into an extreme situation (detention, arrest, etc.) is kept; 2) ensuring by the State authorities, with the opposition of the other parent, regular meetings between the child not living together and the parent for the purpose of education by the parent living separately; 3) returning to the parents a child taken from them in connection with a direct threat to his or her life or health, restriction or deprivation of parental rights, if the parents' behaviour improves.

Keywords: state, protection, family, childhood, maternity, paternity, courts, guardianship authorities, prosecutor.

Защиту государством детства, материнства, отцовства и семьи в научной литературе часто описывают в конституционно-правовом¹ и социально-обеспечительном² ракурсах, не уделяя должного внимания особенностям, пределам и «подводным камням» принципа государственной защиты детства, материнства, отцовства и семьи в семейно-правовом поле.

Актуальность исследования семейно-правовых особенностей защиты государством детства, материнства, отцовства и семьи обусловлена тем, что принцип защиты государством таких ценностей, как материнство, отцовство, семья и детство, служит «гарантом непрерывной смены поколений»³, а также важной

¹ См., напр.: *Исаева А. Д.* Конституционный принцип защиты семьи, материнства и детства // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2022. № 1. С. 46; *Ходусов А. А.* Конституционно-правовое регулирование защиты материнства и детства в Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 2. С. 62; *Савченко М. С., Кириченко Е. В., Калустова А. А.* Содержание конституционно-правового регулирования защиты семьи, материнства, отцовства и детства // Власть Закона. 2024. № 1. С. 82.

² См., напр.: *Ячменев Ю. В.* Социально-правовая политика государства по защите материнства и детства в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 2. С. 109; *Коротун А. В.* Механизмы социально-правовой защиты материнства и детства в современной России // Педагогическое образование в России. 2014. № 10. С. 198.

³ *Мун В. А.* Государственно-правовая охрана материнства и детства в России в середине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. С. 3.

составляющей для сохранения и развития многонационального народа России.

Исторически защита семейных прав осуществляется судом по правилам гражданского судопроизводства¹, а в случаях, предусмотренных Семейным кодексом Российской Федерации (СК РФ), государственными органами, в том числе органами опеки и попечительства (п. 1 ст. 8 СК РФ). Поскольку суды входят в состав органов государственной власти (ст. 10 Конституции РФ), то защита детства, материнства, отцовства и семьи в лице государства осуществляется судом при наличии оснований в случае предъявления иска, а также иными государственными органами – в случаях, предусмотренных СК РФ.

Семейно-правовая защита детства государством предполагает повышенное внимание к интересам детей со стороны органов опеки и попечительства, прокуроров и иных государственных органов.

Неоднократно упоминалось в научной литературе о том, СК РФ не изобилует дефинициями². Понятие «детство» в нем упоминается лишь единожды (не считая упоминания словосочетания «ребенок-инвалид с детства»), в п. 1 ст. 1 СК РФ: «Семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства»³.

Если проанализировать нормы п. 1 ст. 54, п. 2 ст. 61, п. 2 ст. 120 СК РФ и ст. 21 ГК РФ, то с юридической точки зрения **детство** представляет собой период развития человека с момента рождения до достижения ребенком совершеннолетия или до досрочного достижения им полной гражданской

¹ Рассказов А. П., Мантул Г. А. Специализированные суды по экономическим спорам в дореволюционной России // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 4(34). С. 65.

² См.: Антокольская М. В. Семейное право: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 127; Иванова Е. В., Семенова И. Ю. К вопросу законодательного оформления семьи как правовой категории // Oeconomia et Jus. 2017. № 3. С. 30; Семейное право: учебник для бакалавров / отв. ред. С. О. Лозовская. М.: Проспект, 2018. С. 68; Семейное право: учебник для бакалавров / под ред. Е. А. Чефрановой. М.: Юрайт, 2013. С. 35, 89; Нечаева А. М. Семейное право: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. С. 56; Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения: монография. М.: Проспект, 2014. С. 77.

³ Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 23.11.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

дееспособности. К числу основных государственных органов, которые осуществляют семейно-правовую защиту детства, относятся **суды, органы опеки и попечительства и прокурор**. Семейное законодательство в аспекте разрешения дел, связанных с защитой прав и интересов несовершеннолетних, в большей степени ориентировано на судебный порядок. И лишь некоторая часть таких дел отнесена к компетенции органов опеки и попечительства. В частности, органы опеки и попечительства разрешают споры между родителями об имени и (или) фамилии ребенка (п. 4 ст. 58, ст. 59 СК РФ), споры между опекуном ребенка несовершеннолетнего и несовершеннолетним родителем (п. 2 ст. 62 СК РФ), споры родителей о воспитании и образовании детей (п. 2 ст. 65 СК РФ), споры между родителями и близкими родственниками о предоставлении последним возможности общаться с ребенком (п. 2 ст. 67 СК РФ)¹.

Кроме того, органы опеки и попечительства суд привлекает к участию по всем категориям дел, связанным с воспитанием детей. Согласно требованиям п. 2 ст. 78 СК РФ органы опеки и попечительства обязаны провести обследование условий жизни ребенка и лиц, претендующих на его воспитание, а также представить суду основанное на акте обследования заключение по существу спора.

Помимо этого, государство контролирует с помощью органов опеки и попечительства некоторые действия родителей, усыновителей, опекунов и попечителей в рамках осуществления ими обязанности по законному представительству детей. Законный представитель малолетнего не вправе без предварительного разрешения органа опеки и попечительства совершать, а законный представитель несовершеннолетнего в возрасте от 14 лет – давать согласие на совершение сделок по отчуждению имущества несовершеннолетнего, сдаче его внаем (в аренду), в безвозмездное пользование или в залог, на раздел его имущества или выдел из него долей, а также любых других действий, влекущих уменьшение имущества несовершеннолетнего (п. 3 ст. 60 СК РФ, п. 2 ст. 37 ГК РФ).

¹См.: Сочнева О. И. Формы участия органов опеки и попечительства в рассмотрении споров о воспитании детей // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Тверь, 28–29 октября 2015 г.) / отв. ред. О. Ю. Ильина. Тверь: Тверской госуд. ун-т, 2015. С. 237.

Одним из главных направлений защиты детства органом опеки и попечительства выступает забота о детях, оставшихся без попечения родителей. Это относится к проявлениям социального характера российского государства.

По ряду семейных дел участником гражданского процесса выступает и прокурор. Из содержания ст. 45 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ следует, что прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту семьи, материнства, отцовства и детства, а в случаях, предусмотренных специальным отраслевым законодательством, он обязан принимать участие в процессе, инициированном другими субъектами, в форме дачи заключения по делу. С его обязательным участием рассматривают дела о лишении родительских прав, восстановлении в родительских правах, ограничении родительских прав, установлении усыновления (удочерения), отмене усыновления (удочерения)¹. В соответствии с разъяснением п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 с участием прокурора, исходя из аналогии закона (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ), подлежат рассмотрению также дела об отмене ограничения родительских прав и дела о признании недействительным акта органа исполнительной власти субъекта РФ или главы муниципального образования об отобрании ребенка и о возврате его в семью с учетом того, что в соответствии с п. 2 ст. 77 СК РФ в случае отобрания ребенка в связи с непосредственной угрозой его жизни или здоровью прокурора незамедлительно уведомляет об этом орган опеки и попечительства².

Семейно-правовая защита семьи государством представляет собой меры, направленные на обеспечение надлежащих организационных условий для создания семьи и поддержание государственной целостности семьи (предоставление различных пособий лицам, имеющим детей, иная материальная поддержка семьи со стороны государства выходят за рамки семейного права и носят социально-обеспечительную правовую природу). Как справедливо пишут М. С. Савченко, Е. В.

¹ См.: Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Права детей: учеб.-практ. пособие. М.: Проспект, 2018. С. 136.

² О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

Кирпиченко, А. А. Калустова, по своей сути государственные меры по защите семьи направлены на поддержание статуса семьи как основы общества¹.

По общему правилу (ст. 2, п. 2 ст. 61 СК РФ) под членами семьи законодатель понимает супругов, родителей (усыновителей) и несовершеннолетних детей, не обладающих полной гражданской дееспособностью. В отдельных случаях и пределах, предусмотренных семейным законодательством, состав членов семьи рассматривается законодателем шире (ст. 2 СК РФ). Речь идет об алиментных правоотношениях, в рамках которых членами семьи законодатель признает не только супругов, родителей (усыновителей) и несовершеннолетних детей, не обладающих полной гражданской дееспособностью, но и совершеннолетних детей (в том числе усыновленных), бабушек, дедушек, внуков и внучек, братьев и сестер, мачеху, отчима, пасынков и падчериц, а также фактических воспитанников и воспитателей.

Анализ норм СК РФ, в которых упоминается семья, показывает, что законодатель под семьей подразумевает супружескую пару без общих несовершеннолетних детей, не обладающих полной гражданской дееспособностью, либо родителей (одного родителя, усыновителей) и их несовершеннолетних детей (ребенка), не обладающих полной гражданской дееспособностью. Рассмотрим эти нормы подробнее. Так, согласно п. 1 ст. 22 СК РФ расторжение брака в судебном порядке при отсутствии согласия одного из супругов производится, если судом установлена «невозможность дальнейшей совместной жизни супругов и сохранения семьи». В соответствии с п. 1 ст. 27 СК РФ брак может быть признан недействительным в случае заключения фиктивного брака, то есть если супруги или один из них зарегистрировали брак без намерения создать семью. Из этого следует, что в ст. 22 и 27 СК РФ под семьей законодатель понимает находящиеся в браке мужчину и женщину, которые должны совместно решать внутрисемейные вопросы по взаимному согласию, а не всех близких родственников со стороны мужа и жены вместе с ними. В соответствии с п. 2 ст. 54 СК РФ каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно. Ребенок имеет право жить именно с родителями (усыновителями) (п. 2 ст.

¹ Савченко М. С., Кирпиченко Е. В., Калустова А. А. Указ. соч. С. 83.

20 ГК РФ). Другие родственники не обязаны жить вместе с ребенком, за исключением случаев, если они согласились быть опекунами (попечителями) ребенка. Из этого следует, что под семьей в ст. 54 СК РФ законодатель понимает родителей (одного родителя, усыновителей) и их несовершеннолетних детей (ребенка), не обладающих полной гражданской дееспособностью.

Таким образом, если речь идет о защите семьи государством, поддержании государством целостности семьи, то в качестве членов семьи рассматривают именно супругов, родителей (усыновителей) и их несовершеннолетних детей (ребенка), не обладающих полной гражданской дееспособностью.

В связи с этим семейно-правовую защиту семьи государством целесообразно рассматривать вместе с **семейно-правовой защитой материнства и отцовства**. Анализ статей 47, 48, 49 СК РФ помогает понять, какой смысл вкладывает законодатель в термины «материнство» и «отцовство». Материнство – это происхождение ребенка от конкретной женщины, при регистрации которого в установленном законом порядке у женщины возникают родительские права и обязанности. В свою очередь, отцовство – происхождение ребенка от конкретного мужчины, при регистрации которого в установленном законом порядке у мужчины возникают родительские права и обязанности.

Рассмотрим **случаи распада семьи** и возможности государства по их предотвращению. **Семья в виде супружеской пары** распадается в случае прекращения брака. Государственные органы в своем арсенале имеют следующие меры для предотвращения расторжения брака. Во-первых, суды при отсутствии согласия одного из супругов на развод вправе отложить разбирательство дела на срок не более трех месяцев, тем самым предоставив супругам время и возможность для примирения (п. 2 ст. 22 СК РФ). Во-вторых, суды, руководствуясь ст. 17 СК РФ, отказывают в расторжении брака, если муж без согласия жены предъявляет заявление о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка.

Кроме того, заключению официальных браков способствует альтернативность режимов супружеской собственности и возможность у супругов свободно их выбирать. Переход к рыночному типу экономики в постсоветский период привел к более либеральному регулированию имущественных отношений, в

том числе возникающих между супругами. Но так было не всегда. В дореволюционный период режим собственности супругов был раздельным¹. В первые годы советской власти императивное правило о режиме раздельной собственности супругов перенято Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР 1918 г.² (ст. 105). Затем, в 1927–1968 гг., хотя и установлен режим совместной собственности супругов, но не существовало презумпции равенства долей супругов в совместно нажитом имуществе, так как указанные доли определяли по усмотрению суда, и об этом гласит ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. (далее – КЗоБСО 1926 г.)³. В свою очередь, ст. 21 Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г. (далее – КоБС 1969 г.)⁴ установлен и закреплен режим совместной собственности супругов, равенство долей супругов в нем по общему правилу. В период действия КЗоБСО 1926 г. и КоБС 1969 г. доли в совместно нажитом имуществе супругов не могли были быть изменены соглашением между супругами, поскольку заключение договора (в том числе брачного), направленного на изменение режима совместной собственности и изменение долей супругов в совместно нажитом имуществе, не допускали⁵.

В 1995 г., с момента создания СК РФ⁶, презумпция равенства долей супругов в совместно нажитом имуществе и основания отступления от нее переняты практически в неизменном виде и зафиксированы в п. 1 и п. 2 ст. 39 СК РФ, а брачный договор стал новеллой постсоветского законодателя. СК РФ предусматривает два правовых режима имущественных отношений супругов: 1) законный режим (глава 7, ст. 33–39); 2)

¹ См.: Лакова М. Б. История возникновения и развития института совместной собственности супругов в Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2022. № 2-2. С. 86.

² Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве: принят ВЦИК 16 сентября 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 76-77. Ст. 818.

³ Кодекс законов о браке, семье и опеке: введен в действие постановлением ВЦИК от 19 ноября 1926 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

⁴ Кодекс о браке и семье РСФСР: утв. законом РСФСР от 30 июля 1969 г. // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 2. С. 43.

⁵ См.: Антокольская М. В. Указ. соч. С. 108, 116.

⁶ Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 23.11.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

договорный режим (глава 8, ст. 40–44)¹. Законным режимом имущества супругов является режим их совместной собственности. Исключение из такого режима составляет имущество, принадлежавшее супругам до вступления в брак, а также полученное ими в период состояния в браке безвозмездно от третьих лиц, которое признано раздельной собственностью. Этот режим имущества супругов действует, если брачным договором не установлен режим совместной, долевой или раздельной собственности на имущество супругов в целом, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов (ст. 42 СК РФ).

Профессор В. П. Камышанский следующим образом оценивает альтернативность и свободу выбора режимов супружеской собственности, существующую в постсоветской России: «Такой подход к построению имущественных отношений супругов не противоречит самой сущности брака, заключаемого в целях создания семьи и воспитания детей. Он позволяет исключить возможность заключения брака исключительно в целях получения материальных выгод за счет имущества будущего супруга и наилучшим образом обеспечивает экономическое равновесие и другие интересы супругов»². В большинстве случаев нежелание регистрировать фактические брачные отношения вызвано нежеланием участвовать в отношениях совместной собственности. Возможность предусмотреть в брачном договоре режим раздельной собственности на некоторые или все имущественные объекты, проявившаяся в постсоветском российском государстве, позволяет лицам с разным уровнем доходов вступать в официальный брак с наименьшими имущественными рисками.

Брачный договор подлежит нотариальному удостоверению (п. 2 ст. 41 СК РФ). Его заключают в трех экземплярах: один экземпляр хранится у нотариуса, и каждому из супругов выдают по экземпляру³.

¹ Камышанский В. П. Право общей собственности // Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2024. С. 301.

² Камышанский В. П. Указ. соч. С. 302.

³ Немчинова А. А. Брачный договор по российскому и зарубежному законодательству: сравнительно-правовой анализ // Право как искусство добра и справедливости: сб. науч. тр. Всерос. науч. конф. (Курск, 1 октября 2020 г.) / отв. ред. А. А. Горохов. Курск: Юго-Западный госуд. ун-т, 2020. С. 96.

Обязательное нотариальное удостоверение брачного договора служит превентивной мерой против фальсификации такого важного договора. Его подделка может обернуться несправедливым обеднением одного или обоих супругов в случае раздела имущества супругов в связи с разводом или взысканием долга. Как частнопрактикующие, так и государственные нотариусы совершают нотариальные действия от имени РФ (ст. 1 Основ законодательства РФ о нотариате¹). В связи с этим обязательное нотариальное удостоверение брачного договора можно расценивать как меру государственной защиты семьи.

Распад семьи в виде родителей (одного родителя, усыновителей) и их несовершеннолетних детей (ребенка), не обладающих полной гражданской дееспособностью, может произойти в случае разлучения ребенка и родителей (родителя, усыновителя). У государственных органов предусмотрены меры по обеспечению регулярного общения ребенка и родителя в случае их раздельного пребывания (проживания) при условии, что это не противоречит интересам ребенка.

Во-первых, в соответствии с п. 2 ст. 55 СК РФ ребенок, находящийся в экстремальной ситуации (такой, например, как задержание, арест), имеет право на общение с родителями (усыновителями), а государственные и иные органы, у которых находится ребенок, обязаны обеспечить реализацию соответствующего права. Во-вторых, не живущим вместе ребенку и родителю гарантированы регулярные встречи для осуществления отдельно живущим родителем воспитания (п. 1 ст. 66 СК РФ). Если второй родитель необоснованно препятствует такому общению, то для решения этой проблемы привлекают судебные органы и органы опеки и попечительства (п. 3 ст. 66 СК РФ).

В-третьих, отобрание ребенка государственными органами, ограничение и лишение родительских прав должно производиться в строго установленном законом порядке. Все три меры защиты ребенка от ненадлежащего родительского поведения связаны с «судебной компонентой». Ограничение и лишение родительских прав возможны только в судебном порядке. Отобрание ребенка при непосредственной угрозе его

¹ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. Верховным Советом РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (в ред. от 28.12.2024) // Рос. газ. 1993. 13 марта.

жизни или здоровью, хотя и осуществляется в административном порядке, но ввиду п. 2 ст. 77 СК РФ орган опеки и попечительства в течение семи дней после вынесения акта об отобрании ребенка должен обратиться в суд с иском о лишении родителей родительских прав или об ограничении их родительских прав, иначе государственные органы будут не вправе по истечении семи дней удерживать ребенка. Так как государство стоит на страже целостности семьи, данные меры носят преодолимый характер в случае изменения родительского поведения в лучшую сторону. Улучшение родителем своего поведения – то, чего ждут от родителя государство и общество, тем более что родителю предоставляют время для этого. При наличии оснований суд вправе отменить ограничение родительских прав или восстановить в родительских правах. Если родитель ограничен в родительских правах, то ему предоставляют шесть месяцев, прежде чем орган опеки и попечительства должен будет обратиться в суд с иском о лишении родительских прав в связи с тем, что родитель не изменил своего поведения в лучшую сторону (абз. 2 п. 2 ст. 73 СК РФ). Родителю, лишенному родительских прав, гарантирована невозможность усыновления его родного ребенка без его согласия в течение шести месяцев со дня вынесения решения суда о лишении родителей родительских прав (п. 6 ст. 71 СК РФ).

Пределы действия принципа защиты детства, материнства, отцовства и семьи можно обнаружить при сопоставлении данного принципа с другими принципами семейного права. Рассмотрим основные из них.

Во-первых, **принцип добровольности брачного союза** выступает пределом применения государством мер по поддержанию целостности семьи. Защита государством семьи не предполагает возможности у государства признавать фактические отношения между мужчиной и женщиной официальным браком и препятствовать взаимно согласованному разводу супругов, поскольку это противоречит принципу добровольности брачного союза, закрепленному в ст. 1 СК РФ.

Во-вторых, еще одним пределом принципа защиты детства, материнства, отцовства и семьи является **принцип недопустимости произвольного (необоснованного) вмешательства кого-либо в дела семьи**. В частности, на практике возникают случаи произвольного вмешательства органов опеки и попечительства в дела семьи, получившие

широкий общественный резонанс. К примеру, в 2018 г. органы опеки и попечительства изъяли у жительницы Владимирской области четверых детей из-за того, что электрическая проводка в ее доме «выполнена со многими техническими нарушениями, что может привести к замыканию электропроводки с последующим возгоранием помещения»¹. Этот факт стал поводом для того, чтобы у трудоустроенной и любящей матери, воспитывающей четверых детей, экстренно изъяли детей из семьи. По мнению Уполномоченного по правам ребенка во Владимирской области Г. Прохорычева, угрозы жизни детей в данной ситуации не существовало; специальным службам необходимо было оказать помощь многодетной семье, попавшей в трудную жизненную ситуацию, чтобы ликвидировать возможную угрозу жизни или здоровью детей. Позиции детского омбудсмена по Владимирской области впоследствии, более детально разобравшись в ситуации, стала придерживаться и прокуратура². В анализируемом случае нельзя говорить о наличии реальной угрозы жизни или здоровью детей. Речь идет только о потенциальной угрозе жизни или здоровью детей, не реализованной в течение многих месяцев, на протяжении которых дети с матерью жили в доме с техническими нарушениями в электрической проводке³. Таким образом, незамедлительного отобрания детей от родителя не требовалось.

Иными словами, государство вправе осуществлять защиту детства, семьи и родительства только при наличии для этого достаточных оснований. В противном случае вмешательство государства может необоснованно нарушить интересы одного или нескольких членов семьи при защите другого члена семьи.

В-третьих, **принцип добросовестности осуществления семейных прав** также указывает на границы принципа защиты

¹ Отобрание 4-х детей Лыковых из Новлянки // Родительское Всероссийское сопротивление (РВС). 2019. 12 февраля. URL: <https://rvs.su/statia/otobranie-4-h-detey-lykovyh-iz-novlyanki/> (дата обращения: 30.10.2024).

² Рябова О. А., Кузнецова Н. А., Матвеева Т. П., Кузнецова Н.В. Практика немедленного изъятия детей из семьи: проблемы и пути их решения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2020. № 3. С. 195.

³ Подробнее об этом см.: Леканова Е. Е. Правовые проблемы внесудебного отобрания ребенка: советское наследие, современное состояние и законоотворческие перспективы // Юридическая наука и практика. 2023. № 4. С. 71.

детства, материнства, отцовства и семьи. Принцип добросовестности осуществления семейных прав, хотя и в непоименованном виде, но все-таки содержится в СК РФ. В соответствии с п. 2 ст. 7 СК РФ семейные права охраняются законом, за исключением случаев, если они осуществляются в противоречии с назначением этих прав.

Если родители недобросовестно осуществляют родительские права, то речь идет об осуществлении этих прав в противоречии с их назначением, то есть в ущерб интересам ребенка. В указанном случае государство не может поддерживать целостность такой семьи, защищать отцовские (материнские) права, и государственным органам приходится временно или бессрочно разлучить ребенка с его родителем или обоими родителями.

Кроме того, государство не поддерживает фиктивные брачные союзы, так как в указанном случае речь идет о ненадлежащем осуществлении мужчиной и (или) женщиной права на брак. Это приводит к нарушению принципа добросовестности осуществления семейных прав. С каждым годом количество браков, заключенных с участием иностранного элемента, увеличивается, что приводит к росту количества судебных споров¹. Часто правоприменители в своих решениях по делам о фиктивных браках, заключенных в связи с желанием одного из супругов получить российское гражданство, указывают со ссылкой на ст. 1 СК РФ, что в таких делах государство защищает семью.

К примеру, в судебном деле по иску прокурора, действующего в интересах РФ, рассмотренном 27 февраля 2024 г. Максатихинским межрайонным судом Тверской области, указано, что гражданка Таджикистана вступила в брак с целью получения разрешения на временное проживание в России и получения российского гражданства в будущем, а гражданин РФ – с целью получения денежного вознаграждения в размере 15 тыс. руб. от будущей супруги. К тому же оба супруга сознались, что не имели цели создать семью и намерения поддерживать отношения друг с другом после свадьбы. Суд признал брак фиктивным, а в мотивировочной части, помимо норм о

¹ Подробнее об этом см.: Шеховцова А. С. Недействительность брака: правовые аспекты и тенденции совершенствования законодательства // Ермен. Global. 2024. № 54. С. 187.

недействительности брака, сослался на ч. 1 ст. 1 СК РФ, в которой определено, что семья, материнство, отцовство и детство в России находятся под защитой государства¹.

На наш взгляд, в приведенном и подобных случаях семья как таковая не создана. Следовательно, государству, в интересах которого действует прокурор, в таких ситуациях нечего защищать, кроме собственных интересов, в частности контроля за миграцией. Поэтому в решениях по делам о фиктивных браках, заключенных в связи с желанием одного из супругов получить российское гражданство, нужно делать ссылку на п. 2 ст. 7 СК РФ, указывая на недобросовестное распоряжение участниками дела правом на брак, а не п. 1 ст. 1 СК РФ.

А. С. Шеховцова и О. В. Алешина предложили перенять из зарубежной практики механизмы борьбы с фиктивными браками, заключаемыми с целью получения гражданства. В Германии супруг может получить гражданство только через три года брака, в Японии иммиграционные службы активно проверяют семьи на протяжении первых двух лет, а в США фиктивный брак может повлечь обвинение в мошенничестве и наказание в виде тюремного заключения на срок до десяти лет².

Тем не менее российское государство в 2023 г. разработало радикальный способ борьбы с фиктивными браками, заключаемыми лишь с целью получения гражданства. С 26 октября 2023 г. вступила в силу новая редакция Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»³, в которой не предусмотрено такое основание получения гражданства, как наличие брака с гражданином РФ. Вместе с тем иностранец может получить российское гражданство при наличии общего ребенка, в том числе усыновленного (удочеренного), с гражданином РФ при

¹ См., напр.: Решение Максатихинского районного суда Тверской области от 27 февраля 2024 г. по делу № 2-50/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Z7HWC1pak0LX/> (дата обращения: 03.11.2024).

² См.: Шеховцова А. С. Актуальные проблемы заключения брака с иностранным гражданином // Вестник экономики и права. 2024. № 96. С. 64; Алешина О. В. Фиктивный брак: проблема противодействия правонарушению // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1. С. 21.

³ О гражданстве Российской Федерации: федер. закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 18. Ст. 3215.

вступлении с ним брак (п. 2 ст. 16 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ).

С одной стороны, данное законодательное решение должно снизить количество «брачных спекуляций» с целью получения гражданства. Нужно также отличать ситуацию, в которой регистрируют брак с российским гражданином для получения гражданства и затем расторгают брак, от ситуации, в которой решают завести ребенка без любви с жителем другой страны только ради получения гражданства. Однако лазейка для недобросовестных мигрантов все-таки остается. Они могут оформить фиктивное отцовство в отношении российских детей матерей-одиночек, но это создает для них большой риск уплаты алиментов на содержание биологически чужого ребенка при последующем разводе в условиях невыгодности оспаривания фиктивного отцовства из-за угрозы аннулирования гражданства. Это, в свою очередь, выступает сдерживающим фактором для заключения иностранцами фиктивных браков с россиянами «в погоне за российским гражданством». С другой стороны, анализируемое законодательное решение ухудшает условия для создания настоящей семьи между россиянами и иностранцами. Только время покажет, чего больше от такого законодательного решения в сфере заключения брака с иностранным элементом: вреда или пользы. В целом можно констатировать появившуюся в России в 2023 г. тенденцию к снижению государственной защиты семей с иностранным элементом.

На основе вышеизложенного можно сделать ряд выводов.

1. Защита детства, материнства, отцовства и семьи в лице государства осуществляется судом при наличии оснований в случае предъявления иска, а также иными государственными органами (органами опеки и попечительства, прокурором) – в случаях, предусмотренных СК РФ.

2. Если речь идет о защите семьи государством, поддержании государством целостности семьи, то в качестве членов семьи рассматривают именно супругов, родителей (усыновителей) и их несовершеннолетних детей (ребенка), не обладающих полной гражданской дееспособностью. В связи с этим семейно-правовую защиту семьи государством целесообразно рассматривать вместе с семейно-правовой защитой детства, материнства и отцовства. Семья в виде супружеской пары распадается в случае прекращения брака. В

свою очередь, распад семьи в виде родителей (одного родителя, усыновителей) и их несовершеннолетних детей (ребенка), не обладающих полной гражданской дееспособностью, может произойти при разлучении ребенка и родителей (родителя, усыновителя).

3. Государственные органы имеют в своем арсенале ряд мер, которые могут предотвратить или остановить распад семьи, если члены семьи также будут прилагать усилия в этом направлении. К семейно-правовым мерам защиты государством детства относятся: 1) разрешение судом и иными государственными органами дел, связанных с защитой прав и интересов несовершеннолетних; 2) участие органов опеки и попечительства при рассмотрении всех категорий дел, связанных с воспитанием детей; 3) забота органов опеки и попечительства о детях, оставшихся без попечения родителей; 4) обязательность получения предварительного разрешения органов опеки и попечительства на совершение несовершеннолетними или его законными представителями сделок, влекущих уменьшение имущества несовершеннолетних или передачу имущества несовершеннолетних в пользование либо в залог; 5) обязательное участие прокурора при рассмотрении дел о лишении родительских прав, восстановлении в родительских правах, ограничении родительских прав, установлении или отмене усыновления (удочерения), об отмене ограничения родительских прав, о признании недействительным акта органа исполнительной власти субъекта РФ или главы муниципального образования об отобрании ребенка и о возврате его в семью.

Семейно-правовыми мерами защиты государственными органами семьи в виде супружеской пары являются: 1) применение судом примирительных процедур в рамках бракоразводного процесса; 2) отказ суда в расторжении брака мужчине во время беременности его жены и в течение года после рождения у нее ребенка; 3) альтернативность режимов супружеской собственности вкупе с обязательным нотариальным удостоверением брачного договора.

В свою очередь, семейно-правовыми мерами защиты отцовства, материнства и семьи в виде родителей (одного родителя, усыновителей) и их несовершеннолетних детей (ребенка), не обладающих полной гражданской дееспособностью, со стороны государства выступают: 1) обеспечение общения родителей и ребенка государственными органами, у которых

находится ребенок, попавший в экстремальную ситуацию (задержание, арест и т. п.); 2) обеспечение государственными органами при противодействии второго родителя регулярных встреч не живущим вместе ребенку и родителю для осуществления отдельно живущим родителем воспитания; 3) возврат родителям ребенка, изъятого у них в связи с непосредственной угрозой его жизни или здоровью, ограничением или лишением родительских прав, в случае улучшения поведения родителей.

4. В России с 2023 г. прослеживается тенденция к снижению государственной защиты семей с иностранным элементом, о которой свидетельствует отмена с 2023 г. такого основания получения российского гражданства, как наличие брака с гражданином РФ (в настоящее время для получения российского гражданства необходим общий ребенок вкупе с браком с российским гражданином), что создает трудности для совместного проживания этих супругов, реализации ими своих прав.

5. Пределы действия принципа защиты детства, материнства, отцовства и семьи можно обнаружить при его сопоставлении с другими принципами семейного права (принципом добровольности брачного союза; принципом недопустимости произвольного (необоснованного) вмешательства кого-либо в дела семьи; принципом добросовестности осуществления семейных прав).

Библиографический список

1. *Алешина О. В.* Фиктивный брак: проблема противодействия правонарушению // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2016. № 1. С. 18–22.

2. *Антокольская М. В.* Семейное право: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 432 с.

3. *Иванова Е. В., Семенова И. Ю.* К вопросу законодательного оформления семьи как правовой категории // *Oeconomia et Jus.* 2017. № 3. С. 28–34.

4. *Исаева А. Д.* Конституционный принцип защиты семьи, материнства и детства // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки.* 2022. № 1. С. 45–51.

5. *Камышанский В. П.* Право общей собственности // *Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под*

общ. ред. В. П. Камышанского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2024. С. 291–306.

6. *Коротун А. В.* Механизмы социально-правовой защиты материнства и детства в современной России // Педагогическое образование в России. 2014. № 10. С. 197–204.

7. *Лакова М. Б.* История возникновения и развития института совместной собственности супругов в Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2022. № 2-2. С. 85–88.

8. *Леканова Е. Е.* Правовые проблемы внесудебного отобрания ребенка: советское наследие, современное состояние и законотворческие перспективы // Юридическая наука и практика. 2023. № 4. С. 69–76.

9. *Мун В.А.* Государственно-правовая охрана материнства и детства в России в середине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. 37 с.

10. *Немчинова А. А.* Брачный договор по российскому и зарубежному законодательству: сравнительно-правовой анализ // Право как искусство добра и справедливости: сб. науч. тр. Всерос. науч. конф. (Курск, 1 октября 2020 г.) / отв. ред. А. А. Горохов. Курск: Юго-Западный госуд. ун-т, 2020. С. 95–99.

11. *Нечаева А.М.* Семейное право: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 303 с.

12. Отобрание 4-х детей Лыковых из Новлянки // Родительское Всероссийское сопротивление (РВС). 2019. 12 февраля. URL: <https://rvs.su/statia/otobranie-4-h-detey-lykovyh-iz-novlyanki/> (дата обращения: 30.10.2024).

13. *Рассказов А. П., Мантул Г. А.* Специализированные суды по экономическим спорам в дореволюционной России // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 4(34). С. 65–75.

14. *Рябова О. А., Кузнецова Н. А., Матвеева Т. П., Кузнецова Н. В.* Практика немедленного изъятия детей из семьи: проблемы и пути их решения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2020. № 3. С. 193–198.

15. *Савченко М. С., Кириченко Е. В., Калустова А. А.* Содержание конституционно-правового регулирования защиты семьи, материнства, отцовства и детства // Власть Закона. 2024. № 1. С. 81–90.

16. Семейное право: учебник для бакалавров / отв. ред. С. О. Лозовская. М.: Проспект, 2018. 352 с.

17. Семейное право: учебник для бакалавров / под ред. Е. А. Чефрановой. М.: Юрайт, 2013. 393 с.

18. Сочнева О. И. Формы участия органов опеки и попечительства в рассмотрении споров о воспитании детей // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Тверь, 28–29 октября 2015 г.) / отв. ред. О. Ю. Ильина. Тверь: Тверской госуд. ун-т, 2015. С. 237–241.

19. Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения: монография. М.: Проспект, 2014. 288 с.

20. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Права детей: учеб.-практ. пособие. М.: Проспект, 2018. 176 с.

21. Ходусов А. А. Конституционно-правовое регулирование защиты материнства и детства в Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 2. С. 61–68.

22. Шеховцова А. С. Актуальные проблемы заключения брака с иностранным гражданином // Вестник экономики и права. 2024. № 96. С. 62–66.

23. Шеховцова А. С. Недействительность брака: правовые аспекты и тенденции совершенствования законодательства // Еромеп. Global. 2024. № 54. С. 184–188.

24. Ячменев Ю. В. Социально-правовая политика государства по защите материнства и детства в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 2. С. 108–115.

В. А. Мартовская

заместитель начальника службы управления имуществом
Горьковской железной дороги – филиала ОАО «РЖД»,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Нижегородского государственного университета имени Н. И.
Лобачевского
Россия, г. Нижний Новгород
valeriam3001@mail.ru

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ
ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПУБЛИЧНОГО
СЕРВИТУТА В ОТНОШЕНИИ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ**

**ENSURING THE PROTECTION OF INTERESTS OF LAND PLOT
OWNERS WHEN ESTABLISHING PUBLIC EASEMENTS IN
RELATION TO LINEAR FACILITIES**

В статье проанализированы положения Земельного кодекса Российской Федерации (ЗК РФ), Гражданского кодекса РФ, мнения исследователей гражданско-правовой науки о вопросах правовой квалификации понятия «публичный сервитут» применительно к существованию линейных объектов, соотношения императивных норм об установлении публичного сервитута с общими принципами гражданско-правового регулирования. Анализ особенностей нормативно-правового регулирования в данном контексте позволяет сделать вывод о дисбалансе правового статуса правообладателя земельного участка, обременяемого публичным сервитутом, и лица, в интересах которого устанавливается публичный сервитут. По результатам исследования автором сформулированы предложения об изменении нормативно-правового регулирования, направленные на достижение баланса интересов участников гражданско-правового оборота, создание дополнительных гарантий защиты интересов правообладателя земельного участка, обременяемого публичным сервитутом. С этой целью предлагается изменение ст. 39.42 ЗК РФ в аспекте обязательного уведомления правообладателей земельных участков о поступлении ходатайства об установлении публичного

сервитута до принятия соответствующего решения в целях своевременного представления правообладателями земельных участков предложений, замечаний и возражений, в том числе об оптимальности размещения объекта недвижимости, для которого устанавливается публичный сервитут.

Ключевые слова: линейные объекты, сервитут, публичный сервитут, ограниченное вещное право, защита вещных прав, пределы права собственности, соглашение об осуществлении публичного сервитута, земельный участок как объект права, ограничения права.

The article analyses the provisions of the Land Code of the Russian Federation (LC RF), the Civil Code of the Russian Federation, the opinions of researchers of civil law science on the issues of legal qualification of the concept of 'public easement' in relation to the existence of linear objects, the correlation of peremptory norms on the establishment of public easement with the general principles of civil law regulation. The analysis of the peculiarities of normative-legal regulation in this context allows to draw a conclusion about the imbalance of the legal status of the owner of the land plot encumbered by public easement and the person in whose interests the public easement is established. Based on the results of the study the author formulated proposals to change the normative-legal regulation aimed at achieving a balance of interests of the participants of civil law turnover, creation of additional guarantees of protection of the interests of the right holder of the land plot encumbered by public easement. To this end, it is proposed to amend Article 39.42 of the RF Land Code in the aspect of mandatory notification of the right owners of land plots about the receipt of an application to establish a public easement before the adoption of the relevant decision in order for the right owners of land plots to timely submit proposals, comments and objections, including on the optimality of the location of the real estate object for which the public easement is established.

Keywords: linear objects, easement, public easement, limited proprietary right, protection of proprietary rights, limits of ownership rights, agreement on the implementation of public easement, land plot as an object of law, restrictions on the right.

Д

ля размещения линейных объектов в качестве способа приобретения прав на землю все чаще используют публичный сервитут за счет сокращения количества,

сроков административных процедур и использования административного ресурса.

В научном сообществе отсутствует единая точка зрения относительно правовой квалификации понятия «публичный сервитут». Термин “servitus”, дословно означавший во времена римского права «рабство вещей», подразумевавший то, что участок служил не только собственнику, но и собственнику соседнего «господствующего» участка¹, служит основой для современного понятия «сервитут» как ограниченного вещного права, права ограниченного пользования чужой вещью².

По своей правовой природе сервитут не связан с лишением собственника обременяемого земельного участка возможности владеть и пользоваться им, в том числе определенной его частью (более или менее значительной). Еще в римском праве действующие правила о сервитуте связывали его с правомочием пользования: сервитуты не могли находиться во владении, не были связаны с ним. Исходя из классических представлений, можно утверждать, что сервитут правомочие владения не включает в себя³.

Классическое понимание сервитута, как пишет С. А. Сеницын, предполагает наличие господствующего и служащего земельного участков, собственники которых вынуждены взаимодействовать друг с другом, и каждый из них несет риски ограничения и невозможности осуществления своего права в связи с действиями другого. Собственник обремененного земельного участка вынужден претерпевать ограничения права собственности действиями сервитутария, а последний принимает на себя сложности установления и осуществления сервитута⁴.

¹ Вагина О. В. Новый вид права ограниченного пользования чужим земельным участком – сервитут на публичные земли // Бизнес, менеджмент и право. 2015. № 1. С. 71.

² Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 192.

³ Шенникова Л. В. Сервитуты: история и современная судебно-арбитражная практика // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 2. С. 162.

⁴ Сеницын С. А. Частные и публичные сервитуты в российском и зарубежном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 33; Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // Юрист. 2004. № 5. С. 5.

При этом, исходя из содержания главы V.7 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ), становится очевидным, что установление публичного сервитута в отдельных целях может привести как к существенным затруднениям в использовании земельного участка и расположенных на нем объектов недвижимости, так и к невозможности их использования. По справедливому утверждению Е. А. Суханова, в таком случае собственник земельного участка остается с «голым правом» (*nudum ius*), поскольку проложенный через земельный участок линейный объект практически лишает землю экономической ценности, а во многих случаях и физически препятствует ее обычному использованию¹.

Согласно одной позиции, наряду с ранее действовавшим публичным сервитутом как ограничением чужих прав, с принятием Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 341-ФЗ появился публичный сервитут как ограниченное вещное право². Аналогичное мнение о том, что публичный сервитут фактически обладает некоторыми признаками субъективного вещного права (среди них – право использования обременяемого земельного участка, абсолютный характер права, право следования, равенство и имущественная самостоятельность правообладателя земельного участка и обладателя публичного сервитута), но не отвечает признакам сервитута, легального сервитута, а использование в названии и легальном определении публичного сервитута термина «сервитут» не отражает природу указанного права, выражено М. С. Муравьевой³.

Возможности отнесения публичного сервитута в отдельных целях к ограниченно вещным правам препятствует приведенное в п. 3 ст. 23 ЗК РФ нераспространение норм гражданского законодательства к рассматриваемой правовой конструкции. По мнению ряда исследователей науки гражданского права, с точки зрения наличия конкретного заинтересованного в установлении публичного сервитута лица к правовой категории, предусмотренной главой V.7 ЗК РФ, некорректным видится

¹ Новая жизнь публичных сервитутов / А. Иванов, М. Бочаров, Е. Суханов и др. // Закон. 2018. № 10. С. 22.

² Жаркова О. А. Оформление прав на линейные объекты // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 12. С. 50.

³ Муравьева М. С. Правовой режим земельных участков, предназначенных и (или) используемых для размещения линейных объектов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 12, 105.

употребление к указанному понятию термина «публичный», придающего интересуемому понятию характер общественной пользы для неограниченного круга лиц. Целесообразнее для его обозначения было бы использовать название «административный»¹.

Известны и сторонники позиции о том, что даже при наличии субъекта, заинтересованного в публичном сервитуте, устанавливаемом в отдельных целях, публичный интерес проявляется опосредованно². По мнению Е. А. Поветкиной, публичный сервитут представляет собой принудительное отчуждение собственности в публичных интересах. Его главное отличие от сервитута классического, частного, состоит отнюдь не в том, что управомоченной стороной является неопределенный круг лиц, а в том, что посредством его установления удовлетворяются публичные, а не частные интересы³.

Публичный сервитут служит, с точки зрения А. И. Малинниковой, инструментом, обеспечивающим упрощение оформления прав на земли и земельные участки, занимающего едва ли не большую часть времени, необходимого для строительства, реконструкции инженерных сооружений, в целях удовлетворения публичных интересов, обеспечения населения соответствующими благами⁴.

Некорректным для описания конструкции публичного сервитута в отдельных целях ряд исследователей считают не только термин «публичный», но и термин «сервитут», что представляется обоснованным, поскольку прежде всего порядок установления публичного сервитута носит императивный, административно-властный характер (согласно п. 3 ст. 2 Гражданского кодекса (ГК) РФ к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым, иным финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется), а также в связи с прямым указанием в нормах права о нераспространении к правоотношениям, возникающим в связи с установлением,

¹ Новая жизнь публичных сервитутов... Указ. соч. С. 25.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 27.

⁴ Малинникова А. И. Особенности установления публичного сервитута в целях размещения инженерных сооружений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 1. С. 105.

осуществлением и прекращением действия публичного сервитута, положений ГК РФ о сервитуте и положения главы V.3 настоящего Кодекса (п. 3 ст. 23 ЗК РФ).

По мнению В. А. Майборода, публичный сервитут не может отождествляться с сервитутом ни по своей природе, ни по правовому содержанию, ни по основаниям возникновения, ни по иным элементам юридического состава. Применение одного и того же термина «сервитут» для обозначения двух институтов не должно вводить в заблуждение и тем более служить основанием для проведения параллелей между принципиально отличными разноотраслевыми институтами: административно-правовым внесудебным ограничением субъективных гражданских прав («публичный сервитут») и ограниченным вещным правом (сервитут)¹.

В качестве альтернативы при использовании термина «сервитут» для правовой категории «публичный сервитут» Т. С. Краснова предлагает вариант «предела права собственности»², М. Церковников – «ограничения права собственности»³.

Как справедливо утверждает В. П. Камышанский, нельзя смешивать пределы, либо границы, права собственности с пределами ограничения права собственности⁴. В качестве границ права собственности, по мнению ученого, могут выступать предусмотренные запреты, определяющие пределы свободы действий собственника в отношении принадлежащего ему имущества. Границами ограничений права собственности могут служить дозволения в виде ограниченных прав третьих лиц на чужое имущество, а также права и законные интересы общества в целом. Право собственности обязывает собственника руководствоваться не только собственными интересами, но и учитывать интересы общества⁵.

Исходя из приведенного подхода, становится понятным, что правовая категория публичного сервитута, устанавливаемого в

¹ Майборода В. А. Установление публичного сервитута для отдельных целей в отношении части земельного участка // Нотариус. 2020. № 4. С. 43.

² Краснова Т. С. Публичный сервитут для размещения линейного объекта: комментарий к новеллам Земельного кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 3. С. 16.

³ Новая жизнь публичных сервитутов... Указ. соч. С. 17.

⁴ Камышанский В. П. Пределы и ограничения права собственности: монография. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2000. С. 13–14.

⁵ Там же. С. 15.

отдельных целях, ближе к ограничениям права собственности. Вместе с тем, согласно заключению Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 17 июля 2017 г. № 167-3/2017 по проекту Федерального закона № 187920-7 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части упрощения строительства, реконструкции, капитального ремонта и (или) эксплуатации линейных объектов», конструкция публичного сервитута в ее актуальном виде неприемлема, поскольку допускает индивидуальные, выборочные и не контролируемые судебной властью ограничения права собственности на земельные участки в административном порядке. К тому же цель сокращения срока получения сетевыми компаниями права на использование чужих земельных участков для целей осуществления уставной, то есть предпринимательской деятельности, не может служить надлежащим, достаточным и единственным основанием для того, чтобы в законодательном порядке допустить возможность по существу бесконтрольного, внесудебного и только административного ограничения права собственности на землю как института, имеющего определяющее значение для национальной правовой системы.

Большинство цивилистов придерживаются мнения относительно того, что новый публичный сервитут, устанавливаемый решением уполномоченного органа, а не в результате соглашения, в том числе в отношении участков, находящихся в частной собственности, нарушает баланс публичных и частных интересов и сталкивает лиц, которые должны быть равноправными по правилам гражданского законодательства. По мнению В. П. Камышанского, расширяя или сужая усмотрение в праве собственности, законодатель использует запреты, дозволения, обязывания, стимулы, которые относятся к способам правового регулирования отношений собственности. Ограничение возможности злоупотребления со стороны собственника может сопровождаться злоупотреблением со стороны законодателя и наоборот. Поиск «золотой середины» в большей мере отвечает интересам общества и позволяет ограничивать эгоизм собственника¹.

Полагаем, правовая конструкция публичного сервитута в отдельных целях, относящаяся к ограничениям права

¹ Камышанский В. П. Указ. соч. С. 37.

собственности, в имеющемся виде не отражает необходимую «золотую середину», представляющую баланс интересов правообладателя земельного участка и лица, заинтересованного в установлении публичного сервитута. Так, при оформлении соглашения об установлении публичного сервитута в отдельных целях в соответствии с нормами ЗК РФ правовой статус собственника земельного участка, обременяемого публичным сервитутом, нельзя назвать равным правовому статусу лица, в интересах которого устанавливается публичный сервитут, поскольку в тексте соглашения подлежат отражению утвержденные административным решением срок публичного сервитута, сведения о границах сервитута, размере платы за сервитут согласно отчету об оценке.

Понятие «соглашение» в рассматриваемом случае является неподходящим для описания правоотношения, в котором воля одного участника полностью ограничена имеющимися рамками и условиями. Называемый «соглашением» документ, направляемый, согласно ст. 39.47 ЗК РФ, правообладателю земельного участка, по своей сути и порядку оформления в большей мере соответствует понятиям «уведомление» или «регламент», а подпись правообладателя земельного участка служит подтверждением осведомленности относительно утвержденных условий публичного сервитута, а не выражением автономии воли.

Подтверждением отсутствия автономии воли правообладателя земельного участка при установлении публичного сервитута являются нормы, согласно которым в случае отсутствия заключения соглашения об осуществлении публичного сервитута в течение 30 дней со дня его получения правообладателем земельного участка обладатель публичного сервитута вправе внести плату за сервитут в депозит нотариуса и осуществлять сервитут до заключения соглашения, в том числе выполнять необходимые работы в соответствии с графиком и сроками, предусмотренными проектом соглашения, за исключением случая оспаривания правообладателем земельного участка решения об установлении публичного сервитута в суде.

Кроме того, п. 9 ст. 39.43 ЗК РФ для правообладателя земельного участка установлен короткий срок для оспаривания решения об установлении публичного сервитута: до истечения тридцати дней со дня получения соглашения об осуществлении публичного сервитута. По справедливому убеждению Е. С. Болтановой, несмотря на то, что правообладатель земельного

участка и (или) иной недвижимости выступает обладателем вещного, казалось бы, стабильного и «защищенного» права, именно он, а не лицо, имеющее лишь интерес в размещении линейного объекта, вынужден предпринимать активные процессуальные действия, то есть фактически оказывается в невыгодном положении¹.

Закрепление в российском законодательстве возможности сервитуария строить на служебном земельном участке объект недвижимости с приобретением права собственности на него свидетельствует об отступлении от известного с римских времен принципа *superficies solo cedit*². Наиболее целесообразным, на наш взгляд, в целях соблюдения баланса интересов участников гражданско-правового оборота было бы привлечение правообладателя земельного участка к рассмотрению вопроса об установлении публичного сервитута на этапе до принятия соответствующего решения уполномоченным органом, в целях своевременного представления правообладателем земельного участка аргументированных предложений, замечаний, возражений, в том числе относительно наименее обременительного расположения объекта в границах участка, наличия ограничений.

В этой связи недостаточно обоснованным, на наш взгляд, видится описание в ст. 39.42 ЗК РФ порядка уведомления правообладателей земельных участков о планируемом установлении публичного сервитута путем опубликования сообщения о возможном установлении публичного сервитута на официальном сайте органа, уполномоченного на установление публичного сервитута, и официальном сайте муниципального образования, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, только в случае, если заявителю не предоставлены из ЕГРН сведения обо всех правообладателях интересующих земельных участков.

Кроме того, если законодательно предусмотрена необходимость уведомления правообладателя земельного участка о принятии решения об установлении сервитута путем направления ему условий соответствующего соглашения (по

¹ Болтанова Е. С. Публичный сервитут в целях строительства сооружений: вопросы конституционных прав граждан и обеспечения баланса интересов // Закон. 2019. № 2. С. 52.

² Там же. С. 54.

факту вынесенного решения), полагаем, не совсем обоснованным отсутствие нормы, закрепляющей обязательность запроса у правообладателя земельного участка мотивированных предложений, замечаний, возражений относительно условий установления публичного сервитута на этапе рассмотрения ходатайства об установлении публичного сервитута, до принятия соответствующего решения уполномоченным органом. Такой подход позволил бы урегулировать ряд спорных вопросов, в частности об оптимальном и наименее обременительном местоположении линейного объекта, наличии зон с особыми условиями использования; исключить переход решения вопроса размещения линейного объекта в плоскость судебного разбирательства. Участие правообладателя земельного участка при рассмотрении ходатайства об установлении публичного сервитута будет способствовать объективности при принятии решения, установлению всех важных для принимаемого решения обстоятельств.

Более целесообразным для сбора объективных данных, своевременного получения предложений, замечаний, возражений правообладателей при рассмотрении вопроса об установлении публичного сервитута было бы предписание нормой ст. 39.42 ЗК РФ обеспечения публикации сообщения о возможном установлении публичного сервитута способами, описанными в статье, в определенный срок с момента поступления ходатайства, а после предоставления из ЕГРН сведений о правообладателях интересуемых земельных участков – также направления уведомлений в адрес всех установленных правообладателей земельных участков. Данная обязанность может быть предусмотрена как для заинтересованного лица, так и для уполномоченного на установление публичного сервитута органа власти.

Непосредственное уведомление правообладателей – физических лиц возможно и через портал «Госуслуги», юридических лиц – через официальную электронную почту или любыми современными доступными способами. Правообладатели земельных участков при этом должны рассматриваться как равноправные участники процесса установления публичного сервитута, законом должно быть гарантировано их право обоснованного возражения относительно возможного в будущем установления ограничений. В настоящее время правообладатели получают уведомления только после принятого решения, что

видится не совсем обоснованным с точки зрения равноправия участников гражданско-правового оборота.

На основании изложенного полагаем целесообразным дополнение ст. 39.42 ЗК РФ подпунктом «3.1.» следующего содержания: «В срок не более чем десять рабочих дней со дня получения сведений из ЕГРН о правообладателях земельных участков орган, уполномоченный на установление публичного сервитута, обеспечивает извещение установленных правообладателей земельных участков путем направления уведомлений правообладателям – физическим лицам через портал «Госуслуги», юридическим лицам – по адресу электронной почты или другим доступным способом».

Закрепленный сегодня в законодательстве императивный характер публичного сервитута, с одной стороны, позволяет владельцам линейных объектов существенно сократить сроки приобретения прав на землю, но, с другой – может привести к злоупотреблению правами лицами, в интересах которых устанавливаются публичные сервитуты, а также многочисленным судебным спорам. Нет сомнения в том, что стремление на законодательном уровне установить приоритетность решения тех или иных вопросов путем сокращения количества разрешительных документов, сроков их оформления, упрощения административных процедур в целях удовлетворения потребностей государства и общества в развитии значимой инфраструктуры в целом не должно нарушать, ограничивать права и законные интересы остальных участников гражданского общества.

Библиографический список

1. Болтанова Е. С. Публичный сервитут в целях строительства сооружений: вопросы конституционных прав граждан и обеспечения баланса интересов // Закон. 2019. № 2. С. 45–55.
2. Вагина О. В. Новый вид права ограниченного пользования чужим земельным участком – сервитут на публичные земли // Бизнес, менеджмент и право. 2015. № 1. С. 71–73.
3. Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.

Жаркова О. А. Оформление прав на линейные объекты // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 12. С. 43–55.

4. *Камышанский В. П.* Конституционные ограничения права собственности // Юрист. 2004. № 5. С. 5–7.

5. *Камышанский В. П.* Пределы и ограничения права собственности: монография. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2000. 224 с.

6. *Краснова Т. С.* Публичный сервитут для размещения линейного объекта: комментарий к новеллам Земельного кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 3. С. 124–144.

7. *Майборода В. А.* Установление публичного сервитута для отдельных целей в отношении части земельного участка // Нотариус. 2020. № 4. С. 41–44.

8. *Малинникова А. И.* Особенности установления публичного сервитута в целях размещения инженерных сооружений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 1. С. 104–110.

9. *Муравьева М. С.* Правовой режим земельных участков, предназначенных и (или) используемых для размещения линейных объектов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 108 с.

10. Новая жизнь публичных сервитутов / А. Иванов, М. Бочаров, Е. Суханов и др. // Закон. 2018. № 10. С. 17–37.

11. *Синицын С. А.* Частные и публичные сервитуты в российском и зарубежном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 26–45.

12. *Щенникова Л. В.* Сервитуты: история и современная судебная практика // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 2. С. 162–167.

А. И. Мосьпан

аспирант кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного
университета имени И. Т. Трубиллина
Россия, г. Краснодар
garkavaya_anastasiya@list.ru

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СОХРАНЕНИЯ ИЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ**

**THE PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF
PREVENTING CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF THE
REQUIREMENTS OF PRESERVATION OF THE USE OF
HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS**

Согласно авторской позиции, охрана культурных ценностей является одним из приоритетных направлений государственной политики и деятельности общества. Статья посвящена актуальным проблемам правоприменительной практики в области привлечения к уголовной ответственности за нарушения, связанные с сохранением и использованием памятников истории и культуры. По результатам анализа норм (ст. 243.1) Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), а также действующего законодательства, регулирующего вопросы охраны объектов культурного наследия, включая смежные нормативные акты, выявлены основные проблемы, связанные с применением данных норм на практике. Сделан акцент на недостаточной разработанности критериев оценки ущерба, причиненного объектам культурного наследия, что вызывает затруднения при квалификации преступных посягательств на памятники истории и культуры. В процессе анализа правоприменительной практики и научных исследований предлагаются рекомендации по совершенствованию правового регулирования и повышению эффективности уголовно-правовых мер в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: культурные ценности, объекты культурного наследия, памятники истории и культуры, выявленный объект культурного наследия, повреждение, уничтожение, крупный размер.

According to the author's position, the protection of cultural values is one of the priority directions of state policy and activities of society. The article is devoted to the current problems of law enforcement practice in the field of bringing to criminal responsibility for violations related to the preservation and use of historical and cultural monuments. Based on the results of the analysis of the norms (Art. 243.1) of the Criminal Code of the Russian Federation (Criminal Code of the Russian Federation), as well as the current legislation regulating the issues of protection of cultural heritage objects, including related normative acts, the main problems associated with the application of these norms in practice are identified. Emphasis is placed on the insufficient development of criteria for assessing damage caused to cultural heritage objects, which causes difficulties in the qualification of criminal offences against historical and cultural monuments. In the process of analysis of law enforcement practice and scientific research recommendations are offered to improve legal regulation and increase the effectiveness of criminal-legal measures in this area.

Keywords: cultural values, objects of cultural heritage, historical and cultural monuments, identified object of cultural heritage, damage, destruction, large size.

Историко-культурное наследие России, обладающее огромной ценностью, служит не только фундаментом для сохранения и возрождения национальных традиций, но и важным фактором укрепления патриотизма, формирования национальной идентичности и духовных основ общества. Эти объекты представляют собой бесценное свидетельство прошлого, отражая ключевые этапы развития российской государственности, культуры, архитектуры и искусства. Они выступают связующим звеном между поколениями, передавая потомкам знания о традициях, событиях и выдающихся личностях, внесших значительный вклад в становление страны.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СОХРАНЕНИЯ ИЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Кроме того, историко-культурные памятники являются уникальным ресурсом для развития туризма¹, науки и культуры, способствуя популяризации исторического наследия и привлечению внимания как отечественных, так и иностранных исследователей, туристов и инвесторов. Развитие культурно-познавательного туризма на основе таких объектов способствует экономическому росту регионов, стимулирует создание новых рабочих мест и формирование инфраструктуры, связанной с гостиничным бизнесом, ресторанной индустрией и ремесленным производством².

Однако значительный возраст многих исторических зданий и сооружений приводит к их постепенному износу, что создает необходимость в регулярном уходе, проведении ремонтных и реставрационных работ³. Восстановление и сохранение архитектурных памятников требует значительных финансовых вложений, профессионального подхода и соблюдения строгих норм, регламентирующих проведение реставрационных мероприятий⁴. В соответствии с действующим законодательством ответственность за содержание таких объектов возлагают на их владельцев, которые обязаны обеспечивать проведение необходимых работ за счет собственных средств. Вместе с тем, учитывая общественную значимость сохранения культурного наследия, государство реализует программы поддержки, направленные на субсидирование реставрационных мероприятий, предоставление налоговых льгот и привлечение частных инвесторов для финансирования восстановления памятников истории и культуры.

Введение ст. 243.1 УК РФ обусловлено необходимостью пресечения нарушения указанными лицами требований

¹ Камышанский В. П. Сельский туризм получил законодательную поддержку // Власть Закона. 2022. № 2 (50). С. 15; Мантул Г. А. Оказание услуг сельского туризма: опыт, проблемы, перспективы // Власть Закона. 2024. № 4. С. 135.

² Редчиц М. А. Уголовно-правовая охрана объектов культурного наследия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 94.

³ Халиков И. А. Уголовная ответственность за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 112.

⁴ Капитонова Е. А. Несовершеннолетний как субъект обязанностей в сфере охраны исторического и культурного наследия // Культура: управление, экономика, право. 2015. № 3. С. 3.

действующего законодательства в области охраны объектов культурного наследия (далее – ОКН), влекущего их уничтожение либо повреждение¹. Предметом преступления, предусмотренного ст. 243.1 УК РФ, являются только два вида объектов, взятых под охрану государства: ОКН, включенные в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ (далее – реестр), и выявленные ОКН².

Под ОКН следует понимать имеющие историческую, культурную, антропологическую, архитектурную ценность недвижимые вещи, созданные человеком в прошлом и включенные в реестр на основании решения уполномоченного органа охраны ОКН в зависимости от его историко-культурного значения. Выявленными ОКН являются объекты недвижимости³, обладающие признаками ОКН, включенные на основании решения уполномоченного органа охраны ОКН в перечень выявленных ОКН, или обнаруженные в установленном законом порядке объекты археологического наследия.

Вместе с тем на практике возникают сложности, связанные с установлением статуса объекта, особенно если он не внесен в реестр, но обладает признаками культурного наследия⁴. Конституционным Судом РФ в постановлении от 11 апреля 2024 г. № 17-П⁵ сделан вывод о том, что правовая защита исторических зданий, связанная с запретом их сноса правообладателями, распространяется на объекты, обладающие признаками ОКН, в ограниченной форме.

¹ Окружко В. Ю. Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации как объект преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. № 4. С. 124.

² Иногамова-Хегай Л. В. Конкуренция норм уголовного права. М.: Щит-М, 1999. С. 132.

³ Камышанский В. П., Попова Л. И., Матул Г. А. Объекты гражданских прав: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2024. С. 19.

⁴ Клебанов А. Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 214.

⁵ По делу о проверке конституционности статьи 85, части 4 статьи 87 и статьи 211 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Сергеева: постановление Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2024 г. № 17-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 17. Ст. 2393

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СОХРАНЕНИЯ ИЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Действующим законодательством не установлена ответственность собственников и иных законных владельцев объектов, обладающих признаками ОКН. В связи с этим существующий правовой режим охраны памятников истории и культуры не обеспечивает защиту указанных объектов от невосполнимой (безвозвратной) утраты, в том числе от его несанкционированного сноса. Однако многие здания или сооружения, обладающие исторической, архитектурной или культурной ценностью, но не прошедшие процедуру официального определения их статуса, остаются вне зоны действия строгих правовых ограничений.

Исторический облик городов, расположенных на территории РФ, формируют ОКН, выявленные ОКН, а также объекты ценной градостроительной среды¹. Концепцией Министерства культуры РФ на период до 2030 г.² по развитию исторических поселений, поддержке и популяризации культурных и туристских возможностей, развитию экономики культурного наследия, утвержденной в 2017 г., предусмотрено, что именно указанные объекты позволяют обеспечить целостность восприятия исторической планировки и застройки улиц.

Распространенная практика сноса либо проведения несанкционированных работ в отношении старинных зданий представляет существенную угрозу сохранности исторических поселений для будущих поколений. В ходе указанных работ здание фактически остается, однако демонтируются либо скрываются за сайдингом его архитектурные элементы, представляющие историческую и градоформирующую ценность.

В настоящее время предусмотрена административная ответственность в случаях повреждения ценных объектов историко-градостроительной среды (ст. 7.14.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях)³. Но указанная статья

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2013. С. 17.

² Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2019–2021 гг. Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 11 июня 2019 г. № 1259-п // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 25. Ст. 3280.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 01.03.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

предусматривает административную ответственность за уничтожение или повреждение объектов, входящих в предмет охраны исторического поселения, только для юридических лиц. Ввиду этого действующее законодательство не устанавливает ответственности за подобные правонарушения для физических лиц, включая собственников и других владельцев объектов, представляющих ценность для историко-градостроительной среды. Таким образом, физические лица, даже если они владеют памятниками архитектуры, не могут быть привлечены к ответственности за их уничтожение или повреждение в рамках данной нормы.

В связи с вышеизложенным, по нашему мнению, уголовную ответственность по ст. 243.1 УК РФ¹ необходимо распространить на объекты, обладающие признаками ОКН, а также ценные объекты историко-градостроительной среды, поскольку их повреждение или уничтожение может привести к безвозвратной утрате их историко-культурной ценности.

В целях выявления признаков объективной стороны указанного преступления следует учитывать исключительно то, посредством каких действий (бездействия) оно совершено. Способ, время, обстановка для квалификации общественно опасных деяний, предусмотренных ст. 243.1 УК РФ, не имеют значения. Объективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется действиями или бездействием, выраженных в нарушении требований законодательства об ОКН (например, снос или повреждение зданий, сооружений, археологических объектов, несанкционированная реконструкция памятника, ведущая к утрате исторического облика, проведение земляных либо строительных работ, создающих угрозу сохранности ОКН, длительное непринятие мер по сохранению памятника, ведущее к его разрушению).

Состав работ по сохранению ОКН, выявленного ОКН, а также периодичность их проведения устанавливаются уполномоченным органом охраны ОКН с учетом мнения правообладателя в акте технического состояния ОКН, выявленного ОКН с учетом вида данного памятника, его архитектурных особенностей, физического состояния, а также

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 01.03.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

функционального назначения. При содержании и использовании ОКН лица, владеющие им на правах собственности либо оперативного управления и безвозмездного пользования, должны поддерживать его надлежащее техническое состояние и обеспечивать сохранность, не проводя работы, которые могут изменить предмет охраны объекта и его внешний облик. Они также обязаны соблюдать требования к осуществлению деятельности на территории объекта культурного наследия и особый режим использования земельного участка, в границах которого расположен памятник археологии.

Требования к сохранению, содержанию и использованию ОКН устанавливаются охранным обязательством, утверждаемым актом уполномоченного органа охраны памятников¹. Указанный акт направляют в адрес правообладателя и публикуют на официальном сайте данного органа.

Законодательством об охране ОКН не предусмотрена возможность утверждения охранных обязательств в отношении выявленных ОКН. В связи с этим требования к их сохранению определяются актом технического состояния выявленного ОКН. Нарушение требований, повлекшее уничтожение либо повреждение ОКН, и образует состав преступления, предусмотренного ст. 243.1 УК РФ.

Диспозицией статьи установлена возможность привлечения к уголовной ответственности исключительно при наличии факта уничтожения либо повреждения его в крупном размере (с причинением вреда, стоимость восстановительных работ для устранения которого превышает 500 тыс. руб.).

Воссоздание ОКН, являющегося памятником архитектуры, либо восстановление его утраченных элементов становится возможным только в рамках проведения работ по сохранению, определение стоимости которых (научно-проектных работ) осуществляется в соответствии с РНиП 4.05.01-93 «Методические рекомендации по определению стоимости научно-проектных работ для реставрации недвижимых памятников истории и культуры». Однако ФАУ «Главгосэкспертиза России» не рассматривает расчет стоимости проектных работ в соответствии с РНиП 4.05.01-93, предлагая выполнить расчет по сборнику базовых цен (СБЦП 81-2001-25 «Справочник базовых цен на

¹ Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М.: Велби, Проспект, 2008. С. 10.

обмерные работы и обследования зданий и сооружений. Справочник базовых цен на проектные работы для строительства»). Данный факт приводит к занижению стоимости проектных работ и невозможности рассчитать в полном объеме все виды необходимых реставрационных работ. Приказом Минстроя России от 4 августа 2020 г. № 421/пр¹ утверждена методика определения сметной стоимости работ по сохранению ОКН, согласно которой расчет стоимости производственных работ по реставрации и воссозданию ОКН возможен с применением базы «Сборника сметных норм и единичных расценок на реставрационно-восстановительные работы по памятникам истории и культуры г. Ленинграда и пригородов» от 1 января 1987 г. (ССН-84).

Вместе с тем в федеральном реестре сметных нормативов отсутствуют индексы изменения сметной стоимости на текущее время. Согласно письму Министерства культуры РФ № 16-01-39/10-КЧ последние индексы рассчитаны 7 февраля 2012 г. ФАУ «Главгосэкспертиза России» рассматривает сметную документацию с применением базы ССН-84, выполненную исключительно при проведении работ в отношении предмета охраны памятника. Работы по сохранению на элементах ОКН, не входящих в предмет охраны, расцениваются по федеральным единичным расценкам.

Таким образом, исходя из сложившейся ситуации, результаты оценки проектных и производственных работ по сохранению ОКН в настоящее время значительно занижаются. В соответствии с ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ² в качестве доказательств допустимы заключение и показания эксперта и специалиста.

Вместе с тем, как свидетельствует практика, расчет размера вреда, причиненного ОКН, производится специалистами

¹ Об утверждении Методики определения сметной стоимости строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства, работ по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации на территории Российской Федерации: приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 4 августа 2020 г. № 421/пр (в ред. от 09.04.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.01.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 05.02.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СОХРАНЕНИЯ ИЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

органов охраны ОКН, которых по делам указанной категории признают потерпевшими. Следовательно, указанные расчеты не могут являться допустимым и достаточным доказательством по делу. Полагаем, целесообразно дополнить Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» положениями о порядке и основаниях проведения историко-культурной экспертизы на предмет выявления суммы вреда, причиненного ОКН, выявленному ОКН.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 243.1 УК РФ, специальный: лицо, на которое законодательством об охране ОКН возложена обязанность по соблюдению требований к сохранению или использованию памятника¹. Вместе с тем в науке уголовного права неоднозначно решается вопрос о возрасте, с которого наступает ответственность по ст. 243.1 УК РФ². Согласно ст. 20 УК РФ ответственность за нарушение требований сохранения или использования памятников истории и культуры предусмотрена для лиц, достигших 16 лет. Однако при установлении возраста наступления уголовной ответственности в данном случае нужно учитывать положения гражданского законодательства об общей дееспособности. Полная гражданская дееспособность возникает по достижении 18 лет. Субъект преступления, предусмотренного ст. 243.1 УК РФ, должен осознавать характер и сущность своих действий (бездействия) в объеме и пределах, определенных охранным обязательством. ОКН (выявленный ОКН) может принадлежать на праве собственности несовершеннолетнему. В данном случае лицо, на которое возложены обязанности по сохранению указанных объектов. Ответственность за ее неисполнение должны нести родители несовершеннолетнего. В связи с этим несовершеннолетние не могут выступать лицами, в отношении которых установлены требования по сохранению или использованию ОКН, выявленных ОКН. Изложенное свидетельствует о том, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 243.1 УК РФ, в действительности может выступать только лицо, достигшее 18 лет.

¹ Густова Э. В. Криминализация и пенализация деяния как форма реализации уголовной политики // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 225.

² Данилов В. А. Уголовная ответственность за хищение предметов, имеющих особую научную, культурную, историческую и художественную ценность // Бизнес в законе. 2007. № 3. С. 111.

Таким образом, анализ практики применения ст. 243.1 УК РФ говорит о наличии проблем правовой регламентации, препятствующих правоприменительной деятельности. Считаем, что выработанные предложения будут способствовать повышению эффективности мер уголовно-правового воздействия на лиц, посягающих на ОКН, выявленные ОКН.

Библиографический список

1. *Гаврилов Б. Я.* Современная уголовная политика России: цифры и факты. М.: Велби, Проспект, 2008. 208 с.
2. *Густова Э. В.* Криминализация и пенализация деяния как форма реализации уголовной политики // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 224–228.
3. *Данилов В. А.* Уголовная ответственность за хищение предметов, имеющих особую научную, культурную, историческую и художественную ценность // Бизнес в законе. 2007. № 3. С. 110–112.
4. *Иногамова-Хегай Л. В.* Конкуренция норм уголовного права. М.: Щит-М, 1999. 288 с.
5. *Камышанский В. П., Попова Л. И., Матул Г. А.* Объекты гражданских прав: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2024. 85 с.
6. *Камышанский В. П.* Сельский туризм получил законодательную поддержку // Власть Закона. 2022. № 2 (50). С. 14–23.
7. *Капитонова Е. А.* Несовершеннолетний как субъект обязанностей в сфере охраны исторического и культурного наследия // Культура: управление, экономика, право. 2015. № 3. С. 3–6.
8. *Клебанов Л. Р.* Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 512 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2013. 1359 с.
10. *Мантул Г. А.* Оказание услуг сельского туризма: опыт, проблемы, перспективы // Власть Закона. 2024. № 4. С. 134–143.
11. *Окружко В. Ю.* Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации как объект преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. № 4. С. 123–128.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СОХРАНЕНИЯ ИЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

12. *Редчиц М. А.* Уголовно-правовая охрана объектов культурного наследия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 111 с.

13. *Халиков И. А.* Уголовная ответственность за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 196 с.

П. Д. Седов

аспирант юридического факультета
Финансового университета при Правительстве РФ
Россия, г. Москва
229475@edu.fa.ru

**ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ
ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ УКАЗАНИЙ**

**THE COMPENSATION OF LOSSES AS A WAY TO PROTECT THE
CIVIL RIGHTS OF GEOGRAPHICAL INDICATIONS
RIGHT HOLDERS**

В статье раскрыта проблема возмещения убытков как способ защиты гражданских прав правообладателей географических указаний. Утверждается, что в условиях активного развития географических указаний как новых средств индивидуализации на территории Российской Федерации необходимо исследовать регулирование одного из способов защиты прав. Проанализированы доктринальные и практические аспекты возмещения убытков в сфере интеллектуальной собственности. Особое внимание уделено концепции «одна единица контрафактной продукции вытесняет с рынка одну единицу оригинальной продукции», наиболее распространенной в судебной практике. Автор в статье предлагает осмыслить роль и содержание возмещения убытков как способа защиты, подкрепляя это анализом действующих правовых норм и судебной практики. Сделаны выводы относительно необходимости при разрешении споров о возмещении убытков привлекать всех правообладателей географических указаний и определять размер убытка, общий для всех, а затем выделять долю конкретного правообладателя, обратившегося с иском о возмещении убытков. Рекомендовано при определении размера убытков, который возник у правообладателей, брать в расчет среднюю стоимость единицы товара, поскольку использование средней цены позволит точнее определять размер причиненных убытков. Статья подготовлена по результатам исследований,

выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

Ключевые слова: возмещение убытков, способ защиты гражданских прав, интеллектуальная собственность, географическое указание, правообладатель, судебная практика, контрафакт, компенсация.

The article reveals the problem of damages as a way of protection of civil rights of right holders of geographical indications. It is argued that in the conditions of active development of geographical indications as new means of individualisation in the territory of the Russian Federation it is necessary to study the regulation of one of the ways of protection of rights. Doctrinal and practical aspects of damages in the field of intellectual property are analysed. Particular attention is paid to the concept of 'one unit of counterfeit products displaces one unit of original products from the market', the most common in judicial practice. In the article the author proposes to comprehend the role and content of damages as a method of protection, supporting it with the analysis of current legal norms and judicial practice. Conclusions are drawn regarding the necessity to involve all right holders of geographical indications when resolving disputes on compensation of losses and to determine the amount of loss common to all, and then to allocate the share of a particular right holder who filed a claim for compensation of losses. It is recommended that, in determining the amount of losses incurred by right holders, the average cost of a unit of goods should be taken into account, since the use of an average price will allow for a more accurate determination of the amount of losses incurred. The article was prepared based on the results of research carried out on the budget funds account under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Keywords: compensation of losses, method of protection of civil rights, intellectual property, geographical indication, right holder, judicial practice, counterfeit, compensation.

Способы защиты гражданских прав являются одним из важнейших вопросов гражданского права¹. Относительно определения способов защиты гражданских прав в доктрине существует несколько подходов. Так, Д. А. Муратова пишет о том, что «способы защиты гражданских прав представляют собой исчерпывающе предусмотренные ГК РФ или иными федеральными законами действия, последовательно осуществляемые управомоченными лицами или органами государственной власти, направленные на пресечение правонарушения и (или) восстановление нарушенного гражданского права»². В. С. Ем определил способ защиты гражданского права как «конкретную правоохранительную меру, посредством которой устраняется нарушение права то есть установленные или санкционированные государством, способы воздействия на правонарушителя или принадлежащее ему имущество, которые применяются государственными органами или иными уполномоченными органами либо управомоченным лицом самостоятельно»³. М. И. Брагинский и В. В. Витрянский «под способами защиты гражданских прав понимают предусмотренные законодательством средства, с помощью которых могут быть достигнуты пресечение, предотвращение, устранение нарушений права, его восстановление и (или) компенсация потерь, вызванных нарушением права»⁴.

С нашей точки зрения, наиболее верное определение способов защиты гражданских прав предлагают М. И. Брагинский и В. В. Витрянский. Однако в этом определении авторы не учитывают волеизъявления субъекта, без которого реализация способа защиты гражданских прав невозможна.

¹ См.: Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 61–71; Ашхотов А. В., Мантул Г. А. Защита деловой репутации корпораций // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практич. конф. (симпозиума) молодых исследователей (Краснодар, 14 ноября 2023 г.). Краснодар: АНО «НИИ АПСР», ФГБОУ ВО КубГАУ, 2024. С. 50–54.

² Муратова Д. А. Правовая природа способа защиты гражданских прав // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 20.

³ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. М.: БЕК, 1993. С. 410.

⁴ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. 4-е изд. М.: Статут, 2020. С. 776.

Существует различие между гражданско-правовой ответственностью и гражданско-правовой защитой. В. П. Камышанский пишет о том, что «гражданско-правовая ответственность представляет собой дополнительные неблагоприятные для правонарушителя имущественные и иные последствия, юридически обеспеченные законом или договором»¹. В свою очередь, гражданско-правовая защита – это способы, предусмотренные законодательством для пресечения, предотвращения, устранения нарушений права, его восстановления и (или) компенсация потерь, вызванных нарушением права.

При рассмотрении правового регулирования способов защиты гражданских прав становится очевидным, что определение способов защиты в законодательстве не раскрыто. Однако в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) приведен общий перечень наиболее распространенных способов защиты, который не является исчерпывающим. Для правообладателей интеллектуальной собственности законодатель предусмотрел свои способы защиты (ст. 1252 ГК РФ). Защита исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации может осуществляться с помощью таких способов, как:

1) признание права – к лицу, которое отрицает или иным образом не признает право, нарушая тем самым интересы правообладателя;

2) пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения – к лицу, совершающему такие действия или осуществляющему необходимые приготовления к ним, а также к иным лицам, которые могут пресечь такие действия;

3) возмещение убытков – к лицу, неправомерно использовавшему результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без заключения соглашения с правообладателем (бездоговорное использование) либо иным образом нарушившему его исключительное право и причинившему ему ущерб, в том числе нарушившему его право на вознаграждение;

¹ Камышанский В. П. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. 2024. № 4 (60). С. 40.

4) изъятие материального носителя – к его изготовителю, импортеру, хранителю, перевозчику, продавцу, иному распространителю, недобросовестному приобретателю;

5) публикация решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя – к нарушителю исключительного права;

6) взыскание компенсации.

Согласно статистике, а именно отчету о работе арбитражных судов субъектов РФ, в первом полугодии 2024 г. в арбитражные суды поступило 1 186 судебных дел, связанных с интеллектуальной собственностью, в которых требованием истца стало возмещение убытков. Данный способ защиты является одним из наиболее распространенных при защите прав правообладателей интеллектуальной собственности. Ни ГК РФ, ни постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» не содержат в себе специальных правил, которые бы регулировали возмещение убытков с учетом специфики интеллектуальной собственности. Поэтому при использовании такого способа защиты правообладатели исходят из общего регулирования института возмещения убытков. Согласно ст. 15 ГК РФ под убытками понимают расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Ввиду специфики интеллектуальной собственности при взыскании убытков правообладатель должен доказывать свою упущенную выгоду, поскольку в связи с нарушением своих прав он потерял сумму, которую мог бы получить, если бы нарушитель не нарушал права на интеллектуальную собственность правообладателя.

Доктринально понятие убытков не определено, и в литературе высказывают различные позиции относительно этого. О. Н. Семикина определяет убытки как «вызванные различными событиями или действиями негативные имущественные последствия, выражающиеся в дополнительных расходах либо неполученных доходах, которым может быть дана надежная

оценка»¹. В. П. Грибанов под убытками понимает «расходы, понесенные кредитором, явившиеся результатом неисполнения обязательств; утрата или повреждение имущества; неполученные кредитором доходы, которые он получил бы, если бы обязательство было исполнено (упущенная выгода)»². При этом исследователь делает акцент именно на денежном выражении. Однако О. Ю. Кучерова придерживается другой позиции, согласно которой «убытки – это не денежное выражение ущерба, а сам ущерб, имущественный вред, имущественные потери, понесенные потерпевшим»³. Д. И. Мейер, исследуя природу убытков, пишет о том, что «каждое право, рассматриваемое в области гражданского права, как право имущественное, имеет известную ценность, которая вследствие правонарушения уменьшается или уничтожается, и это-то уменьшение и уничтожение ценности права называется ущербом или убытком»⁴. Г. Ф. Шершеневич называет убытком «вред, понесенный имуществом и состоящий в уменьшении его ценности»⁵. Таким образом, в доктрине под убытками понимают денежный эквивалент, который лицо тратит на восстановление права, или вред, имущественные потери лиц.

В судебной практике ключевое значение для взыскания убытков имеют разъяснения, которые даны в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 (в редакции от 22 июня 2021 г.) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», с учетом содержания ст. 15 и 393 ГК РФ, становится понятным, что кредитор представляет доказательства, подтверждающие наличие у него убытков, а также обосновывающие с разумной степенью достоверности их размер и причинную связь между

¹ Семикина О. Н. Понятие убытков, их классификация и состав // Образование и право. 2018. № 9. С. 106.

² Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав: сб. 3-е изд., испр. М.: Статут, 2022. С. 312.

³ Кучерова О. Ю. Определение понятия «убытки» в гражданском праве // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 10. С. 46.

⁴ Мейер Д. И. Русское гражданское право. 3-е изд., испр. М.: Статут: Консультант Плюс, 2003. С. 216.

⁵ Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Введение. Общая часть. Особенная часть. Тула: Автограф, 2001. С. 513.

неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником и указанными убытками. Итак, ключевое значение для взыскания убытков, в том числе в сфере интеллектуальной собственности, имеет причинно-следственная связь между убытками, действиями и неисполнением обязательств надлежащим образом.

Исходя из п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», можно заключить, что размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен лишь с разумной степенью достоверности, но не требует точного расчета. Однако на практике у правообладателей все-таки возникают сложности, связанные с произведением расчетов для предъявления требования о возмещении убытков.

Рассматривая основные подходы, которые сегодня приняты в судебной практике по определению размера убытков, можно утверждать, что преобладает принцип «одна единица контрафактной продукции вытесняет с рынка одну единицу оригинальной продукции». Данный принцип взыскания убытков исходит из упущенной выгоды, которую могла бы получить компания, если бы купили ее оригинальную продукцию. Верховный Суд РФ по делу А63-6499/2021 внес уточняющий параметр для использования этого принципа, указав, что при оценке упущенной выгоды правообладателя «необходимо установить его неполученный доход, учесть, что он не будет в прямой зависимости от количества проданных контрафактных товаров, то есть не может быть рассчитан путем умножения стоимости оригинального товара на количество контрафактного реализованного товара», и что в рамках подобных дел нужно учитывать «такие факторы, как наличие или отсутствие конкуренции между сторонами процесса на одном рынке, доказательства того, что нарушитель, очевидно, продает неоригинальную продукцию, рассчитанную на другую целевую группу потребителей». Таким образом, если, исходя из стоимости контрафактного товара и потребителей, следует, что оригинальный товар не был бы приобретен вместо контрафактного, то и взыскание убытков не должно быть осуществлено по принципу «одна единица контрафактной продукции вытесняет с рынка одну единицу оригинальной продукции», а размер убытков должен быть уменьшен судом.

Однако принцип «одна единица контрафактной продукции вытесняет с рынка одну единицу оригинальной продукции» не подходит для правообладателей географических указаний. На наш взгляд, подобный принцип не в полной мере позволяет учитывать специфику географических указаний как объектов интеллектуальной собственности, поскольку:

1) для нарушителей географических указаний характерна реализация больших партий товара;

2) у географического указания существует определенная известность, которая из-за продажи контрафактного товара может стать негативной, что также должно быть оценено судом при определении убытков, поскольку в результате производитель может потерять текущих или потенциальных потребителей из-за контрафактного товара. Как верно полагает И. В. Овчинников, «оценка подобных убытков неизбежно будет приблизительной, но п. 5 ст. 393 ГК РФ позволяет суду определить их размер дискреционным способом на основе принципов справедливости и соразмерности»¹. У географических указаний может быть несколько правообладателей. В связи с этим у каждого правообладателя формируются убытки в результате производства контрафакта.

Следует признать, что географическое указание как средство индивидуализации, наиболее подвержено рискам, связанным с контрафактной продукцией, в том числе ввиду того, что потребитель при приобретении товара с географическим указанием ожидает наличие у него определенных характеристик, которые фактически будут отсутствовать. Из-за приобретения контрафактной продукции потребитель обманут относительно характеристик приобретаемого товара, поскольку он ожидал другие характеристики. В результате у потребителей создается негативное впечатление о правообладателе и товаре. С нашей точки зрения, в судебных спорах о возмещении убытков правообладателей географических указаний необходимо:

1) привлекать всех правообладателей и определять размер убытка, общий для всех, а затем уже выделять долю конкретного правообладателя, который обратился за возмещением убытков;

2) при определении размера убытков, который возник у правообладателей, брать в расчет среднюю стоимость единицы

¹ Овчинников И. В. О составе убытков обладателя исключительного права // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 1. С. 127.

товара, так как у различных правообладателей цена на товар может отличаться. Использование средней стоимости единицы товара позволит наиболее достоверно оценивать размер убытков.

Таким образом, данные меры позволяют наиболее полно обеспечить защиту прав правообладателей географических указаний при взыскании убытков.

Библиографический список

1. *Аишхотов А. В., Мантул Г. А.* Защита деловой репутации корпораций // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. ст. VIII Международной научно-практической конференции (симпозиума) молодых исследователей (г. Краснодар, 14 ноября 2023 г.). Краснодар: АНО «НИИ АПСП», ФГБОУ ВО КубГАУ, 2024. С. 50–54.
2. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право: общие положения. 4-е изд. М.: Статут, 2020. 847 с.
3. *Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова.* М.: БЕК, 1993. 432 с.
4. *Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского.* 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
5. *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав: сб. 3-е изд., испр. М.: Статут, 2022. 412 с.
6. *Муратова Д. А.* Правовая природа способа защиты гражданских прав // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 16–21.
7. *Камышанский В. П.* Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. 2024. № 4 (60). С. 23–41.
8. *Кучерова О. Ю.* Определение понятия «убытки» в гражданском праве // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 10. С. 45–48.
9. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право. 3-е изд., испр. М.: Статут: Консультант Плюс, 2003. 829 с.
10. *Овчинников И. В.* О составе убытков обладателя исключительного права // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 1. С. 118–130.
11. *Семикина О. Н.* Понятие убытков, их классификация и состав // Образование и право. 2018. № 9. С. 105–109.
12. *Шершеневич Г. Ф.* Курс гражданского права. Введение. Общая часть. Особенная часть. Тула: Автограф, 2001. 719 с.

П. А. Федорова

аспирант кафедры гражданского и международного частного
права Волгоградского государственного университета
Россия, г. Волгоград
polinafedorova999@yandex.ru

**О ПРИНЦИПЕ НЕДОПУСТИМОСТИ ПРОИЗВОЛЬНОГО
ВМЕШАТЕЛЬСТВА КОГО-ЛИБО В ЧАСТНЫЕ ДЕЛА:
МЕЖОТРАСЛЕВОЙ АСПЕКТ**

**THE PRINCIPLE OF INADMISSIBILITY OF ARBITRARY
INTERFERENCE IN PRIVATE AFFAIRS:
AN INTERSECTORAL ASPECT**

В статье исследован принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, показано его место в системе принципов гражданского права. Предлагается авторское толкование категории «произвольное вмешательство», указаны ее основные элементы, включая незаконные действия государственных и муниципальных органов власти, противоречащие законодательству; введение ограничений на осуществление бизнеса или распоряжение собственностью без ссылок на нормы гражданского права; произвольное вмешательство со стороны третьих лиц; произвольное вмешательство в личную (семейную) жизнь граждан и др. Аргументирован вывод о том, что исследуемый принцип гражданского права имеет специфику применительно к земельной недвижимости. Предлагается также классификация вариантов произвольного вмешательства в дела частных собственников земельных участков. Доказан тот факт, что в условиях цифровизации содержание данного принципа будет изменяться. Автором сформулировано определение исследуемого принципа в условиях цифровизации гражданского права.

Ключевые слова: правовой принцип, гражданское право, произвольное вмешательство, частные дела, нормы, суд, отрасль, окружающая среда, цифровые технологии.

The article investigates the principle of inadmissibility of arbitrary interference of someone in private affairs, shows its place in the system of principles of civil law. The author's interpretation of the category of 'arbitrary interference' is offered, its main elements are indicated, including illegal actions of state and municipal authorities, contrary to the legislation; imposition of restrictions on the implementation of business or disposal of property without reference to the norms of civil law; arbitrary interference by

third parties; arbitrary interference in the personal (family) life of citizens, etc. The article is argued. The conclusion that the investigated principle of civil law has specificity in relation to land real estate is argued. The classification of variants of arbitrary interference in the affairs of private owners of land plots is also proposed. It is proved that in the conditions of digitalisation the content of this principle will change. The author formulates the definition of the principle under study in the conditions of digitalisation of civil law.

Keywords: legal principle, civil law, arbitrary interference, private affairs, norms, court, industry, environment, digital technology.

Принципы гражданского права – это основные идеи и положения, которые служат фундаментом для системы гражданско-правовых норм в целом. Они необходимы для обеспечения единообразия и последовательности в правовом регулировании, поскольку помогают создать гармоничную и непротиворечивую систему норм гражданского права. Принципы гражданского права позволяют регламентировать общественные отношения, не урегулированные нормами гражданского законодательства (пробелы законодательства)¹. Наряду с этим, принципы служат ориентирами при разработке новых законов и подзаконных актов. Если возникает необходимость в регулировании новых имущественных и личных неимущественных отношений, законодатель должен опираться на принципы гражданского права при формулировке соответствующих норм. Принципы гражданского права очень важны при разрешении правовых споров судами, поскольку они способствуют правильному пониманию и применению тех или иных норм. Однако возникает вопрос о том, насколько объективна существующая система принципов. На наш взгляд, закрепленные в законодательстве принципы гражданского права, отраженные в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), нельзя считать субъективными или обусловленными лишь особенностями правопонимания разработчиков ГК РФ.

Представляется, что существующая система принципов носит объективный характер и отражает фундаментальные ценности, признаваемые обществом и государством. Эти принципы сформулированы на основе исторического развития

¹ Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 18.

права, юридической доктрины, судебной практики и международных стандартов. Данный вывод распространяется на все принципы гражданского права, каждый из которых имеет свою специфику.

Рассмотрим ее на примере принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела. Основная цель этого принципа гражданского права – защитить личную свободу и имущественные права граждан от неоправданного и незаконного вмешательства со стороны других граждан, организаций и государства. Реализация такого принципа сопровождается рядом теоретических и практических проблем, которые затрудняют его эффективное применение, что проявляется в следующем.

Вопрос о месте данного принципа в системе принципов гражданского права (права в целом). Принципы традиционно подразделяют на общеправовые, межотраслевые, отраслевые и институциональные (отдельных правовых институтов). Можно выделить и принципы подотраслей права.

С этой точки зрения, закрепленные в ст. 1 ГК РФ принципы гражданского права сформулированы как отраслевые, хотя принцип свободы договора можно рассматривать и в качестве принципа подотрасли гражданского права (обязательственного права); это можно отнести и к принципу неприкосновенности собственности (подотрасль вещного права).

Большинство исследователей полагают, что межотраслевых принципов в ст. 1 ГК РФ нет (по крайней мере, прямо они об этом не пишут). Однако стоит обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, многие принципы гражданского права, считающиеся отраслевыми, в действительности имеют межотраслевой характер (например, принцип свободы договора). Договор является, несомненно, гражданско-правовой конструкцией, но он широко применяется и в других отраслях (земельном, жилищном, семейном праве), приобретая межотраслевой характер¹.

¹ См.: *Серая Н. А.* Договор строительного подряда в градостроительной сфере в системе гражданско-правовых договоров // Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития: сб. науч.-практич. ст. II Междунар. науч.-практич. конф. (Краснодар, 27 апреля 2017 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2017. С. 158.

Во-вторых, межотраслевые принципы уже сформулированы во многих отраслях права. Например, принцип разграничения государственной собственности на землю (ст. 1 Земельного кодекса (ЗК) РФ) или принцип платности природопользования и возмещения вреда окружающей среде (применим к гражданскому, финансовому и экологическому праву с учетом ст. 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»). Данная тенденция распространяется и на другие принципы. Так, исследуемый принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела приобретает в последние несколько лет новое содержание. Это обусловлено, как минимум, внедрением риск-ориентированного подхода при проведении государственных контрольных мероприятий в сфере земельных (ст. 71 ЗК РФ) и многих других отношений¹, а также расширением использования новых цифровых технологий контроля за собственниками и предпринимателями.

В экологическом праве это названо как «система автоматического контроля», то есть комплекс технических средств, обеспечивающих автоматические измерения и учет показателей выбросов и (или) сбросов загрязняющих веществ, фиксацию и передачу информации о показателях выбросов загрязняющих веществ и (или) сбросов загрязняющих веществ в государственный реестр объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду (используется в рамках производственного контроля на объектах первой категории). Все это снижает для собственников и предпринимателей угрозу риска злоупотребления правом и произвольного вмешательства в их дела. Указанные обстоятельства обусловили предложения в научной литературе считать рассматриваемый принцип межотраслевым, поскольку он также служит категорией конституционного уровня, важной гарантией по обеспечению прав и свобод человека и гражданина². Ряд авторов пишут о том, что принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела носит межотраслевой характер (регулируется

¹ Мананкина М. В., Егорова И. С. Риск-ориентированный подход в государственном аудите // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 17. № 3. С. 130.

² Ермолова О. Н. Система принципов правового регулирования предпринимательской деятельности в аспекте целей и функций права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 1. С. 41.

семейным, конституционным, гражданским правом)¹. Из этого следует, что традиционный взгляд на классификацию принципов гражданского права требует пересмотра.

Сформулированная в ст. 1 ГК РФ система основных начал (принципов) гражданского права за время существования в течение 30 лет в полной мере себя оправдала. И, хотя консерватизм в праве – явление положительное, жизнь не стоит на месте. С каждым годом появляются (совершенствуются) новые гражданско-правовые институты и нормы, что требует их отражения на уровне основных начал (принципов) гражданского законодательства.

В последние несколько лет Пленум Верховного Суда РФ неоднократно обращал внимание на то, что положения ГК РФ, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права, подлежат истолкованию в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в ст. 1 ГК РФ (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25)². Важность этого требования состоит в том, что основные начала (принципы) гражданского права должны быть применены системно, во взаимосвязи друг с другом, а не каждый сам по себе.

Следовательно, система основных идей (принципов) гражданского права должна постепенно расширяться, с учетом как новых институтов и норм, так и существующих принципов. В научной литературе продолжается активное обсуждение данного вопроса. В частности, предлагают новый принцип сотрудничества субъектов гражданского права (отраслевой принцип)³; можно говорить о важности закрепления принципа надлежащего исполнения обязательств, свободы предпринимательской деятельности⁴ и т. д. По мере дальнейшего развития цифровизации в России будут возникать новые угрозы

¹ Рыженков А. Я. Принцип недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 2. С. 182.

² См.: О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

³ Федосеев А. А. Принцип сотрудничества субъектов гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2021. С. 4.

⁴ Рубцова Н. В. Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2023. С. 17.

гражданскому правопорядку, в том числе связанные с произвольным вмешательством в частные дела со стороны государства и частных лиц с использованием различных цифровых технологий. Соответственно, это неизбежно приведет к появлению новых принципов гражданского права.

В роли таковых могут выступать межотраслевой принцип защиты цифрового суверенитета личности (он важен потому, что с развитием интернета вещей, искусственного интеллекта¹ и больших данных существует угроза нарушения конфиденциальности и свобод человека в интернете), принцип автономии и ответственности за использование искусственного интеллекта (и его уже часто используют при принятии решений, что может привести к убыткам или нарушению прав третьих лиц), ряд других.

В условиях цифровизации и развития иных технологий изменится и содержание классических принципов гражданского права. Например, для принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела в условиях цифровизации можно предложить следующую формулировку: «Никто не вправе произвольно вмешиваться в личные и имущественные права, данные и информацию участников гражданских правоотношений, включая их цифровую идентичность, персональные данные, виртуальные активы и цифровую собственность, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом». В ближайшие годы в рамках данного принципа станут актуальными вопросы защиты цифровой идентичности (это видится очень актуальным в рамках практики создания фальшивых аккаунтов); недопустимости произвольного сбора и использования персональных данных; будут развиваться цифровая собственность и виртуальные активы (криптовалюта, виртуальные товары), электронная форма договора²; должно получить четкое правовое закрепление «цифровое уединение» (право на защиту своей цифровой жизни от вторжения, в том числе со стороны технологий слежения, сбора метаданных и

¹ Камышанский В. П. Толкование категории «искусственный интеллект» в науке гражданского права // Правотолкование и проблема судебного правотворчества: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь (10–12 октября 2019 г.) / сост. О. Е. Сонин, Ю. В. Черткова, А. В. Руденко. Симферополь, 2020. С. 30.

² Шеховцова А. С. Правовые аспекты заключения договора в электронной форме // Власть Закона. 2024. № 3. С. 167.

незаконного доступа к цифровым устройствам). Таким образом, развитие исследуемого принципа в условиях цифровизации сопровождается вниманием к цифровой среде, защите данных и информационной автономии личности, при этом ограничена возможность и частных, и публичных субъектов произвольно вмешиваться в личное цифровое пространство граждан.

Сегодня сохраняет актуальность, неопределенность и широкая трактовка принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела. В результате гражданами, юридическими лицами и органами публичной власти понятие «произвольное вмешательство» может быть интерпретировано по-разному, исходя из понимания баланса публичных и частных интересов. Нет четкости и в отношении термина «частные дела». Обсуждаются и другие аспекты юридической техники. Так, по мнению Т. В. Дерюгиной, принципы гражданского права не должны быть сформулированы в форме запрета. Например, рассматривая положения ст. 10 ГК РФ о злоупотреблении правом, указанный автор справедливо относит его не к числу принципов, а к категории пределов осуществления права¹. С последним следует согласиться.

Вместе с тем формулировка принципов в форме запрета является распространенной в праве. Например, исследуемый нами принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела сформулирован именно в форме запрета, что представляется вполне логичным.

Отдельный вопрос связан с тем, насколько обоснованным является разделение в ст. 1 ГК РФ принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела и принципа необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав. По содержанию они очень близки. Однако первый принцип адресован неопределенному кругу третьих лиц, которым запрещено без надлежащих правовых оснований вмешиваться в частную жизнь граждан; второй – означает не запрет, а гарантию реализации своих прав субъектами гражданских правоотношений. Их нельзя отождествлять. На наш взгляд, они должны и в дальнейшем существовать самостоятельно.

¹ Дерюгина Т. В. Принципы осуществления гражданских прав в системе принципов гражданского права // Гражданское право. 2016. № 2. С. 17–18.

Восприятие рассматриваемого принципа видится невозможным без использования так называемых оценочных категорий. Наличие таких категорий неизбежно в праве, поскольку не представляется возможным нормативно регулировать все аспекты жизни государства и общества¹. Вместе с тем наличие этих категорий создает угрозу их произвольного толкования отдельными представителями органов публичной власти. Понимая это обстоятельство, Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 3 июля 2001 г. № 10-П разъяснил, что публично-правовое вмешательство в частноправовые отношения должно быть основано на общеправовом принципе соразмерности и пропорциональности вводимых ограничений². Между тем данное разъяснение представляет собой попытку уточнить одни оценочные категории посредством введения других. Несмотря на ценность изложенного подхода, он не приближает нас к решению рассматриваемой проблемы.

В этой ситуации не остается ничего другого, кроме как предложить доктринальное толкование сформулированных ГК РФ применительно к исследуемому принципу оценочных категорий. Каковы основные проявления произвольного вмешательства? Представляется, что их несколько: незаконные действия государственных и муниципальных органов власти, противоречащие законодательству (например, изъятие у граждан имущества без решения суда); введение ограничений на осуществление бизнеса или распоряжение собственностью без ссылок на нормы гражданского права (создание искусственных барьеров для входа на рынок, злоупотребление антимонопольным законодательством, необоснованные отказы в выдаче лицензий); произвольное вмешательство со стороны третьих лиц (злоупотребление правом другими гражданами и юридическими лицами; несогласованное использование общей собственности); произвольное вмешательство в личную (семейную) жизнь

¹ Петраков С. В. Теоретико-правовой анализ содержания оценочных категорий и понятий права // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 28.

² По делу о проверке конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций» и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 3 июля 2001 г. № 10-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

граждан (например, незаконное изъятие из семьи ребенка органами опеки и попечительства); нарушение договорной свободы (вмешательство частных и публичных субъектов в заключение, исполнение и расторжение гражданских договоров); нарушение права на защиту коммерческой тайны; разглашение персональных данных; клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина или юридического лица; незаконное использование авторских работ, изобретений или торговых марок без разрешения правообладателя, что нарушает его исключительные права и т. д.

Учитывая межотраслевой характер исследуемого принципа, рассмотрим его проявления применительно к сфере земельных отношений. Представляется, что варианты произвольного вмешательства в дела частных собственников земельных участков заключаются в следующем: незаконное изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд (без соблюдения предусмотренной ЗК РФ процедуры или с выплатой заниженной компенсации); введение необоснованных (не предусмотренных законом) ограничений прав собственников по использованию участка (установление завышенных размеров охранных зон; принятие градостроительных регламентов, необоснованно препятствующих использованию недвижимости); проведение внеплановых проверок органами государственного земельного контроля без надлежащих оснований (например, в целях коррупционного давления на собственника); самовольное вмешательство в права собственника земли со стороны третьих лиц (самовольное проникновение на земельный участок других граждан, самовольное установление сервитутов, добыча полезных ископаемых на участке без разрешения собственника); произвольное установление завышенных ставок земельного налога (например, с целью вынудить собственника к продаже земельного участка); безосновательный отказ в выдаче разрешений на строительство, реконструкцию и другие виды деятельности на земельном участке, несмотря на их соответствие нормативным требованиям; создание искусственных препятствий для доступа собственника к своему земельному участку (например, путем блокирования дорог или шлабаумов).

Данный перечень не носит исчерпывающего характера. Особенности произвольного вмешательства в дела частных собственников земельных участков связаны с уникальным

характером земли как объекта права. Земля имеет ограниченный ресурс, особое значение для государства и общества, а также может выступать объектом интересов различных сторон. Поэтому собственники земельных участков могут быть особенно уязвимы к произвольным действиям со стороны государственных органов или третьих лиц. Критерии такого произвола активно обсуждаются в науке. Например, насколько изъятие земельных участков у частных собственников для проведения олимпиад отвечало критериям произвольного вмешательства в частные дела, предусмотренные ГК РФ¹? Несомненно, такие дискуссии будут продолжены.

Исследуемый принцип часто используют в судебной практике. В целом суды применяют принципы гражданского права в четырех случаях: для усиления аргументации по делу; в процессе толкования; при обращении к аналогии права; при непосредственном использовании как норм прямого действия². Все известные нам случаи обращения судов к рассматриваемому принципу относились к первой категории случаев. Так, сославшись на ряд норм ГК РФ, суд указал, что гражданское законодательство основывается на признании равенства участников, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, и требует при разрешении споров о возложении на иных участников долевой собственности обязанности по выплате одному из них денежной компенсации исходить из необходимости соблюдения баланса интересов всех собственников³.

Таким образом, в условиях глобализации изменяется роль гражданского права в регулировании имущественных и личных неимущественных отношений, появляются новые институты и нормы, требующие их охвата основными идеями (принципами). Поддерживая консерватизм юридической науки и законодательства, тем не менее, полагаем, что система принципов гражданского права должна быть расширена, а

¹ Кондратенко З. К. Современные подходы к содержанию некоторых принципов гражданского права // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12. С. 22–23.

² Кузнецова О. А. Принципы гражданского права: вопросы теории и практики // Правоведение. 2005. № 2. С. 33–34.

³ Решение Канского районного суда Красноярского края по делу № 2-386/2023 от 18 августа 2023 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 13.03.2025).

имеющиеся принципы объективно приобретают межотраслевой характер, и требуют развития и корректировки.

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
2. *Дерюгина Т. В.* Принципы осуществления гражданских прав в системе принципов гражданского права // Гражданское право. 2016. № 2. С. 17–19.
3. *Ермолова О. Н.* Система принципов правового регулирования предпринимательской деятельности в аспекте целей и функций права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 1. С. 38–43.
4. *Камышанский В. П.* Толкование категории «искусственный интеллект» в науке гражданского права // Правотолкование и проблема судебного правотворчества: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (Симферополь, 10–12 октября 2019 г.) / сост. О. Е. Сонин, Ю. В. Черткова, А. В. Руденко. Симферополь, 2020. С. 30–35.
5. *Кондратенко З. К.* Современные подходы к содержанию некоторых принципов гражданского права // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12. С. 22–25.
6. *Кузнецова О. А.* Принципы гражданского права: вопросы теории и практики // Правоведение. 2005. № 2. С. 24–34.
7. *Мананкина М. В., Егорова И. С.* Риск-ориентированный подход в государственном аудите // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 17. № 3. С. 130–135.
8. *Петраков С. В.* Теоретико-правовой анализ содержания оценочных категорий и понятий права // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 28–32.
9. *Рубцова Н. В.* Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2023. 54 с.
10. *Рыженков А. Я.* Принцип недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 2. С. 181–188.
11. *Серая Н. А.* Договор строительного подряда в градостроительной сфере в системе гражданско-правовых договоров // Гражданское законодательство РФ: современное

состояние, тенденции и перспективы развития: сб. науч.-практич. ст. II Междунар. науч.-практич. конф. (Краснодар, 27 апреля 2017 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2017. С. 158–161.

12. Федосеев А. А. Принцип сотрудничества субъектов гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2021. 31 с.

13. Шеховцова А. С. Правовые аспекты заключения договора в электронной форме // Власть Закона. 2024. № 3. С. 167–175.

А. А. Хавзиев

аспирант кафедры гражданского
и предпринимательского права юридического факультета
Университета управления «ТИСБИ»
Россия, г. Казань
havziev.adel@mail.ru

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ
В ПОЛЬЗУ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ**

**THE ENFORCEMENT OF COURT JUDGEMENTS
IN FAVOUR OF CONSUMERS**

В статье утверждается, что исполнительное производство является важнейшим этапом гражданского и арбитражного процессов, без которого достичь исполнения судебных решений в пользу потребителей проблематично. Автором рассмотрен институт обеспечения исполнения судебного решения с позиции действующего законодательства, доктринальных источников и судебной практики. Выявлено, что обеспечительные меры в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (АПК РФ) регулируются шире, чем в Гражданском процессуальном кодексе (ГПК) РФ. Эти меры необходимы при угрозе недобросовестного поведения ответчика. Федеральная служба судебных приставов не ведет официальной статистики и мониторинга применительно к исполнительному производству в отношении потребителей. Автор предлагает дополнить Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» ст. 47 (об обеспечении исполнения судебных решений органами судебных приставов), а также внести изменения в п. 1 ст. 17 данного закона, включающий в себя защиту прав потребителей услуг, оказываемых финансовыми организациями, координирующими взаимодействие с юридическим лицом, включенным в государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности.

Ключевые слова: потребитель, защита прав потребителей, судебное решение, исполнение судебного решения, судебный

пристав, исполнительное производство, решения судов общей юрисдикции, решения арбитражных судов.

The article argues that enforcement proceedings are the most important stage of civil and arbitration processes, without which it is problematic to achieve the enforcement of court decisions in favour of consumers. The author considers the institute of enforcement of court judgement from the position of current legislation, doctrinal sources and judicial practice. It is revealed that interim measures in the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation (APC RF) are regulated more widely than in the Civil Procedural Code (CPC) RF. These measures are necessary when there is a threat of bad faith behaviour of the defendant. The Federal Bailiff Service does not maintain official statistics and monitoring with regard to enforcement proceedings against consumers. The author proposes to supplement the Law of the Russian Federation of 7 February 1992 No. 2300-I 'On Protection of Consumer Rights' with Article 47 (on enforcement of court decisions by bailiff authorities), as well as to amend paragraph 1 of Article 17 of this law, which includes the protection of consumer rights of services provided by financial institutions coordinating interaction with a legal entity included in the state register of legal entities engaged in the recovery of overdue debts as the main type of activity.

Keywords: consumer, consumer protection, court judgement, enforcement of court judgement, bailiff, enforcement proceedings, decisions of courts of general jurisdiction, decisions of arbitration courts.

Основным направлением правовой политики России в области защиты и восстановления нарушенных прав потребителей является реализация таких прав и достижение правосудия. Важно исследовать процессуальные институты, которые обеспечивают исполнимость судебных решений. К ним относятся правила исполнительного производства и система гарантий иска.

Исполнительное производство – важнейший этап гражданского процесса. Технологическое развитие исполнительного производства сегодня видится естественным

явлением, без которого достичь исполнения судебных решений в действительности представляется проблематичным¹.

В случаях, если решение суда не вступило в законную силу и не допускает немедленного исполнения, возможно его обеспечение. Это включает в себя меры, направленные на исполнение решения после его вступления в силу. Обеспечение исполнения аналогично обеспечению иска, но осуществляется после вынесения решения.

Обеспечение иска – меры, которые суд принимает для гарантии исполнения будущего решения². Эти меры необходимы при угрозе недобросовестного поведения ответчика³. К ним относятся⁴ наложение ареста на имущество ответчика или его денежные средства; запрет ответчику и другим лицам на определенные действия, связанные с предметом спора; приостановление реализации имущества при наличии иска об освобождении от ареста; обязанность ответчика предотвратить порчу или ухудшение состояния спорного имущества; передача спорного имущества на хранение истцу или третьему лицу; приостановление взыскания по оспариваемым документам; приостановление исполнения судебных решений в кассационной или надзорной инстанции. Эти меры помогают защитить права истца и обеспечить возможность реального исполнения судебного решения.

Исходя из единства гражданской процессуальной формы, полагаем, что перечисленные меры одинаково применимы и в гражданском, и в арбитражном процессе, независимо от того, в каком процессуальном кодексе они предусмотрены. Однако существуют различия в нормативном содержании обеспечения иска и обеспечения исполнения решения суда в гражданском и арбитражном процессуальном праве, что представляет интерес

¹ См.: *Валеев Д. Х., Маколкин Н. Н.* Прогнозирование динамики судебной защиты в условиях цифровизации // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 3. С. 227; *Валеев Д. Х., Маколкин Н. Н.* Предоставление доказательств в электронном формате: постановка проблемы // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 3. С. 35.

² *Юсупов Т. Б.* Обеспечение иска в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9.

³ *Михалина Ю. А.* Обеспечительные меры в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 4.

⁴ *Рогалева М. А.* Алгоритм квалификации гражданских дел (на примере защиты прав инвесторов в сфере рынка ценных бумаг). М.: Статут, 2018. С. 74

для научного и практического анализа, а также для взаимосвязи с нормами исполнительного производства.

В этой связи Л. Г. Щербакова и Е. Н. Пименова в своем научном исследовании выделили специальные способы обеспечения исполнимости решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Так, к первой группе отнесены¹ принятие судом мер по обеспечению иска (глава 13 ГПК РФ); обеспечение исполнения решения суда (ст. 213 ГПК РФ); обращение решения суда к немедленному исполнению (ст. 211–212 ГПК РФ); установление судом порядка и срока исполнения решения (ст. 204 ГПК РФ); разъяснение решения суда (ст. 202, 433 ГПК РФ); осуществление судом предварительного и последующего контроля за ходом исполнительного производства (глава 7 ГПК РФ). Вторую группу составляют² обеспечительные меры, принимаемые арбитражным судом одновременно или после принятия искового производства (ст. 90–98 АПК РФ); предварительные обеспечительные меры (ст. 99 АПК РФ); обеспечение исполнения судебных актов (ст. 100, ч. 7 ст. 182 АПК РФ); обращение решения арбитражного суда к немедленному исполнению (ч. 2–6 ст. 182 АПК РФ); установление судом порядка и срока исполнения решения (ч. 2 ст. 168 АПК РФ); разъяснение решения суда (ч. 1, 2 ст. 179 АПК РФ); осуществление арбитражным судом предварительного и последующего контроля за ходом исполнительного производства (глава 7 АПК РФ).

Проводя анализ правовых норм, регулирующих данный институт, прежде всего укажем, что обеспечительные меры в АПК РФ регулируются шире, чем в ГПК РФ. Суд общей юрисдикции и арбитражный суд осуществляют предварительный и последующий контроль за исполнительным производством, что служит важной гарантией исполнения судебных актов. Эволюция обеспечения иска в гражданском и арбитражном процессах демонстрирует тенденцию к защите прав участников правоотношений, выходящую за рамки отдельных отраслей. Обеспечение иска, связанное с императивными нормами

¹ Щербакова Л. Г., Пименова Е. Н. Способы обеспечения исполнимости постановлений в гражданском и арбитражном процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 1 (90). С. 100–101.

² Там же.

исполнительного производства, предназначено для фактического исполнения судебных решений и защиты прав¹.

В России судебные решения, вступившие в законную силу, обязательны для исполнения всеми органами власти, должностными лицами, гражданами и организациями. Исполнение может быть добровольным или принудительным. Добровольное исполнение зависит от желания должника, сроки не установлены, но должны быть разумными. Если решение не исполняется добровольно, взыскатель обращается в суд, вынесший данное решение, с заявлением о выдаче исполнительного листа, который затем передают в Федеральную службу судебных приставов (ФССП России) для исполнения.

Исполнительный лист можно предъявить в течение трех лет с момента вступления решения в силу. Далее судебный пристав-исполнитель возбуждает исполнительное производство в течение трех дней и предоставляет должнику пять дней для добровольного исполнения. При отсутствии выполнения приставы могут применить меры, такие как арест имущества или ограничение выезда за границу. Принудительное исполнение продолжается два месяца. Исполнительное производство может быть завершено как по выполнении требований, так и без исполнения по определенным причинам (ст. 46–47 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ)², например ввиду отсутствия имущества у должника.

Исполнение судебного решения, согласно ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека, является значимой частью судебного процесса. Без его реализации принципы справедливого разбирательства теряют смысл, включая концепцию права на суд. Право на справедливое судебное разбирательство предусматривает не только возможность обращения в суд, но и право на исполнение судебных решений¹.

Роль судебного решения, которым установлены гражданские права и обязанности, в гражданском праве остается по-прежнему не до конца осознанной³. Например, М. А. Рожкова

¹ Щербакова А. Г., Пименова Е. Н. Указ. соч. С. 104.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

³ Рассказов А. П., Рассказов О. А., Мантул Г. А. Классическое понимание судебного прецедента и отношение к прецедентному праву в Российском государстве // Политематический сетевой электронный журнал Кубанского

пишет о наличии напряжения в понимании правовой природы юридических фактов, указанных в ст. 8 Гражданского кодекса (ГК) РФ. Она предлагает снизить это напряжение через переименование, в частности рассматривать судебное решение как «судебный акт», который представляет собой правоприменительный акт, а не просто как «решение суда, устанавливающее гражданские права и обязанности»¹.

В. Г. Голубцов утверждает, что «в пространстве гражданского права есть два вида судебных решений. Первые не охватываются понятием юридического факта, представляя собой правозащитный акт, выполняющий функцию защиты права, что определено процессуально-правовой природой судебного решения, т. н. решения-нефакты. И судебные решения, несущие дополнительный кроме правозащитного эффект, связанный с признанием судебного решения юридическим фактом, служа одновременно основанием для установления прав и обязанностей участников рассматриваемого судом спора, не существовавших у них до обращения в суд»².

Согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 решение является актом правосудия, который окончательно разрешает дело. Резолютивная часть должна содержать четкие выводы, связанные с фактическими обстоятельствами, установленными в мотивировочной части. В ней должно быть указано, что именно постановил суд по первоначально заявленному иску и встречному требованию, если таковое было, а также кому и какие действия необходимо выполнить. Суд обязан разрешить все предусмотренные законом вопросы для упрощения исполнения решения. В случае отказа в требовании необходимо точно указывать, кому и в чем отказано. Если суд признает сделку недействительной, он должен указать

государственного аграрного университета. 2012. № 77. С. 1189; Рассказов О. А., Мантул Г. А. Развитие института судебного разрешения торговых (предпринимательских) споров в XVIII – первой половине XIX в.в. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 4 (23) С. 138.

¹ Рожкова М. А. Понятие судебного решения в контексте статьи 8 ГК РФ // Хозяйство и право. 2002. № 6. С. 53.

² Голубцов В. Г. Судебное решение как юридический факт в гражданском праве: докториальный дискурс и проблема легальных формулировок // Вестник Пермского университета. Юрические науки. 2021. Вып. 52. С. 256.

меры к каждой стороне по такой сделке. В резолютивной части должно быть отражены положения о том, если установлен порядок или срок исполнения решения, если оно подлежит немедленному исполнению, а также меры обеспечения исполнения решения¹.

Исполнение судебного решения – один из способов судебной защиты (понимаемой в широком смысле) нарушенных прав, поскольку любой судебный процесс по гражданским делам должен найти завершение в реализации вступившего в законную силу судебного решения. Именно при осуществлении прав, обязанностей, охраняемых законом интересов, подтвержденных решением суда, происходит их защита в действительности. Качественные и количественные характеристики исполнения судебного решения – один из критериев эффективности правосудия в целом².

ФССП России не ведет официальную статистику и мониторинг применительно к исполнительному производству в отношении потребителей. Соответственно, в ее докладах информация о количестве исполнительных производств, связанных с делами о защите прав потребителей, сумме взысканных средств, количестве исполненных и неисполненных решений суда и т. п., не отражена. В литературе также недостаточно информации об этом вопросе.

Рассмотрим обеспечение исполнения судебного решения в пользу потребителя с непосредственным участием органов судебных приставов по делу А43-19756/2023 (решение Арбитражного суда Нижегородской области от 19 октября 2023 г.³). Общество с ограниченной ответственностью (ООО) «Феникс» стало фигурантом административного дела, инициированного Главным управлением ФССП России по Нижегородской области. Суть претензии заключалась в нарушении организацией правил возврата просроченной задолженности, установленных

¹ О судебном решении: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 (в ред. от 23.06.2025) // Рос. газ. 2003. 26 декабря.

² Чекмарева А. В. Исполнение судебных решений // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/ispolnenie-sudebnykh-reshenii-73062d/?v=3729007> (дата обращения: 19.12.2024).

³ Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 19 октября 2023 г. № А43-19756/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Smz1JD1WZSVK/> (дата обращения: 27.11.2024).

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ. В частности, речь шла о том, что ООО «Феникс» пытался взыскивать долг с гражданки С., несмотря на полное погашение ею задолженности перед финансовой организацией «Росбанк».

Она заключила с «Росбанком» договор потребительского кредита на сумму около 51 тыс. руб. Задолженность образовалась вследствие невозврата денежных средств в установленные сроки. Банк передал право требования долга коллекторам (ООО «Феникс»). Однако к этому моменту основная часть задолженности уже была выплачена должницей, а остаток составлял чуть больше 13 тыс. руб. В учебнике по гражданскому праву под общей редакцией профессора В. П. Камышанского указано: «Под потребительским кредитом понимаются денежные средства, предоставленные кредитором заемщику на основании кредитного договора, договора займа, в том числе с использованием электронных средств платежа, в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности»¹.

После полного расчета с банком гражданка С. обратилась в судебные органы, получив подтверждение об окончании исполнительного производства. Несмотря на этот факт, ООО «Феникс» продолжало отправлять ей уведомления и вести переговоры, утверждая, что задолженность все еще существует. Более того, представитель компании сообщил гражданке С. о том, что компания планирует обратиться в суд для взыскания якобы существующей задолженности.

Федеральный закон «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ² (подп. «а», «б» п. 5 ч. 2 ст. 6) запрещает такие действия: введение должника в заблуждение относительно размера и причины

¹ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 333.

² О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27. Ч. I. Ст. 4163.

возникновения долга, а также угрозы подать заявление в суд после урегулирования всех вопросов. Поскольку ООО «Феникс» являлось профессиональным участником рынка возврата долгов, оно должно было соблюдать эти нормы.

В результате проверки обращения гражданки С. Главным управлением ФССП России по Нижегородской области составлен протокол об административном правонарушении, и ООО «Феникс» привлечено к ответственности по ст. 14.57 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ). Арбитражным судом Нижегородской области ООО «Феникс» привлечено к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.57 КоАП РФ в виде штрафа в размере 50 тыс. руб. Постановлением Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22 мая 2024 г. № Ф01-1945/2024¹ решение Арбитражного суда Нижегородской области от 19 октября 2023 г. и постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 25 января 2024 г.² оставлены без изменения.

Итак, несмотря на погашение задолженности потребителем в рамках обеспечения исполнения судебного решения, профессиональная коллекторская организация, включенная в государственный реестр, который ведет уполномоченный орган, в частности федеральный орган исполнительной власти (ФССП России)³, продолжила взаимодействие с потребителем, вводя его в заблуждение о наличии долга и возможных судебных действиях. Такие действия противоречат закону, поскольку банк не имеет права вводить потребителя в заблуждение относительно размера и природы обязательств по кредитному договору. К моменту взаимодействия, 3 марта 2023 г., задолженности не было, и ООО «Феникс» знало об этом, продолжая неправомерные действия.

¹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22 мая 2024 г. № А43-19756/2023 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

² Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 25 января 2024 г. № А43-19756/2023 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

³ О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном вести государственный реестр профессиональных коллекторских организаций, перечень кредитных и микрофинансовых организаций, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности физических лиц, и осуществлять федеральный государственный контроль (надзор) за деятельностью профессиональных коллекторских организаций, а также кредитных и микрофинансовых организаций, включенных в указанный перечень: постановление Правительства РФ от 28 ноября 2023 г. № 1999 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 49. Ч. IV. Ст. 8753.

Главное управление ФССП России обратилось в Арбитражный суд о привлечении вышеуказанной организации к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.57 КоАП РФ, чтобы защитить права потребителей и избежать ситуаций повторного взыскания задолженностей, которые уже урегулированы.

Статьей 12 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» закреплены обязанности и права судебных приставов-исполнителей, в том числе право совершать иные действия, предусмотренные этим законом. В. А. Гуреев считает, что «несмотря на то, что комментируемая статья прямо указывает на право судебного пристава-исполнителя совершать иные действия, предусмотренные лишь Законом об исполнительном производстве, в действительности же круг таких законодательных актов является более широким. В частности, судебный пристав-исполнитель отнесен к числу должностных лиц, уполномоченных от имени ФССП России рассматривать дела об административных правонарушениях»² (ч. 2 ст. 14.57 КоАП РФ), связанных, например, с нарушением требований законодательства о защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности.

Таким образом, предлагаем в главе 4 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» дополнить ст. 47 следующего содержания: «Статья 47. Обеспечение исполнения судебных решений органами судебных приставов. В целях обеспечения исполнения судебных решений на территории муниципального образования органы судебных приставов вправе: рассматривать обращения потребителей, консультировать их по вопросам взаимодействия с юридическим лицом, включенным в государственный реестр юридических лиц, занимающимся возвратом просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности; составлять протокол об административном правонарушении в отношении юридических лиц; обращаться в суды в защиту прав потребителей».

Более того, предлагаем судебный порядок защиты прав потребителей в п. 1 ст. 17 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» дополнить абзацем следующего содержания: «Защита прав потребителей услуг, оказываемых финансовыми организациями, организующими взаимодействие с юридическим лицом, включенным в

государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности в соответствии с Федеральным законом «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон “О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях”», осуществляется с особенностями, установленными Федеральным законом».

Библиографический список

1. *Валеев Д. Х., Маколкин Н. Н.* Прогнозирование динамики судебной защиты в условиях цифровизации // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 3. С. 227–243.
2. *Валеев Д. Х., Маколкин Н. Н.* Предоставление доказательств в электронном формате: постановка проблемы // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 3. С. 35–37.
3. *Голубцов В. Г.* Судебное решение как юридический факт в гражданском праве: доктринальный дискурс и проблема легальных формулировок // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 52. С. 240–262.
4. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 895 с.
5. *Гуреев В. А.* Комментарий к Федеральному закону «О судебных приставах» (постатейный). М.: Волтерс Клувер, 2010. 195 с.
6. *Михалина Ю. А.* Обеспечительные меры в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.
7. *Рассказов О. Л., Мантул Г. А.* Развитие института судебного разрешения торговых (предпринимательских) споров в XVIII – первой половине XIX в.в. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 4 (23) С. 138–141.
8. *Рассказов Л. П., Рассказов О. Л., Мантул Г. А.* Классическое понимание судебного прецедента и отношение к прецедентному праву в Российском государстве // Политематический сетевой электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 77. С. 1189–1200.

9. *Рогалева М. А.* Алгоритм квалификации гражданских дел (на примере защиты прав инвесторов в сфере рынка ценных бумаг). М.: Статут, 2018. 206 с.

10. *Рожкова М. А.* Понятие судебного решения в контексте статьи 8 ГК РФ // *Хозяйство и право*. 2002. № 6. С. 53–64.

11. *Чекмарева А. В.* Исполнение судебных решений // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/ispolnenie-sudebnykh-reshenii-73062d/?v=3729007> (дата обращения: 19.12.2024).

12. *Щербакова Л. Г., Пименова Е. Н.* Способы обеспечения исполнимости постановлений в гражданском и арбитражном процессе // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2013. № 1 (90). С. 99–104.

13. *Юсупов Т. Б.* Обеспечение иска в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 24 с.

Р. М. Халилов

мировой судья судебного участка № 327
Лосиноостровского района г. Москвы
Россия, г. Москва
sersh3098@gmail.com

**ПРАВО ГРАЖДАН НА ПРОВЕДЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ
МЕРОПРИЯТИЙ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ**

**THE RIGHT OF CITIZENS TO HOLD PUBLIC EVENTS:
CONCEPT AND ESSENCE**

В статье раскрыто понимание учеными такого правового феномена, как публичное мероприятие, даны различные его определения, сравнения с понятиями «массовое мероприятие», «общественное мероприятие»; параллельно рассмотрены дефиниции, закрепленные в Федеральном законе от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Исследованы процесс реализации конституционного права граждан на проведение публичных мероприятий, его групповой аспект, а также возможность законодателя ограничить это право на основании положений, закрепленных федеральным законодательством. Автор приходит к выводу о том, что существует неразрывная связь данного права с другими правами человека и гражданина, что подтверждается примерами.

Ключевые слова: массовое мероприятие, публичное мероприятие, общественное мероприятие, право граждан на проведение публичных мероприятий, ограничение права граждан, собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирование.

The article reveals scientists' understanding of such legal phenomenon as a public event, gives various definitions of it, comparisons with the concepts of "mass event", "public event"; in parallel, the definitions enshrined in the Federal Law of 19 June 2004 № 54-FZ "On meetings, rallies, demonstrations, marches and pickets" are considered. The process of realisation of the constitutional right of citizens to hold public events, its group aspect,

as well as the possibility of the legislator to limit this right on the basis of the provisions enshrined in the federal legislation are studied. The author concludes that there is an inseparable link between this right and other human and civil rights, which is confirmed by examples.

Keywords: mass event, public event, public event, public event, citizens right to hold public events, restriction of citizens' right, assembly, meetings, rallies, demonstrations, marches, picketing.

Ученые-правоведы через предлагаемые ими определения показывают свое понимание такого правового феномена, как массовое мероприятие. Под ним понимают действие, которое происходит в виде общественного собрания, митинга, шествия, демонстрации или пикетирования и одновременно является мирным и открытым. Массовое мероприятие проводится по инициативе и в интересах граждан (его организаторов и участников), а также политических партий, общественных организаций и т. д. Суть общественного мероприятия – выражение общественного мнения, формирование суждения по конкретному вопросу или по ряду вопросов. Целью мероприятия может быть и высказывание недовольства относительно действий органов публичной власти по вопросам внутренней и внешней политики.

Прослеживается смысловая идентичность между определениями массовых мероприятий, сформулированными законодателем в Федеральном законе от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»¹, и определениями, которые предлагают ученые². Такая схожесть между выводами этих, казалось бы, различных источников, дает понимание того, что с точки зрения терминологии и осознания сути вопроса между мнением законодателя и мнением научным нет существенных различий. Смежность понятий можно проследить в законодательных определениях видов массовых мероприятий:

¹ О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федер. закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 25. Ст. 2485.

² Полянская И. С. Конституционно-правовое регулирование права граждан Российской Федерации на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 39.

– собрание – совместное присутствие граждан в специально отведенном или приспособленном для этого месте с целью коллективного обсуждения общественно значимых вопросов;

– митинг – массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем, преимущественно общественно-политического характера;

– демонстрация – организованное публичное выражение общественных настроений группой граждан с использованием во время передвижения, в том числе на транспортных средствах, плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации;

– шествие – массовое прохождение граждан по заранее определенному маршруту в целях привлечения внимания к каким-либо проблемам;

– пикетирование – форма публичного выражения мнений, осуществляемая без передвижения и применения звукоусиливающих технических средств путем размещения у пикетируемого объекта одного или более граждан, использующих плакаты, транспаранты и иные средства наглядной агитации, а также быстровозводимые сборно-разборные конструкции¹.

Д. В. Шутько и А. А. Попов предлагают свою концепцию собрания: это коллективное пребывание людей в предварительно установленном участке и в предварительно установленный период с целью группового обсуждения, а также разрешения тех или иных задач. Согласно суждению Д. В. Шутько, митинг – проявление мнения народа, которое синтезируется из общих взглядов на те или иные проблемы общества и которое организуется, проводится на заранее выбранной и подготовленной к митингу территории².

Митинг, по мнению А. А. Нудненко, является не чем иным, как собранием граждан для выражения единого общественного мнения по различным социальным вопросам. Такое мнение будет

¹ О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федер. закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 25. Ст. 2485.

² Конституция РФ. Комментарий / под общ. ред. Б. Н. Топорнина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. М.: Юрид. лит., 1994. С. 189.

выделяться своим масштабом, что потребует обратить на него внимание органов государственной власти¹.

Формулировка общественных и индивидуальных мнений о каждой из социальных проблем есть не что иное, как демонстрация. Таково мнение Д. В. Шутько. В свою очередь, А. А. Нудненко в упомянутой выше работе пишет о демонстрации как прежде всего о проявлении коллективного взгляда на тот или иной аспект общественной жизни. Важным фактором такого взгляда будет считаться использование баннеров и других средств наглядной агитации.

А. А. Нудненко делится с нами и своим мнением относительно пикетирования, которым, на его взгляд, представляется демонстрация настроения или взгляда группы лиц либо индивидуума. Отношение граждан к рассматриваемой проблеме, как и в случае демонстрации, проявляется через использование плакатов и других подобных средств, изображающих групповое или индивидуальное мнение. В свою очередь, существенным отличием от демонстрации при пикетировании будет отсутствие звукоусиливающих средств.

Публичное мероприятие в целом, по мнению В. В. Ларина, есть своего рода санкционированное действие, в котором принимает участие большое количество граждан. Этот процесс также призван помочь участникам удовлетворить все их политические, идеологические, иные потребности через выражение личного мнения, то есть через реализацию прав и свобод². В своих суждениях В. В. Ларин, полагает, прав. Такая формулировка массового мероприятия, как явления в обществе, позволяет с легкостью отличить его от остальных социальных деяний и явлений.

По нашему мнению, целесообразно полагать, что массовое мероприятие будет всегда считаться публичным³. Можно

¹ Нудненко А. А. Теоретические основы права граждан РФ на проведение собраний, митингов, шествий и пикетирования // Журнал российского права. 2010. № 12. С. 64.

² Ларин В. В. Понятие административно-правовой охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий // Теория и практика совершенствования охраны общественного порядка. М.: Труды Академии МВД СССР, 1985. С. 54.

³ Звягин М. М. Административно-правовая охрана общественного порядка при проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 32.

выделить несколько видов форм собрания: толпа – беспорядочное скопление людей; сходка – незаконное скопление людей; собрание – в случае, если оно организовано законно людьми, проживающими на конкретной территории; съезд либо конференция – в случае, если собрание организовано людьми, живущими на различных территориях.

Д. К. Нечевин систематизирует общественные мероприятия с учетом ряда аспектов¹:

- согласно месту проведения – мероприятия, проводимые в зданиях, постройках, спортивных комплексах, на открытой территории;

- согласно периодичности организации – единовременные, повторяющиеся, ежедневные;

- согласно способности участия – доступные, с ограничением количества участников;

- согласно составу участников – многочисленные мероприятия подразделяются на мероприятия с гибридным составом участников или представлены участниками, обладающими высоким общественным положением;

- согласно содержанию – общественно-политические, культурно-зрелищные, спортивно-массовые, религиозные (похоронные);

- согласно масштабу – интернациональные, общедофедеральные, областные, а также муниципального значения.

Общественные мероприятия могут быть систематизированы в связи с организационно-правовой формой. Нормы права, которые регулируют общественное мероприятие, различаются в зависимости от формы мероприятия. Однако, независимо ни от формы, ни от иных факторов, общественное событие, чтобы оставаться правомерным, должно протекать мирно. Такого мнения придерживается И. С. Полянская².

Правовая классификация общественных мероприятий дает понимание того, как разнообразны нормы права, регулирующие такие мероприятия. Д. К. Нечевин в приведенной выше работе, рассуждая о классификации массовых событий, приходит к

¹ Нечевин Д. К. Организация деятельности органов внутренних дел по обеспечению правопорядка при проведении массовых мероприятий // Предупреждение преступности и обеспечение безопасности в городах: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 4–5 июля 2000 г.). М.: МА МВД России, 2001. С. 90.

² Полянская И. С. Указ. соч. С. 17.

выводу о том, что подобная классификация дает осознание разнообразия не только нормативно-правовой базы, но и форм реализации права граждан на мирные собрания.

Граждане Российской Федерации (РФ), выражая мнение о тех или иных социально-политических проблемах, дают четкий сигнал органам публичной власти относительно своей позиции и волеизъявления. Очевиден тот факт, что участие граждан в различных общественных мероприятиях – один из способов осуществления их прав и свобод, закрепленных в Конституции РФ¹.

Народ, проявляя волю и высказывая коллективное мнение через проведение массовых собраний, все сильнее влияет на властные государственные структуры. Такое влияние неизбежно, а главное, оно не позволит с народным мнением не считаться.

Конституция РФ (ст. 31) объявляет право жителей России собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования². Упомянутый выше Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ дополняет данную конституционную норму, конкретизируя регулирование общественных отношений в области организации и проведения массовых мероприятий. К тому же основная терминология вводится именно федеральным законодательством. Мирное, доступное любому общественное объединение в контексте ст. 31 Конституции РФ становится массовым мероприятием по определению закона³.

Основополагающая задача любого общественного мероприятия – представление волеизъявления многонационального народа РФ. Влияние мнения граждан на государственную, социально-культурную жизнь общества

¹ Ростовицков И. В. Конституционные права и свободы личности в истории России и идеология // Власть Закона. 2024. № 3 (59). С. 74; Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 87–88.

² Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

³ О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федер. закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 25. Ст. 2485.

представляется бесспорным и очевидным¹. Такая точка зрения позволяет увидеть связь между возможностью граждан управлять делами государства через реализацию их права на собрания. Но такое воздействие на политическую жизнь со стороны граждан является, скорее, номинальным. Митинги, демонстрации, шествия и пикетирование призваны лишь обратить внимание на проблему, но не решить ее. Хотя порой даже этого достаточно, чтобы приблизиться к решению той или иной общественной проблемы.

Все это позволяет рассматривать право на мирные собрания граждан как политическое право и свободу. Значение таких прав заключается в предоставлении народу возможности влиять на жизнь страны непосредственно и без замешательств². Но, даже несмотря на это, реализация права на организацию и проведение массовых мероприятий имеет свойства и других, смежных конституционных прав и свобод. Первое и основное соприкосновение с иными правами и свободами можно обнаружить, рассматривая вопрос о гражданстве. Организаторами и участниками массовых мероприятий могут быть только граждане РФ. Обладание гражданством как таковым позволяет лицу быть услышанным в коллективном обращении к властям через организацию массовых мероприятий.

Конституционное право на проведение митингов, демонстраций, шествий и пикетирования тесно связано с групповым аспектом. Только группой лиц, определенной общностью, участники которой разделяют мнение относительно рассматриваемого вопроса, можно достичь эффективного проведения массового мероприятия, а также концентрации внимания властей на интересующей проблеме. Исключение в данном случае составляет одиночный пикет, для которого достаточно и одного человека.

Еще один аспект исследуемого права – возможность законодателя ограничить это право на основании положений, закрепленных федеральным законодательством. В общественно-политической, а также гражданской инициативе современного общества в равной степени усматриваются и позитивные, и

¹ Карданова А. К. Правовое государство: особенности реализации в России // Власть Закона. 2023. № 4 (56). С. 158.

² Права человека: учебник / под ред. Е. А. Лукашевой. М.: Норма, 2022. С. 151.

неблагоприятные нюансы. Конституционное право на проведение митингов, демонстраций, шествий и пикетирования не должно оставаться безусловным. В целях защиты социального порядка и спокойствия, а также сохранения жизни и здоровья граждан это право может и должно быть ограничено. Случаи, в которых право на проведение мероприятия ограничивают, хотя это мероприятие и не являлось бы незаконным, различаются. Условием ограничения может быть, например, ввод чрезвычайного или военного положения¹.

Распространяется право на участие в мероприятиях иностранных граждан и лиц без гражданства, если они являются, к примеру, членами религиозной организации, в интересах которой проводится митинг, демонстрация, шествие или пикетирование. Л. А. Нудненко пишет о том, что иное разрешение проблемы было бы неправомерным и несправедливым, поскольку в таком случае подрываются основы демократического строя и равенства всех относительно друг друга². Граждане иностранных государств и лица без гражданства в этих случаях не остаются беззащитными. Они, как и граждане РФ, вправе отстаивать свои права и свободы.

При изучении комплекса гражданских прав вкупе с правом на организацию и проведение митингов, демонстраций, шествий и пикетирования можно заключить, что прослеживается неразрывная связь данного права с правами человека и гражданина. Например, очевидна связь права на массовые мероприятия с правом на участие в политической жизни страны. В контексте сравнения этих двух прав одно будет способом реализации второго. Видится при этом и схожесть права на собрания с правом относительно реализации права на осуществление местного самоуправления.

Из права граждан управлять делами государства логично вытекает их право участия в политической жизни страны. Но не только право на проведение массовых мероприятий способствует политической активности граждан. Речь идет и об избирательном праве, как пассивном, так и активном, праве на референдум и

¹ Захарихина А. А. Принципы обеспечения конституционных прав и свобод в чрезвычайных условиях // Власть Закона. 2023. № 4 (56). С. 249.

² Нудненко Л. А. Проблемы правового регулирования конституционного права гражданина России на публичные мероприятия // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 6. С. 7.

еще ряде политических прав и свобод. Наиболее очевидную форму народовластия обеспечивают референдум и выборы, поскольку именно они напрямую влияют на то, какими будут внутренняя и внешняя политика государства. Хотя не менее важные роли отведены остальным политическим правам и свободам граждан. Логично предположить, что одним из таких прав будет рассматриваемое нами право на проведение массовых мероприятий¹. К тому же массовые мероприятия обращают внимание граждан не только на проблемы в жизни общества, но и служат своеобразным показателем уровня удовлетворенности у гражданского общества своей жизнью, политической обстановкой, а также деятельностью руководителей органов публичной власти.

Основное положение о народовластии закреплено нормами Конституции РФ, а именно в ст. 3. Дополним, что в праве на организацию и проведение массовых мероприятий тоже содержится право на свободу выражения мысли и слова. Нельзя не отнести к этому право на свободу печати, свободу информации и т. д.² Данные права закреплены в Конституции РФ, конституциях почти всех государств мира, а также в нормативно-правовых актах международного права³.

Говоря о правовом воздействии на политическую жизнь общества, стоит указать, что зачастую значение митингов, демонстраций, шествий и пикетирования превосходит даже значение печати и средств массовой информации (СМИ) как таковых. Гораздо больший резонанс в обществе имеет именно массовое событие: оно обращает в свою сторону больше внимания. Такого мнения придерживается Е. Н. Тарновский. Вместе с тем возникает уместный вопрос. Кто, если не СМИ, создает ажиотаж и известность для общественного мероприятия⁴?

¹ Дмитриев Ю. А. Правовое обеспечение свободы манифестаций в условиях правового государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 109.

² Ушаков А. В. Право на проведение публичных мероприятий и его соотношение с другими конституционными правами и свободами человека и гражданина // Академический юридический журнал. 2009. № 4. С. 24.

³ Всеобщая декларация прав человека: принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Рос. газ. 1998. 10 декабря; Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16 декабря 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

⁴ Тарновский Е. Н. Четыре свободы. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1906. С. 54.

Подводя итог, сделаем ряд выводов. Общественное мероприятие – это в первую очередь обмен мнениями и взглядами между органами власти и подконтрольным им обществом. Общественные собрания позволяют привлечь внимание властей на проблему, помогают четко сформулировать позицию относительно проблемных вопросов, найти единомышленников среди сограждан. Активную роль в реализации этого права выполняют не только граждане, но и различные общественные объединения: партии, религиозные коллективы, др. Различная классификация массовых мероприятий, в свою очередь, позволяет по-разному привлечь внимание на, возможно, схожие, но тем не менее отличающиеся проблемы гражданского общества, требующие индивидуального подхода для их решения.

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
2. Дмитриев Ю. А. Правовое обеспечение свободы манифестаций в условиях правового государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 167 с.
3. Захарихина А. А. Принципы обеспечения конституционных прав и свобод в чрезвычайных условиях // Власть Закона. 2023. № 4 (56). С. 245–254.
4. Звягин М. М. Административно-правовая охрана общественного порядка при проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 120 с.
5. Карданова А. К. Правовое государство: особенности реализации в России // Власть Закона. 2023. № 4 (56). С. 152–164.
6. Конституция РФ. Комментарий / под общ. ред. Б. Н. Топорнина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. М.: Юрид. лит., 1994. 623 с.
7. Ларин В. В. Теория и практика совершенствования охраны общественного порядка. М.: Труды Академии МВД СССР, 1985. 234 с.
8. Нечевин Д. К. Организация деятельности органов внутренних дел по обеспечению правопорядка при проведении массовых мероприятий // Предупреждение преступности и

обеспечение безопасности в городах: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 4–5 июля 2000 г.). М.: МА МВД России, 2001. С. 17–28.

9. Нудненко Л. А. Проблемы правового регулирования конституционного права гражданина России на публичные мероприятия // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 6. С. 6–11.

10. Нудненко Л. А. Теоретические основы права граждан РФ на проведение собраний, митингов, шествий и пикетирования // Журнал российского права. 2010. № 12. С. 64–73.

11. Полянская И. С. Конституционно-правовое регулирование права граждан Российской Федерации на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 185 с.

12. Права человека: учебник / под ред. Е. А. Лукашевой. М.: Норма, 2022. 512 с.

13. Ростовщиков И. В. Конституционные права и свободы личности в истории России и идеология // Власть Закона. 2024. № 3 (59). С. 72–85.

14. Тарновский Е. Н. Четыре свободы. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1906. 77 с.

15. Ушаков А. В. Право на проведение публичных мероприятий и его соотношение с другими конституционными правами и свободами человека и гражданина // Академический юридический журнал. 2009. № 4. С. 21–29.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ «ВЛАСТЬ ЗАКОНА»

1. Подписанная заявка от каждого автора и текст статьи в формате Microsoft Word в электронном виде направляются в редакцию журнала по **e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru** для проверки на соответствие формальным критериям.

2. Текст публикации должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт **Times New Roman**, размер шрифта – **14**, межстрочный интервал – **одинарный**, абзацный отступ – **1,25 см**, поля сверху, снизу, слева, справа – **2 см**, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

3. Объем статьи проходит рецензирование согласно Положению о порядке рецензирования рукописей статей, представленных для публикации в научном периодическом издании «Власть Закона» (утверждено решением главного редактора журнала от 20 ноября 2015 года). Оригиналы заявки и статьи в распечатанном виде, подписанные автором, после принятия решения о публикации направляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович).

4. Количество авторов одной статьи не должно превышать трех человек.

5. Научная статья проходит рецензирование согласно Положению о порядке рецензирования рукописей статей, представленных для публикации в научном периодическом издании «Власть Закона» (утверждено решением главного редактора журнала от 20 ноября 2015 года). Оригиналы заявки и статьи в распечатанном виде, подписанные автором, после принятия решения о публикации направляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович).

6. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

- индекс УДК;
- индекс ББК;
- заглавие статьи на русском и английском языках;
- фамилии и инициалы автора(-ов) на русском и английском языках;
- должность и место работы автора(-ов) на русском и английском языках;
- аннотацию на русском языке, выполненную по требованиям журнала.

Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ необходим качественный перевод аннотации и названия статьи на английский язык, с соблюдением грамматических и орфографических правил. Перевод с помощью компьютерных программ и сайтов не допускается. Аннотация должна быть информативной (не содержать общих слов), оригинальной, содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования), структурированной (следовать логике описания результатов в статье), компактной (укладываться в объем от 50 до 100 слов);

- не менее 10 ключевых слов на русском и английском языках;
- библиографический список. В оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее десяти источников, имеющих автора. Федеральные и иные законы **не приводят** в библиографическом списке. Самоцитирование автора допускается в объеме не более 10 % от общего количества цитирования источников из библиографического списка. Ссылки на электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты приводят в постраничных (подстрочных) сносках и в библиографический список **не выносят**.

7. Все ссылки в статье на литературу и другие источники должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки в тексте статьи – подстрочные и постраничные, вынесенные из текста вниз полосы документа (в сноску), шрифт ссылок – **Times New Roman**, размер шрифта – **12**, **одинарный** межстрочный интервал.

8. После проверки подписанные автором(-ами) оригиналы статьи и всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович). Документы в распечатанном виде (на бумажном носителе) должны полностью соответствовать электронной версии.

С уважением, редакция журнала!

Отпечатано в типографии ИП Купреев В.В.
353240, ст. Северская,
ул. Чехова, 18а.
Тел./факс 8(86166) 2-14-63.

E-mail: prhouse2016@mail.ru

